

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

18+

ТЕНИ
В ТЕМНЫХ УГЛАХ

ГРОЗА НАД КРЫШАМИ

Серия
«Фантастические миры
Александра Бушкова»

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

ТЕНИ
В ТЕМНЫХ УГЛАХ
ГРОЗА НАД КРЫШАМИ

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1
КТК 6520
Б94

Иллюстрации Виктории Коноваловой

Бушков, Александр.

Б94 Тени в темных углах. Гроза над крышами / Александр Бушков. — Ростов н/Д : Феникс, 2024. — 379, [2] с. : ил. — (Фантастические миры Александра Бушкова).

ISBN 978-5-222-40518-5

Королевство Арелат. Удивительный мир, так похожий на средневековую Европу. Мир, в котором временно утихли жестокие войны, еретиков сжигают все реже, а магия, кажется, осталась только в сказках и детских страшилках. Сейчас в Арелате наступили спокойные времена, но под внешней безмятежностью скрываются интриги, пороки и мрачные тайны. Главные герои, компания мальчишек, живут своей обычной жизнью: влюбляются, дерутся, пытаются подзаработать, — но неожиданно на знакомых с детства улочках объявляется Древнее Зло. С загадочной находкой в развалинах старой крепости и новыми таинственными жильцами по соседству на тихие окраины неотвратимо вползает черное колдовство. Героям предстоит сделать выбор: обратиться к взрослым в надежде, что те им поверят, сообщить обо всем инквизиции, не располагая никакими твердыми доказательствами, или самим встать на пути у теней, что живут в темных углах...

Первая книга нового захватывающего цикла в жанре “dark fantasy” от признанного мастера Александра Бушкова! Удивительный сплав Марка Твена, Стивена Кинга, Роберта Маккаммона, Марджори Ролингс и Владислава Крапивина. Книга, которая не оставит равнодушным ни одного читателя.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-40518-5

© Оформление: ООО «Феникс», 2023
© Текст: Александр Бушков, 2023
© Иллюстрации: Виктория Коновалова, 2023
© В оформлении книги использованы
иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

*Памяти Владислава Крапивина,
одного из любимых писателей моего далекого детства*

Всякий человек хочет, чтобы жизнь была прекрасна — и легка.

И она прекрасна, мальчуган, она чертовски прекрасна — но не легка.

Марджори Киннан Ролингс,
Сверстники

Глава 1

ИСПЫТАНИЯ

В квадратном зале, щедро освещенном сквозь пыльные стрельчатые окна полуденным солнышком, стояли привычные Школярам запахи: пахло чернилами, старой бумагой, ношенными ботинками. Царила тишина, как обычно бывает, когда вышедший на испытание Школяр садится на свое место, а следующего еще не выкликнули. Застыла в молчании дюжина Титоров у правой стены. Им, как и Школярам, на квартальном испытании предписывалось сохранять невозмутимость, но на лицах пятерых все же можно было прочесть затаенное облегчение: их подопечные уже ответили. Соответственным образом, остальные семеро выглядели чуточку напряженными.

Картина была привычная для Школяров, пришедших на предпоследнее испытание из дюжины. На небольшом возвышении за темным столом в виде коробки восседали трое испытателей — как

и положено, в сиреневых (цвет учености) япанчах¹ с широкими отложными воротниками и круглых беретах с золотой узорчатой каймой шириной пальца в два. Стопа фолиантов в разноцветных кожаных переплетах, лежавшая слева — Школяры знали, — выложена исключительно для того, чтобы внушать уважение к книжной премудрости и высокой учености: то, что там написано, пожалуй, не всякий студизоус знает, что уж говорить о Школярах!

Справа, на приступочке у стола, помещался гонг, подвешенный на цепочке на высоком стержне, и рядом стоял в готовности невзрачный служитель — как ему и полагалось, тоже в япанче, но коротенькой, едва прикрывавшей тощую, обтянутую черными портками задницу, и в четырехугольном беретике. Держал наготове длинную бронзовую палочку. Он здесь был самый низший (если не считать поролящика), но пыжился более всех — как-никак полноправный член Собрания! Это ему позволяло с нескрываемым превосходством взирать на Школяров и с гораздо более скрытым высокомерием — на Титоров: он служил при Квартальном Школариуме, а Титоры — в Уличных и Пучковых², вот служитель безо всяких на то оснований в глубине души и считал себя выше, хоть и никогда не заикнулся бы о таком вслух...

Пауза затянулась. Без сомнения — Тарик давно знал по собственному опыту, — в душе скучают выдержавшие испытание Школяры и их Титоры, но показывать это лицом, конечно, не полагается. И уж тем более скучают Наставники, вынужденные в сотый раз выслушивать одно и то же, — но он еще в жизни не видел Наставника, допустившего бы на физиономию и тень потаенных чувств: Наставники превосходно умели оставаться бесстрастными, не хуже ликов статуй. Служитель — тут уж, конечно, и к бабке-ворожке не ходи — упивался происходящим: еще бы, ему удавалось сыграть хоть какую-то роль в церемонии. Единственный, кто себе мог позволить

¹ Япанча — плащ с пелериной, присвоенный Ученому Собранию.

² Большой город делится на несколько кварталов (в столице, где происходит действие, их двенадцать), кварталы — на улицы (если те длинные) и пучки — несколько улиц покороче.

проявить откровенную скуку (благо сидел затылком к Наставникам), — здешний порольщик. Вот уж кто обречен был на лютую скуку. Сидел, грустно ссутулившись, у «кобылы» — широченной наказательной лавки. «Кобылы» в обычных Школариумах выглядели совершенно иначе: отполированы брюхами многих поколений Школяров так, что аж сверкали. А здешняя темнела ненатертым деревом. Это понятно: на квартальные испытания попадали отличные ученики; о том, что кого-то в квартале выпороли, ходили лишь жуткие легенды, которым мало кто верил, даже Птенцы...³

Ради скоротания скуки Тарик в воображении дал прозвища всем троем восседавшим за столом. Есть же поговорка, которую Школяры узнают в первый день: «Не бывает коня без копыта, а Титора без прозвища». То, что Наставники стояли выше Титоров, дела не меняло...

Это было нетрудно: Брюзга, Пузан и Никакой. Брюзга сухой как жердь, на голову выше двух остальных, с ввалившимися щеками, тонкими бледными губами и недовольным всем на свете лицом то ли неподвластного никаким человеческим чувствам нелюдима, то ли одержимого жральными червями⁴ страдальца. Пузан — полная ему противоположность: с объемистым чревом любителя вкусно поесть и хорошо выпить, с пухлыми, как у младенца, пальцами и толстощекой красной физиономией. А Никакой именно что никакой: не высокий и не низкий, не молодой и не старый, не худой и не толстый, с лицом невыразительным, как чистая школярская доска. Временами он казался деревянной статуей, неизвестно зачем усаженной в почетное кресло.

Брюзга величественно кивнул — и воспрянувший служитель с размаху ударил в гонг. Чистый бронзовый звон волной прокатился

³ Птенцами принято называть Школяров первого месяца обучения. Окончившие год (в Школариуме учатся два года) зовутся Годочками, выдержавшие предпоследнее испытание, уже квартальное, — Почтенными. После шестого испытания и до посвящения в Подмастерья Школяры именуются Матерущими.

⁴ Жральные черви — глисты.

по залу над головами сидящих. Служитель возгласил так торжественно, словно оглашал новый королевский указ:

— Черат Тагодеро, Третий Школариум!

К выложенному коричневыми камешками кругу, чуть вздымавшемуся над темными досками пола, довольно уверенно направился рослый Школяр. Тарик его не знал, как и остальных, но сделать кое-какие выводы было нетрудно. Единственный из Школяров, этот Тагодеро щеголял не просто в суконном форменном кафтанчике: одежда у него из кадафаса, самого тонкого и дорогого сукна из дозволявшихся Школярам. Папаня у него, надо понимать, ох какой денежный. В Школариумах таких звали Щеголями. Иногда они бывали хорошими товарищами: подсказывали не хуже прочих, кружились во всех школярских проказах, — а иногда строили из себя, задирали нос, держались своей тесной кучкой...

К стоявшему с беретом под мышкой Школяру шустро подрыснул служитель и подсунул ему мешок, сжав горловину так, что туда могла пролезть лишь мальчуганская рука и ничего подсмотреть не удавалось. Школяр запустил руку в мешок. Легонький стук перебираемых деревянных фишек с символами лекционных⁵ продолжался недолго — значит, Щеголь уверен в себе: иные это дело затягивают. Шагнул вперед, положил фишку перед Брюзгой и вернулся в круг.

— Что тут у нас... — протянул Брюзга. — Мироустройство... Не самый трудный лекцион, требует лишь хорошей памяти, но жребий есть жребий, начальством утверждено... Скажи-ка нам, Школяр, что такое Большой Круг...⁶

«Вот это так сvezло щеголю», — не без зависти подумал Тарик. Такое и Птенцы быстро заучивают, а уж попавший на квартальное испытание, а значит, заработавший на прежних четыре золотых совы⁷... Все равно что спросить, сколько ног у кошки.

⁵ Лекцион — изучаемый предмет.

⁶ Большой Круг — экватор, мироустройство — география.

⁷ По итогам каждого испытания Школяр получает сову на грудь — белую, красную либо золотую.

К его удивлению, стояло молчание. А еще больше он удивился, когда услышал голос:

— Ну, это... Все равно как ремень на брюхе...

Вот это пентюх! Правильный ответ звучал так: «Большой Круг — самый большой пояс нашего мира, обнимающий наш мир ровно посередине...»

Голос Брюзги звучал жестко:

— Сколько Архипелагов в Морях Большого Круга?

— Ну, это... Два вроде...

«Четыре, болван!» — мысленно воскликнул Тарик. Уж такого-то не знать... Необязательно помнить все острова, но для хорошего ответа надо знать главные. Сейчас Брюзга это и спросит — а Щеголь, уж ясно, будет бекать и мекать. Точно: Папенькино Чадо... Надо же, и на квартальные испытания лезут неучи...

— Куда же еще два делись — совершенно непонятно, — протянул Брюзга с язвительностью, которую Тарик вполне разделял. — Никто не сообщал, что они вдруг провалились в море... Ну что же... Скажи-ка нам, Школяр, какой образ имеет наш мир?

— Ну, это... Кругляшок навроде монетки...

Вот это дуболом! «Мир наш сотворен Создателем так, что имеет образ шара».

— Ах, наподобие монетки... — вовсе уж зловеще протянул Брюзга. — И где же покоится наш мир?

— Ну, это... в бескрайнем море, которое без берегов...

Тарик невольно зажмурился на миг: показалось, что сейчас грянет гром, разгневанный Создатель ниспошлет молнию с небес — и останется от Щеголя один пепел... ну, может, еще и башмаки — тоже фасонные, из тонкой кожи. «Мир наш подвешен Создателем ни на чем в бесконечном синем воздухе».

Молния не обрушилась, и гром не грянул. Рассуждая, быть может, вольнодумно, можно заключить, что не станет всевидящий и всемогущий Создатель карать огнем небесным такую вот блоху. Отец Михалик что-то такое говорил не так давно: Создатель, мол, глух к мелким проступкам...

Кажется, все ясно, даже скучно делается. В каждом Школариуме сыщется кучка Папенькиных Чадушек. В лекционных, какой ни возьми, они ни в зуб ногой, но богатенькие папеньки ясным всем манером улещают Титоров, и детки не просто успешно проходят испытания — золотых сов получают. Правда, прилику ради не вместе с остальными, на испытаниях таких под удобным предлогом оставляют без совы, откладывают вручение на потом — а потом Папенькины Чада появляются с золотенькими птушками и расхаживают с ними безо всякого стеснения. Значит, и на квартальных испытаниях то же самое, правду Куталер-Проныра говорил.

— Что думаете, друзья? — обратился Брюзга сначала к Пузану, потом к Никакому.

— Отложить решение на потом, — незамедлительно ответил Пузан, и Никакой согласно кивнул.

«Ну, так и есть, — подумал Тарик, — в точности как в нашем Школариуме: отложат на потом, а там Щеголь появится с золотой совушкой. Здесь даже проще: никого из соучеников Щеголя нет...»

— Отчего же у тебя столь скверные познания в мироустройстве, Школяр? — с нехорошей вкрадчивостью осведомился Брюзга.

— Ну, это... Папаня говорит, нам мироустройство ни к чему, незачем оно в нашем мастерстве...

— Великолепно! — трескуче расхохотался Брюзга. — Ни к чему мироустройство... — И безо всякого перехода завопил: — Да как у тебя язык повернулся, недомерок, такое вымолвить? Добро бы речь зашла про циферный счет или там чтение, но ляпнуть такое о мироустройстве! Как у тебя совести хватило, невежа, башка деревянная?!

Внезапно он вскочил, выпрямился во весь свой немаленький рост, воздел костлявую руку так, что япанча съехала на левое плечо и повисла на скреплявшей ее цепочке с гравированным на бляхе символом Собрания — совой с распростертыми крыльями. И закричал так пронзительно, что у Тарика аж в ушах зазвенело:

— Мироописание — законная гордость нашего славного королевства Арелат, королева всех наук! Ибо в те времена, когда пресловутый ученый мир всех прочих держав коснел во мраке невежества, наш великий мироописатель Гаремат Карарий, вдохновленный Создателем, установил истинный облик нашего мира! Пока именовавшие себя учеными варвары полагали наш мир кругляшком вроде монетки, плавающим в некоем бескрайнем океане, Гаремат явил людям истину: мир наш шарообразен и подвешен Создателем ни на чем! И донес эту истину в самые глухие уголки мира! За что в бессильной злобе и ревности был убит выползнями наших зловерных соседей, но повстал ныне в виде монументов...

Он витийствовал так, словно стоял на самой большой площади столицы, Королевской, вмещавшей, говорил Титор, шесть раз по тысяче человек и еще полстолька, и площадь та была забита людьми, слушавшими в почтительном молчании. Положим, и в квадратном зале царило почтительное молчание, но слушателей здесь было всего-то две дюжины да еще пять голов, а это, подумал Тарик, убавляло торжественности...

— Кто привел сюда этого... эту... Титор, встать!

Справа от Тарика скрипнул отодвинутый стул.

— Ах, вот он, виновник торжества! — саркастически захохотал Брюзга. — Ну-ка признавайтесь, хороший мой, чему в вашем Школариуме учат и как? Каким вообще волшебством означенный неуч попал на квартальные испытания? Каким чудом заполучил четыре золотых совы? Как оказалось возможно, чтобы такой дубоголовый благополучно прошагал четыре ступени познания? Да он и на первой должен был цыплячью шейку свернуть! Это здесь Школяры тянут жребий, а на испытаниях в обычных Школариумах отвечают по всем изучаемым лекциям! Как же он ухитрился четыре раза получить золотых сов?

«Неужели действительно ничего не знает о том, как получают сов Папенькины Чада? — в некотором изумлении подумал Тарик. — Выходит, у них здесь все иначе? Или... (он испугался этакой мысли, но храбро додумал ее до конца) или что-то не так сложилось, и

папашину денежку получил кто-то другой: ну, скажем, захворал внезапно, и в последний миг вместо него пришел Брюзга? То-то на лицах двух остальных мелькнуло потаенное недовольство...»

— Вы хоть понимаете, что дело тут далеко не только — и в первую очередь не только! — в вашей неспособности вложить Школярам твердые знания в юные неокрепшие умы? — Брюзга по-прежнему грохотал так, словно его слушала забитая людьми площадь. — Неучение Школяров мироустройству — это злонамеренная попытка опорочить научные достижения славного королевства Арелат, ставящие его выше соседей! Вам, надеюсь, известно, какие службы нашего королевства занимаются подобными злоумышлениями?

Справа послышался деревянный стук, словно на кухонный пол уронили невеликую вязанку поленьев. Тут уж Тарик не вытерпел, обернулся в ту сторону — как и остальные Школяры. Даже порольщик, казалось дремавший с открытыми глазами, встрепенулся и вытянул шею, приглядываясь...

Провинившийся Титор распростерся на полу, закатив глаза и неслепо откинув руку. Те, меж которыми он сидел, отодвинули стулья так далеко, насколько удалось.

— Ну и слабачки у них в Школариуме... — засмеялся Брюзга. Потряс большим бронзовым колокольчиком и, когда вбежали двое служителей, распорядился: — Вытащите этого пестователя неучей в коридор... и дайте понюхать «вонючей соли», что ли. Я с ним потом поговорю. А ты, пентюх... — он смерил неприязненным взглядом застывшего в круге Школяра, — ступай к той вон лавке! Не ошибешься, она тут одна такая. Если тебе в голову не вложили ума, следует попытаться с другого конца... Живо передвигай ноги!

Школяр поплелся к «кобыле», где оживившийся порольщик посоветовал ему громким шепотом, слышным всем в зале:

— Спускай портки, недоразумение, ложись проворненько...

— И с размаху; с оттягом, как следует! — громко напутствовал Брюзга. — Дюжину горячих — все что могу... к превеликому сожалению!

По исполненной злобной радости физиономии порольщика видно было, что он не нуждается в напутствиях, наоборот, рад, что наконец-то нашлась работа — вполне возможно, впервые за очень долгое время... Розга свистнула в воздухе, обрушилась на толстый голый зад — и провинившийся заорал благим матом, будто его резали, и орал, не переставая, в промежутках меж звонкими ударами, а уж когда следовали удары... Хорошо Наставникам, они могли не сдерживать презрительных усмешек, а вот Тарик такую величайшим усилием сдержал, как, несомненно, и остальные Школяры: орать под розгами означает выставить себя на несусветный позор и заработать унижительную кличку «Размазня». Даже Птенцы моментально усваивают: оказавшись брюхом на «кобыле», следует стиснуть зубы и терпеть, иначе уважать не будут, в игры не станут принимать, к доверительным беседам не допустят. Вполне может оказаться, Папенькино Чадо пороли впервые в жизни. Одно слово — Размазня...

Вскоре наказанный поднялся, натянул штаны, охая и кривясь. Злоключения его на этом не кончились: Брюзга величественно простер болтавшуюся в просторном рукаве костлявую руку, и в тишине упало страшное слово:

— ИСКЛЮЧЕН!

Служитель бросился к хнычущему Размазне, проворно расстегнул пуговицы школярского кафтанчика, половину при этом оборвав, содрал кафтанчик и выжидательно замер.

— Вон! — загремел Брюзга.

Размазня потащился к выходу, хныча и роняя сопли. Тарик смотрел на него безо всякого сочувствия: ни бельмеса в самом простом лекционе, зато благодаря папенькиным денежкам полную грудь золотых сов нахватал, жирдяй! Последствия печальные: исключенному Школяру уже не получить бесплатно Грамоту Подмастерья, папаше придется выложить за нее большие деньги — а значит, он уже самостоятельно выпорот отпрыска так, что школярская порка покажется нежной лаской. Тарик имел все основания гордиться собой: вот уже год его пороли в Школариуме исключительно за

проказы, и то когда он бывал неопровержимо уличен (а такое с битым Школяром случается раз через пять на шестой, если не реже), — а это только прибавляет уважения в глазах соучеников...

Удар гонга! И голос служителя:

— Тарикер Кунар, Шестой Школариум!

Не стоило, конечно, врать, что к кругу Тарик шагал без малейшего волнения, но и никакого трепета, свойственного нерадивым, не испытывал — как-никак четыре заслуженных золотых совы и пятое испытание. И все равно нет такого Школяра, который совсем не волновался бы...

Быстро перебрав совершенно одинаковые фишки (иные хвастают, будто умеют на ощупь определять знаки лекционов и не брать те, которые знают хуже, — но ведь врут), Тарик вынул первую попавшуюся и, не заглядывая в нее согласно строгим предписаниям, показал Наставникам, потом положил перед Брюзгой гладкой стороной вверх.

— Итак... — протянул Брюзга. — Устройство жизни...

Тарик возликовал про себя — уж тут-то он в грязь лицом не ударит...

— А Расскажи-ка, Школяр... — начал Брюзга с умышленной расстановочкой. — На чем зиждется жизнь королевства?

Вот уж нисколько не встревожил! Набрав побольше воздуха в грудь, Тарик громко заговорил без малейшей запинки:

— Жизнь славного королевства Арелат зиждется на устроении, каковое следует сравнить с пирамидой — самым прочным сооружением человеческих рук. В самом низу располагаются землеробы, как то: землеробы кабальные, землеробы с повинностями и землеробы вольные. Статусы их имеют различия, как то...

— Вижу, знаешь, — поднял ладонь Брюзга, переслушавший на своем веку, надо полагать, неисчислимое множество таких ответов. — Далее?

— Выше пребывают Цеховые со множеством Цехов. Нет градского, не входящего в цех. Перечень цехов...

— Вижу, знаешь. Далее.

Проехало! Вот в перечислении Цехов согласно букворяду Тарик мог и пару раз напутать — очень уж их много, — и это непременно повлияло бы на цвет совы...

— Выше помещаются Купцы и Денежные⁸. Над ними — почтенные собрания тех мозгомудрых, кто трудится исключительно напряжением ума, а не руками. Как то: Книжники, Анжинеры, Лекари...

— Вижу, знаешь. Далее.

— Выше пребывают благородные Дворяне, не имеющие титулов. Над ними — Дворяне титулованные, и на самой вершине — светлое величество король с фамилией.

Он помолчал. Как и ожидал, последовал не лишенный вкрадчивости вопрос:

— А выше?

Тоже не мозголомка!

— Выше, в неизреченной высоте, — Создатель наш, Творец всего сущего, живого и неживого, разумного и неразумного, растущего, бегающего и ходящего...

Он долго еще излагал Учение, не забыв упоминуть, что Служители Создателя, из каких бы ни происходили, приравнены к благородным нетитулованным Дворянам. На сей раз Брюзга его не прерывал — какие могут быть прерывания, когда излагается Учение?

— Ну что же... — заключил Брюзга. — В твоём Школариуме, я полагаю, дело поставлено лучше, чем в иных некоторых, к коим мы еще присмотримся пристально... Будут ли вопросы, собратья?

К некоторому удивлению Тарика, рот раскрыл Никакой:

— А скажи-ка, Школяр, какая разница между, скажем, графом и графией?

Тарик ответил без промедления:

— Графией в женском роде именуется благородная дама, до замужества титула не имевшая, но вышедшая замуж за обладателя такового. Благородная девица, обладающая наследным титулом, именуется в мужском роде «господин граф», каковое наименование

⁸ Денежные — банкиры.

сохраняет и в том случае, когда выходит замуж за обладателя иного титула либо не имеющего такового. То же касается девиц и дам, получивших титул в пожалование от светлого короля. Сему установлению не подлежат члены королевской фамилии, где принцами именуются персоны сугубо мужского пола, а принцессами — сугубо женского.

И замолчал, подумав ехидно: «Что, выкусил?»

— Кто родитель? — спросил толстяк.

В Школариуме таких вопросов не задавали: Титоры и так знали, кто у кого родитель... но может, на квартальных испытаниях так и положено? Тарик ответил чистую правду:

— Лавочник, ваша ученость, мясник! — И не без гордости добавил: — Лавка под золотым трилистником⁹ с грамотами на торговлю копченостями и холодцом.

— И сосисками торгует?

— А как же, ваша ученость. И перчеными, и с молотым орехом, и с прочими всевозможными приправами. У лучших колбасников и коптильщиков квартала берем.

— И где помещается лавка родителя?

— В Гиацинтовом переулке, ваша ученость, под номером шестнадцатый и вывеской «Дедушкины яства».

— Это ж в двух шагах от меня! — воскликнул Пузан, расплывшись толстощеким лицом. — А я как-то не заглядывал в Гиацинтовый... Нужно будет кухарку послать, непременно. Копченые перченые сосисочки — благолепно весьма, особенно с добрым жбаном...

— Гхм! — громко сказал Брюзга.

Именно произнес, а не откашлялся. Пузан чуточку смущенно замолк. Пожалуй что, вопросы таковые к испытаниям и в квартале не относились... и Тарик готов был побиться об заклад, что у папани вскоре прибавится покупатель, причем из тех, что берут помногу.

⁹ Лавки с оловянным трилистником посещаются только Цеховыми. Лавки с медным трилистником — всеми прочими, кроме дворян. Лавки с золотым трилистником — и дворянами (как просто гербовыми, так и титулованными).

— Ну что же... — сказал Брюзга. — Я так полагаю... — И он показал остальным три пальца (совершенно непонятный Тарику жест). — Или будут возражения, собратья? Нет возражений... Служитель, озаботьтесь...

Тарик знал, что сейчас произойдет, уже семь раз за сегодня наблюдал это приятное, что скрывать, зрелище — на испытаниях в Школариуме сов вручали Титоры, а в квартале, ага, другие порядки... И сам расстегнул три верхних пуговицы кафтанчика. Подошедший служитель привычно оттянул левую полу, проткнул ее коротким шильцем и прикрепил к сукну сову. Как и предписывалось, Тарик во все время этой короткой процедуры ел преданными глазами Наставников, а потому не видел, какой совы его удостоили (хотя определенные надежды всерьез питал). Только проходя к свосму месту, не удержался, скосил вниз глаза, и душа его возликовала: сова золотая, да вдобавок, как и полагалось на квартальных испытаниях, от нее свисает на палец толстый крученный шнурок — желто-черно-красный, цветов штандарта королевства! И папаня с маманей возрадуются, и в родном Школариуме ждет уважение!

Потом испытывались оставшиеся Школяры — с разными итогами. Но никто не провалился, никто не попал на «кобылу». Когда все завершилось, встал и Брюзга, и двое других, заскрипели стулья — это вставали Титоры, а за ними и Школяры, заранее наученные церемонии. Даже порольщик стоял.

— Что вам сказать, любезные мои... — начал Брюзга почти задушевно. — Пять золотых сов, три красных, три белых. Бывало получше, но и теперь неплохо. Вот только этот дуболом... — он поморщился. — Ну ничего, мы еще посмотрим, что за разгильдяи в том Школариуме засели, непременно посмотрим... Вот что я вам хочу сказать в заключение, хорошие мои: вы и не ведаете, в какое счастливое время живете! Скверно вас дерут... почитай, что не порют, а гладят. Вот нас не только в ваши годы, а и в молодости пороли так пороли! Не было нынешних слюнявых глупостей: ах, шесть розог, ах, дюжину, а больше и не допускается, чтобы попочки не страдали... А у нас в прежние года ставили песочные часы и драли, пока

последняя песчинка вниз не пересыпется. А часы, между прочим, были и на три минуты, и на шесть, а то и на дюжину. И порольщикам было настрого приказано не прохлаждаться, розгами махать, как мельница крыльями машет в ветреный день. Не только Школяров и Подмастерьев, но и Студизусов пороли, невзирая на происхождение. И Офицеров пороли — всех, кто ниже полковника, а уж они поголовно были Дворяне. И Чиновных пороли первых трех рангов, и даже, случалось... — он скомкал фразу. — Ну, это прошлые дела... К чему я клоню? К тому, что людей воспитывали — не чета нынешним. Поротые Офицеры отвоевали у зловердного Батарама и устье Тилутаны, и все Зеленое Заречье — а непоротые и устье, и Заречье потеряли. И так — чего ни коснись. Кто знает, если бы великого Гаремата Корария не пороли и в Школариуме, и в университете, он, может, и не прославил бы науку нашего королевства на весь мир...

Глаза его блеснули, на впалых щеках появились красные пятна. Правда, на сей раз он витийствовал недолго и вскоре торжественно объявил:

— Испытания закончены, Титоры и Школяры могут отправляться по домам!

Первым, подметил Тарик, вскочил Пузан — ага, наступил обеденный час, и толстяк думал в первую очередь об ублажении чрева. У него у самого посасывало под ложечкой — но, в отличие от иных Школяров, мчавшихся к выходу вприпрыжку, он посчитал, что должен шагать неспешно, солидно, как и подобает не просто выдержавшему квартальные испытания, а удостоенному золотой совы с почетным шнуриком.

Глава 2

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

Пройдя по пустому гулкому коридору, распахнув тяжелую дверь (привратник, конечно, и не подумал утруждаться ради такой мелочи, как Школяр), спустившись по невысокой лестнице в шесть каменных ступенек, Тарик оказался на обширном дворе, окруженном затейливой чугунной оградой. Высокие ворота затворены, и на прямоугольных серых плитах не видно конского навоза. Дело тут явно не в распорядительности дворника — просто не видно ни одного экипажа: надо полагать, нет таковых у господ Наставников, невелики персоны по квартальным меркам...

Слева за воротами возвышался круглый каменный столб с мирообразом¹⁰. А у открытой калитки прохаживался взад-вперед Титор Кардош, которому вроде бы и не было нужды тут оставаться. Беспокойно как-то прохаживался, словно бы в волнении. Завидев Тарика, он, казалось, не просто обрадовался, а натуральным образом просиял, заспешил навстречу. Тарик не ускорил шагов. Титор Кардош по прозвищу Долговяз, в общем, не хуже и не лучше других, так что не было причин выказывать ему особенное уважение...

— Мои горячие поздравления, Тарик! — выпалил Долговяз. — Оправдал мои усилия, не подвел учителя!

¹⁰ Мирообраз — глобус.

Как выражались в таких случаях Школяры промеж себя, талдыка цвел и пах. Ну, еще бы — успех Школяра был и успехом Титора, или попросту талдыки (но храни вас Создатель употребить это непочтительное прозвище при Титоре — полдюжины розог схлопочете!). Тарик выжидательно молчал.

— Пойдем-ка... — Зачем-то опасливо оглянувшись, Долговяз взял Тарика за плечи и вывел в калитку. — У меня к тебе будет серьезный разговор...

— Меня дома ждут, — буркнул Тарик, только чтобы отделаться. На самом деле ему некуда было особенно торопиться: маманя, конечно, ждала с нетерпением, но вовсе не требовалось нестись домой сломя голову, тем более что Школяру, одетому по форме, надлежит «шагать по людным местам степенно и чинно, без припрыгиваний, маханий руками и гримасничанья лицом».

— Мы и по дороге поговорить можем, — сказал Долговяз. — Тарик, ты ведь уже хороших годков достиг, еще два месяца — и перейдешь в Подмастерья, должен понимать взрослые вещи... И память у тебя хорошая. Должен помнить все, что говорил Наставник Филодош... ну, главный на испытаниях. Верно ведь?

— Верно, — осторожно согласился Тарик, все еще не понимая, куда талдыка гнет.

— Помнишь, как он сказал: непоротые офицеры потеряли и устье Тилутаны, и все Зеленое Заречье?

— Ну, помню...

— А что это означает?

— Ну, что потеряли...

— Тарик, Тарик... Пора бы знать в твои годы: частенько у иных слов есть двойной смысл... Неужели не знаешь?

— Знаю...

— Был там двойной смысл! — сказал Долговяз прямо-таки торжествующе. — Ни устья, ни Заречья наше славное королевство так и не отвоевало. А потеряли мы эти земли при короле Дазоре Третьем, да утешит Создатель его душу в Счастливых Полях. Значит что? Значит, сей Филодош допустил словесное «осуждение

величества». Что несравнимо по тяжести с «оскорблением величества», однако ж законами королевства карается. Понял теперь, чему ты стал ушеслышцем?

— Понял вроде... — сказал Тарик, ошарашенный лихостью, с какой Долговяз поиграл словами так, что они стали означать караемый проступок, «осуждение величества». Первый раз с таким столкнулся.

— Это еще мелочи, а вот если мы дальше пойдем... Слышал ведь, как Филодош говорил: великий Гаремат Корарий, не будь он порот и в Школариуме, и в университете, чего доброго, не сделал бы своего гениального открытия? А здесь каков двойной смысл?

— Не знаю даже...

— Тарик, ты глупеешь на глазах, — поморщился Долговяз. — Счастье твое, что Учение не преподают лекциумом в Школариях, иначе ты бы не только сов не заработал, но и под розги попал бы... Но в мироустройстве-то ты сведущ, что не раз доказывал и в Школариуме, и совсем недавно — здесь... Великий Гаремат Корарий совершил свое открытие, будучи...

Тарик легко закончил:

— ...будучи озарен благостью Создателя, возжелавшего его посредством открыть созданиям своим истину.

— Именно! — Долговяз значительно воздел указательный палец. — Благость Создателя была причиной, а не придуманные человеком розги! Дерзостно и сравнивать! Теперь понял?

Тарик даже испугался. И не без запинки выговорил:

— Вы хотите сказать, Титор, что Наставник Филодош... — Он с трудом заставил себя выговорить жуткое слово: — Еретик?

— Тс! — Долговяз огляделся. — Это политесное¹¹ слово, но на людях лучше его лишний раз не произносить, мало ли что кому втемяшится — и оправдывайся потом... Вот что я думаю: сей Филодош для этого самого... ну, ты понял... все же мелковат. Не тянут его слова на то самое... зато вполне подходят под «злословное вольнодумие, задевающее Создателя», точно тебе говорю. А это опять-таки сурово

¹¹ Политесный — приличный (от «политес» — приличие).

подлежит... Теперь, сдается мне, ты окончательно понял, чему был ушеслышцем и даже очесвидетелем. Вот так и сталкиваются юные Школяры с суровой прозой жизни. И наконец, Филодош закрыл испытания без общего пения псалма номер шесть «Возблагодарю Создателя за пролитый на меня свет знания». Так ведь?

— Так, — сказал Тарик, пребывая мыслями в смятении. — Я сам удивился было, а потом подумал: может, так только в Школариуме полагается учебный день завершать, а тут другие порядки...

— Порядки везде одинаковы, Тарик: и в Школариуме, и на квартальных испытаниях, и на градских. Как полагаешь, верно я догадался, что Филодош больше думал об обеде? О тешении своей бременной утробы, а не о прославлении Создателя?

— Пожалуй что, — согласился Тарик, сам державшийся того же мнения.

— Рад, что ты меня понял и проявил похвальную рассудочность, — прямо-таки умиленно сказал Долговяз. — И что же теперь должно воспоследовать? Я тебе помогу. С мироустройством у тебя тоже отлично обстоит. Гончие Создателя есть...

— ...есть лучезарные витязи, ежедневно и еженощно преследующие ереси, злоязычное вольнодумство и черное колдовство.

— Молодец! И долг каждого искренне любящего и почитающего Создателя...

— ...помогать им в сем нелегком труде, невзирая на опасности, могущие воспоследовать, ибо не может быть страха у того, кто встает на защиту Создателя.

— Истинно! Вот и надо встать на защиту Создателя пусть даже скромными усилиями пера и чернил. Говоря приземленно, Тарик, нужно писать бумагу Гончим Создателя.

Тарик сказал серьезно:

— Титор Кардош, я и не представляю, как такие бумаги пишутся, не представляю даже, где Гончих искать...

— Зато я представляю и где искать знаю, — ободряюще похлопал его по плечу Долговяз. — Все это возьму на себя, а от тебя потребно одно: когда учинят спрос, выступить ушеслышцем и очесвидетелем.

Искать никого не придется, Гончие тебя сами найдут. Могу я на тебя полагаться?

— Но ведь, Титор... Известно же: не достигший четырнадцати лет в суде считается за полвзрослого, показания одного его не принимаются. Только когда их таких двое... Или у Гончих иначе?

— Все в точности так же. А ты забыл, что вас таких как раз и есть двое? Ты и тот бедолажник, что пострадал от Филодоша... Уж его-то я сегодня же найду и с Титором его поговорю, про поротых офицеров оба слышали. Видишь теперь, что дело верное? Буду писать бумагу — первым делом тебя упомяну. И не бойся, когда позовут на спрос, — благонравному приверженцу Создателя у Гончих бояться нечего, только похвалят... Словом, я на тебя полагаюсь. Главное — рассказывай все как есть, ни словечка Филодоша не упусти. Понял?

— Понял, — кивнул Тарик без тени угрюмости.

— Молодец! — сказал Долговяз чуть ли не растроганно. — Всегда ты, Тарик, был у меня любимым учеником. И если я тебя пару раз и драл — так, согласись, за дело...

Нет, ну надо же! Под конец второго года обучения оказалось, что Тарик числится у Долговяза в любимых учениках, раньше как-то и не замечалось. Что до драния, тут и в самом деле на Долговяза обижаться не следовало: оба раза Тарик был заводилой школярских проказ, и по старой негласке¹² винить следовало только себя — кто ж тебе виноват, что ты попался? В следующий раз будешь оборотистее и ловчее...

— И замыслы насчет тебя у меня, Тарик, большие, — сообщил Долговяз. — После золотой совы со шнурочком тебе прямая дорога на Градские испытания. И попадет Школяр в список или нет, зависит от того, смогут ли его Титоры убедить Возглавителя Школариума. Заранее могу тебе сказать потаенно, не для других ушей: смогут! И уж если ты и на Градских испытаниях получишь

¹² Негласка — обычай, имеющий силу закона; таких множество в самых разных областях жизни. Несоблюдение негласки влечет насмешки, а то и всеобщее осуждение.

золотую сову... Сам распрекрасно знаешь, что тебя ждет. По лицу видно, что радешенек...

Тарик и сам знал без зеркала, что рот у него сам собой растянулся до ушей. Владелец золотой совы на Градских испытаниях получал, к лютой зависти многих, привилегию: записаться Подмастерьем не в Цех родителя, а в любой другой — в любой! — по своему выбору. Некоторые этой привилегией не пользовались, по разным причинам решив все же продолжать дело отца. Но только не Тарик. Ему как раз золотая сова на трехцветной розетке по ночам снилась — с ней его старая мечта сбывалась моментально. Вот только он понимал, что в список ему не попасть, что оттеснит его Тулаш-Жирняга, Папенькино Чадо. Но теперь...

— Большие планы, Тарик, — повторил Долговяз. — Я к тебе давно присматриваюсь. Мальчуган ты смысленный, усердный в делах, старательный, и родитель у тебя не из последних в Цехе. Понимаешь ли, взрослый человек обязан строить планы и на ближнее грядущее, и на дальнее. Тебя тоже это касается: через два месяца с лишком станешь Подмастерьем, а еще через два года — Мастером. Станешь, я уверен. Цеховые испытания пройдешь без труда... и вовсе не обязательно в родительском Цехе. Ты ведь знаешь мою старшую, Альфию. Твоя годовичка. Все говорят — красавица...

«Правильно говорят», — подумал Тарик. И многие удивляются, в кого она такая. Маманю Школяры давно прозвали Рыба Сушеная, а про таких, как Долговяз, деревенские говорят: «У него на роже домовые горох молотили». И вот поди ж ты, красоточка растет...

— И главное, трудами моими и супруги Альфия воспитана в благонравии, — продолжал Долговяз. — Сущая драгоценность для будущего мужа. И в пятнадцать, тебе прекрасно известно, люди получают право на сговор¹³. Необязательно сговор наступает непре-

¹³ Браки заключаются в шестнадцать лет. С пятнадцати может производиться сговор — обручение. Разорвать его — жуткий неполитес, такое допускается лишь в строго оговоренных случаях, по крайне веским причинам. За редчайшими исключениями, сговор происходит по воле родителей, противоречить которой категорически не принято.

менно по достижении возраста, но и не так уж редко сие происходит. Скажу откровенно: стал я с некоторых пор присматриваться к тебе, Тарик. Что скажешь?

— Вы мне оказываете честь, Титор, — вежливо ответил Тарик, но сам этакой честью отнюдь не прельстился.

— Раздумывал я и пришел к выводу, что ты этой чести достоин, — серьезно сказал Долговяз. — Если пройдешь Градское испытание и выйдешь с золотой совой, сможешь не просто сам себе Цех выбирать. Можешь и поступить в Коллегиум, где готовят Чиновных. Чиновных, Тарик, а это Собрание!

— Невероятно трудно поступить в Коллегиум без протекции, — сказал Тарик искренне. Так и обстояло, все Матерущие знали. Подняться из Цеха в сословие — удача из удач. У многих Чиновных кроме дочек и сыновья имеются...

— А ежели будет протекция? — хитро прищурился Долговяз. — Чиновный, Тарик, — это персона! Мундир красивый, жалованье хорошее, от телесных наказаний свободен, как все члены Собрания. С протекцией может пусть и не высоко взлететь, однако ж быстро приподняться. Мундир, руки трудом не отягощены, жена-красавица... Как тебе такое грядущее, Тарик?

— Трудно и вообразить такое, Титор, — сказал Тарик, не скрывая правды: для него подобное грядущее, пусть и в Собрании, было бы хуже тюрьмы, святое слово...

— Главное, чтобы ты меня не подвел с Гончими Создателя, — с железной настойчивостью в голосе сказал Долговяз, едва ли не до боли стиснув плечо Тарика. — А уж я благодарным быть сумею... Подумай на досуге надо всем, что от меня услышал... Храни тебя Создатель!

— И вас до конца дней ваших, — ответил Тарик, как полагалось.

К его превеликому облегчению, Долговяз, благосклонно кивнув, повернулся и пошел прочь, выше всех прохожих на голову. Шагал плавно и величаво, как и полагалось члену Собрания на городской улице, в япанче безукоризненной чистоты. Это дома,

на улице Серебряного Волка, он, случалось, в простецкой одежде вместе со своей кабальницей загонял во двор курей, если собиралась гроза, или самолично возился в огороде — обожал огурцы и сам за ними ухаживал. На Зеленой Околице¹⁴ свои негласки, что и говорить...

Какое-то время Тарик стоял у края пешеходни¹⁵, возле каменного бордюрика, в нешуточном ошеломлении. Хорошо еще прохожих на улице Мирообраза было мало, иначе мог бы дожидаться и ругательства на мешающего пройти Школяра, а то и тумака или подзатыльника от особенно спесивого дворянина, любившего шествовать по прямой и не привыкшего огибать живые препятствия...

Было отчего прийти ненадолго в оцепенение. Никак нельзя сказать, что он вовсе был незнаком со взрослой жизнью — годочками был к ней близок, два месяца оставалось до испытания на Подмастерья. Но только что закончившийся разговор... Можно сказать, что взрослая жизнь вдруг обернулась к нему неожиданной стороной — придвинулась очень уж близко и заглянула в глаза холодным, бесстрастным взглядом. И то и другое будет святой правдой, а потому в душе мешались самые разнообразные чувства, и иным с маху и названия-то не подберешь...

В падину считалось звякать Страже, что Градской, что Сыскной, что грозной самой — Тайной. Уличенных в постоянном звяканье бьют и Школяры, и взрослые, а уж стригальщики¹⁶ убивают без колебаний. Стригальщики, как шепчутся, еще и засовывают дохлику все деньги, что нашлись в карманах, когда в рот, когда неполитеснее. И за однократный звяк вроде того, что предлагал Долговяз, пусть даже в качестве ушеслышца, долго будут поглядывать косо. Но Гончие Создателя, если подумать, — совсем другое дело...

¹⁴ Зеленая Околица — окраины города, где обитатели имеют возможность держать огороды и домашнюю скотину.

¹⁵ Пешеходня — тротуар. Соответственно, «проезжая» комментариев не требует.

¹⁶ Стригальщики — уголовники, городской криминалитет.

Самая загадочная, самая таинственная канцелярия в королевстве, окутанная страшными рассказами, в которых невозможно отличить правду от баек, потому что никто не знает и крупницы правды. О них известно только, что они есть, что ежедневно и еженощно преследуют еретиков, черных колдунов и колдуний, ведьмаков и ведьмачек, а также кощунников-злоязычников, устно и писано распространяющих хулу на Создателя, Учение и Заветы его. Два года назад папаня и маманя взяли его с собой на Огненную Лощину. Папаня сказал тогда:

— Ты теперь Школяр, тебе можно. Посмотришь, как оно бывает. Редкостное зрелище, я тебе скажу. Последний раз мы с маманей такое дюжину лет назад зрели. Мало их теперь попадается, черных. Мне твой дедушка рассказывал, что в ранешние годы ловили их не в пример чаще. А теперь, хвала Создателю, почти что и перевелись — то ли подались куда подальше, то ли почти вымерло это поганое ремесло.

Пришли они за три часа до начала, но все равно на пологих зеленых склонов, широкой низкой воронкой окруживших Лощину, теснилось несказанно много народа. В первый раз — да и последний пока что — Тарик видел разом столько людей. Казалось, вся столица сошлась, от мала до велика. Скучать, правда, не пришлось — меж людьми ходили разносчики с прохладительным питьем, пирогами и сладостями. Тарику достался большущий леденцовый зверь на неоструганной палочке, и егохватило чуть ли не до самого начала. А потом скучать стало и вовсе некогда: заревели трубы, показалась волокуша — лошадь тащила две длиннющих жерди, к которым был привязан человек. Стоявшие ближе потом рассказывали, что был он в черном балахоне, изукрашенном желтыми языками пламени, в страшной лубяной харе (под которой, говорили потом старики, в рот ему был забит кляп, чтобы, упаси Создатель, не крикнул что-то душевредное, не напустил голосом порчу). И по обеим сторонам волокуши шла дюжина людей в красных балахонах до пят, с опущенными на лица капюшонами, — это и были таинственные Гончие

Создателя. Очень сноровисто они все проделали: затащили приговоренного на вершину высокой поленницы, примотали к столбу, зачитали его вины, спустились вниз и подожгли дрова. Разгорались они недолго, вскоре повалил дым, скрывший столб, забушевал огонь. Пламя в конце концов унялось, как и бывает с не получающим пищи костром, а дым еще долго тянулся в лазурное небо. Люди не разошлись, пока дым не превратился в несколько жидких струек над громадным кострищем, хотя Гончих уже не было.

Они стояли слишком далеко, чтобы расслышать вины, хоть Гончий и говорил в большой раструб-голосник. «Ничего, — утешил папаня, — скоро узнаем». И точно: на всех четырех ведущих в город дорогах стояли люди и раздавали всем подряд печатные листки, за которые не брали денег. Тарик тогда еще не знал грамоту, но старший брат прочел ему дома вслух вины черного колдуна, насылавшего град на поля и огороды, подославшего к трем людям бешеную собаку, испортившего воду в двух колодцах... да много там было всякого. Неделью Тарик и его друзья были знаменитостями: со всей улицы сбегались те, кто годочками не вышел, и слушали не в первый раз, разинув рты. Потом наслушались, и интерес пропал. Но его с друзьями еще долго сопровождал почтительный шепоток: они видели, как жгли черного колдуна, и Гончих видели...

Потом на памяти Тарика еще четырежды били кнутьями на Печальной площади изобличенных кощунников, но после первого раза это было уже неинтересно, хотя и там всякий раз были Гончие в красных балахонах с опущенными на лица капюшонами.

И вот теперь Тарику предстояло попасть к Гончим в качестве вовсе не предосудительном: наоборот, ушеслышцем. Слушать его будут дотемна, и взрослые тоже. Никто не знает, где канцелярия Гончих и есть ли вообще такая. Вот грозная Тайная Стража ничуть не прячется — даже Школяры знают, что это за здание из серого камня в четыре этажа у моста Драконов (так и называют в обиходе эту канцелярию и вообще Тайную Стражу: Мост Драконов). Говорят, что для вящего сохранения тайны ушеслышцев туда и обратно

то ли возят в каретах без окон, то ли на голову мешки надевают, то ли глаза завязывают, чтобы не запомнили дороги и не видели здания. Но тут можно придумать то и это — все равно проверить некому...

Ежели рассудить, то, что задумал Долговяз, пожалуй что, было не вполне и честно — уцепиться за неосторожные слова и вывернуть их так хитро, что получится пища для Гончих. Однако есть чем успокоить ворохнувшуюся совесть: не тянет то, что Долговяз задумал, на серьезное наказание для Брюзги — им месяц назад в Школариуме неделю рассказывали про Эдикт о наказаниях, учить давали, испытания устраивали. Нарочно приходил Чиновный-судейский и занудно, но толково вдавливал в головы параграфы. Понизят Брюзгу низенько-низенько — так, что дальше некуда: скажем, определят в школарию, где месяц учат деревенских грамотеев¹⁷. Не кнуты и не тюрьма, так-то. Очень уж Брюзга противный, такого и не жалко, пусть учит землеройных пентюхов начаткам грамотности...

Одним словом, перетерпит Брюзга. Титоры дерутся — Школяры тешатся. Интереснее о Гончих гадать: как у них там, где они? Должны же быть комнаты, где они сидят, допрашивают преступных и выслушивают очесвидетелей, бумаги пишут. Не держат же они все время и ушеслышцев с мешком на голове? Здорово было бы мимолетно обронить: столы у них с медными углами, а чернильницы красного стекла — под цвет мантий, я так думаю...

Всякое болтают о Гончих. Говорят даже с оглядкой, что они, будто оборотни, умеют перекидываться самыми натуральными гончими и в песьем четвероногом образе выслеживают дичь. Только оборотни свое умение получают от Врага Человеческого¹⁸, а Гончие такие от Создателя, дабы усерднее топить черных...

¹⁷ Вообще, крестьян грамоте не обучают, но в больших деревнях есть грамотей, а то и двое-трое умеющих считать до ста, читать вслух бумаги от властей и писать односельчанам всевозможные прошения.

¹⁸ Враг Человеческий, он же Враг Создателя — сатана, дьявол.

Это он посторонними мыслями уводил себя от серьезных размышлений, к которым все же следовало вернуться: как быть с хитроумными замыслами Долговяза, вознамерившегося окрутить Тарика со своей Альфией-Припевочкой? Ведь Титор, выходит, построил себе план на грядущее и Тарику в нем главное местечко отвел...

Никаких сомнений нет: если уж он обещал Тарика вписать на Градские испытания — впишет. И с Коллегиумом уладит, у него там то ли родственник, то ли свойственник. Конечно, Долговяз — придира, зануда и первый наушник главы Школариума, но надо признать: если уж он что обещал — исполнит, не обманет. Ежели снова подумать о взрослом, то чем Тарик не пара его дочке? Родитель зажиточный, лавка с золотым трилистником, хозяйство крепкое, в Чиновные дорога открыта, а значит, в Собрание...

Вот только сидеть за чернильницей, пусть даже членом Собрания, Тарику улыбалось еще меньше, чем стать Подмастерьем в папиной лавке и торговать всю жизнь разными мясами. Другие у него были планы на жизнь после Школариума — серьезные, продуманные, вовсе не мальчуганские фантазии.

И потом, Альфия... Тарик и так всерьез не думал, что когда-то будет жить с женой — слишком много времени, казалось, от этого отделяло, — но уже теперь мог с уверенностью сказать: вот уж кого не хотел бы видеть женой, так это Альфию. Красивенькая девчонка, вполне свойская (говорят, домовитая и поет хорошо, за что и прозвище получила), но глуповата и слезлива. Никак ему такую в жены не хотелось. Что б придумать, чтобы отвертеться и от этойкой супружницы, и от мундира Чиновного?

А не надо ничего придумывать! Все прекрасно складывается и так. Градские испытания через два месяца, и еще только через год Тарик войдет в позволительные для сговора годочки. Если Создатель будет к нему благосклонен и он получит золотую сову на трехцветной розетке, а с ней и «вольный лист» — тут же отправится на улицу Парусов, в заветное здание с каменным корабликом над входом, то самое, что уже не раз снилось по ночам. Вот и останется

Долговяз с носом: такой зять, чует сердце, его не прельстит. И совесть будет спокойна — он всего лишь выслушивал Долговяза, и не более того: не давал ему ни святого слова, ни клятвы с рукой на сердце, ни даже простого обещания. Так что в прогаре и Долговяз, и его Альфия, очень может быть, о папочкиных планах краем уха слышавшая (Долговяз еще и болтун известный, а уж дома мог перед супружницей с доченькой похвастаться своей житейской предусмотрительностью и умением строить планы на грядущее). И коли уж заговорил вслух о замужестве дочки, не мог обмыслить это единолично: это в Школариуме он суровый и непреклонный рулевой, а дома (это точно известно!) Рыба Сушеная верховодит, в подчинении держит, наставляет, чуть что словесные выволочки устраивает, а то и заушает.

Прекрасно зная, откуда это известно, он ухмыльнулся вслед ушедшему уже с глаз Долговязу. Во многом Титор был уверен безо всяких на то оснований...

Это Долговяз и Рыба Сушеная самонадеянно полагают, что воспитали старшую доченьку в строгости и благонравии. Действительно, со стороны посмотришь — сплошное благонравие: глазки вечно опущены, как у монашенки, с уличными ватажками не хороводится. А меж тем свои-то знают, что она уже два месяца потаенно ходит с Байли-Циркачом, и кое о чем наслышаны. У них в ватажке (не то что в иных некоторых!) не принято, слюни распустив, трепаться о девчонках, если кто с какой ходит, но немного рассказать, как обстоят дела под крылышком Птицы Инотали¹⁹, считается вполне политесным. Поцелуями там не ограничилось: Байли ей давно яблочки поглаживает, и под подол он не раз рученьку запускал, не встречая сопротивления, и говорит, вряд ли хвастая: сжели так и дальше пойдет, он ее точно жулькнет²⁰, по полному

¹⁹ Птица Инотали — символ любви, персонаж легенд, поэзии и живописи, птица с головой красивой девушки. «Перо из крыла Инотали» имеет то же значение, что у нас «стрела Амура».

²⁰ Жулькать, жулькаться — заниматься сексом.

согласию. Надо только раньше порасспросить Фимало-Клизму, лекарского Подмастерья: они уже не дети, знают, что у девушек есть опасные дни, когда она вмиг затяжелеет, а есть безопасные, когда жулькаться может ночь напролет — обойдется. Вот только точно неизвестно, что это за дни и как они связаны с месячными кровями... Ну, Фимало-то знает, сам говорил с превосходительным видом, хотя старше всего-то на неполный год — великий знаток лекарской премудрости, ага. Лишь бы обсказал все как есть, а не похвастал отсебятиной: Байли говорил, и они с ним согласились, что к такому делу нужно подходить серьезно.

Школяру, от которого не просто девчонка затяжелеет, а дочка члена Собрания, пусть такого малозначительного, как Долговяз, — солоно придется. Папаня шкуру спустит — это еще ничего, это само собой. Может обернуться и гораздо хуже: ежели Долговяз потащит жалобу в квартальный суд, то будет Воспиталка²¹, после которой могут при особенном невезении и выписать из Цеха, а хуже этого только тюрьма или рудники: если останешься в столице, на всю жизнь попадешь в Градские Бродяги. А ежели Долговяз жалобу не потащит... Он не дурак и не захочет навлекать на себя вечный позор. Родитель у Байли — старший Мастер Цеха корабелов, даже позажиточнее родителей всех остальных ребят ватажки, и Долговяз, вдоволь поскрипев зубами, определит виновного на то место, что предназначает Тарику. Как положено, состоится «вынужденная женитьба»... Тоже неполитесно, но все же не позор, со многими так случается. И будут новобрачные до шестнадцати лет жить в родительских домах, причем Байли обяжут отдавать половину жалованья на содержание жены и ребенка. И будет он к Альфии прикован на всю оставшуюся жизнь. Безрадостное грядущее, в какую сторону ни глянь. А потому рассудительные вроде Байли, коли уж невтерпеж, позаботятся, чтобы девчонка не затяжелела.

²¹ Воспиталка — исправительное заведение для детей 12–14 лет, с тюремным режимом, принудительным трудом и телесными наказаниями не только за провинности, но и для профилактики.

Тех, кто должной предусмотрительности не проявил, и жалеть не стоит: головой нужно было думать, а потом уж торчок совать...

Довольно сильный толчок в спину — и сварливый голос:

— Заместо статуя тут торчишь, оголец?

На дворянскую речь никак не походило, и Тарик повернулся безо всякой поспешности.

— Че встал? Че лыбишься?

Пожилой невысокий горожанин, с первого взгляда ясно, невелика птица: мало того что одет не ахти, на шее на цепочке бляха с эмблемой Цеха плотников — еще и Темный²², ага. Никак не похож на хозяина хоть маленькой, да мастерской — сам топором и рубанком орудует, без Подмастерьев... Мог бы обойти, прохожих мало — так нет, желает шествовать по прямой, как благородный...

Было бы вполне политесно, ответь Тарик какой-нибудь дерзостью, но радость после совы пересилила, и он, повернувшись на каблуках, пошел прочь. Испытывал некоторое сожаление: никто из встречаемых не обращал ни малейшего внимания на пятерку золотых сов, одна из коих к тому же украшена шнурочком. А ведь многие, судя по бляхам, не миновали в его годы Школариума. Давненько его покинули, многое забыли...

Встрепенулся, услышав слева:

— Пирог с пылу с жару! Сам бы слопал, да гроши нужны! За шустак²³ пару, а за два — целых две!

Чтоб его, подвернулся некстати! Там, на каменной площадке рыночка, один прилавок из шести (остальные пусты) занимал пирожник, разложивший на холстинке свой товар. Поджаристые пирожки, румяные, на вид — утренней выпечки, мягкие... Перехватив взгляд Тарика и верно определив его как голодный, пирожник, уже глядя только на него, бодро заорал:

²² Темные Цеха, в отличие от Светлых, неграмотны.

²³ Шустак — здесь: монета в шесть медных грошей.

— Треугольные сладкие, с морковью, длинные с рыбой без костей, круглые с курятиной! Налетай, звени шустакami! Лучше, чем у мамани!

Слюной Тарик аж поперхнулся, и медяков в кармане хватило бы на дюжину пирогов, да вот беда — настрого запрещено одетым по форме Школярам что бы то ни было есть на улице, дабы не позорить честь славного учебного заведения. Можно бы и рискнуть, но среди прохожих может оказаться педель²⁴, вышедший как раз на охоту за нарушителями предписаний. За нарушение коих любой чужой педель имеет право сграбастать любого чужого Школяра и оттащить для выяснения личности в ближайший Школяриум. Розог, конечно, не будет, на несколько часов после лекционных под замком в «холодной» не оставят, но в лист поведения запишут, что тоже не сахар. Твердят злые языки, что педели получают денежку за каждого заловленного Школяра (мелкую, но постоянную), однако никто не знает, как оно на самом деле...

Завидки брали при виде долговязого Подмастерья-сапожника: расселся на низеньком каменном барьерчике, словно дворянин в театре, очень даже смачно чавкает длинный пирог с рыбой — ему позволено. Героическим усилием воли Тарик одолел соблазн и, глотая слюнки, пошел прочь.

И поневоле задержался у края пешеходни...

Совсем близко, в той стороне, куда он направлялся, сидела на красивом гнедом коне молодая дворянка. Никуда не ехала, восседала, сложив на луке седла руки в замшевых перчатках с расшитыми золотом раструбами. Вроде бы самая обычная дворянка, каким при верховой езде политесно носить мужское платье. Однако очаровательна она была, как Дальмигетта²⁵ — точеное личико, от которого сладко замирало сердце, огромные синие глазищи, золотые волосы каскадом падают на плечи (вообще-то старомодная прическа, но ей страшно идет), аксамитный синий кафтан в меру

²⁴ Педель — надзиратель, наблюдающий за поведением учащихся.

²⁵ Дальмигетта — прекрасная фея, героиня сказок и баллад, олицетворение женской прелести.

тесен, так что сразу видно: фигурка у нее словно у статуй Пероза... Что она тут делает? Лавок поблизости нет — во всяком случае, тех, что особенно привлекательны для женщин; дорогу никто и ничто не загораживает. И все равно остановила коня и сидит в седле, глядя на проезжающих с каким-то непонятым выражением на свежем личике (о таких деревенские говорят: «Как ключевой водой умывается...»).

Он стоял и любовался совсем юной дворянкой — с девчонками всегда непонятно, но если она и старше Тарика, то не больше чем на год. Торчал столбом, хотя прекрасно знал, что таращиться так на дворянок не просто неполитесно: попадется спесивая — может и по спине разок ожечь, вон у нее на запястье висит плетка красивого плетения с резной костяной рукояткой...

Неизвестно, сколько это продолжалось. Наконец девушка его заметила, и они надолго встретились взглядами. Тарик приготовился отпрыгнуть на случай, если очаровательное личико вспыхнет гневом, она повернет коня на пешеходню — дворянам позволительно — и замахнется.

Ничего подобного. После короткой переглядочки девушка кинула по сторонам быстрый взгляд — видимо, убедилась, что никто не обращает на них внимания, — лукаво улыбнулась... и вдруг показала Тарику язык! Вот именно, самым натуральным образом язык показала. Придав себе вид гордый и независимый — красивые девчонки любого происхождения это прекрасно умеют, — легонько дала коню шенкеля и уехала неспешной рысью.

Тарик с этакой сладкой тоской посмотрел ей вслед. Воображение не лошадь, в оглобли его не поставишь, и перед мысленным взором пронеслись соблазнительные картины, не имевшие к реальности ни малейшего отношения: Тарик вовсе не молодой красивый охотник из баллад и сказок, а она не Дальмигетта. Вообще-то, дворянкам показывать язык, тем более низшему — весьма неполитесно, но юная красotka явно большая озорница, подобно годовичкам любого сословия, и способна слегка пренебречь политесами в отсутствие лишних глаз.

— Ну и чего, спрашивается, торчишь тут статуем и пялишься ей вслед? — спросил Тарика-Школяра Тарик-взрослый, в последнее время не так уж редко дававший о себе знать. — Нашел на кого засмотреться...

Сразу понятно, что юная красавица никакая не «гербушка»²⁶ — конь великолепный, воротник из дорогуших таралайских кружев, на шее ожерелье, усыпанное даже не шлифованными, а ограненными самоцветами, а на шляпе, кроме двух пышных перьев справа и слева, затейливая брошь с большим алмазом. Владетельный дом²⁷. Не иначе, чего доброго, госпожа граф, а то и госпожа герцог. Такие цеховых Школяров целуют только в сказках да растрепках...

И все же он еще долго смотрел вслед, хотя всадница на гнедом коне давно свернула за угол, ворвалась в его жизнь пленительным видением — и, конечно же, исчезла навсегда...

²⁶ «Гербушки» — насмешливое прозвище захудалых дворян, часто не имеющих за душой ничего, кроме старинного герба.

²⁷ Владетельные дома — титулованные роды, обладатели обширных владений.

Глава 3

ЧТО МОЖНО УВИДЕТЬ В ГОРОДЕ

Так уж исстари повелось, что обитатели Зеленой Околицы, даром что полноправные горожане, все равно именуют Городом ту часть, где улицы все сплошь мощеные и не встретишь ни деревца, ни кустика, а из всей разнообразной домашней скотины там имеются только кошки, которые везде проживут, были бы мыши с крысами (ну и лошади, конечно). Жителей Города именуют каменярами, а они, в свою очередь, кличут обитателей Зеленой Околицы деревенщиной. Прозвища эти носят оттенок иронии и пренебрежения, так что, высказанные в лицо, служат причиной драк не только мальчишек и Подмастерьев, но и людей взрослых, перебравших в тавернах. Любой обитатель Зеленой Околицы вам объяснит, что каменяры попросту злобствуют из зависти — им-то, бедолагам, и собак держать негде, кроме как в «зеленях»²⁸, но много ли тех «зеленей»? Да и есть они в основном в южной части столицы... А самое печальное для каменяров, что им за каждую ягоду, яблочко, моркву или земляной хруст²⁹ приходится платить денежку.

²⁸ «Зеленя» — обширные усадьбы зажиточных городских дворян с парками, цветниками и садами, а также предметом особенной гордости — огородами и скотными дворами.

²⁹ Земляной хруст — картофель.

То ли дело огорода Зеленой Околицы — что у тебя не растет, всегда можно поменять у других на то, чего у них нету...

Сплошной камень, да! Он Тарика не угнетал и не подавлял, здесь хватало своей красоты, не имевшейся в Зеленой Околице, но все равно было чуточку не по себе посреди сплошного каменярства, не хватало с детства привычных земли, зелени и простора...

Ну вот, к примеру: большущий и длиннющий дом в четыре этажа, красивый, с темно-красной черепичной крышей, башенками по углам кровли и каменными фестонами по фасаду и над широким крыльцом — однако ж оградой не окружен, а значит, не дворянский особняк, поделен на жилища. Обитают тут богатые члены Собраний, жилища их гораздо больше, чем домики Зеленой Околицы, роскошные и стоят заоблачную денежку. Но каково им знать, что их потолок — пол соседа, а их пол — соседа потолок? Или они попросту считают такую жизнь само собой разумеющейся, никогда не зная другой?

Тарик приостановился, чтобы с ног не сшибли. Наперерез пронеслась стайка мальчишек, гикая, озорно пересвистываясь, придерживая руками оттопыренные пазухи. Промчалась под носом у пароконной повозки, груженной пивными бочками, и исчезла в переулке под запоздалую ругань прохожих и проезжих, несущуюся вслед.

«Интересно, будет погоня?» — с большим знанием дела подумал Тарик, оставшись на месте. Все ясно: везде одно и то же...

И точно: с той стороны, откуда мальчуганы бежали, показался трюхавший тяжелой рысцой краснолицый толстяк. Шляпы у него не было (несомненно, уронил в пылу погони), но в нем моментально угадывался возчик: седалище штанов подшито кожей, кнут на длинном кнутовище, кафтан с капюшоном, как у всякого, кто вынужден работать под открытым небом и в непогоду. Бляха повернута боковой стороной наружу — цепочка перекрутилась, — но и так видно, что это возчик, как на картинке из школярской «Книги ремесел». Зря ноги бьешь, толстопузый, никого ты не догонишь, не поймашь и не выдерешь...

Очень похоже, что эта нехитрая истина наконец проникла и в башку незадачливого мастера кнута: мальчишек и след простыл, ищи-свищи...

Тяжело дыша и отфыркиваясь, возчик остановился у края пешеходни и, окончательно осознав бесцельность погони, выругался так затеяливо, как умеют только возчики и грузали (Тарик, как всякий Школяр, искушенный в знании «грязных словес», все же услышал два новых и старательно запомнил). Покосился на Тарика налитыми кровью глазами и выдохнул:

— Удрали, шантрапа! Чего вылутился? Поди, и сам такой же! Все вы вор на воре, перепорол бы поголовно...

И даже кнут приподнял, будто и впрямь огреет. Тарик смотрел на него ясным невинным взором Малыша и нисколько не боялся. Хоть возчик и разъярен, соображения не теряет и должен помнить: на людной улице ни с того ни с сего вытянуть кнутом безвинного Школяра, мирно идущего по своим делам, — чревато. Если поблизости случится Стража — запросто огребет дюжину розог, а то и две: Школяр самый благонравный, аж пять золотых совушек прицеплено...

Прохожие поглядывали на возчика насмешливо — многие были молодыми Мастерами, не успели еще забыть схожие собственные проказы. И труженик кнута, видя, что никто сочувствовать ему не намерен, бросил на Тарика еще один злобный взгляд (Тарик, ни в чем не замешанный, ответил невинно-недоумевающим — мол, в толк не возьму, дяденька, с чего вы на меня-то вызверились), круто повернулся и побрел туда, откуда прибежал.

Возчик питал на счет Тарика справедливые подозрения — Тарик сам был такой, как все мальчуганы этих годочков. Испокон веков считалось молодечеством прибрать с остановившегося для разгрузки воза полпазухи того-сего и убежать от разозленного возчика. Вовсе уж удалю было проделать это так, чтобы не заметили. Главное — соблюсти два нехитрых правила: лямзить только съестное, и чтобы цена хапнутого не достигла серебряного денара. Ежели не достигала — обойдется полудюжиной розог в стражниковой будке, безо

всякой Воспиталки. Конечно, если возчик догонит и сграбастает за шиворот — уши накрутит будь здоров, а то и кнутом пару раз приложит по мягкому, но это в глазах приятелей вовсе не позорно: каждый может оплошать, ребята...

Самое занятное бывало, если возчик, увлекшись погоней, оставлял воз без присмотра: его другие мальчишки могли пощипать, такое случалось. Подмастерьям лавочника, в общем, наплевать: за мелкую недостачу товара отвечает денежкой один возчик. Подмастерья и сами не так уж давно этим молодечеством баловали, так уж испокон веков повелось. И ни один мальчуган в здравом рассудке ничего не слямзит, будучи в форме: вот тут взгреют, запросто могут выпереть, не глядя, какис у тебя совы, — как опозорившего честь заведения.

Здесь Тарик бывал несколько раз, но, коли уж опять оказался в Городе, следовало, подавив не такой уж сосущий голод, посмотреть как можно больше. Может, и найдется о чем потом рассказать на ватажке, они как раз соберутся по случаю предстоящего вольного дня. Пока что не случилось ничего интересного, разве что об испытаниях послушают — у них в ватажке все Школяры. Но этого мало, а мальчишки, что-то понятившие с воза и ловко улизнувшие от возницы, — вещь самая обыденная. О показавшей язык озорной юной дворянке как-то не тянуло болтать: Тарик отчего-то уверился, что это принадлежит только ему, да и не передать словами изумленную радость от того, что эта благородная госпожа оказалась в чем-то ужасно похожей на девчонок с его улицы...

А потому он не колеблясь свернул вправо, к обширной Торговой площади — издали увидел, что там идут торги: сами по себе вещь обыденная, но способная одарить какими-нибудь интересными подробностями. По обе стороны невысокой ограды из порядком выщербленного бурого кирпича стояли две фигуры в рост обычного человека, тоже траченные временем и непогодами: каменные мужчина и женщина в бесформенных балахонах, в цепях. В отличие от других городских статуй эти никто не собирався подновлять. Их скоро намереваются совсем убрать, они, как сказал Титор Кавелиус,

являют собою этот, как его... Тарик забыл длинное ученое слово — что-то вроде «ахахаронизм». Что-то такое, что было давно, а теперь не бывает. Уже лет пятьдесят, говорил Титор, кабальников не выводят на продажу в кандалах, как раньше было непременно заведено. «Смягчение нравов» — так это еще называется. Это понятно. Давным-давно Школяров наказывали особыми плетями, а теперь только розгами — тоже смягчение нравов.

На первом торжище мало того что не усматривалось ничего интересного — там торги подходили к концу. Выстроившиеся в ряд десять повозок были уже нагружены свернутыми пестрыми шатрами, и только возле двух шатры стояли; возле них покуривали свои длинные гнутые трубки продавцы. Лапилянцы как лапилянцы — нечесанные, с клочковатыми бороденками, в своих обычных пестрых накидках наподобие мешковатых женских платьев, но гораздо короче (почему-то мужчины у лапилянцев обожали пестрые ткани, на чем неплохо зарабатывал ткач с их улицы, туда главным образом и возивший бо́льшую часть своей работы). Ничем особенным лапилянцы от прочих жителей королевства не отличались, разве что были гораздо смуглее, словно летний загар так и оставался на лицах весь год (так мог бы подумать заезжий иноземец — но такая уж была у лапилянцев кожа). Ну, глаза самую чуточку раскосые, ну, волосы отроду нечесанные — Тарик хорошо помнил, сколько трудов убила маманя, пока научила Нури пользоваться расческой.

Он все же задержался у ограды. Нет, ничего интересного. Малыш в одной набедренной повязке (труселей лапилянцы тоже не знают, темнота степная) шустренько бегал туда и обратно по прямолеглой³⁰ к ограде дорожке, и за ним зорко наблюдал нестарый жестянщик — ага, скорее всего, у него нет сыновей, а работа требует Подмастерья, вот он загодя и прикупает себе лапилянца, чтобы всю жизнь платить ему сущие гроши, за которые ни один вольный в Подмастерья не пойдет, особенно если не будет возможности стать Мастером — вечных подмастерьев немало, но очень уж это незавидная участь...

³⁰ Прямолеглый — перпендикулярный.

Ну да, сейчас малыш будет поднимать для того здесь и лежащие продолговатые отесанные намни с глубоко высеченными циферками веса — понятно, те, что ему под силу: покупатель оценит мускулы. Зубы, конечно, первым делом проверил, тело осмотрел, чтобы не попасть на кожную хворь (это у лапилянцев не редкость).

Возле второго шатра чуть поинтереснее. Отец-продавец как раз заиграл на дудочке, и малышка, тоже в одной набедренной повязке, подняв ручки над головой, начала какой-то их танец, и у нее неплохо получается. Покупатель, Ювелир в годах, внимательно за ней наблюдает. А вот тут уже другое, не служанку присматривает. То есть, конечно, быть ей служанкой, но лет через восемь — не только... Тарик присмотрелся: ножки стройненькие, ладная, мордашка смазливенькая. Тоже дело житейское, они о таком судачили, хихикая и подталкивая друг друга локтями. Это называется — заботливый папаша, предусмотрительный. Подрастает у него сын, а то и два, и он заранее озаботился, чтобы наследники не подцепили у всеслых девок срамную хворь. Тариковы родители рассуждали иначе, но над Тариком давно уже насчет этого не пошучивают: прискучило, надоело...

Ага, сладилось: Ювелир отсчитывает деньги, отец-продавец завязывает у нее на шее хитрым узлом длинный крученный шнурок и дает конец покупателю, передавая ему отныне все права на свежобретенную собственность. Малышка не выглядит ни грустной, ни угнетенной — у них там свои порядки, она с тех самых пор, как вошла в разум, знала, какая судьба ее может ждать. Нури тоже нисколько не печалилась, ни слезинки не проронила — наоборот, с дикарским любопытством изучала дом и двор, а уж когда ей сахару дали...

Вот такие уж они, лапилянцы — причина насмешек и байс³¹ по всему королевству, потому что других таких нет. Довольно большая провинция на западной окраине Арелата, земля там скуднейшая, почти и не родит ничего, кроме мелкого земляного хруста и лука с великими головками (правда, есть аж три большие рыбные реки).

³¹ Байса — анекдот, смешная притча.

Пастбища тоже скудные, пригодные лишь для овец и маленьких лохматых лошадок, потому и коровы там — роскошь, доступная лишь дворянам, и то не всем. Там даже нет землеробов (в Школариуме объясняли, что заводить их невыгодно), попадаются лишь оброчные овцеводы и оброчные лошадаики, платящие владельцам земель овечьей шерстью и жеребьями. Впрочем, и дворяне там убогие, не зря выражение «лапилянский дворянин» издавна обозначает крайнюю степень захудалости и от него происходит с дюжину присловий того же презрительного значения...

Ничего удивительного, что лапилянцы — единственные, кому оставлена привилегия продавать своих детей в кабалу, особенно в неурожайные годы. В старину этим пользовались и кабальные землеробы, но потом дедушка предпоследнего короля в целях смягчения нравов это отменил, только оставил привилегию за лапилянами после их слезных просьб (и чтобы, как говорил как-то на перемене Титор Палоташ, там не принялись убивать новорожденных, которых все равно не прокормить). Так оно до сих пор и тянется: лапилянцы привозят в города и продают достигших шести лет детей, а иные добираются и до столицы, где цены гораздо выше, — хоть в байсах лапилянцы и предстают тупыми на всю голову, денежку они считать умеют...

Скучно было и дальше тут торчать, а потому Тарик направился ко второму торжищу в надежде хоть там увидеть что-то интересное и достойное рассказа в ватажке.

Там, конечно, многое было по-другому. В центре возвышался круглый каменный помост в человеческий рост, и на него как раз по узким ступеням поднимался зазывала. На помосте торчали три каменных же столба, к которым в стародавние времена приковывали кабальных в пору, когда на них еще надевали кандалы.

Еще издали Тарик наметанным глазом урожденного горожанина определил, что тут и как. Торги, несомненно, близились к концу, начавшись с утра — справа от помоста лежало дюжины три камышовых циновок, не заняты были только две: на одной землероб с женой, оба уже в годах, с мальчуганом несколькими годами

помладше Тарика (вполне возможно, он еще моложе, чем выглядит, но так уж с землеробами обстоит: они всегда смотрятся старше, чем ровесники-горожане), на другой семейная пара гораздо помоложе, еще не успевшая изъездиться тяжелой работой. О том, что это мужья с женами, свидетельствовали чепцы замужних, обшитые зеленой лентой, — уж Тарик-то, с ранних лет бывавший с папаней в деревнях, тамошние уклады знал. Остальных уже распродали, ясное дело. То-то и Стражников сидит на лавке целых четверо — на большое число кабальников так и полагается (непонятно, правда, зачем — сроду никто не слышал, чтобы продаваемые кабальники устроили беспорядок, куда они денутся в городе?).

Стражники были внушительные: нестарые, brave, медные рукояти тесаков начищены, как и пуговицы с городским гербом. Вот только, сразу видно, скучали отчаянно, дымя коротенькими трубочками, молодцы при полной форме: одна штанина желтая, другая черная, кафтаны черные с желтыми рукавами, на желто-черных полосатых беретах соколиные перья — конечно, тряпочные (если каждому градскому Стражнику цеплять натуральные, где напасешься столько соколов?), но сделаны искусно, не то что у иных окраинных.

Глазеющих собралось — или осталось? — немного, дюжины три, только у двоих в первом ряду на шапках были дворянские перья. Ручаться можно: почти все остальные пришли просто поглазеть. Вон кучка мальчишек годочков Тарика и троица студиозусов — мальчишек к торгам не допускают, а студиозусам иметь кабальников рано, кроме особенно уж богачей, коим родительское состояние позволяет и в университете держать прислугу. Прочие, скорее всего, градские зеваки, к которым собраты по Цехам относятся с легкой насмешкой, справедливо полагая их несерьезным народом. Таковы уж они — многие из них зажиточные, с преуспевающими лавками, мастерскими и прочими хозяйствами, но все, и те, кто победнее, и богатые, ведут себя одинаково: после обеденного часа оставляют лавки на Приказчиков, мастерские — на Подмастерьев, а сами до темноты болтаются по столице, находя развлечения в чем только

возможно: от торговых казней до лицемерия житейских случаев, которые не привлекают и мальчишек (скажем, колесо у телеги отлетело, мелкого воришку поймали и бьют, пока не подошли Стражники, муж с женой шумно скандалят с битьем посуды при распахнутых окнах, собака попала под телегу). Несерьезный народец, словом. Папаня давно говорил, что от такого распорядка жизни одни убытки: оставшиеся без присмотра Приказчики малость с выручкой мухлюют, Подмастерья вместо работы играют в потрясучку, а то и на улице — в трынку или подпиналочку...

Зазывала, в знак своего ремесла украшенный на плече бантом городских цветов, черно-зеленым, подошел к краю помоста и старательно приосанился, хотя был плюгавым недомерком и оттого в этой позе выглядел смешно. Однако ж, разинув рот, заорал густым басом, разлетавшимся и за пределы немаленького торжища:

— Начинаем торг, почтенная публика! Имеющих желание принять участие прошу на законное место!

Ну, ничего удивительного: всякий зазывала обязан обладать зычным голосищем, не всегда от телосложения и зависящим. Из первого ряда проворно вышли пятеро и заняли места для покупателей — у самого помоста, отгороженные крученой веревкой городских цветов на невысоких, ниже колена, резных столбиках. У двоих дворянские перья на шляпах, а какие бляхи у троих — со спины не видно, однако они не из бедных: кафтаны и штаны у двоих из кадафаса, а у третьего и вовсе аксамитные.

Ага! Освободилось местечко в первом ряду! Тарик живенько туда просквозил, опередив замешкавшихся, встал рядом с тремя студюзусами (судя по широким красным и синим полосам их коротких епанчей — из Картагельского университета). Есть повод легонько почваниться: в отличие от множества других Школяров Тарик знал цвета каждого из четырех столичных университетов, знал, что в столице их именно что четыре, а вот в других городах, даже самых больших и старых, — по одному.

А еще он был в числе немногих, кто знал непонятный для большинства смысл дразнилки, которой отчаянные мальчишки задирали

студизосусов — понятно, что с безопасного расстояния: студизосусы очень обижались, могли догнать и уши нарвать старательно. Дразнилка звучала так: «Полосатый, где твоя шпага?»

Когда-то студизосусы имели право на ношение шпаги — даже те, кто к дворянству не принадлежал. И носили другие епанчи, одноцветные. И не хуже дворян эти шпаги использовали, устраивая украдкой поединки как между питомцами разных университетов, так и меж собой. А также без зазрения совести пускали шпаги в ход и в ссорах в тавернах, и в стычках со Стражниками, и просто в озорных буйствах, на которые были превеликие мастера. Все с этим смирялись: очень уж старинная была привилегия. Однако двадцать три года назад суровый нравом король Дахор Третий осерчал не на шутку, и было отчего: в одной из самых роскошных столичных таверн студизосусы крепко повздорили с королевскими гвардейцами, засверкали шпаги, и был убит любимец короля, лейтенант из полка «Красный дракон». Как водится, участники драки успели разбежаться до появления Стражи (злые языки говорили, что Стража за то и получает потаенно денежки, чтобы не на всякую драку сломя голову поспешать), и никто не был изловлен. Отчего король еще больше рассвирепел и кое в чем ущемил старинные вольности университетов. Привилегия на ношение шпаги была отнята, в Сыскной Страже создали канцелярию, занимавшуюся исключительно студизосусами (по сравнению с ней педели Школариума — агнцы кудрявые). Министр обучения, тоже не светоч доброты, ужесточил прежние регламенты поведения да вдобавок велел студизосусам носить полосатые плащи расцветки своего университета — чтобы стражи порядка, если и не сумели поймать виновника очередного прегрешения, по крайней мере знали бы точно, в каком университете он обучается. Студизосусы, понятное дело, вдоволь пошумели в стенах университетов (где им согласно тем же старинным привилегиям сходило с рук иное злоязычие), но бунтов вроде тех, что случались в давние времена, не произошло — суров был король, мог осерчать. Об этом в ватажке рассказывал как-то Чампи-Стекляшка, сущий кладезь самых разнообразных знаний,

почерпнутых из умных книг, каких в Школариуме не проходили и никто, кроме него, не читал...

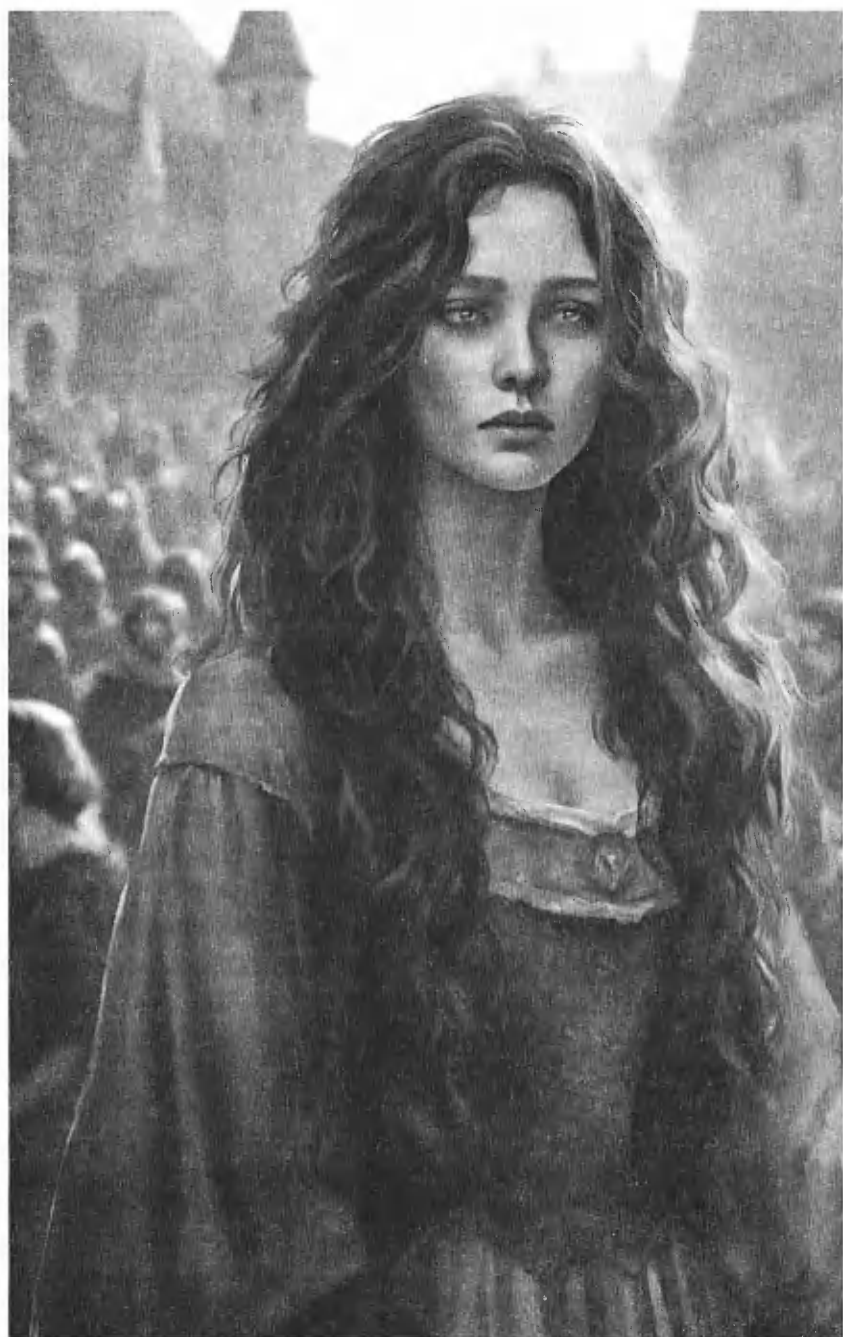
Зазывала кивнул служителю, сделал ему какой-то знак — и тот подошел к молодухе, похлопал ее по плечу и что-то сказал. Она поднялась и направилась к лестничке легкой грациозной походкой, с детства присущей тем землеробкам, что не имеют на подворье колодца и носят воду в ведрах на коромысле. Без сомнения, ей заранее объяснили правила: она шла без заминки, и на лице не было ничего, кроме безучастности. Кто-то за спиной Тарика громко, восхищенно причмокнул, и было от чего — самая красивая кабальница, какую Тарик лицезрел на торжище, темные волосы не заплетены в две землеробские косы, а свободно падают на спину...

Она встала у края постамента и по шепотку зазывалы широко улыбнулась — понятно, не по собственному желанию (откуда ему сейчас взяться?), а чтобы покупатели убедились: зубы у нее безупречные, ровные, белоснежные.

Ее наряд мог бы не на шутку изумить «лупастика»³², однако Тарик, хоть и не назвал бы себя завсегдатаем торжищ, все же довольно часто бывал на них с друзьями из ватажки и в здешних порядках прекрасно разбирался. Замужние землеробки носят юбки на две, а то и три ладони ниже колен, просторные сорочки с длинными рукавами и непременно чулки, без которых показаться на людях страшно неполитесно. Сейчас все по-другому: она без чулок, юбка из легкого ситчика повыше колен ладони на три, просторные рукава только до локтей, а сорочка обтягивает, как кожанка колбасу. Именно так одевали выведенных на торги кабальниц — но только молодых и красивых, у которых после покупки было свое предназначение...

Зазывала что-то шепнул — и красотка, заложив руки за голову, медленно повернулась вокруг себя, а потом встала в прежней позиции, не убирая рук с затылка.

³² «Лупастик» — насмешливое прозвище провинциалов (в том числе и дворян), впервые попавших в город, тем более тот, что имеет привилегию на кабальные торжища. Всему удивляются, лупятся по сторонам и потому служат предметом насмешек — потаенных, если речь идет о дворянине.

И покупатели, и зеваки могли убедиться, что фигурка у нее стройная, грудь высокая, а что ноги красивые, видно сразу: и короткая юбочка, и высокий постамент открывали их взору до самых труселей из домотканины, крашенных явно ягодным настоем — должно быть, деревня захудалая, одеваются в домотканину.

Зазывала загремел так, словно хотел, чтобы его услышали в соседнем королевстве, до которого неделю ехать на коне:

— Почтеннейшая публика! Торгуется Латисима Кар, двадцати одного годочка! Искусно кухарит, прядет шерсть, шьет-пошивает, убирается в доме...

Он грохотал открыто скучаяще: все прекрасно понимали, что молодую красоточку, купленную задорого (а когда это таких продавали дешево?), новый хозяин к плите не поставит и шерсть прясть не заставит, вообще не станет утруждать работой служанки — не для этого купал...

За спиной Тарика вполголоса произнесли:

— Я б такую тоже прикупил...

— Нам не по денежкам, куманек, — грустно ответили ему. — Вот посмотришь: и «лысым шляпам» не достанется! «Перушки» перехватят, у них кошель толще...

Тарик не смог отказать себе в маленьком удовольствии: повернулся и уставился на них характерным взглядом, будто накрепко запоминая. Двое в годах; судя по бляхам, башмачники. Оба, тщательно скрывая испуг, приняли самое безразличное выражение лиц, притворяясь, будто и не они только что говорили. Тарик отвернулся, скрывая ухмылку. За высказанное на людях обидное прозвище дворян, данное из-за перьев на шляпах, солидный денежный начет полагается — а в платных доносителях Тайной Стражи и Школяры порой подрабатывают...

— При означенной торгуется супружник, Беримент Кар, двадцати двух годочков...

Перечисляя землеробские умения этого Беримента, зазывала выглядел вовсе уж скучающим: кому эти умения нужны в городе, тем более в столице? Приспособят рубить дрова и таскать тяжелое, а то

и вообще в свое поместье отошлют, если есть поместье... Зазывала произнес еще несколько обязательных фраз: что бумаги на продажу заверены по всем правилам и кабальники не есть пребывающее под судебным запретом движимое имущество; что лекарские свидетельства в полном порядке, и тому подобное. И, заметно оживившись (ему ведь полагалась доля с выручки — малая, но в случае большой денежки ощутимая), прогремел:

— Начинаем торги!

— Товар лицом! — выкрикнул кто-то за спиной Тарика.

Вяловато было выкрикнуто, безо всякой надежды — крикнувший сам прекрасно понимал, что хватает раду́³³. Крикни это покупатель — зазывала тут же велел бы красотке раздеться, но кто станет показывать обычному зеваке бесплатное заманчивое зрелище? Этот зазывала не ограничился презрительным взглядами, громынул:

— Добрый товар и в обертке уйдет! Господа покупатели, оглашайте вашу цену согласно заведенному порядку. Торги начинаются с десяти золотых!

«Заведенный порядок» означал, что покупатели будут называть свою цену слева направо, по очереди.

— Десять и пять!

— Пятнадцать и пять!

— Двадцать и пять!

Когда очередь дошла до двух дворян, те, как и следовало ожидать, набивали цену уже иначе:

— Двадцать пять и десять!

— Тридцать пять и десять!

И снова слева:

— Сорок пять и три!

Ага, не так уж и набит кошелек — набавляет так помалу, как только допускается. Так же и второй:

— Сорок восемь и три!

Третий, как и полагалось, взмахнул шляпой в воздухе и перешагнул через веревку — вышел из торгов. Ни на кого не глядя, с

³³ Хватать раду́гу — браться за заведомо безнадежное дело.

опечалившимся лицом заторопился прочь. Кто-то хохотнул ему вслед, и еще один, и еще: конечно, зеваки злорадствовали над чересчур самоуверенным типом — при том, что сами не имели денежки, позволившей бы торговаться...

Когда цена достигла шестидесяти одного золотого, двое из четырех покупателей, взмахнув шляпами без перьев, покинули торжище, заполучив свою долю насмешек. Оставшиеся двое дворян набавляли по три (вряд ли от скупости: любят иные брать соперника на измор). В точности как заядлые картежники ценят даже не выигрыш, а саму по себе долгую игру. Им удовольствие и азарт, а зрителям — скука. Судя по шагам за спиной, иные зеваки подались восвояси в поисках более увлекательного зрелища.

Студиозус рядом с Тариком сказал спутникам с некоторой мечтательностью:

— Такую бы я и себе прикупил...

— За чем же дело стало? — с деланным, похоже, удивлением воскликнул его сосед. — Родительское содержание позволяет. Снял бы комнаты в университетских наймах, а то и домик, поселил бы там красотку...

— Все насмехаешься? — грустно ответил собеседник. — Знаешь ведь распрекрасно, что матушка у меня строгих правил и такое не одобряет...

— Знаю, конечно. И помню, что матушкин виргин³⁴ — целых три четверти вашего состояния. Чего доброго, и содержание тебе урежет очень даже чувствительно, не сможешь к веселым девкам из-под золотого трилистника через день шмыгать, придется пробаиваться товарцем попроще да и вина попивать не заморские...

Его собеседник замолчал, возмущенно фыркнув (определенно, крыть было нечем). Тарик покосился на них — скучновато стало, торг затягивался. Студиозус-насмешник ему понравился: сразу видно, балагур, весельчак и заводила в проказах. Второй тоже был ничего,

³⁴ Виргин — приданое, которым женщина и после замужества может при желании распоряжаться. Если виргин велик, муж порой становится подкаблучником.

а вот третий, тот, что напрасно мечтал себе красотку прикупить, с первого взгляда симпатий не вызывал. Дело вовсе не в том, что он толстый и пухлощекий (значит, таким Создатель сотворил, что поделаешь), — физиономия неприятная какая-то. В Школариумах с такими ряшками обычно бывают подлизы и ябеды, их не любят и частенько колотят. Он слышал, у студиозусов тоже есть такие, и Папенькины Чада имеются — как бы и этот не из таких...

У всех троих на беретах поблескивали золоченые бляхи — дво-ряне, ага. Щекастенький протянул не без зависти:

— Повезло дурехе: не изъездится рабочей клячей, в шелках будет ходить, батистовые труселя носить, а если не дура — и золо-та подкопит, в экономки вылезет, а то и в управительницы... А вы видели — муженек сидит как колода, рожа тупенькая. И ведь не может не понимать, что за грядущее у женушки. Верно говорят, что землеробы недалеко от своей скотины ушли по разумению и чувствам. Я бы на его месте...

Заводила фыркнул:

— На его месте ты б точно так же сидел, ручки свесив, не вышло б из тебя Рафа-Медведя³⁵.

Щекастый промолчал. Тем временем события, кажется, рванули вперед: тот, что стоял слева, крикнул: «Сто и три!», а его сосед откликнулся:

— Сто три и дюжина!

И завершил поединок: его соперник, взмахнув шляпой, удалился с торжища, но смешки, понятное дело, раздались, когда он отошел достаточно далеко: шпага у него висела на поясе внушительная, ничуть не похожая на те раззолоченные коротышки, что носят скверные фехтовальщики, избегающие серьезных поединков.

Дальше, пожалуй что, неинтересно: покупатель заплатит денежку, получит торговую бумагу, лекарское свидетельство... Щекастенький не унялся:

³⁵ Раф-Медведь — знаменитый предводитель крупного землеробского мятежа, «мужицкий король».

— Интересно, он ее хоть искупает и переоденет в градское или пустится жулькать, едва домой приведя, на манер маркиза Кудараша?

— Кто про что, а блохастый все про чесотку... — уже с нескрываемой насмешкой откликнулся заводила. — Я его знаю, хоть и не знакомы. Это граф Бармер, с обхождением человек. И выкупает, и приоденет, и даст в доме освоиться, не полезет в первый же вечер. Вдовец, ему даже и простительно.

Очень не нравился Тарику щекастый, и он, тщательно все продумав, решил: вежливо тронул его за локоть, а когда тот недовольно буркнул: «Тебе какого рожна, Школяр?», Тарик поманил его ладонью и с таинственным видом сообщил:

— Секрет скажу...

Когда щекастенный к нему охотно наклонился, шепнул на ухо:

— Полосатенький, где твоя шпага? Пропил или потерял?

Не тратя ни мгновения, взвился, как распрямившаяся пружина, отпрыгнул. Когда вскипевший, как чайник на жарком огне, студиозус дернулся сграбастать оскорбителя за ворот, Тарика ему было уже не достать — тот припустил прочь, к выходу. Оглянувшись на бегу, Тарик убедился, что погони не будет, и перешел на быстрый шаг — могло занести и сюда особенно ретивого педеля, неприятности будут...

Глава 4

ТАРИК ВСЕ ЕЩЕ ИДЕТ ДОМОЙ

Вскоре Тарик свернул с широкой Златокузнечной направо, в переулок Чеканщиков. Пойди он прямо, путь домой оказался бы на добрых шесть томайлов³⁶ короче, но так уж исстари повелось: всякий Школяр, если был в форме, обходил шестой дорогой площадь Компаса, где располагались оба семинариума, мужской и женский. Заклятой вражды меж заведениями не было (хотя драки порой случались), но очень уж семинары драли перед Школярами нос. Учились там главным образом дворяне и дети членов Собраний (четыре года, а не два), проходили немало умных лекциумов, каким в Школариумах не учат, и обладатели восьми золотых сов — у них было два испытания в год — могли и зачисляться в университет без вступительных испытаний. Вот семинары и драли перед Школярами нос. Хватило бы и насмешливых взглядов, и старых обидных дразнилок, в том числе и песенок. А хуже всего было, когда насмешничали девчонки-семинарки, которым не ответишь: не политесно...

О том, что придется тратить лишнее время, Тарик ничуть не жалел — выбранная дорога вела через мост Инотали, где он любил бывать при всякой возможности.

³⁶ Меры длины: майла — 1200 метров, томайл — 100 метров, ромайл — 1 метр.

Мост был недлинный, но очень достопримечательный — один из дюжины мостов через два притока могучего Робайталя, протекающего через столицу. Длиной всего-то десятка в три ромайлов и невеликой ширины, один из восьми пешеходных. Не самой искусной работы, зато единственный во всем королевстве крытый красивой кровлей из черепицы в виде старинных рыцарских щитов (говорили, один такой на все окрестные страны), с глубокими нишами. Точно известно, что это не легенда, а доподлинная быль: лет сто двадцать назад молодой король Чедар Шестой, любивший прогуляться по столице переодетым, назначал здесь свидания прекрасной дочке суконщика. И поскольку свидания у них начались аккурат к Поре Ливней, король — а что ему стоило? — повелел в неделю возвести над мостом крышу, да не абы как, а добротную, на века. И заодно устроить те самые ниши. Работа кипела день и ночь, управились даже не за неделю, а за пять дней, за что удостоились нешуточных королевских милостей: золото для Цеховых, медали для Анжинеров, высокий орден для возглавлявшего стройку благородного графа. И еще два месяца король встречался тут с предметом своего обожания, пока красавица не умерла внезапно (шептались, что ее отравили по приказу королевы, злой и ревнивой).

Давно уже нет на этом свете ни короля, ни королевы, но до сих пор с наступлением темноты ниши служат приютом для влюбленных парочек, даже тех, у кого есть более уютные места свиданий, даже дворянских юношей и девушек — считалось, что это счастливое место, влюбленным всегда будет сопутствовать удача, и не случится ни разлук, ни измен (что отражено в большом количестве пословиц). Говорят еще, что именно трагическая кончина прекрасной суконщицы как раз и подвигла Птицу оказать благоволение этому месту.

Вот она! По левую руку на полукруглом постаменте в полчеловеческого роста распростерла крылья Птица Инотали — бронзовая статуя тончайшей отделки, созданная знаменитым маркизом Ансельмо, ваятелем, виршеслагателем и математиком, наперсником и другом короля, не раз ему сопутствовавшим в прогулках переодетыми по столице. Много лет прошло с той поры, и статуя покрылась ярко-

зеленой окисью, но верхняя часть левого крыла (того, что ближе к сердцу) сверкала, будто бронзовую статую отлили вчера. Приезжие удивлялись, а горожане прекрасно знали, в чем тут дело...

У подножия, конечно же, высокой грудой лежали алые мальвы — старинный обычай сохранялся до сей поры. Жалея, что у него нет цветка — негде было по дороге купить, — Тарик подошел вплотную, зорко следя, чтобы не наступить на мальвы (везения не будет!), погладил левое крыло, сверкавшее от бесчисленных прикосновений, и сказал тихонько, как полагалось:

— Прекрасная Птица Инотали, пошли твое перо через мое сердце красивой, доброй и верной девочке, с которой я буду счастлив...

Птица Инотали с загадочной улыбкой на прекрасном личике смотрела куда-то в неизвестные дали. Так и должно быть, она никогда и ничем не дает знать, что услышала просьбу, тем более что ее выполнит, — и даже сочинители городских легенд, порой жутких, порой завлекательно-красивых, не обошедшие вниманием иные статуи, Птицу Инотали никогда не затрагивали словесно...

Краешком глаза Тарик заметил, что неподалеку от него нетерпеливо топчется рослый Подмастерье-каретник, парой лет постарше, с тремя мальвами в руке. Согласно очередной негласке, не полагалось задерживать другого, когда ты все свое сказал, и Тарик, еще раз погладив сверкающее крыло, пошел прочь. Миновав мост, свернул вправо, отклонившись от прямой дороги ради известной цели: небо ясное, дождь не соберется — значит, печатник на месте.

И точно, тот стоял у подножия каменной статуи маркиза Ансельмо, рядом с тачкой и несколькими угловатыми сумами (половина уже пуста: это место знают многие грамотеи, и торг с утра идет бойко). На косой дощатый щит набиты деревянные планки, и на них в шесть рядов сверкают (иные и тремя-четырьмя красками) «голые книжки»³⁷. Перед ними толпится с дюжину горожан, даже

³⁷ «Голые книжки» — дешевые издания в бумажных обложках с аляповатыми картинками: то, что мы называем «бульварной литературой». Иные высоколобые книжники их ругают и ими брезгуют, но они весьма популярны не только у грамотных простолюдинов — во всех слоях общества.

наличествует один дворянин — зеваки здесь редки, только покупатели. Из-за их спин Тарик мог рассмотреть только два верхних ряда, а потому, чтобы не терять времени и не пихаться, с уверенностью завсегдатая подошел к печатнику и спросил:

— Нет ли свежих «Похождений капитана Фаулета»? Тех, что обещали после «Магического омута»?

Пожилой печатник с морщинистым лицом ответил со всем расположением, чужа покупателя опытного:

— Через недельку появятся, вот тогда и прошу покорно. Сегодня издали новые «Приключения сиротки Латуны»: «Латуна на Большом тракте». Интересует?

— Да нет, это для девчонок... — сказал Тарик. — Слезы-сопли...

— А «Боцман Калидас на Таинственных Островах»? Уж это никак не для девчонок...

— Еще хуже, — сказал Тарик уверенно. — Кто бы там ни писал, а морского дела он не знает, точно вам говорю. Читать смешно...

— Тс! — печатник приложил к бледным губам костлявый палец. — Не паскудь громко торговлю, знаток. Вон тот, с перьями на шляпе, — видишь, зачитался? — всякий раз берет пять штук, себе и знакомым. И чихать им, что писака морского дела не знает: они и сами не знают, им завлекательные похождения подавай... Значит, капитана Фаулета нужно? Приходи через неделю, тогда точно будет...

Он кивнул Тарику и засеменял к дворянину, который обожал морские приключения, совершенно не разбираясь в морском деле, — тот наконец поставил книжку на место и оглянулся в поисках торговца. Тарик давно уже, только подойдя, высмотрел нужного ему человека — долговязый рыжий Подмастерье-печатник стоял у невысокой каменной стеночки и словно бы лениво таращился на окружающее, а на деле выжидал таких, как Тарик: взрослым его товар без надобности — хоть и среди них попадаются любители, но книжки они покупают другие, толстые, а не тоненькие. И продают их другие, постарше, не желая, чтобы денежку срубали Подмастерья. Правда, и рискуют они больше...

Перехватив взгляд Тарика, рыжий показал глазами на вход. Тарик кивнул в знак того, что понял, и направился туда. Подмастерье подошел вплотную и спросил шепотом:

— Растрепка нужна, Школяр?

— Смотря какая, — сказал Тарик.

Они виделись впервые, и рыжий с ходу должен был просечь, что Тарик не торопыга-новичок, а покупатель опытный. Иначе выкатит ломовую цену, придется торговаться...

— Свежайшая, браток. Первый день продается. «Юная баронесса в лапах лесных разбойников». Отпадная чтивуха, точно тебе говорю, не кошака втираю³⁸. Поехала, стало быть, баронессочка на охоту одна, а тут разбойники. И начали ее в заброшенной хижине по-всякому... С конца капать будет еще на середине...

Как и подобает опытному торговану, он сохранял на лице простодушно-льстивое выражение, но в глубине светлых глаз все же была насмешка. Стало чуточку неприятно оттого, что рыжий видит сго насквозь — впрочем, как любой продавец растрепок. Ну и наплевать, привычно подумал Тарик. Сам рыжий через это прошел. Все через это проходили, так аптекарский ученик болтал: и члены Собрания, и дворяне тоже, и уж, вполне возможно, тот, которого даже мысленно назвать страшно...

— Страничек сколько? — спросил Тарик.

— Два десятка. Самое то для растрепки, больше и не бывает. Больше только в толстых книжках, а они тебе не по денежке, да и зачем они тебе? И картинки есть смачные, аж три. Ну, берешь?

— Сколько?

— Пять шустакв любой монетой, кроме совсем стертой... Если денар³⁹ заваялся, сдача найдется.

— Задираешь... — поморщился Тарик. — Полтаха⁴⁰ — и то задрано будет.

³⁸ Кошака втирать — врать.

³⁹ Серебряный денар составляют 36 медных грошей.

⁴⁰ Полтаха — полденара.

— Ну, ты сказанул! Пять шустаков за двадцать страничек с картинками — ничуть не задрано. Пять, и без торга. Ты вроде мальчуган нахватанный, должен понимать. Торговые сыскари, чтоб им в неглубоком месте утонуть, недельную мзду на шустанк задрали, и куда тут денешься? И хозяину отстегни, будь любезен. Мне и остается-то с одной растрепки — кошкины слезки...

Очень возможно, он не врал. Тарик и сам знал, что сыщики Торговой Стражи далеко не всегда ведут незаконных торговцев к начальству, а дерут с них мзду. Ну, а кто у рыжего хозяин — и гадать нечего: вот этот самый печатник. Иначе не обосновался бы тут рыжий так вольготно. И растрепки, очень может быть, он сам печатает. Рискуют здорово: Тарику, если поймают на покупке растрепки, светит всего-то дюжина розог в Школариуме при общем собрании Школяров с громогласным зачитыванием вины. Наказание знакомое, можно перетерпеть, к тому же он, как полагается Матерущему, вытерпит все, стиснув зубы и не издав ни единого писка. А вот Подмастерью за торговлю книгами, не носящими печатей Королевской Цензуры и Совета Добродетели, придется гораздо хуже: если поверят, что он таким непотребством занимался впервые, получит несколько месяцев тюрьмы (смотря с какой ноги встал квартальный судья), но могут и из Цеха попереть, одна дорога тогда будет — в Градские Бродяги. Хуже всех будет Печатнику: грамоту Мастера отнимут, печатню отберут, в тюрьму на пару лет законопатят, а потом одна дорога: на Вшивый Бугор, к Бродягам. Говорят же: хотя торговые сыщики мзду берут старательно, но должны время от времени и хватать кого-то, чтобы не рассердить начальство. Тут уж кому как повезет. Однако ж, надо думать, зарабатывают оба незаконной торговлей достаточно, чтобы рисковать и верить в свое везение...

Все это пронеслось у Тарика в голове, пока он отсчитывал шустанки и шел вслед за рыжим к его сумке. Тот присел на корточки и запустил туда руку, сумки не распахивая. Подал Тарику невеликую стопочку листов плохой бумаги, сшитую с одной стороны суровой ниткой неуклюжими мужскими стежками:

— Владей...

Имени сочинителя там, ясное дело, не было — у растрепок их не водится. Крупными буквами обозначено: ЮНАЯ БАРОНЕССА В ЛАПАХ ЛЕСНЫХ РАЗБОЙНИКОВ, а пониже рисунок изображал по пояс голую женщину. Непритязательный был рисунок. Благодаря знакомству с художником Гаспером Тарик лучше многих разбирался в живописном и рисовальном искусстве и знал, что такие вот рисунки называются ученым словом «аляповатые», а проще говоря, «корявые».

Подмастерье, не вставая с корточек, тихо прошипел:

— Закурюй живее, обоих спалишь!

Не без некоторого смущения (рыжий был прав, мало ли кого могло на торжище занести) Тарик спрятал растрепку под кафтанчик, засунул за ремень и пошел прочь: делать тут было больше нечего.

Грустновато было, что новые приключения капитана Фаулета появятся только через неделю. Предыдущие, все пять, завершались на самом интересном месте. Капитан Фаулет взял на бордаж у Цветущего Архипелага пузатую купеческую каракку с грузом пахучих бобов⁴¹ и жевальной смолы дерева куапас, которое только на островах этого архипелага и растет. Добрая была добыча, капитан мог все выгодно продать старому знакомому, тайному перекупщику, который всегда давал хорошую цену, не то что некоторые прохвосты, прижимистые и скупые. А главное, на каракке плыла юная маркиза, такая очаровательная, что капитан Фаулет, определенно пораженный пером Птицы Инотали, влюбился сразу — хотя вот уже как десять лет дал обещание не влюбляться после того, как ему в порту Денатоль коварно изменила красавица с ледяным сердцем (это было не святое слово, а обычное обещание, так что совесть капитана чиста). Увы, судьба сыграла с отважным капитаном злую шутку... Фаулет, в отличие от иных благородный пират, никогда не обижает пленников, тем более женщин, и выкуп берет далеко не со всех — с купцов, которые лопаются от золота, и с тех, кто ему неприятен (вроде заносчивого графа из «Жемчужного берега»). Красавица

⁴¹ Пахучие бобы — какао.

маркиза оказалась умной и сообразительной, быстро поняла, что на борту «Альбатроса» ни за что не будет у всех постельной игрушки, и стала держаться с капитаном крайне надменно, будто со своим дворецким, насмешливо пропуская мимо ушей все его попытки завязать политесные разговоры. А до Денатоля оставалось еще дней десять плавания, и капитан втихомолку страдал после очередного холодного взгляда прекрасных синих глаз, по ночам пил ром у себя в каюте и впервые со времен расставания с жестокосердной красоткой из Денатоля стал складывать душещипательные вирши. Непонятно было, чем все кончится: ни малейшего намека сочинитель не давал, а потому читатели, не один Тарик...

— Господин городской! Побеспокоить вас на минуточку можно?

Тарик не сразу сообразил, что говорят ему, да еще со столь диковинным непривычным обращением, услышанным впервые в жизни. Но выходило, что именно ему — других прохожих поблизости не наблюдалось.

Он повернулся в ту сторону. У края пешеходни остановилась обычная землеробская габара — длинный деревянный ящик с невысокими бортами, тесно заставленный плетеными из лозы корзинами, далеко распространявшими столь ядреный и приманчивый запах копченой рыбки, что голодные кишки поневоле заворчали. У козел помещался землероб, проворно скинувший летний колпак с наушниками и назатыльником. С искательно-настороженной улыбкой он повторил:

— Побеспокоить вас на минуточку можно, господин городской?

Неплохо знавший деревню Тарик многое определил моментально. Землероб постарше его годочков на десять; прежде чем он скинул колпак, Тарик успел рассмотреть, с кем имеет дело (землеробы не носят блях): на колпаке у него медный пшеничный колос сопряжен с выгнутой лентой с раздвоенными концами — значит, это землероб с повинностями. Обычный балахонистый кафтан не из домотканины, а из покупного флиса, пусть дешевого и грубоватого; соловый конек выглядит сытым и ухоженным, в кожаной, а не веревочной

упряжи. Словом, если не зажиточный, то вполне благополучный. Как выражаются землеробы, «справный дядько» (ну, предположим, не такой уж по годочкам и дядько, но безусловно справный). А такие, Тарик по жизненному опыту знал, отличаются кое-каким достоинством и мальчишку-простолюдина господином ни за что не назовут, обойдутся вполне уважительным «малой».

Отгадка проста, как медный грошик: землероб впервые в жизни попал в город и представления не имеет о здешних политесах. Случаются такие диковины. Что ж, будет о чем рассказать — сущая байса.

— Я вас слушаю, почтенный земледелец. У вас в чем-то нужда? Мы тут, в столице, приедем всегда поможем в мелких нуждах...

Это было произнесено с легонькой иронией, которую землероб, конечно же, не уловил. На его широком простоватом лице отразилось нешуточное облегчение:

— Вот спасибо, господин городской! Верно подметили: у меня нуждишка образовалась, совсем даже маленькая, но не по моему скромному рассуждению, и без умного совета никак не справиться...

Зная порой присущее землеробам многословие, Тарик терпеливо ждал. Густой запах копченой рыбки дразнил голодное брюхо. В левом ухе землероба он заметил медную серьгу-кругляшок, означавшую, что его неожиданный собеседник женат — ага, все же справный, а не зажиточный: те брачную серьгу непременно заказывают серебряную, землеробам не запрещено, они не кабальники...

— Дело так обстоит: мы не земледельцы, тут вы изволили маленько ошибиться, рыбаки мы. Из Озерного Края Рыбную повинность, стало быть, и несем, как от прадедов заведено. И аккурат везем барину нашему «шестой хвост». Два озера, стало быть, бариновы. Барин у нас знатный, молодой граф Ралькадор — изволите знать, конечно?

Тарик, чтобы не вдаваться в лишнюю болтовню, кивнул, хотя о графе Ралькадоре слышал впервые в жизни. Эта захолустная дремучесть, как многие ему подобные, полагает, что в городе все

друг друга знают, как в деревне (особенно в многолюдной столице, самом большом городе королевства, ха-ха!).

— Шогар-возчик взял да захворал, никого другого не нашлось под рукой, вот управитель меня и подпряг, а с ним не особенно и поспоришь. А я в городе отродясь не бывал, да куда ж денешься? Сегодня управителю откажешь, а завтра он найдет кучу причин тебя прищемить, да таких, что не подкопаешься... Вот и поехал я, как к дракону Багуре в пасть...

— Ну, зачем уж так грустно? — хмыкнул развеселившийся Тарик. — У нас в городе, верно вам говорю, еще ни одного приезжего живьем не слопали... и ни одной лошади. А дракон Багура только в сказках обитает.

— Да это я так, присловья ради... Обсказал мне управитель все на два раза, откуда заезжать, какой там будет стоять статуя, куда после него поворачивать — только пока я ехал, все из головы выветрилось напрочь. Порасспрошал у парочки таких, что одеты попроще, где тут такой статуя, девка с козой — так они, что один что другой, реготать взялись, как будто щекочут их. Сбился я с дороги напрочь...

Тарик и сам едва не захохотал, и было от чего. Один-единственный монумент в столице, к которому деревенский пентюх может применить определение «девка с козой», — розово-мраморная статуя лесной феи Альмиваны, покровительницы дубрав и тамошней живности (почему и поставлена возле Коллегиума, где обучают Анжинеров, Лесничих и других студиозусов Лесного департамента). И не коза это вовсе, а лань, с которой фея часто бродит по лесам. Уморушка...

— Вот и закружил я, как дитя неразумное, что заблудилось за деревней, — печально повествовал собеседник. — Заехал на широкий такой мост со статуями по обе стороны — так не пустили туда, кинулись наперерез такие наподобие Стражников по расцветке, только у них и портки, и кафтаны в синих полосках поперек. Кричат: «Ехай отсюда, деревня, а то под замок упрячем», кулаками грозят, за ножищи хватаются. Я и поехал куда глаза глядят...

Ага, это его занесло на Королевский мост, по которому имеют право проезжать исключительно экипажи титулованных дворян да пожарные по неотложной необходимости. И уж крестьянская габара на Королевском мосту — все равно что Градский Бродяга, попытавшийся пролезть даже не на цеховой, а на королевский бал. Не повязали его по одной-единственной причине: мостовые Стражники явно должны были вскоре смениться, и им не улыбалось тратить время на лишние хлопоты, за которые не получают ни гроша. Иначе насиделся бы пентюх до утра за решеткой, а когда отпустили бы, добрая половина корзин с рыбой улетучилась бы в неизвестном направлении, а дежурная Стража клялась бы, что в габаре столько и было...

— Неужели ваш управитель такой нерасторопный, что не записал на бумаге адреса? Показали бы кому-нибудь, Стражникам хотя бы...

— Так ведь записал! — живо воскликнул бедолага. — И бумажка при мне, — он похлопал себя по карману. — Только и с ней все негладко. Аж трем человекам ее показывал подряд, колпак снимал, господами называл, честь по чести просил подмогнуть. Только они, все трое, на бумажку и смотреть не захотели, зыркали на меня злобно и уходили. Важные, должно быть, люди, а я к ним полез... Бляхи у всех на цепочках, и на бляхах рисуночки вырезаны.

— А какие? — с интересом спросил Тарик, уже кое-что сообразивший.

— У одного натуральный башмак, у второго метла, а у третьего непонятка какая-то, не пойму, что и означает...

Тоже не загадка. Так уж этому олуху не повезло, что напоролся на трех подряд горожан из Темных Цехов, и те не захотели признаться деревенщине, что они, столичные обитатели, не знают грамоты. И третий явно был из Темных — такое вот невезение, ага...

— Вот я и зарекся бумажку показывать — вдруг, думаю, это по-вашему, по-городскому, жуткое неприличие какое? А уж к Стражникам с бумажкой подходить было и вовсе боязно — суровые такие, осанистые, того и гляди под замок потащат. Так и плутаю едва ль не с утраца, оголодал напрочь, а где тут поесть и не знаю, хоть

денежка и найдется расплатиться... И понятия не имею, как мне из всего этого выкрутиться, как найти господина графа. Говорят, в таких передрягах нужно святому Тодо помолиться, чтобы он, покровитель путников и странствующих, дорогу указал. Так я ж ни одной молитовки ему не знаю, не думал, что понадобится: отроду далеко не выезжал, разве что в соседние деревни...

В его унылом голосе звучала такая тоска и безнадежность, что на смену насмешке поневоле пришло сочувствие, и Тарик сказал:

— Бумажку не потеряли, любезный рыбарь? Если не потеряли, давайте ее сюда, разберемся...

— Как можно! Сберегаю...

Землероб, оказавшийся рыбарем, достал из кармана большой комок холстинки и принялся его старательно разворачивать, словно луковицу обдирал до сердцевинки. Тарик терпеливо ждал. Наконец в руках у рыбаря остался кусок холстины и небольшая бумажка, на которой не особенно красаво⁴², но уверенной рукой было выведено: «Сахарная улица, номер 24».

Сахарная, Сахарная... Ага! Тарику пришло в голову, что этот недотепа, сам того не ведая, сейчас окажет ему нешуточную услугу — и будет о чем рассказать ватажке. Повезло, точно!

— Знаю такую улицу, — сказал Тарик. — Не так уж она и далеко отсюда.

Широкая простоватая физиономия рыбаря озарилась надеждой — так написали бы сочинители «голых книжек», обожающие подобные высокопарные обороты.

И тут же стала огорченной. Он уныло сказал:

— Дай вам Создатель здоровья, господин городской, что не погнушались нашими убогими нуждишками, но я ж печенкой чую, что и дальше мне будут невзгоды, даже если вам благоугодно будет дорогу мне разъяснить! Из дурной башки все напрочь вылетит, едва поеду. От этих переживаний мозг с мозгой перепутались почище удочек в лодке. Что ж делать-то... Глазу зацепиться не за что, одни домины, камень повсюду...

⁴² Красаво — каллиграфически.

Тарик сделал вид, что умная мысль пришла ему в голову вот только что. И сказал небрежно:

— Помочь вашему горю нетрудно, любезный рыбарь. Мне как раз в ту же самую сторону. А когда придет пора идти своей дорогой, вам останется совсем немного проехать, и дорогу покажу так, что ни за что не собьетесь...

И, не дожидаясь ответа, проворно вскочил на козлы, привычно устроился на широкой, добротнo оструганной доске с приступочкой для ног — столько раз ездил с отцом в деревню, и габара у них была в точности такая, разве что борта повыше...

Ошеломленный рыбарь ничего не сказал и, обежав лошадь, запрыгнул на козлы так, словно боялся, что Тарик передумает и соскочит. Бормоча бессвязные благодарности, призывая все милости Создателя на главу «господина городского», схватил вожжи, легонько подхлестнул ими лошаденку по гладкой спине и прикрикнул на деревенский манер, громко и протяжно:

— Вё-о!

Соловый конек, хотя и хорошо кормленный, перетруждать себя работой не особенно любил, сразу видно: пошел мелкой трусцой. Виногато посмотрев на Тарика, рыбарь нацелился было поддать вожжами покрепче, а то и выдернуть длинный кнут из медной держалки.

— Не стоит погонять, — сказал Тарик. — Я никуда не спешу, не стоит зря коняшку стегать. Поезжайте до конца улицы, а когда она упрется в садовую стену — издали увидите и ни с чем не спутаете, — сворачивайте вправо... — Он спохватился: — Знаете, где право, где лево?

Случалось сталкиваться с землеробами, таких простых вещей не знавшими вовсе.

— А то как же, господин городской! — с некоторой даже горделивостью заявил его возница. — Это ковыряльщики (мы промеж себя так тех называем, кто в земле ковыряется) — народец темный. Говорит: «по ту сторону», зная не зная, что это и есть право. Скажет «по сю сторону» — а оно лево. Рыбари не такие темные, уж

нам-то частенько приходится рулевому команду давать и направо руля, и налево руля, особенно ежели лодка с парусом, вот как у меня. Мы не такие темные, чтоб вы знали...

Тарик чуть подумал и спросил с искренним любопытством:

— А землеробы на «ковыряльщиков» не обижаются?

— Есть такое дело, — сознался рыбарь. — Обидное прозвание-то. Ежели хочешь под праздник в корчме драку затеять, назови громко ковыряльщика ковыряльщиком — и понеслося...

— Надо полагать, и они для вас обидное прозвище придумали? — не без вкрадчивости спросил Тарик.

На сей раз рыбарь чуть помедлил, но все же ответил:

— А как же ж. Обидные дразнилки придумывать — на это и у ковыряльщиков мозги хватит. Они нас кличут «мокрозадые» — втихомолку, промеж себя. А услышь это наши в корчме или на плясовых гулянках — будет драка! — И добавил вовсе уж гордо: — Только редко слышать приходится, у нас в Озерном Крае пахотных и пастбищных земель мало, а вот озер множество, потому и прозываемся Озерный Край. На две дюжины рыбарей хорошо если один землероб или скотогон придется, вот и сидят они тихонько. На большой ярмарке дело другое, туда со всей округи съезжаются, и ковыряльщиков набегает изрядно. Там-то главные драки и случаются... Но и там чаще всего наши ихних побеждают — рыбаки ловчее, нам на всякий манер руками работать приходится, а ковыряльщики знают одно — паши да жни, молоти да мешки таскай. Нет у них того проворства тела, одно слово — корявые...

Вот это было интересно — узнать побольше о деревенских обычаях. Оказывается, и там есть свое разделение людей, свои обидные дразнилки и прозвища.

Но Тарик слушал вполуха — близился рубеж. И вот оно!

Для человека несведущего ничегошеньки вокруг не изменилось — те же «муравейники»⁴³ и особняки, та же мостовая, люди одеты точно так же. А на самом деле, пересекши перекресток Фонарщиков,

⁴³ «Муравейники» — дома, которые мы называли бы многоквартирными. Употребляется в ироническом смысле.

габара и седоки на козлах миновали незримый, но от того ничуть не потерявший силу рубеж, пусть никак не обозначенный. Незримые рубежи порой посерьезнее даже, чем вереница каменных столбов с гербами на рубежах явственных меж двумя соседними королевствами. Разница лишь в том, что те, кто лазит через рубежи без подорожных, вроде потаенщиков⁴⁴, при поимке попадают за решетку, а то и на рудники. Здесь ничего подобного нет, но неприятностей можно заполучить выше ушей...

Незримый рубеж разделял районы обитания Светлых и Темных. О нем не могли знать деревенщины вроде этого рыбака, а взрослые Темные попросту забыли, как забыли мальчишеские годы. А вот мальчишки с той и другой стороны... С ними дело обстояло совершенно иначе.

Здесь есть свои тонкости, опять-таки знакомые только горожанину. Слов нет, иные из Темных (хотя бы Мусорщики и особенно Золотари) жалованье получают скудное, их «муравейники» особенно убоги. А вот с теми же Ювелирами дело обстоит совсем наоборот. Им совершенно не нужно уметь читать, писать и вести циферный счет, главное — искусное владение мастерством. Особо преуспевающие (в первую очередь те, что мастерят драгоценные украшения для богатых и знатных дворян, королевского двора, а то и королевской фамилии) живут господами: особняки у них бывают этажа в три, большущие, на извозчиках ездить они считают ниже своего достоинства и держат собственные выезды — да мало ли как роскошествуют.

Вот только сыновья их, хоть и одеты в дюжину раз богаче иных мальчишек Светлых и закармливаются всякими яствами по горло, Школяров ненавидят столь же люто, как те, что беднее. С давних времен вражда меж Школярами и Темными мальчуганами стоит такая, что куда там кошкам с собаками. И у тех и у других особенной лихостью считается заявиться ватажкой через рубеж, а уже лихостью из лихостей — подраться с местными. Но далеко не углубляются ни те ни эти, иначе моментально разнесется весть: «Наших бьют!» — и

⁴⁴ Потаенка — контрабанда, потаенщики — контрабандисты.

на помощь своим сбежится вся округа. А вот одинокий Школяр, будучи в здравом рассудке, и дюжины шагов по району Темных не сделает — непременно налетят оравой, с какой ни один силач не справится, и излупят так, что синяки по всему телу недели две не сойдут, а при особенном невезении могут и зубы выбить, и нос сломать. Те же отношения и меж Подмастерьями с обеих сторон. Да и совсем молодые Мастера, случается, дерутся в тавернах и на танцульках...

Опа, опа! С пешеходни четверо мальчишек усталились на Тарика так, словно, подобно людоежорам с Восточного Архипелага, готовы были сожрать живьем. И ведь богатых родителей детки — трое в кадафасе, а у четвертого кафтанчик и вовсе из дорогущего переливчатого люнтара, при каждом движении хозяина играющего разноцветными отливами. Ручаться можно: у каждого в карманах столько денежек, сколько у Тарика и за год не бывает, а вот поди ж ты, Тарик с полным на то правом чувствует над ними нешуточное превосходство!

Так и подмывало показать им язык, что было бы вполне политесно (это не голый зад казать, любой согласится), но Тарик солидности ради удержался, только придал себе вид высокомерный и надменный — извечные враги и так были унижены по полной. Рядышком, палкой можно достать, проезжает Школяр в полной форме — черные штаны, фиолетовый кафтанчик с начищенными пуговицами, фиолетовый шестиугольный берет, да вдобавок на груди у него блещут аж пять золотых, не каких-нибудь, сов. Темные-то они Темные, но эти огольцы прекрасно знают, что такое школярская сова и какие бывают разновидности. И самым ценным боевым трофеем у них считается как раз сова, вот только достаются им такие трофеи крайне редко.

И ничего нельзя сделать! Только пепелить взглядами в бесильной ярости. Город, тем более столица — это вам не деревня, где ездят и ходят безо всякого порядка, без соблюдения права и лева. И в городе с давних пор действуют «Установления благолепного проезда колесных экипажей и передвижения пешеходов». Не то что

стащить проезжего с облучка, а бросить в него пустяковиной вроде куска грязи или комка бумаги есть нешуточное прегрешение. Это к мальчишеским дракам Стражники относятся лениво, разве что посвистят издали, чтобы разбежались. Даже если и уцапают драчуна, самое тяжелое, что его ждет, — словесная выволочка да пара подзатыльников, и уж в самом крайнем случае полдюжины розог (все это для городского мальчишки — плюнуть и растереть, в драках порой достается больше, а в Школариумах дерут почище). А вот нарушителю «Установлений» полагается немаленький денежный начет, и Стражники их грабастают с большим рвением. Это у них потаенный доход такой: приволочь виновника к родителю, расписать его нарушения, изрядно от себя прибавив, — и замять все, получив в собственный карман денежку втрое-вчетверо меньшую, чем пришлось бы заплатить в начет после составления «ловчей бумаги». Обычно родители понимают свою выгоду и охотно соглашаются — а потом крепенько дерут отпрыска за то, что ввел в нечаянный расход.

Вот как раз и Стражник прохаживается. Не осмелились ушлепки те юные, хоть Тарик и чуял спиной их пылавшие злобой взгляды. Вот так и получается, что единственная возможность для Школяра без малейшего для себя ущерба побывать в Темном районе, обеспечив тем самым себе почет на своей улице, — пересечь его, гордо восседая на облучке. Вот только это мало у кого получается — у многих родителей лошади с повозкой нет, не нужны они в их ремесле. С этой стороны Тарику сокрушительно не везло — всякий раз родитель, когда ездил в деревню за мясом, выезжал из города одной и той же дорогой, пролежавшей вдали от Темных районов. А править телегой в одиночку Тарик мог лишь после того, как станет Подмастерьем, и уж будьте уверены: в первую свою самостоятельную поездку на облучке он постарается сделать крюк, чтобы гордо проехать по Темному району. Подмастерья, конечно, уже не носят сов, но по бляхе можно в два счета определить, из Светлого Цеха проезжий или из Темного...

Рыбарь, ясное дело, не заметил этого безмолвного поединка взглядов и ведать не ведал об одержанной Тариком победе, хотя почти не отрывал взгляда от пешеходни. Он, смело можно сказать, повеселел — на смену прежнему унынию от безнадежности положения пришла явная бодрость и живой интерес к происходящему вокруг. Точнее...

Точнее, к определенной категории прохожих. Тарик в этом убедился, когда рыбарь не без игривости заметил:

— Ну, это ж надо, в чем в городе девки с бабами ходят... И не оглядывается ведь вслед никто! В деревне вышла б так не то что на улку, а во двор — засрамили б, прозвище позорное придумали, чтоб до седых волос носила...

Только дремучую деревенщину это могло пронять до печенок, а для столичного жителя картина была привычная: с наступлением жарких дней все горожанки, от девчонок до пожилых, щеголяли в летних платьицах на узких лямочках, открывавших взору руки, плечи, кусочек спины и кое-что спереди. У совсем молодых яблочки полностью прикрыты, а у замужних вырез поглубже, открывает и ложбинку меж грудками, и еще немного (а у благородных дворянок вырезы еще смелее, им дозволено).

Враньем было бы утверждать, что летние платьица — вернее, то, что они открывали взору, — Тарика не занимали вообще. Еще как занимали — вот и сейчас вон та рыженькая, парой годочков его постарше, в синем платьице с россыпью белых цветочков... Другое дело, что ни один мальчишка, вдоволь насмотревшийся прелестей, не станет пялиться на самых что ни на есть раскрасавиц так, как впервые в жизни узревший городские летние платьица рыбарь, который того и гляди слюни пустит...

Одна незадача: летние платьица носили все поголовно, в том числе и толстухи, и страшненькие, и кривоногие, и такие, каким бы Тарик, будь он королем, указом предписал бы появляться на улицах не иначе как в балахонах до земли наподобие ряс священников и монахов, да еще с опущенными капюшонами, чтобы лошади не

пугались, а повесы не плевались мысленно. Вот, воот! О чем думал Создатель, творя этакое?

Тарик отвернулся от пешеходни — а рыбарь все таращился, явно предвкушая, как будет взахлеб расписывать у себя в деревне городские срамотные наряды, и ведь найдутся такие, что ему не поверят...

Обстановка располагала к некоторой игривости, и Тарик, не особенно колеблясь, спросил:

— Любезный рыбарь, а правду говорят, что деревенские девчонки уже годков с двенадцати вовсю жулькаются?

Не раз побывав в деревне, он насмотрелся женских нарядов: все, от малышек до пожилых, носили юбки на пару ладоней пониже колен и сорочки с длинными рукавами, без малейших вырезов, разве что оставлявшие голой шею — они были без воротников, даже праздничные. И дочки деревенских богатеев, хоть юбки у них кадафасные, порой даже аксамитовые, а сорочки шелковые, строго придерживались тех же фасонов (пользуясь словечком дамских портных).

Так что о деревенской женской одежде он знал предостаточно. А вот о том, как складываются отношения меж деревенскими мальчишками и девчонками, представления не имел. Некого было порасспросить. Деревенские мальчишки держались с ним отчужденно: драться не лезли, когда он любопытства ради ходил по деревне, задирать не задирали, но и знакомиться не пытались, глядели в точности так, как он сам смотрел бы на проезжающую почтовую карету — мельком, без малейшего интереса. Иные девчонки, правда, смотрели долго и лукаво, по глазам видно было, что не прочь поболтать и познакомиться. Однако отец, как только стал брать с собой Тарика, настрого предупредил: с деревенскими девчонками язык не чесать, деревенские обычно таковы, что обязательно подкараулят и поколотят, и жаловаться некому. Так что Тарик мог лишь подозревать (после того, что было месяц назад в деревне по имени Кудрявая Межа), что вряд ли деревенские порядки на этот счет так уж сильно отличаются от городских, мальчишки и девчонки везде

одинаковы. Но точно узнать неоткуда: Буба-Пирожок, тоже часто ездивший с родителем в деревню, плел разные завлекательности про свои приятные приключения с деревенскими девчонками, но Бубу все знают как записного вралю, так что веры ему нет ни малейшей, натреплет шесть коробов про то, чего никогда не было...

— Чистая правдочка, господин городской! — откликнулся рыбарь. — Как стукнет двенадцать, так и начинают — издавна так заведено, священное число и тут свое дело делает⁴⁵. А ежели поразмыслить, дело тут даже не в священном числе. Девки в деревне, знамо дело, уже в двенадцать не такие квелые, как городские, не в обиду вам будь сказано. Все при них, надобно вам знать. Вот и жулькаются, разве что парней выбирают на два-три годика себя постарше, чтобы знали обхождение. А родители смотрят сквозь пальцы — ежели, конечно, все устраивается так, чтобы было шито-крыто, подальше с глаз. Бывает даже, что, ежели жених выяснит, что молодуха нераспечатанная, — он в претензию встает: ты что же это, говорит, до меня никого и не привлекла, может, у тебя изъян какой? Вот ежели меня самого взять...

И он многословно и нудновато, с кучей ненужных подробностей принялся повествовать, как в пятнадцать лет пересекся с девчонкой тринадцати годочков и уже через три дня убедился на сеновале, что она и жаркая, и распечатанная, что неудивительно: одна из самых красивых девчонок в немаленькой деревне, парни за ней табуном ходили, так что выбор у нее был богатющий. И они три года любили в укромных местах, он за первый год влипал в добрую дюжину прежестокых драк, пока не убедились, что они друг другу верные, и не отстали. А на четвертый год они свадьбу сыграли, о чем нисколько не жалеют и двух детей растят в согласии...

Походило на то, что с женой он живет душа в душу и рад рассказать свежему слушателю свою подробную историю, но как раз

⁴⁵ Двенадцать — священное число, шесть — священная цифра (оттого что учение Создателя несли людям двенадцать святых и шесть из них приняли мученическую смерть). На этом числе и цифре основан календарь и счет времени, меры длины, площади, веса и объема.

это было уже неинтересно. Другое заинтересовало, и Тарик, уловив паузу в излияниях рыбаря, спросил:

— Что же у вас при таких вольностях, при том, что девчонки начинают с двенадцати годков, они и не тяжелеют? Плохо верится...

Неужели и эти деревенские пентюхи прекрасно разбираются в опасных и безопасных днях? Не могут же они пользоваться аптечными снадобьями против тяжести? Те стоят дорогонько, так что не каждый даже Цеховой может их себе позволить, и тут вся надежда на расчет безопасных дней. Уж деревенским такие траты не по карману, за исключением богатеев, бывающих в городах, — да и какой Цеховой аптекарь поедет со своими недешевыми снадобьями в деревню, если ему и в городе живется денежно? В деревню ездят, чтобы купить там что-то подешевле и продать в городе подороже — что далеко ходить, взять Тарикова папаню или родителя Бубы-Пирожка, хотя у того другое...

— А супротив этого, чтоб вы знали, с незапамятных времен в деревне средство есть безотказное, — охотно пояснил рыбарь. — Знахари и знахарки его варят. Берут почки и листики... — он глянул на Тарика с исконно деревенской хитроватостью, — ну, всякие почки и листики, сорванные не когда попало, а в особенные дни, а то и ночи, цветики добавляют разные, сушеные и свежесорванные, отвар из пузырей особенных озерных рыбок... В общем, как они все это готовят, знают они одни — на то они знахари и знахарки. И вот сто́ит девке такого питья заглотить — ни за что не затяжелеет. И денежку берут очень даже скромную. Городские мастера, что всякие зелья делают — не упомяну, как по-городскому именуются, — до сих пор людишек своих подсылают, чтобы выведать, как питье готовится, порой не то что серебром — золотом трясут-звенят. Только ни с чем восвояси убираются: деревенские тайны не положено чужакам выдавать. Испокон веков говорится: ежели знахарь или там знахарка чужакам тайны продаст, неважно которые, — разные беды на них посыплются, умение свое могут потерять очень даже запросто. А у вас в городе как обходятся?

— Есть и у нас люди, которые умеют делать такие зелья, — сказал Тарик. — И за смачную денежку продают. Только это не знахарство, а ремесло вроде вашего или всякого другого.

— Ух ты! — изумился рыбарь. — Правду говорят: в городе нету умений, а вместо их есть ремесла. Не зря ж говорится в поговорке: городские и таракану башмачки по ноге изладят...

Разговор принял приятственный оборот. Хотя и считается, что на некоей невидимой лестнице деревенские стоят на ступенечку, а то и на две пониже городских, Тарику по его годам не полагалось вести взрослые разговоры о серьезных вещах (некоторое исключение — худож Гаспар и его гости-студизусы, но и они видят в Тарике не более чем Школяра). А рыбарь говорил с ним как со взрослым, про взрослые дела, и это приятно гладило душу...

Жалко, разговор свернул в другую сторону — рыбарь принялся обстоятельно повествовать, как он с пятнадцати годочков не просто жулькался, а форменным образом женихался со своей Камалитой, как они укрывались по укромным местечкам и в деревне, и в лесу, как он предусмотрительно прикупил («я уж тогда с отцом вовсю рыбалил, и долю он мне давал хорошую») целый гарнец помянутого питья («надобно вам знать, оно хоть год будет стоять в теньке — не скиснет и не испортится»), как деревенские парни поняли в конце концов, что тут не просто жульканье, а жениханье, и перестали затевать драки из-за Литы, признав за рыбарем на нее права. Вот это уже было скучновато.

— А у вас, господин городской, поди, давно есть девчонка? — спросил рыбарь. — Вы из себя видный, и птушек вон сколько! Что-то они да означают, я так думаю...

Ничего не ответив, Тарик напустил на себя вид загадочный и малость горделивый — пусть понимает как знает. Не было у него девчонки два с половиной месяца, с тех пор как Мелита с родителями уехала в пристойный городок. Грустно и жалко... Они уже целовались вовсю и вольностями баловали, так что Тарик всерьез надеялся, что дело дойдет и до жульканья. Но, поди ж ты, родитель

ее решил, что в городке, где хороших гончаров почти нет, у него пойдет денежнее, чем в столице...

Рыбарь продолжал с мечтательной физиономией: как ему отец в шестнадцать согласно обычаю выделил одну лодку из своих трех и отдал две «хватальных дорожки»⁴⁶ из шести («надобно вам знать, господин городской, что всякое озеро вовсе даже не ничейное, у каждой «дорожки» есть свое законное место, и на чужие залезать не моги»); как он, начавши привозить достаточно рыбки, обговорил все с родителями, заслал сватов к Лите, а она по старинному обычаю залезла на сеновал и кричала оттуда, что утопится, а за этого жениха не пойдет, — но потом, добросовестно откричав положенное, шустро слезла и приняла от сватов кружевную ленту, что означало и согласие, и подарок жениха невесте (кружева в деревне не вяжут, их покупают в ближайшем городе, и задорого); как у них шумела самая что ни на есть правильная свадьба — с музыкантами, разными забавами вроде бега с ложкой в зубах, а в ложке сырое яйцо, которое полагается не уронить; как дядя Корин рассказал ему на ухо выдумку, которую рыбарь раньше не знал, и как ночью эта выдумка привела Литу в сущий восторг...

Тарик слушал вполуха и вспоминал Кудрявую Межу — наваяло откровенной болтовней рыбаря...

Месяц назад папаня поехал туда купить подешевле молочных телят, которых деревенские не собирались оставлять на вырост (телятину у него быстренько разбирали кухарки дворян и членов Собраний), и, как не раз бывало, взял с собой Тарика на случай, если мясо уже порублено на куски, которые и Тарику по силенкам. В доме местного богатея (папаня впервые вел с ним дела) Тарик натуральным образом застрял: папаня с хозяином ушли смотреть телят, хозяйка велела работнику заложить двуколку и поехала в соседнюю деревню покупать что-то, что там было на медный шустак дешевле. И сказала дочке, годовичке Тарика:

⁴⁶ «Хватальная дорожка» — перемет.

— Перенила, остаешься за хозяйку, занимай городского гостя, чтобы не заскучал...

Они остались одни в большом доме, если не считать возившегося во дворе работника, которому, как объяснила Перенила, в дом заходить не полагалось. Сидели в горнице (полы застланы деревенскими половиками в разноцветных узорах, но мебели городские). Сначала держались друг с другом скованно — не знали, о чем говорить, только попивали из корчаги сладкий, с кислинкой, настоявшийся плавунец⁴⁷, — но потом осушили пару глиняных чарок и решили, что с них достаточно.

И Перенила попросила:

— А расскажи, как ваши городские девчонки одеваются. Я их никогда не видела, только этой осенью батюшка обещает взять на ярмарку, когда четырнадцать стукнет. Раньше у нас девочкам в город невестно, обычаи такие, а жалко...

Вот тут скованность прошла, и Тарик принялся рассказывать про городские платья — особенно Перенилу впечатлили летние, попросила рассказать подробнее, слушала заворуженно, будто волшебную сказку, даже глаза округлила и розовые губки приоткрыла. Дослушав, печально протянула:

— Вольность какая... У нас про такое и думать нечего...

И, лукаво блеснув глазами, попросила рассказать, как в городе мальчишки дружат с девочками, в какие интересные места ходят — говорят, в городе таких много, не то что в деревне. Тарик добросовестно рассказал про высокие качели, яркие карусели, увеселительные балаганы — разве что малость прихвастнул, не стал уточнять, что все это и многое другое бывает только на ярмарках, а в обычное время к ним на улицу заходят бродячие кукольники, фигляры и поводыри ученых собак — и то нечасто. Получалось, что они чуть не каждый день развлекают девчонок на качелях-каруселях и прочих завлекательных придумках. Очень ему хотелось произвести впечатление (Тарик почерпнул это умное словечко у студиозусов),

⁴⁷ Плавунец — чайный гриб.

а говоря по-простому, затуманить девчонке памороки. Она была красивенькая, ладная, темноволосая и темноглазая, в юбке из легкого маритаса, красиво обрисовывавшей стройные ножки, и в сорочке из тончайшего полотна с трехцветной вышивкой, самую чуточку тесноватой, так что яблочки рисовались приманчиво. Перед такой так и тянет прихвастнуть и покраснобайствовать...

Она слушала еще более заворуженно, замерев, словно Артинетта из сказки, обездвиженная злой ведьмочкой, пока с нее не снял черное заклятье бродячий точильщик, оказавшийся потом прекрасным принцем, которого злой колдун обратил в косоглазого увальня с заляпанной большими веснушками физиономией.

— Завидую я городским девчонкам, им так весело живется... — призналась Перенила. — А в нашей глуши и пройтись не с кем...

— Да что ты! — искренне удивился Тарик. — Когда ехали с папаней по деревне, я много мальчишек видел, наших с тобой годовичков...

— Это совсем не то... — сказала она непонятно. — А целуетесь вы часто? — и засмеялась, словно серебряный колокольчик зазвенел. — Только не ври, что ничего про это не знаешь. Ты симпатичный, и обхождение у тебя определенно есть, так что должен знать на опыте...

Немного смутившись от такой напористости со стороны незнакомой девчонки, Тарик не то чтобы промямлил, но все же с запинкой сказал:

— Вообще-то часто...

— А еще что делаете по закоулкам? — сузила она глаза, лукаво улыбаясь. — Ведь делаете?

Тут она смутила Тарика окончательно — никак не ожидал, что девчонка с ходу начнет словесные игривости. Промямлил:

— Да всякое бывает...

— А ты покраснелся... — помотала она головой словно бы с некоторым превосходством.

— Скажешь тоже...

— Закраснелся, засранец, — смеялась девчонка. — Зеркальце принести? Ладно, это я дразнюсь... хоть самую чуточку ты и

закраснелся! — Чуть помолчала и спросила со смешливым взглядом: — А какие труселя городские девчонки носят?

Вот тут уж Тарик уперся взглядом в пол, в вязаные красно-синезелтые зигзаги чистенького половика, прекрасно зная, что сейчас у него щеки точно запунцовели, и густо. Он впервые в жизни разговаривал с деревенской девчонкой, да еще красивенькой, да еще так вольно, да вдобавок после всего-то нескольких минут знакомства. В городе он бы посчитал такую бесстыжей, но в деревне, надо думать, другие порядки. Выходило, Буба-Пирожок не все врал: по крайней мере насчет того, что деревенские девчонки вольнее городских в речах, говорил правдочку, кто бы мог на него подумать...

Снова зазвенел серебряный колокольчик, скрипнул отодвинутый городской стул, послышались легкие шаги. Ее голос играл дразнящими переливами:

— Что ты устави́лся на половик? Неужели в горнице больше посмотреть не на что?

Он поднял глаза. Перенила стояла в простенке меж двумя окнами — зажиточный дом, в окнах не слюда, а стекло, — заложив руки за спину, отчего яблочки под тесноватой сорочкой обрисовались еще приманчивее, склонив темноволосую головку к плечу, смотрела на Тарика с несомненной подначкой и улыбалась весьма даже игриво. Медленно облизнув языком розовые губки, спросила тоном, при котором ответа не ждут:

— У вас в городе все такие неловкие и неуклюжие? И недогадливые, так что смешки берут?

Глупости. Неуклюжестью с девчонками он давно не страдал, да и нетрудно догадаться, куда она клонит. Только очень уж быстро все свернуло на знакомую колею — городские девчонки, даже те, кого никак не отнесешь к недотрогам, первое время тебя на расстоянии выдерживают, политес такой. Но он понятия не имел, какой политес в деревне...

Одно ясно: недотрог нужно искать в другом месте, не в этом доме. Тарик подошел к ней, благо идти-то было шага три. Когда они встали лицом к лицу, Перенила выпростала руки из-за спины и сомкнула у него на шее, прижалась, и ухо защекотал жаркий шепот:

— Крепче меня обними, городской симпотник...

Тарик не потерялся — был опыт. И тут же убедился, что доченька деревенского богатея целоваться умеет очень даже мастерски. Прильнула к его губам надолго, так что Тарик даже чуточку задохнулся, а потом, не отрываясь, правой рукой умело прошлась по пуговицам его штанов, запустила туда пальчики и принялась неспешно озорничать так, что Тарик цепенел от восторга.

— Хороший торчок, — прошептала она на ухо, оставив в покое губы и позволив Тарику перевести дух. — Девчонок в городе им уже ублажал?

Тарик промолчал, надеясь, что это сойдет за согласие (стыдновато было признаваться, что еще не приходилось).

— Вы с батюшкой ночевать в деревне останетесь? — продолжала допытываться она.

— Не знаю, — сказал Тарик. — Как у папани дела пойдут. Если все сладится, работы будет до вечера, не поедет же он на ночь глядя, до постоянного двора только к середине ночи доберемся...

— Это хорошо, — прошептала Перенила, пока ее ловкие теплые пальчики охальничали вовсе уж беззастенчиво. — Когда придет пора укладываться, скажи, что спать будешь в телеге — на дворе свежее, чем под крышей, и на звезды хочешь посмотреть. Никто ничего и не подумает, у городских такая блажь бывает — уж если оказался в деревне, надо под звездами переночевать. А я, когда все улягутся, тихонечко в окно вылезу, и убежим со двора. Я тебя свожу на старую мельницу, ее годочков десять как забросили, когда речка обмелела, да так в прежние берега и не вошла. А там посмотрим, что городские умеют...

«Ага, а по дороге, чего доброго, нас ваши мальчишки встретят — и плохо мне придется», — подумал Тарик. Но ничего не сказал и решил рискнуть — понятно, что на старой мельнице будет, и это так заманчиво, что лесного оборотня не побоишься, не то что деревенских мальчишек. Лишь бы попались на дороге на обратном пути — право же, приключение того стоит, ради такого можно и

трепку вытерпеть. А то и договориться удастся — слышал уже, что и в деревне выкупное⁴⁸ берут, а денежка у него есть...

Для надежности он спросил, надеясь, что в деревне в ходу те же самые словечки:

— Ты с кем-нибудь ходишь?

— Выдумаешь тоже! — фыкнула ему в ухо Перенила. — С кем здесь ходить, одна босота...

Значения слова «босота» он не знал, в городе оно не употреблялось, но ее тон придавал уверенности. Тем временем Перенила, продолжая шалости, сказала дразнящим голосом:

— А у меня трусся батистовые, вот. Хочешь убедиться? Милости просим...

Так оно и оказалось — Тарик уже знал на ощупь и батист, после Мелиты. А после поощряющего шепота Перенилы его рука впервые в жизни легла на девичью тайну как она есть, а не поверх батиста, что только и позволяла Мелита. Душа у Тарика возликовала: наконец! И тут же Перенила тихонько сказала с явственным недовольством:

— Ну что ты как неживой? Давай...

— Что давать? — искренне не понял Тарик.

— Ах, во-от оно что... — засмеялась Перенила. — Не пробовал еще, иначе знал бы, что делать. Ничего, так даже интереснее — неумелого учить...

И жарким шепотом, вполне себе политесными словечками, растолковала, что ему надлежит делать (и непременно большим пальцем!). Очень быстро у Тарика стало получаться — судя по тому, как жарко задышала Перенила. Восторг у Тарика мешался в душе с легоньким страхом оттого, что это происходит белым днем в горнице деревенского богатого дома, а за окном светит солнце, погавкивает собака и работник топает башмачищами по двору. Ватажка очумеет от зависти, когда он расскажет с напускным безразличием! Никто еще этого не испытал, он первый...

⁴⁸ Выкупное — своеобразный выкуп денежкой или, как это в ходу у Подмастерьев, пивом, который чужак платит местным, если ходит с девчонкой с их улицы, на которую никто не заявляет претензий.

В самый приятный момент послышалось знакомое чапанье копыт Бегунка и стук колес — габара папани въезжала во двор. Перенила моментально оттолкнула его, убрала руку из его штанов и, не глядя в окно, схватила с подоконника костяной гребешок, стала проворно причесываться. Одернула юбку и быстрым шепотом велела:

— Застегни штаны живенько и садись к столу! Что-то рано они вернулись... Что стоишь, как торчок? Живо!

Тарик принялся застегивать штаны, не сразу и попадая пуговицами в обметанные дырочки — слишком быстро все изменилось. Однако успел привести себя в порядок, даже торчок уgomонился от столь неожиданной перемены. Когда вошли папаня и хозяин — оба мрачные, хмурые, — все обстояло как нельзя более благолепно: Тарик с Перенилой чинно сидели за столом, попивая плавунец. Перенила выглядела так невинно, будто ничего и не было, — Тарик уже знал об этом искусстве девчонок казаться невиннейшими созданиями после самых разнузданных вольностей вроде тех, что только что закончились. Он боялся, что сам выглядит далеко не так хладнокровно, но, к счастью, взрослые к ним и не приглядывались, будучи, сразу видно, чем-то нешуточно удручены.

— Уезжаем, Тарик, — сумрачно сказал папаня. — Еще не потемнеет, как до постоялого двора в Овечьем Броде доберемся...

— Тут уж я ни с какого боку не виноват, — развел руками хозяин. — Кто ж знал, что все так обернется. Я и сам в ущербе... Паршивца этого в два кнута выдерут, уж точно.

— Да никто вас не виноватит, земан⁴⁹ Каленок, — все так же сумрачно отозвался папаня. — Невезение такое обоим выпало... Тарик, поехали.

И вышел в сопровождении хозяина, говорившего что-то утешительное. Тарик поднялся. Пожитков у него не было, так что собирать ничего не пришлось. Перенила быстролетно прижалась к нему, чмокнула в щеку и шепнула:

— Приезжай еще, на старую мельницу обязательно сходим. Мне твой торчок страсть как понравился...

⁴⁹ Земан — уважительное обращение к деревенскому богателю.

С тем Тарик и уехал. Папаня долго сидел на козлах мрачный как туча, сердито фыркал и без нужды подхлестывал Бегунка. Только когда отъехали довольно далеко от деревни, чуток отошел и разговорился, объяснив, что за незадача приключилась.

Дюжину телят, которых уже купил земан Каленок и собирался не без выгоды для себя продать папане, сегодня первый раз, отлучив от мамкиного вымени, выгнали пастись. И пастушонок то ли отвлекся на постороннюю забаву, то ли просто разгильдяйствовал — телята забрели с хорошего выпаса на заросший ядовитым змееголовом лужок, налопались листьев, и трое там же и окочурились, а остальные сдохли, едва опомнившийся пастушонок их оттуда согнал. Он, когда нарядили спрос, попытался было отпираться, но пришел скотский врачеватель, разрезал брюхо парочке телят и нашел там немало листвы змееголова. Как ни истребляют деревенские по весне это поганое растение, извести начисто не удастся, так что пастушатам приходится неустанно бдить в оба глаза, а уж опознавать змееголов они должны издали и ни за что не допускать туда стадо.

Папаня долго ругался — получалось, впустую съездил. И со злорадством говорил: ничего, этого пентюха выдсрут так, что месяц будет на пузе спать. Тарик это злорадство вполне разделял: не случись такого разгильдяйства, наверняка остались бы с папаней ночевать в деревне, и Перенила свела бы его на старую мельницу, откуда он, к зависти годовичков из ватажки, вышел бы натуральным мужчиной...

На том все и закончилось месяц назад. Три раза Тарик пытался якобы невзначай вызнать у папани, не собирается ли тот опять в Кудрявую Межу, и три раза слышал, что не собирается...

Печально было вспоминать о неудаче (хоть его собственной вины не было и капли), и Тарик, чтобы отвлечься, стал внимательнее слушать рыбаля.

— Вот так мы, значит, и живем с Литой, — говорил рыбаля. — И вот так уж мне свезло, что Лита моя, хоть и двух наследников родила, не расплылась, как некоторые, только, понятно, малость обабилась, так это ж только красы прибавляет. И потому, хоть и

десять лет живем, ночами мне ее охота, как в юные времена! Бывало, как ляжем, долго не уйдем — ну вы ж понимаете, господин городской, как оно бывает, когда обоим в охотку...

Тарик снова соорудил многозначительно-горделивое лицо, будто и в самом деле все знал и мог посоветовать рыбарю не одну городскую придумку, способную убогатить женушку.

— А вот ежели взять... — продолжал рыбарь. — В деревне и Шогар, и другие возчики, что в город часто ездят, рассказывали про городские веселые дома, где, значит, такие девки, этакие... Которые с любимым валяются, кто придет с оговоренной денежкой. У вас и впрямь таких домов полно?

— Ну, не так чтобы полно, — сказал Тарик. — Однако ж есть.

— И вы вот, простите на глупом слове, там бывали?

— Не хожу я туда, — сказал Тарик.

Даже возмем он такое желание, взашей вытолкали бы по малолетству — но не стоит это говорить человеку, искренне полагающему его таким же взрослым...

— И правильно, — убежденно сказал рыбарь. — А то что ж получается? Не успела из-под одного вылезти — под другого мостится... Это ж даже и не девка, а сральня придорожная. У нас Тунга-возчик всякий раз, как в город случится выбраться, в веселый дом ходит, денежку поднакопивши. И потом рассказывает взахлеб, как там оно обстоит. Как полагаете, господин городской, брешет или нет? Пускают деревенских в этакие дома?

— Пускают, — кивнул Тарик.

Не стал уточнять: пускать-то пускают, но только в веселые дома низкого пошиба, где и девки потасканные, и народец там дешевый, могут и ножом пырнуть в тамошней корчме, а девки запросто сонной дури подольют — и очнется невезучий далеко оттуда с вывернутыми карманами, а то и без телеги с лошастью. Вряд ли у этого их Тунги есть денежка на заведения почище и уютнее...

— Не брешет, стало быть, — покрутил головой рыбарь. — Нет уж, не по мне такое. И в деревне, что уж там, есть шалопутные бабы, которые украдкой принимают мужика за мужиком: вдовушки

нестарых годов, солдатки... Так не за деньги ж, с разбором, а не так, чтобы юбку задирали всякий, кому охота пришла. Хотя вы меня режете, я так скажу: что плохого в городе, так это веселые дома. И еще кое-что, в сравнении с чем веселые дома, можно сказать, вещь и вовсе безобидная...

Он замолчал и оглянулся по сторонам словно бы с некоторым испугом, хотя вокруг не было ничего, что могло бы встревожить даже человека, впервые в жизни попавшего в город, — ну натуральным образом ничего, самые обычные дома и прохожие, и навстречу едет самая обыкновенная дворянская карета парой. Не могла же она напугать дремучего обитателя Озерного Края? Он на карету и не смотрит даже, должен был таких навидаться, кружа по городу и побывав у Королевского моста, где дворянских карет хватает...

— Вы это о чем, любезный рыбарь? — спросил Тарик с любопытством. — Что еще такое вам в городе не нравится, кроме веселых домов?

Казалось, рыбарь колеблется, озаботившись лицом. Без тени прежнего балагурства сказал тихонько:

— А вот позвольте вас спросить, господин городской... У вас с церковью как? Ходите в церкву?

— Хожу, как все, — сказал Тарик. — Пастырское поучение слушаю, молюсь, кружечную денежку опустить не забываю...

Нерадиво он ходил в церковь, как многие, — но не стоило сейчас об этом распространяться: неизвестно, как будет принято...

— Не соображаю я чуточку, — признался рыбарь. — Пока добирался до того места, где мы с вами встретились, четыре церкви видел, одна другой краше — одно слово, городские, — и люди туда ходили, а вот поди ж ты, маякает...

— Что? — спросил Тарик.

Еще раз оглянувшись по сторонам, рыбарь произнес чуть ли не шепотом:

— Нечистая сила, самая что ни на есть натуральная...

— Да неужто? — спросил Тарик с недоверием. — А вам не померещилось, любезный рыбарь? Сколько живу, не слышал, чтобы в городе объявлялась нечистая сила, да еще, надо полагать, средь

бела дня: вы ведь сами говорили, что утречком приехали, не по темноте... Ходят по городу разные байки, я их с детства наслушался — и привиды, и чаровные звери, и ведьмочки, что порчу наводят и маленьких детей крадут... Только не слышал я, чтобы хоть что-то из этих пугалочек видел кто-то, кому верить можно. А тем, кто говорит, будто видел, — веры нет никакой: или записные вруны, или помрачение ума и зрения от неумеренного питания.

— Святое слово, своими глазами видел, пока по городу блукал! — сказал рыбарь, став очень серьезным, и в подтверждение сделал Знак Создателя, приложив большой палец правой руки ко лбу, к губам, к сердцу. — А вино я пил последний раз две недели назад, в честь особенно удачной ловли, и уж никак не до помрачения ума. И мозговыми хворями отроду не страдал, хоть кого в деревне спросите. Видел над одной крышей, как вон над той, зеленой, большущий такой цветок баралейника — не натуральный, а будто бы из черного дыма сплетенный, только ветром его не колышет и не развеивает. Стоит как все равно лодка на якоре, не покачивается, не колышется... А уж ежели цветок баралейника — дело ясное...

Тарик поневоле вздрогнул и наверняка чуточку изменился в лице, но рыбарь, к счастью, этого не заметил. Теперь Тарика никакие силы не могли бы стащить с облучка — любопытнейший оборот принимал разговор...

— Вот что, любезный рыбарь, — сказал Тарик решительно, — у нас в городе, да будет вам известно, с давних пор знают и про цветок баралейника, и про его связь с теми, кто не к ночи будь помянут... Давайте сделаем так: сравним, что говорят у нас и у вас. Может, и лучше поймем тогда друг друга. Согласны?

— А то ж! Хорошее дело — поговорить со знающим человеком...

— Давайте так, — сказал Тарик. — Сначала я расскажу про городское, а потом вы — про деревенское. Идет?

— С полным нашим удовольствием. Мы ж в городе сейчас, вам, городскому, и начинать, весла вам в руки...

— Цветок баралейника... — предложил Тарик и продолжал так, словно отвечал на экзамене лекцион, который хорошо знал. — Жил

в незапамятные времена черный колдун Баралей — иные говорят, еще и жрец какого-то несправедного языческого бога. Когда святой Бенульф пришел на Бадарейские Пустоши и стал рушить языческих кумиров, Баралей, собрав немалую орду, напал, желая святого убить. Только к святому примкнуло немало людей, принявших Создателя. Долго они бились, но в конце концов орда Баралея была разбита, а его самого пронзил мечом Таверингом святой Бенульф. Сраженный Баралей был брошен без погребения, как с погаными язычниками и поступали. Вот только капли крови Баралея Враг Человеческий злыми ветрами разнес во все концы мира, и там, где они упали, расцвел баралейник. Единственный цветок, единственное растение, сотворенное не Создателем. А потому видом баралейник отличается от всех прочих цветов: не из мягких лепестков он, а из твердых, наподобие ногтя, почему еще его и зовут «коготь Врага Человеческого». И не зацветает он весной, и не вянет осенью: как распухнет летом бутон, так и остается цветок на долгие года, пока не умрет, оставив уносимые ветром семена. Люди его не любят и в городах истребляют начисто...

Он перевел дух и подумал: хоть отец Михалик и пеняет мягко за то, что Тарик редко ходит в церковный школариум, — без сомнения, он был бы доволен, услышав, как Тарик отбарабанил без единой запинки абзац из церковной книги «О добрых и злых свойствах цветов, деревьев и злаков» (правда, когда брал книгу у отца Михалика, умолчал, отчего вдруг возник к ней интерес, но отец Михалик и не расспрашивал, удовлетворенный и тем, что нерадивый в буднях церковных сорванец Тарик вдруг начал читать такие книги).

Тарик уверенно продолжал по писаному:

— Так же поступают и деревенские жители, изничтожая проросший баралейник в деревнях, на полях, лугах и пастбищах, берегах рек и озер, вдоль дорог, троп и стежек. Но в тех местах, где люди бывают редко, баралейник растет во множестве, да и в места обитания людей его заносят злые ветра... Вот так написано в церковной книге, я сам недавно читал.

— Истинно так! — сказал воодушевленно рыбарь. — Вот и я, еще мальчишкой будучи, тоже услышал в пастырских поучениях отца Оринтия...

— А вот дальше — уже не по церковным книгам, а по бытующим в народе поверьям, — продолжал Тарик, — их слишком много, начини я все пересказывать, всю ночь и до рассвета здесь просидим. Главное вот: баралейник считается символом нечистой силы и черного ведовства — и с этим опять-таки связано множество поверий, легенд и жутких сказок... Вот так. Вы хотите что-то добавить?

— Да мне надобно, — подумав, заключил рыбарь. — Отцы-священники, я уж понял, и у вас, и у нас гласят то же самое, а поверья перебирать, сходства выяснять и различия усматривать — до рассвета не управимся... Я про другое. Вот у вас в городе есть Зоркие?

— Кто? — не понял Тарик.

— Может, в городах они иначе называются? Со многим так оно и обстоит... Такие люди, которые усматривают простым глазом, без чародейных стеклушек, потаенно укрывшуюся меж людей нечистую силу и отметины ее, для прочих незримые. Как ни таится нечистая сила, а не может в своих черных трудах обойтись без отметин, помимо ее желания возникающих. Говорят, так Создателем заповедано, чтобы, значит, нечистая сила себя являла. И чародейные стеклушки отсюда, белое чародейство — оно ведь от Создателя, это колдовство от другого...

— Ага, понял, о ком вы, — сказал Тарик. — У нас такие люди зовутся Видящими... только о них есть исключительно сказки, а что они бывают и в жизни, никогда не слышал. И про чародейные стеклушки — одни сказки...

— Надо ж как! — покрутил головой рыбарь. — Как же сказки, ежели в деревне сызмальства знают про Зорких, а там и узнают, кто из односельчан Зоркий. И чародейные стеклушки есть, я в одно такое сам глазом смотрел... Ладно, не о том разговор, опять получается, что в деревне и в городе многое разнится... Так вот, надобно вам знать, что я не настоящий Зоркий, да вот так получилось, что Зорким был дед по матери, и от него мне кое-что передалось. Так оно всегда бывает: передается не от отца к сыну, а от деда к внуку,

и непременно от деда по матери. Вы уж явите такую милость, не смейтесь, я ведь сам видел...

Он замолчал и опасливо оглянулся, хоть поблизости и не было никого, кто мог бы подслушать.

— Мне и в голову не придет смеяться, — сказал Тарик. — Чего на свете не бывает... А что вы видели и где?

— Где — никак не скажу: не возьму в толк, как место и описать, — сокрушенно признался рыбарь. — Улица как улица, дома как дома, и не было там ничего приметного, вроде той девки с козой или громаднющей чаши, из которой вода дюжиной струй непрестанно бьет, а посередине всякие зеленые чудилы... («Ага, и к Морскому Фонтану его заносило», — отметил Тарик.) А вот видеть видел. Высещаю это я на ту улицу и вижу: висит прям над крышами здоровенный, чуть не с телегу, цветок баралейника — уж его ни с чем не спутаешь! (Тарик снова вздрогнул от неожиданности, обратился в слух.) Только он был как бы из черного дыма, нетающего, и ветерком его нисколечко не колыхало. И дым такой... подтаявший, что ли, потускневший. В точности как отец рассказывал и дед Китифор, Зоркий наш и знахарь. Когда, говорили, учинит какую пакость нечистая сила — не менее суток такой цветок из дыма повиснет, помаленьку тускнеет, а там и вовсе пропадает, как не было его. Придержал я конька и долго таращился, аж некоторые проходящие насмешки строить начали: вот, мол, деревня, крыш не видел! Крыша там и в самом деле обычная, без красивостей, но над крышей-то цветок из дыма! Что никто его не видит — понятно: Зоркие нынче редки, и все равно... В деревне, если такая погань объявится, Зоркий быстренько сполох поднимет, за священником сбегает, кой у кого и чародейное стеклушко отыщется, а то и белый чародей придет. В нашей деревне чародея давно нету, с тех пор как дед Патан помер нежданно, не успевши никому умение передать, а вот в соседних есть парочка, кузнеца Яласа взять — ох силен... Ну, таковы уж кузнецы, не то что обычный люд — сплошь и рядом ох какие непростые: кто с нечистой силой знается, кто с чародейством, кто просто умеет всякое, помимо ковальского ремесла... И начинают искать — по какой такой причине цветок из дыма

повис. И ведь случая не было, чтобы не нашли у куманька или там кумы нечистой силы. Погань эта не может так, чтобы их колдовство без баралеяника обходилось: так, говорят, святым Нульфом заповедано, чтобы, знаете-понимаете, нечистая сила свои пакости не творила вовсе уж потаенно, а непременно оказывала себя. Ну, а уж как найдут... Деревня в таких делах по властям не бежит, своим приговором решает. И священник, если долго в деревне прожил, и поперек не встает, понимает, что так оно даже и лучше: все равно в городе куманька нечистой силы так и так спалят, чего ж ему по земле разгуливать лишних пару дней? А у вас, я смотрю, никто сполох не поднимает... Неправильно это, хошь вы меня режьте. Неужели нету таких, что на колдунов охотятся? Они ж, видя, что сходит с рук, наглости наберутся, пуще пакостить будут...

Тарик жадно слушал, но рыбарь замолчал, очевидно исчерпавшись, — жаль... Вроде бы и ясность какая-то появилась, убедительный ответ на долго мучившую загадку... но что же теперь с этим знанием делать? С ходу и не придумаешь...

Он встрепенулся: улица впереди упиралась в желтую кирпичную стену с чугунными завитушками поверху, над которой виднелись верхушки сосен и берез — Нескучный сад с разнообразными увеселениями и музыкальными павильонами, куда допускались только дворяне и члены Собраний; слева начиналась Дубовая, справа как раз Сахарная. Признаться по совести, Тарик немного слукавил, вовсе даже безобидно: сюда можно было добраться и другим путем, на добрую майлу короче, — но невредящая хитрость помогла ему миновать район Темных в длину, что прибавляет законной гордости.

— Поворачивайте вправо, — сказал Тарик. — Вот она и Сахарная. Улица длинная, ваш граф, судя по номеру, живет где-то посередине, по правую сторону. Нет смысла с вами до его дома ехать, мне потом долго возвращаться придется к этому месту, мне путь вон туда...

— А как же ж я дом-то найду? — поскучнел рыбарь. — Столько их тут, и спросить не у кого...

— Может, цифры знаете? — спросил Тарик. — Бывал я в деревнях. Циферному счету там не обучают, на это деревенский грамотей есть, а самим цифрам учат — мало ли где понадобится.

— И у нас учат, как же! — оживился рыбарь. — Рыбарям тоже без цифр никуда — и улову счет вести, и для других надобностей...

— Ну, тогда совсем просто, — сказал Тарик и показал на номер с первой делимой⁵⁰ цифрой, бронзовый кружок с финтифлюшками вокруг, на высоте человеческого роста прикрепленный к стене богатого каменного дома в три этажа, судя по ограде и гербу над входом — дворянского. — Какая там цифра?

— Двочка! — радостно воскликнул рыбарь.

— Вот и отлично, — сказал Тарик. — Держитесь этой стороны, и под номером двадцать четвертым будет дом вашего графа. Теперь найдете?

— Да безо всяких! Верно говорили, что в городе хитро придумано — всякий дом под циферкой, не то что в деревне... Подождите минуточку, господин городской, погодите с козел соскакивать! Позвольте вам за то, что любезно сопроводили, ответную любезность оказать от чистого сердца, стало быть...

Тарик остался на козлах, а рыбарь, проворно соскочив с габары, открыл ближайшую корзину и подал Тарику словно бы толстую доску в форме рыбы, тщательно обернутую в вощеную бумагу. Вот только доска не пахнет так ядрено копченой рыбой, очень уж дразняще для голодного брюха.

Очень похоже, там не просто рыба, а... Ну да, Озерный Край же ж! Вот это сvezло!

Как и полагалось согласно политесу, он сказал:

— Не стоит вам так беспокоиться...

Судя по всему, в деревне были другие политесные правила: вместо обычного «Помилуйте, какое беспокойство, честь окажете» рыбарь сказал:

— Вовсе это не беспокойство, а уважение, уж не побрезгуйте...

Вполне возможно, это как раз был деревенский политес на такой именно случай — и Тарик принял тяжелый, заманчиво пахнущий

⁵⁰ Делимые — цифры, обозначающие четные числа (вообще-то многие нечетные числа тоже делятся, но так уж принято в Арелате).

сверток длиной в добрый полмайл. Спросил только, уже не из политеса, а из участия:

— А неприятностей у вас не будет, любезный рыбарь? Ежели рыбка по счету...

Рыбарь подмигнул ему хитровастенько:

— Так ведь счет «шестым хвостам», надобно вам знать, ведется не по хвостам, а по корзинам. Сколько корзин обозначено на бирке, столько я и привез, какие там неприятности? Не обеднеет барин, у него в наших краях три озера из самых больших... Очень вы меня разодолжили, господин городской, со всем сердцем отнеслись, хороший вы человек, сразу видно. Ежели доведется бывать в наших краях, милости прошу в гости, примем как полагается. Озеро Гусиное, деревня Тихая Пристань, а я зовусь Барталаш Фог, еще на околице спросите, всякий покажет. А ваше имечко как будет?

— Тарикер Кунар, — сказал Тарик солидности ради, впервые в жизни величая себя по-взрослому.

— Запомню, память у рыбарей хорошая. Будете в наших краях, заходите без церемоний. Места у нас красивые, городские ездят, даже дворяне — свежим воздухом подышать, на красоты полюбоваться, на лодках поплавать: Гусиное у нас большое! Братила мой по мамке⁵¹ в гостевой деревне⁵² служит (их у нас две), махом вас устроит... а то и у меня можно, всегда рады будем, у меня гостевая комната имеется...

Распрощались политесно — рыбарь приподнял колпак, Тарик приподнял шляпу, оба пожелали друг другу удачного пути, и рыбарь уехал, а Тарик остался один на пустой улице с тяжелой рыбиной в руках. Никакой загвоздки в том, как справиться с неожиданной ношей, не было: Тарик достал из кармана туго свернутый рулончик, встряхнул — и получилась поместительная матерчатая сумка с двумя длинными ручками-лямками. Отправляясь в город, все брали с собой сумки на случай, если родители поручат что-нибудь купить. А ежели удастся стибрить что-нибудь с воза, следует побыстрее

⁵¹ Брат по матери или отцу — двоюродный.

⁵² Гостевая деревня — то, что мы называли бы турбазой.

упрятать от посторонних глаз, помня правило: если не было очевидцев, Стражники ничего не докажут. Школяру и в форме идти с сумкой вполне политесно.

Лещ — а это, конечно же, был лещ — уместился в сумке целиком, и хвост не торчал. Вот это свезло! Озерный Край (дюжина больших и поменьше озер, невысокие, поросшие лесом горушки, густые чащи) располагался всего-то майлах в тридцати от столицы к северу. И лещи водились только там, не так давно в королевстве Арелат их вообще не было, пока с полсотни лет назад кто-то из владельцев не завез мальков, они прижились и размножились. Только так просто на рыбалку туда не попасть даже тем благородным и богатым, кто имеет такую страстишку: все земли Озерного Края издавна принадлежат старым дворянским родам, они, кроме «шестого хвоста», с самого начала скупают у рыбаков весь улов лещей, а потом их управители с немалой выгодой перепродают его столичным рыбакам, у которых такие цены, что даже иные небогатые дворяне, глотая слюнки, проходят мимо. В отличие от осетрины, пищи людей невысокого достатка, лещ — и сырой, и копченый — почитается большим деликатесом. Есть даже байса про бедного провинциального дворянчика, который в ответ на вопрос, что бы он делал, если бы стал королем, ответил не задумываясь: «Каждый день бы леща трескал!» По причине редкости копченый лещ такой величины, что лежал сейчас в сумке у Тарика, стоит в лавке не меньше шести серебряных денаров, а на такие траты не всякий дворянин пойдет, не говоря уж о нижестоящих, разве что Ювелиры могут себе позволить.

Леща — и не копченого, а жареного — Тарик пробовал два раза в жизни: два года назад, когда папаня праздновал священные цифры, и год назад, когда старший брат вернулся с войны с наградой и легкой раной — и папаня раскошелится на праздничный деликатес. Откровенно говоря, ничего такого особенного, рыба как рыба, но тешило горделивость то, что она на столе...

Повесив сумку на левое плечо, — ах, этот дразнящий запах! — Тарик быстрым шагом пошел по Дубовой (неведомо почему так названной — там не было ни единого дуба, вообще ни одного

дерева). Он крепко сомневался, что когда-нибудь попадет в Озерный Край, но название деревни у Гусиного озера и имя рыбака прочно засели в голове — память у него цепкая, что здорово помогало на испытаниях.

И по-прежнему думал об Озерном Крае — теперь уже о гостевой деревне, с точки зрения многих дворян совершенно неправильной. Такие деревни, приносящие немалый доход их владельцам, есть в разных уголках Арелата, но все они до недавних пор принадлежали либо городским магистратам, либо земанам из деревень вольных землеробов. А вот два года назад этим же занялся не простой дворянин, а титулованный: граф Замбек, один из четырех владельцев Озерного Края, причем самый захудалый из них — ему принадлежало одно-единственное озеро (правда, большое), кусок леса и четыре деревни землеробов с повинностями. Как бывает со многими, главное его достояние заключалось в древности славного рода, а доходы с продажи лещей никак не позволяли поддерживать «достойный образ жизни», коего требует неписанный дворянский кодекс чести. И вот однажды неведомо на какие денежки (злые языки судачили, взял в долю кого-то из «золотых мешков», столичных Денежных) он огородил внушительной изгородью чуть ли не равнолеглоу⁵³ майлу на берегу озера, построил гостевую деревню из симпатичных кирпичных домиков, а главное — завел дюжины две лодок, с которых за отдельную плату гости могли половить рыбу удочкой (тут была своя хитрость: лодочники зорко следили, чтобы ловец вытащил лишь оговоренную дюжину рыб, а сколько окажется в улове лещей или не окажется вообще — это уж везение или невезение рыболова).

И денежка потекла к графу Замбеку звенящим ручьем, к нему потянулись любители рыбалки со всего королевства. Среди них хватало и титулованных дворян, и даже придворных: рыбалка — та страсть, что одинаково сжигает и герцога, и простолюдина (правда, в гостевую деревню графа мог попасть лишь самый богатый простолюдин вроде Ювелира, а что до герцогов, то не у каждого из

⁵³ Равнолеглая — квадратная.

них хватило бы денег на эту роскошную — и единственную! — рыбалку в королевстве).

Злые языки твердили еще, что остальные трое владельцев Озерного Края, видя ошеломляющие прибыли, тоже собрались было завести на берегах своих озер гостевые деревни через подставных лиц, но граф (а может, его тайный компаньон) оказался прозорливым и хитрым — заведя вскоре знакомства среди придворной знати, он добился королевской привилегии, которая сделала его единственным хозяином гостевой деревни в Озерном Крае.

То, что именно так обстоят дела, Тарик знал совершенно точно — опять-таки от студюозусов, приходивших к художнику Гасперу в гости. Трое из них недавно побывали в гостевой деревне, но до пошлостей, как они говорили, вроде рыбной ловли не опускались — прихватив несколько ящиков вина, четыре дня гулеванили в домике со знакомыми девицами и только раз, наняв лодку, выплыли на озеро, но снова не для того, чтобы цеплять на крючок безвинную рыбку, которая не сделала им ничего плохого: лодка стояла на якоре на середине озера, пока не опустел взятый с собою немаленький бочонок вина. Студюозусы говорили еще, что многие гостевые деревни служат местом для тайных встреч женатых и замужних, как это давно повелось с охотничьими домиками. И, еще более понизив голос, клялись, что видели там всемогущего Главного министра — герцога Талакона, отроду не замеченного в страсти к рыбалке...

Совершенно незачем было думать об этих пустячках, о местах, где ему наверняка никогда не доведется побывать, но себе самому Тарик мог признаться, зачем он это делает: чтобы не обращаться мыслями к предметам гораздо более серьезным, да что там — тягостным. Разговор с рыбарем о цветах баралеяника «словно из черного дыма» прояснил все, но теперь перед ним вплотную встал вопрос, на который пока что не находилось ответа: пусть все стало ясно, но что же делать?

Глава 5

МИЛАЯ СЕРДЦУ ЗЕЛЕНАЯ ОКОЛИЦА

Быстрым шагом Тарик миновал Дубовую, прошел по короткой Жемчужной, где располагалось с полдюжины роскошных ювелирных лавок, совершенно его не занимавших, пересек небольшую площадь королевы Ирианы с фонтанчиком посередине и книжными лавками (и они нисколько не интересовали: книги там продавали исключительно ученые, дорогушие, в коже и аксамите, это Чампи-Стегляшка, глотая слюнки, с тоской взирал на здешние вывески, но товар был ему не по денежке).

И вот наконец он вышел к милой сердцу Зеленой Околице, хоть и не вступил еще в ее пределы. Незримого рубежа здесь не имелось, но близость места, где он орущим комочком появился на свет и прожил всю недолгую сознательную жизнь, себя обозначила. По обе стороны короткой неширокой Хрустальной росли деревья — чем дальше, тем они выше, тем их больше... Снова непонятно, почему улицу так называли: тут не было ни единой мастерской хрустальных дел мастеров и ни единой лавки, где торговали бы хрусталем. Зато на широком промежутке немощеной земли горделиво возвышался могучий старый дуб, далеко распутивший узловатые корни, словно морской зверь спрутус из «Зверятника»⁵⁴. Дерево стояло

⁵⁴ «Зверятник» (то же, что «Бестиарий») — богато иллюстрированная книга о животных, реальных и мифических.

в окружении деток — молодых дубков, вымахавших уже выше Тариковой макушки. Вот эту бы улицу и назвать Дубовой... Хрустальная еще мощеная, но у доброй половины домов имеются палисаднички, пока небольшие (и один из них сплошь засажен подсолнечниками — сразу видно, здесь обитает большой любитель жареных семечек).

Теперь ноги сами несут налево, на широкую Аксамитную. Вот тут-то и начинается Зеленая Околица, предмет гордости ее обитателей и легоньких насмешек каменярков (сплошь и рядом, как справедливо здесь считают, порожденных чистой завистью). Улицы немощеные, хотя и не поросшие травой, земля убита ногами и колесами. Деревьев превеликое множество, полдюжины названий; дома небошественные — как правило, в один этаж с чердаком, но, как полагается, каменные и кирпичные (деревянное строение дозволено только Бродягам на Вшивой Горке, отсюда и старая поговорка: «Видок у него такой убогий, словно в деревянном домишке живет»). И при каждом — палисадник, а за домом немаленький огород, порой с птичником и хлевом для коз, а то и для коровы, и уж часто — со своей конюшней. Только свинарников нет — из-за вони и грязюки магистрат запрещает, они дозволены лишь на северной окраине, где стойкие южные ветры уносят дурные запахи за околицу в чисто поле.

Слева показалась коричневая черепичная крыша с рядом каменных фигурок танцующих лесных фей вдоль карниза, и Тарик невольно улыбнулся, вспомнив, как он в Недорослях⁵⁵ обходил это место шестой дорогой, а если уж не удавалось — неся мимо опрометью, замирая от ужаса, как все его годочки. Среди Недорослей неведомо с каких времен держалось стойкое убеждение, что у обитательниц дома зубы не человеческие, а острые, лисьи, они ловят неосторожного мальчика, затаскивают к себе и откусывают писю напрочь. Никто никогда не видел ни одного пострадавшего, но эти страшные рассказы ходили по всей округе с незапамятных времен. Только став Школяром, Тарик узнал немало о взрослой

⁵⁵ Недоросли — дети от 6 до 12 лет.

жизни, но и тогда еще с годик обходил заведение стороной (уже по другим причинам).

Вот только он давно избавился от прежней робости, а потому шагал смело, даже неторопливо — сейчас веселым девкам не смутить его своими обычными подковырками...

Дом был большой и длинный, в два этажа. Половину первого занимал танцевальный зал с окнами раза в два повыше и пошире прочих; имелся и обширный двор с коновязями и каретными сараями — ну да, многие приезжали сюда верхом или в каретах. Вывеска в три краски гласила: «Лесная фея. Танцевальное заведение Шалората Букана», а ниже, как положено, помещался шильдик — многие гости денежные, но Темные (тех же Ювелиров взять).

«Танцевальным» это заведение именовалось политеса ради — начиная от Школяров, все знали, как оно обстоит на самом деле: на сцене и в самом деле пляшут здешние прелестницы, а для всего остального отведены небольшие, но уютные комнатки, где и танцорки, и подавальщицы, и остальные жительницы дома уединяются с гостями известно для чего. В самом деле весьма политесное заведение: веселые девки как на подбор симпотные и свеженькие, не то что, как о том болтают, в заведениях гораздо более низкого пошиба; пляшут в легкомысленных, но все же платицах (а в тех домах, что называются неполитесно, бают, и голышом выплясывают); комнаты снимаются на всю ночь, а не на пару часов или вовсе на полчаса; ну и напитки с кушаньями высшего качества. Не зря справа от вывески большой золотой трилистник — таким считаное число подобных домов может похвастать.

Студизусы, тоже мимо не проходившие, говорили как-то, что этот Шалорат Букан — персона подставная, а на самом деле все здесь от флюгера на крыше до веселых девок принадлежит вхожему в королевский дворец сановнику (чье имя и бесшабашные студизусы ни разу не назвали, умолкая, честное слово, испуганно). Мол, это роскошное заведение потому и устроено на окраине, вдали от многолюдных городских улиц, что здесь, вдали от любопытных глаз

зевак, неизбежно проистекающих отсюда пересудов и ревнивых супружниц, развлекаются такие господа, чьи имена не разбалтывают даже злоязычные студиозусы. Да и прислуга здешняя с оглядкой болтала в тавернах, что «Лесная фея», вопреки иным негласкам, не платит ни гроша мзды никакой Страже. И все здешние веселые девки не без горделивости носят бляхи Танцорок, а не стоящего гораздо ниже Цеха Гулящих. Ну, предположим, все знают, чем занимаются танцорки, но политес соблюден...

Ну, само собой! На верхней ступеньке широкого низкого крыльца вольготно разместились пять веселых девок — понимающему ясно, маявшихся от скуки, потому что до вечера еще далеко. Одна другой краше, заразки, платьица гораздо короче обычных, а вырезы поглубже (танцоркам дозволяется, хотя на люди даже в ближайшую лавку они выходят в самом политесном виде). Все пятеро уже освоили недавно появившуюся фантазийку⁵⁶, какой следуют и благородные дворянки: концы волос примерно на мизинец окрашены в яркие цвета, волосам не свойственные — синий, алый, фиолетовый и даже зеленый (везде есть свои фантазийки, но у женщин они порой весьма причудливые). Болтают, что это распространилось и на другие прически, но Тарику еще не выпало случая убедиться, правда ли это.

Танцорки грызли жареные тыквенные семечки и о чем-то весело болтали. Завидев Тарика, захихикали, толкая друг друга локтями. Ну конечно, сейчас зажжет самая разбитная...

Так оно и оказалось. Красивенькая черноволоска (концы завитых прядей крашены в багрянец) в розовом платьице сладеньким голоском позвала:

— Школярчик, а Школярчик! На минуточку!

Остальные приготовились всласть поохотать. Нет уж, не на того напали, где сядете, там и слезете! Тарик остановился, развернулся к ним лицом, без смущения глядя на высоко открытые стройные ножки и пленительные вырезы, политесным тоном спросил:

— Это вы ко мне обращаетесь?

⁵⁶ Фантазийка — мода.

— А к кому же еще? — задорно продолжала черноволоска. — Заучился, наверное, света белого из-за книжек не видишь? Хочешь, размыкаем твою заученность? Пойдем к нам в гости, а? — Она якобы невзначай извернулась на ступеньке так, что ножки оказались совсем уж заманчиво открытыми. — Не бойся, всей толпой набрасываться не будем, сам выберешь, которая тебе первой приглянется, а какая следующей будет. Поди, никогда девушке подол не задира до пупа? Научим тебя всяким ухваткам, от которых девчонки с твоей улицы в восторг придут и давать будут тебе первому. Что мнешься? Не думай, денежек с тебя трясти не будем, сами серебрушек приплатим, святое слово!

Она замолчала, глядя лукаво, а остальные, по смазливym рожицам видно, приготовились разразиться хохотом. Нет уж, Тарик не собирался доставлять им такого удовольствия. Выдержав долгую паузу, он политесно приподнял школярскую шляпу с надлежащей кокардой и вежливо сказал:

— Благодарю за любезное приглашение, девичелла⁵⁷, но аккурат сейчас у меня неотложных дел накопилось выше трубы...

Выждал достаточное время, чтобы на смазливых рожицах проступило обиженное разочарование, повернулся и зашагал прочь. Успел еще услышать, как кто-то из них разочарованно протянул:

— У-у-у, даже уши не покраснели...

А другая откликнулась:

— Да уж, не котенок попался! Видно, соседской девчонке давно заправляет нахала...

Последнее высказывание, что греха таить, душу Тарика порадовало. Он зашагал дальше, негромко насвистывая (в Городе это Школярам запрещалось, но здесь педелей отродясь не бывало).

Где-то в глубине души занозой все же сидело легонькое сожаление. Он прекрасно знал, что танцорки не то чтобы хотели его сконфузить — они и впрямь обожали залучать к себе в гости и учить всяким ухваткам таких, как он, на что прислуга смотрела сквозь пальцы. То, что Перенила из Кудрявой Межи назвала «учить

⁵⁷ Девичелла — политесное обращение к молодой незамужней Цеховой.

неопытного», у танцорок именовалось «школить котятчиков». Иные Школяры, запунцовев, побыстрее прошмыгивали мимо под хохот и насмешки танцорок, а иные приглашение принимали — и потом долго хвастали во всех подробностях. Что далеко ходить, Байли-Циркач из его собственной ватажки в гости раз пошел, и разговоров хватило на три дня...

Одно время Тарика не на шутку подмывало принять приглашение, но он быстро от этой мысли отказался. С ухарей вроде Байли как с гуся вода, а Тарик не смог себя пересилить. Очень соблазнительно было враз возмужать, да вот беда, мешали серьезные внутренние преграды. Брезгливо показалось загонять торчок туда, куда что ни вечер засаживали всякий раз другие мужчины, а то и, как болтают, двое-трое зараз. И срамных хворей он не на шутку боялся. Хотя в столь роскошном заведении наверняка есть постоянный аптекарь, а то и лекарь, всякие невезения случаются. Согласно поговорке, слышанной от грузалей в порту (первых городских сквернословов, куда там даже возчикам и бродягам), «Ежели уж попрет невезуха, собственной жёнушке “болячку” на конец словишь». Тарик никогда не был особенно невезучим, но это тот случай, когда следует остеречься. Бывают срамные хвори в дюжину раз хуже «болячки», которую, как говорил старший брат, военный народ запросто называет «соплей»...

Оставалось дойти до конца Аксамитной — а там и родимая улица.

— Здорово, Морячок! Зазнался, мимо шлындаешь?

Остановившись, он сказал вполне миролюбиво (не было причин задираться, да его никто и не задира!):

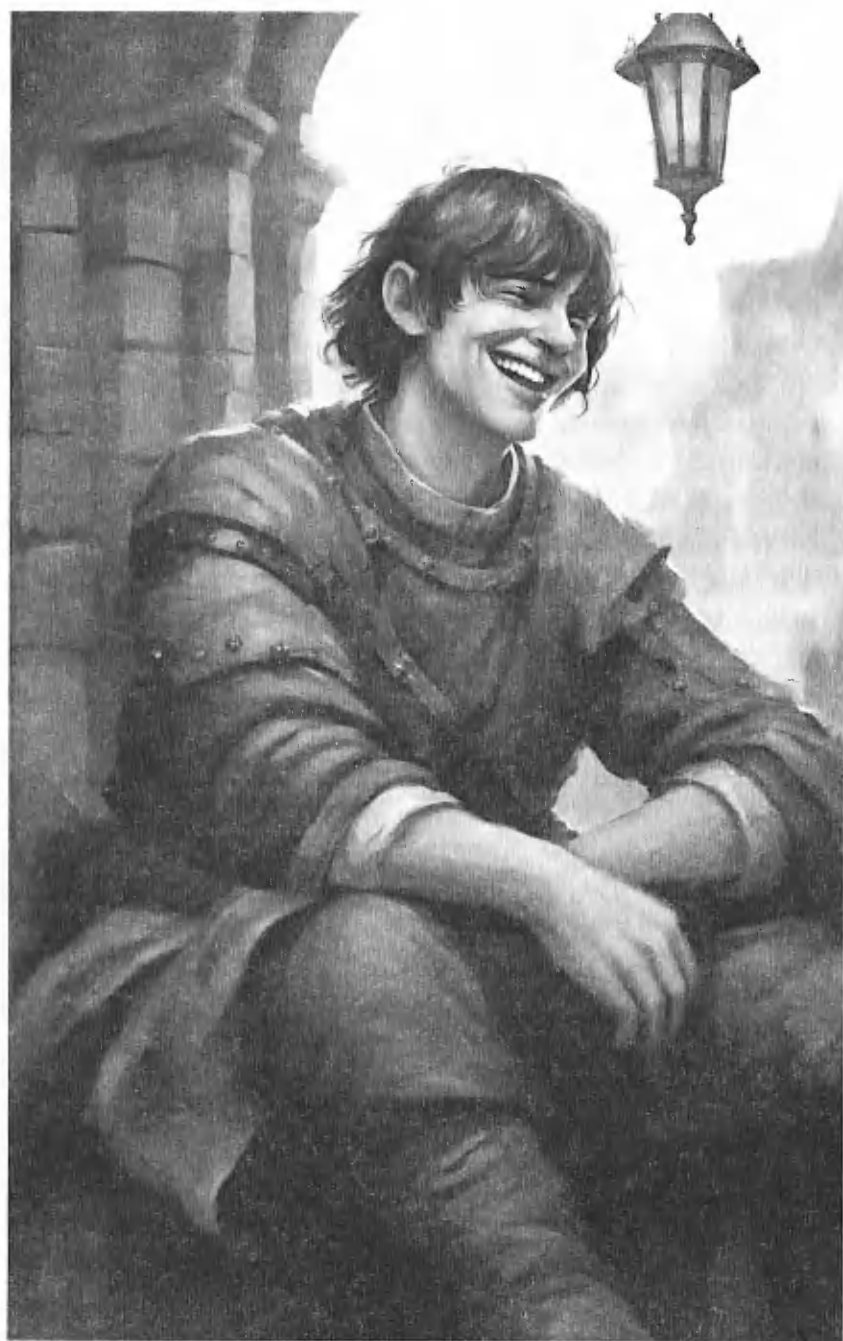
— Да задумался что-то, Буба...

— Про то, как новой девчонке вдуть? — осклабился Буба-Пирожок.

— Какой такой новой девчонке?

— А что с дядькой на вашу улицу заехала, под шестнадцатым номером.

— Первый раз слышу, — сказал Тарик, ничуть не кривя душой.

Он слышал краем уха, что аж в трех домах сразу (что редко случается) объявились новые жильцы, причем и у него в соседях, но ничегошеньки еще о них не знал — надо подождать, и не далее чем завтра кумушка Стемпары, словно бы умеющая видеть и слышать сквозь стены, визнает немало и быстренько разнесет по улице ко всеобщему удовлетворению, за что и пользуется уважением всей улицы Серебряного Волка — именно что кумушка, а не пустозвонка⁵⁸. Утром, загодя отправляясь на испытание, Тарик видел, как на улицу въехала пароконная габара, груженная ящиками и тюками, поверх которых ножками вверх лежал примотанный веревками стол — явно везли домашние пожитки, — но кто это был из трех новообитателей, он не знал. Одно можно говорить с уверенностью: люди вполне политесные, солидные, определенно Цеховые — другим бы и не дозволили купить дома на их улице, где жили поголовно Светлые, и даже двое мелкого звания Чиновных, и Титор Долговяз, и даже дворянин худог Гаспер (не выпячивавший, но и не скрывавший своего полноправного дворянства).

— Мышей не ловишь, Морячок, — с несомненным самодовольством ухмыльнулся Буба.

— Я с утра в квартальном Школариуме был, на испытаниях...

— То-то я и смотрю, еще одна птушка прибавилась. Эх вы, Школяры, все еще детство в попе играет, по испытаниям бегаете...

И вновь Тарика неприятно царапнул самодовольный тон, но он смолчал, говорит же: «Претензию предъявляют не за тон, а за слова», а слова у Бубы сплошь политесные, он не дурак, чтобы нарываться на претензию по пустякам. А что касается детства в попе — чья бы коза блеяла: Школариум Буба закончил всего-то неполный год назад, причем с одними белыми совами, да и тех бы не получил: не вылетел оттуда исключительно потому, что был

⁵⁸ Кумушка, в отличие от пустозвонки, — главная сплетница улицы, ничего от себя не добавляющая и не привирающая, разносящая только точные сведения (соответственно, и уважением пользуется, не то что пустозвонка, к которой отношение насмешливое).

Папенькиным Чадом. И с Подмастерьем у него не особенно ладится, это многим известно...

Но Тарик промолчал — он никогда не искал ссоры первым, и не Бубе задеть его всерьез дешевыми подколками...

— Падай, — Буба похлопал ладонью по скамейке. — И про девчонку расскажу, и за жизнь потрещим — как-никак оба ватажники, хоть твоя ватажка до моей и не дотягивает: одни Школяры...

Ну, предположим, единственным Подмастерьем в Бубиной ватажке был сам Буба, но и это следовало пропустить мимо ушей: не богат Буба мозгами, ох не богат, и ватажку себе подобрал под стать...

Тарик присел на широкую, добротнo сколоченную лавку, стоявшую на краю игровой⁵⁹ для Малышей и младших годами Недорослей. Аксамитная — улица зажиточная, не хуже Тариковой, так что игральню детям обустроили знатную: полдюжины качелей, не подвесных, а досок на железных осях, вбитых в небольшие подставки (с подвесных малышня может сверзиться и расшибиться), крепостца из крашеных досок (одно удовольствие играть в такой в войнушку, в осаду) и еще много завлекательных для малышни штук.

Сейчас, летом, посреди дня малышне как раз играть бы здесь всей оравой, но не видно ни одного. Понятно, в чем тут дело: Буба, как он частенько выкомаривает, шуганул мелких, и они разбежались, а родителям, конечно, не пожалуются — Бубу вся мелкота Аксамитной боится, подзатыльники он раздает направо и налево, не раздумывая. Вообще-то, не особенно политесно прогонять малышню с игровой да еще колотить, но Буба частенько нарушает по мелочам изрядную часть политесов. И не дело Тарика ему за это пенять — чужая улица, пусть сами разбираются. Другое дело, что на улице Серебряного Волка все ватажки строго соблюдают политесы касаясь Малышей и Недорослей, но Буба над этим лишь посмеивается: «Слабаки, распустили мелкоту, этак скоро вам на шею сядет и ножки свесит...»

⁵⁹ Игральня — детская площадка.

Тарик уютно устроился на скамейке с краю, так и не сняв сумку с плеча. Буба сразу же к ней шумно принялся:

— О, свеженькой копчушкой несет! Подтибрил по дороге? Не кинешь кусман на толпу?

— Маманя сказала купить, — ответил Тарик кратко, чтобы Буба отвязался.

Он старался не врать без необходимости, но сейчас как раз такой случай, позволяющий легонькую ложь. Даже оказись рыбака подтибренной, Тарик целехонькой отнес бы ее своей ватажке — сам Буба ни разу добычей не делился, а значит, перебьется...

Тарик откинулся на низкую косую спинку скамейки, разбросал по ней руки, отдыхая от всего, что пережил за этот день. Всех присутствующих здесь знал давно, кроме незнакомого Подмастерья-краснодеревщика — так прикидывая, годочка Бубы.

Гача и Гоча — а может, Гоча и Гача — Двойняшки: неотличимые друг от друга, как горошинки из одного стручка или отражение в зеркале от того, кто в него глядится. Иные близнецы нарочно одевались по-разному, но эти двое предпочитали полное подобие решительно во всем, и на то был тонкий расчет...

Еще в первые месяцы Школариума они попытались обернуть полное сходство к своей выгоде, порой садились на место другого и назывались на утренней переключке не своим именем, а именем братца. Тут не было ничего от проказы ради проказы — оказалось, что Гоча, даром что туповат, гораздо лучше разбирается в цифрном счете, а Гача вот, на удивление, силен в мироописании. А потому один, притворившись другим, первый тянул руку, когда Титор спрашивал, кто добровольно готов отвечать, — и зарабатывал похвальную запись в школярскую ведомость братца.

Однако Титор Сулатий по прозвищу Вьедливый Сул скоро это просек, причем, ручаться можно, собственным умом — он, что большая редкость для Титора, брезговал услугами ябедников и наушников. И быстро придумал действенное средство: с одобрения начальства обязал Гочу в стенах Школариума затыкать за пояс у пряжки белый платок, а Гачу — синий, настрого предупредив:

если они поменяются платками, получат розог, а если откажутся носить — добьется, чтобы выгнали обоих по параграфу «злостное нарушение правил учебы», что обоим точно закроет дорогу в отцовские Подмастерья, и придется им приписываться к Мусорщикам, Золотарям и иным Убогим Цехам. Вообще-то такое нарушение не значилось в регламенте, но Главный Титор поддержал, напомнив о старинном праве вводить неофициальные параграфы. К сокрушению близнецов, придумку горячо поддержал родитель, вспомнив, сколько проказ Двойняшки учинили безнаказанно, пользуясь своей неотличимостью (у родителя хватало совести не пороть обоих — один-то заведомо был безвинным). Более того: родитель после беседы с Титором радостно воскликнул: «И как я сам не додумался!» и заставил под угрозой доброго числа розог носить платки и дома, после чего домашние проказы живенько прекратились.

Двойняшки отыгрывались на улице, где за ними не могло быть ни титорского, ни родительского надзора. Разозленный сосед не мог точно сказать, кто разбил у него окно или выдирал хвосты у куриц — может, Гоча, а может, Гача (многие считали, что в таких случаях пороть следует обоих, но родитель твердо держался убеждения, что невиновный страдать не должен). То же самое и с тибреньем из габар. Несколько раз один из Двойняшек тибрил столько, что по денежке это тянуло на пару месяцев Воспиталки, и дважды возчики видели и описывали воришку. Но оба раза, придя со Стражником и узрев близнецов, оторопело пучили глаза, не могли сказать, ясное дело, кто из двух таких одинаковых как раз и подтибрил с габары то или это, — и уходили ни с чем, плюясь и затейливо ругаясь.

Кумушки вскоре прознали, что один из Стражников с Аксамитной, разозленный двумя неудачами, даже ходил в квартальную Стражу, добивался, чтобы Двойняшек заставили и на улице носить разноцветные платки или иные отличительные знаки. Но ходил зря — кто-то из Чиновных, пожав плечами, объяснил: это в Школариуме могут придумать свои параграфы, а Стража живет

по утвержденным высоким начальством регламентам, где про отличительные знаки для близнецов ничего не значится, и не уличному Стражнику тут умствовать. После чего близнецы окончательно распоясались, и на прошлой неделе кто-то из них чуть ли не в открытую отрезал хвост у оставленного ненадолго без присмотра коня заезжего молочника — оба любили рыбачить, а на покупные лесы тратиться не хотели...

Сидела с другого края и Шалита-Шалунья (за глаза ей приклеили и гораздо более неприглядную кличку) — симпатичная девчонка, порой откровенно заигрывавшая с Тариком (вот и сейчас украдкой послала парочку многозначительных взглядов). Вот только Тарик, никогда этого открыто не выказывая, относился к ней пренебрежительно, и не он один. Очень уж многие знали, что она служит сосунком не одному Бубе (что было бы понятно и простительно), а всей его ватажке. Пару раз ее заставляли за этим делом надежные Недоросли, которые врать не будут, — оба раза они, укрывшись неподалеку, долго наблюдали, как в кустах у реки, возле Рачьего Переката, Шалита ублажала на коленках одного за другим. После чего многие стали всерьез подозревать, что Бубина ватажка ее еще и жулькает втихомолку...

И ихний пятый — незнакомый Подмастерье... Тарику он сугубо не понравился с первого взгляда. Давно уже Тарик знал, что о сущности людей нельзя судить по внешнему виду. Его сосед, покойный дядюшка Пайоль, лицом был точь-в-точь Мафель⁶⁰, а на самом деле добрейшей души человек. Учил мальчишек делать бумажных птичек, летавших высоко и далеко, воздушных змеев, лодочки и поплавки из коры. Удачно распродав в деревнях свою глиняную посуду и свистульки в виде разных животных, пригоршнями раздавал ребятам с улицы шарики смолки и сосательные конфеты, а по осени оделял орехами со своего огорода, стараясь, чтобы всем досталось. Когда его две недели назад убили разбойники на большой дороге в Дурранской чащобе, вся детвора о нем горевала.

⁶⁰ Мафель — персонаж балаганной комедии масок, злой и коварный.

И противоположно. Мельник Бариуш с их улицы — ну вылитый Балафос⁶¹, а душонка гнилая. И Малышам, и Недорослям, и мальчуганам постарше, в том числе Школярам в форме, мимо его дома близко лучше не проходить, а пробежать по другой стороне улицы: может метко пукнуть из рогули глиняным шариком — якобы к нему в огород лазят (хотя никто не лазит — он там злющего пса держит). И со взрослыми соседями скандален, пару раз чуть до драк не доходило.

Однако ж и исключения бывают — и Тарику незнакомец сразу не приглянулся: какой-то он... неприятный. Бледноватые тонкие губы то и дело кривятся в ухмылочке, глазки колючие, на левом указательном пальце медное колечко с мертвой головой, какие для форсу таскают Мутные⁶², — уж не Мутный ли и есть? Редко они в округе появлялись после известного вразумления, только Буба и может такого притащить... И расселся очень даже по-хозяйски, как здешний...

— Ну вот, про девчонку, — загадочным тоном начал Буба. — Копал я с утра червей в Козьем Ложке, где они особенно знатные (сам знаешь), иду назад, а в шестнадцатый номер пожитки таскают, и какой-то незнакомый хмырь распоряжается. И тут же девчонка торчит, я так прикидываю, годочек нашей Шалитке. Симпотная — с конца капает. И ножки без изъяна, и яблочки побольше, чем у Шалитки, и вся такая, что завалить хочется и часок с нее не слезать...

— А тебя на час хватит, балабол? — лениво фыркнула Шалита.

— Приловчиться, так и на два хватит, — важно ответил Буба. — Мне вот Бабрат объяснил, что к чему... — он кивнул на незнакомца.

Тот, кривя бледноватые губы, подтвердил:

— Объяснил, а как же. Есть у аптекарей такой сухой корешок, съешь парочку — и торчок надолго закаменеет. Достать его

⁶¹ Балафос — еще один персонаж: добрый и душевный старичок, покровитель влюбленных, хранитель тайн.

⁶² Мутный — приبلатненный.

непросто, да у меня есть в аптекарских учениках крепко обязанный, пять серебрушек должен, пора возвращать, а нету. Вот он скоро и обещал целую горсточку раздобыть. Тогда сама убедишься насчет часа...

И положил ей руку на коленку, нахально погладил и даже сдвинул подол зеленого с белой вышивкой платица повыше чем на ладонь. Что странновато, Шалита это приняла так безучастно, словно это не ее беззастенчиво лапали средь бела дня, а ведь самая крученая-верченая девчонка такое допускает только подальше от посторонних глаз. Да и сама Шалита, что бы там ни делала в кустиках на берегу реки, далеко за городской околицей, на своей улице, как и полагается благовоспитанной доченьке небедных уважаемых родителей, политес блюдет старательно, чтобы родители ничего не узнали. Что же это за незнакомый хмырь и почему открыто хамское обхождение допускает? И она ни словечком не прекословит, не возмущается? Что-то тут у них неладное, надо держать ухо востро...

— Ну, я с девчонками не робкий, — самодовольно ухмыляясь, продолжал Буба. — Подвалил к ней буром, давай знакомиться со всем обхождением. Только эта свистушка, что врать, меня быстренько обломала. Как зовется, так и не сказала, не поговорили толком — нос воротит, гордую лепит: мол, такая недотрога, что пуще и не бывает...

— В умелых руках еще не бывала, — хмыкнул незнакомый Бабрат. — Не научили еще подчиняться без барахтанья и писка — ну да дело поправимое, и не таких обламывали. Вот Шалка мне нравится, понятливая деваха, помацать приятно...

Он снова погладил Шалиту по ноге, еще выше сдвигая подол, — и она снова осталась безучастной, только щеки чуть порозовели. У Тарика забрезжила догадка, но рано о ней думать, он пока что мало знает...

— Кто б из себя недотрогу строил! — фыркнул Буба. — Выговор у нее гаральянский, по-тамошнему слова произносит, я сразу просек. У батяни в Приказчиках полгода как гаральянец, уж теперь разбираюсь... Точно гаральянка. И строит из себя...

— Ну и что, что гаральянка? — пожал плечами Тарик. — У нас вон и король теперь гаральянец, второй год пошел...

— Ну, ты как дите малое! — захохотал Буба. — Неужели не слышал про ихние обычаи? Темнота! У них в Гаральяне девчонки почище деревенских с двенадцати годков жулькаются, как кошки, а уж про деревенских я все насквозь знаю, сто раз вам рассказывал, как у них заведено...

Сто не сто, а натрепался изрядно. Вспоминая Перенилу из Кудрявой Межи, Тарик вполне допускал, что в какой-то из поездок с батянсй Буба вполне мог жулькнуть какую-нибудь деревенскую девчонку, вольную в обращении, как Перенила, и давно уж деревенскими ухарями распечатанную, — но непременно украдкой, в потаенном местечке наподобие старой мельницы, о которой говорила Перенила. Никак не могло обстоять так, как взалхлеб расписывал Буба: будто бы деревенские красотки ему наперебой вешались на шею дюжинами чуть ли не посреди улицы ясным днем, уманивали его сами то в амбар, то в овин при полном доме родни. Не дворянин и уж никак не красавец, рожа неприглядная. Уж Тарик-то знал деревенские уклады, кое в чем ничуть не отличавшиеся от городских. Непременно накидали бы ему деревенские горячих, заметь его в пристаивании к своим девчонкам, — даже в деревне змслеробов-кабальников, пожалуй. Он и там никакая не персона, а просто подручный батяни — Цехового Кондитера, приехавшего покупать мешками муку, вялый виноград⁶³ и прочее необходимое для ремесла.

Но Тарик, как и в прошлые разы, промолчал — не было надобности затевать ссору, Бубу любой правдочкой не смутишь и не одолеешь...

— Что касаето этой, из-под шестнадцатого нумера, про нее уже все известно точнехонько, — воодушевленно продолжал Буба. — В полдень уже все прояснилось. В бумагах квартальной управы написано, что приехала она сюда с дядей, который из сословия Егерей. Может, он и вправду егерь, дело темное, но вот она ему и никакая

⁶³ Виногрон — виноград, вялый виноград — изюм.

не родная племяншка, а просто из того же городишки. Жулькает он ее. Еще в Гаральяне жулькал вовсю, а потом жена егерская узнала и пригрозила их зарезать — у них в Гаральяне и бабы резкие, чуть что — за ножи хватаются, мне Приказчик рассказывал (потому он там и не женился, будет у нас жену искать). А еще зарезать их обоих обещали ее папая, брат и два дяди, вот это уж посерьезнее будет. Егеря — народец небедный, и он выгреб всю денежку, что в доме была. И сбежали они подальше от Гаральяна, чтоб их подольше искали. Теперь-то может ее свободно жулькать, сколько захочется, кто узнает? Он себе и ложные бумаги справил — будто они дядя и племянница...

— Ну, ты и врешь! — не сдержался Тарик. — Сама по себе история вполне даже жизненная, и не такое бывает. Только как это так получилось, что приехали они утречком, а в полдень уже «прояснилось»? Быстро что-то...

Буба ничуть не смутился, сказал со всей апломбацией:

— Не я ж это выдумал, Морячок, я ничего и не выдумываю, живу по чистой правде, любой скажет. А прояснила все женщина надежная, как все равно гранит, — кумушка Лалиола. Уж она-то через три кирпича видит и через два слышит, от нее правдочку не укроешь, хоть ты правдочку эту в королевскую сокровищницу спрячь в самый глубокий погреб...

— Ну, если кумушка Лалиола, тогда, конечно, и спору нет... — сказал Тарик самым что ни на есть почтительным тоном.

И взял себя в руки, чтобы не расхотаться Бубе в нескладную рожу. И улица Серебряного Волка, и вся Аксамитная давно и прекрасно знали: тетка Лалиола — никакая не кумушка и даже не пустозвонка, а попросту «ядозубка», которая, ухватив ставший ей известным крохотный кусочек правды, громоздит вокруг него груды дурацкой брехни собственного сочинения, и слушают ее, всерьез называют кумушкой простачки вроде Бубы (среди коих, правда, попадают и взрослые). Вот и теперь золотой шустак против медного грошика ставить можно: мельком увидела приезжего с племянницей — и махом сочинила очередную побрякушку. Кто

б ее допустил к бумагам квартальной управы, ее туда и полы-то мыть не взяли в прошлом году, когда просилась — и ведь не ради денежек, она и так не бедствует, хотела подсмотреть да подслушать что-нибудь ради сочинения новых побрякушек...

— Короче говоря, я ее точно вскорости подгребу под бочок, — сообщил Буба. — Ты не щетинься, Тарик, я негласки знаю, выкупное вам поставлю как положено — хошь монетой, хошь пивком.

— Так она с тобой и пошла, — хмыкнул Тарик. — Побежала прямо...

— Побежит, — уверенно сказал Буба. — У меня тут скоро интересное дельце намечается, очень даже прибыльное... Верно говорю, Бабрат?

— Болтаешь много, — процедил Бабрат, сузив глаза в щелочки, и лицо у него стало вовсе уж неприятное.

К некоторому удивлению Тарика, Буба словно бы даже смешался чуточку, хотя не терпел слов поперек в своей ватажке, где ватажником был суровым. Никак это на него не похоже. Догадки и подозрения Тарика крепили...

— Короче, монета будет, — уже уверенно продолжал Буба. — А где монета, там и девахи, увидит эта гаральянская серебрухи — сама прибежит и труселя натянуть забудет, что и к лучшему: возни меньше. И будет на вашей улице безотказная давалка...

Тут уж Тарик не стерпел — оскорбили не его, а улицу.

— Ты языком поменьше звени, пирожок с кошатиной, — сказал он тихо и недобро тем тоном, что можно счесть и за вызов на драку. — На улице Серебряного Волка давалок не водится...

Шалка, по-кошачьи прищурясь, медовым голосом протянула:

— Как так нет? А Марлинетта-Потрепушка?

Чуточку сконфузила, паршивка, и крыть нечем... Хотя она и общая девочка, каких легонько презирают, особенно девчонки, никак нельзя ей отказать в уме и сообразительности...

— Ну, это другое дело, — сказал Тарик, сам чувствуя, что прозвучало это без должной убедительности. — Марлинетта, ежели подумать, не девчонка, а уже Приказчица, а я о девчонках говорю...

— А какая разница? — тем же сладким голосочком ответила Шалка. — За денежку ножки раздвигает. Будешь перечить?

Кто же с улицы Серебряного Волка будет перечить очевидному? И все же... Особенным прозорливцем Тарик себя никогда не считал, однако ж не сомневался, что такие взгляды и такой тон — проявление жгучей зависти. Шалка — сосунок для всей ватажки (очень может быть, ее еще и впрямь жулькают в очередь), а всей выгоды от этого — не самые дорогие сладости, изредка лента в волосы да совсем уж редко — грошовые украшения вроде этой медной брошки с синими шлифованными стекляшками, что сейчас на груди приколоты. Меж тем Марлинетта, прекрасно известно, берет только золотом и, что важнее, принимает ухаживания только тех, кто ей придется по нраву, и никакой тугой кошель здесь не поможет. Так что, строго говоря, никакая она не гулящая, о таких говорят «политесная давалка» — причем не презрительно, а с ноткой уважения и зависти со стороны тех, у кого нет в карманах столько, чтобы ненадолго купить хотя бы ночку с шалопутной раскрасавицей...

Тарик мог бы ответить: «Сама-то какова? Сосешь у всей ватажки за медный шустак прибытку», но это было бы неполитесно. На стороне можно говорить что угодно, однако не полагается обсуждать это вслух в чужой ватажке. Каждая ватажка сама устанавливает для себя регламенты (неписанные, конечно).

— Да ладно, нашли о чем болтать, — вмешался Буба. — Лучше знакомься, Тарик, — это, стало быть, Бабрат-Чистодел, три дня назад на нашу улицу с батяней переехал. Будет теперь в моей ватажке...

Тарик не мог ошибиться: при слове «моей» голос Бубы чуточку дрогнул, а на узких бледных губах Бабрата мелькнула усмешка... Ну да, все сходится — чем дальше, тем больше. И кличка соответственная...

Буба значительно поднял корявенький палец:

— Имей в виду: Чистодел оттоптал год в Воспиталке на самом строгом этаже, так что выдывал виды...

— Да что уж там, так помотало по жизни, — сказал Бабрат с напускной скромностью. — Ты, значит, Тарик-Морячок с Волчьей улицы...

— С улицы Серебряного Волка, — поправил Тарик не вызывающим, но довольно жестким голосом: мол, на меня где сядешь, там и слезешь.

— Ну, извини, оговорился. Дай пять — будет десять...

Он протянул Тарику руку и стиснул его ладонь гораздо сильнее, чем требовалось (нарочно, конечно).

— За что топтал? — спросил Тарик, как полагалось при политесном разговоре.

— Можно сказать, вовсе даже и ни за что, — ухмыльнулся Бабрат. — Пошли мы с корефанами искупнуться, смотрим — парочка на песочке нежится. Очень неправильная парочка: парнишка сущий задохлик, а деваха — с конца какает. Ну, мы подвалили, сказали суслику по-хорошему, чтобы чесал отсюда, а мы с девочкой душевно поболтаем. Он и начал блять не по уму. Ну, настучали ему по потрохам, одежонку кинули — мигом прочь припустил. А деваче говорим: давай думай быстрее, с чего начнешь, на коленки станешь или сразу ножки врозь. Она давай в отказ: мол, мы дружим, у нас чувства... Мы ей по щекам поводили «коготком», растолковали, что красоту нарушить можем. Хныкала, но легла. Только я на нее залез — бегут рыбаки. Суслик их позвал, близко оказались. Корефаны успели сдернуть, только их и видели, а мне ж куда, лежащему да со штанами спущенными? Надавали по шее, жабоеды чертовы, и к Легашам поволокли. Там тоже по ряшке били, спрашивали: с кем был да с кем был? Им, псам, понятно, пригляднее групповушку сляпать, чем одного мотать. Не на того напали, псы позорные! Законный шустрила корефанов не сдает! (Тарик подумал: знаем-знаем, не из благородства не сдает, а оттого, что за групповушку навесят больше, чем «одинокому».) Как ни заседали, твержу одно: первый раз этих ребят видел, минутку назад познакомились и решили на речку прошвырнуться. А эта мокрощелка сама легла, когда ей денарик пообещали, и суслика отослала, вот он по злобе и наклепал. Только жабоеды по-другому все рисуют, а их целых четверо против меня одинешенька... Вот

и потащили в квартальную правилку, а там клепала⁶⁴ навесил год строга, козел безрогий. А за что? Я с нее даже труселя стянуть не успел. Ну, оттоптал, как положено, честным сидельцем. Теперь вот у вас осматриваюсь. Места хорошие, кормиться можно, и девахи понимающие, — он снова погладил Шалку по ноге. — Только убогие все какие-то: ни одного законного шустрилы нет, никто строгого уговора⁶⁵ не соблюдает. Ничего, дай время, поправим, будете жить как люди живут, а не слюнявым обычаем... Метнем потрясучку, Морячок? — он подбросил на ладони горсть меди, где зазвенели в основном шустики. — По три шустака на раз, а? Ты не сопля, денежки должны в кармане брякать...

— Ну, давай метнем, — сказал Тарик. — Давай первым — твоя ж улица...

— О, да ты не совсем пропащий, игроцкие законы знаешь... Кажи монету.

Тарик не колеблясь полез в карман. Потрясучка — игра, в которой ни за что не смошенничаешь, да и всегда в нее здорово везло. Он только предупредил, как полагалось:

— Бабрат, с «ковшиком» и «перевертом».

— Не учи папану жулькаться, Морячок... — усмехнулся Бабрат, выкладывая на ладонь свои и Тариковы шустики гербухой⁶⁶ вверх.

Он сделал ладони ковшиком, старательно затряс, время от времени делая переверт, чтобы верхняя ладонь оказывалась внизу, и наоборот. Медяки весело звенели. Теперь уже все зависело от чистого везения. Выждав достаточно времени, Тарик выбросил руку:

— Стой! Гербуха!

Плотно прижав ладони одна к другой, Бабрат отнял верхнюю и тихо выругался сквозь зубы: гербухой вверх лежали четыре шуста-

⁶⁴ Правилка — суд, клепала — судья.

⁶⁵ Строгий уговор — то же, что воровской закон.

⁶⁶ Гербуха — обиходное название королевского герба на лицевой стороне медных монет (на серебряных и золотых вместо герба чеканится профиль монарха). Цифра на оборотной стороне означает достоинство монеты.

ка. Тарик забрал выигранное, Бабрат доложил еще два и, согласно негласке, поинтересовался:

— Сам кинешь?

— Давай по второй.

Бабрат кольнул его глазками-шильцами — конечно же, понял нехитрую, политесно допустимую уловку: его ладони были побольше Тариковых, и монетам там тряслось вольготнее. Тарик выждал еще дольше и снова:

— Стой! Циферка!

На этот раз циферками вверх лежали аж пять шустика. Бабрат, как и следовало ожидать, решил переломить ход игры:

— Теперь ты метай, а то все я да я...

Ну что же, все по правилам... Однако на сей раз Бабрату не сvezло: он заявил циферки, а их оказалось только две. Очень даже неплохо — за пару минут Тарик выиграл четыре шустика. И предложил:

— Дальше мечем?

— Нет уж, хватит, — отказался Бабрат. — Не мой сегодня день, Рандинала⁶⁷ упорхнула... Да и забава соплячья...

Шалка хихикнула:

— Говорят же: кому везет в игре, в любви не везет. Ты ж, Тарик, давненько один ходишь, с тех пор как твоя последняя любовь с родаками уехала...

Язык чесался ответить: «Зато тебе везет: что ни день — полдюжины торчков во рту», но это было бы неполитесно.

— А знаешь что? — предложил Бабрат, якобы только что осененный удачной мыслью. — Давай шлепки раскинем!

Он проворно вытащил из кармана и показал Тарику колоду карт — не особенно и потрепанных, из самых дорогих — не черные, а цветные. В дорогой лавке куплены... или попали в карман Мутного каким-то нечестным путем.

— Что мнешься, не умеешь? Враз научу! Вон Буба с Шалкой мигом въехали...

Краешком глаза Тарик подметил, что лица у обоих поименованных на миг стали невеселыми — еще один правильный кусочек

⁶⁷ Рандинала — фея удачи.

в головоломку, и кусочков все больше, так что уже ясно, что на картинке...

— Да нет, тут другое, — сказал Тарик. — Когда пошел в Школа-риум, родители сводили в церковь, и я там дал письменный зарок: пока не стану Подмастерьем, ни в карты, ни в кости не играть. Только в потрясучку, грудку и пристеночек. Так что сам понимаешь...

Это было еще одно легонькое вранье — многие Школяры и в самом деле давали письменный зарок в церкви (и насчет игр, и насчет кое-чего другого), но Тарика родители не заставили ни разу, надеясь на его собственное благоразумие, — и он его не терял. В ватажке в карты и в кости, конечно, игравали, но проигрыши были необременительными: колодой по носу или проскакать на одной ножке, да еще девчонка должна была дать себя поцеловать. А вот сейчас... Уже год с той поры, как он стал подрабатывать в порту, тамошние грузали наставляли его касаясь всяких-разных правил взрослой жизни, да и от старшего брата он кое-чего наслушался. Иные советы (скажем, как умело обращаться с гулящими в веселых домах) можно было пропустить мимо ушей, а вот к иным следовало отнестись очень внимательно — в первую очередь к тем, что касались игр. Студизусы тоже кое-что поведали. Даже в самых роскошных игорных домах для благородных дворян и чистой публики можно нарваться на «шлепчного ловчилу», а в заведениях ступеньками пониже они кишмя кишат. А уж стригальщики и Мутные за доблесть считают облапошить того, кто к ним не принадлежит, и ухваток у них множество: и лишние карты в рукаве, и придумки при тасовании-метании... А вот три названных Тариком игры с монетами — те самые, где никак не смошенничаешь, разве что фальшивую денежку подсунут...

— Ну, ежели зарок... — проворчал Бабрат, нехотя пряча карты (Буба тарачился на них жадно, прямо-таки вожающе — еще кусочек в головоломку). — Эх, сопливая все же у вас улица, уж прости на неприглядном для вас, но честном слове... А вот мы в Воспиталке самодельными шлепками полночи резались. На всякий-разный интерес — и на денежку, и на хаванинку, и на жопку,

бывало... Я вам сейчас расскажу парочку историй, как невезучие жопку проигрывали...

Буба и Двойняшки воззрились на него с живейшим интересом, но вот Тарику посиделки с этими рожами надоели. Он встал и сказал:

— Хорошо с вами, но дома лучше, обедать пора...

Никто не сказал ему ни слова: посидел, разговоры послушал, за ручку с незнакомым поздоровался, три раза потрясучку метнул, в карты играть политесно отказался — никаких претензий быть не должно даже у Мутного. Голыми руками нас не возьмешь, а рукавиц у вас нету, не зима...

Шагая по Аксамитной к родной улице, он не испытывал беспокойства, тревоги или тем более страха, но все же объявились лишние хлопоты, забота, касавшаяся всей улицы, и нужно было не откладывая думать, что делать. Вдобавок он еще и ватажник, что не только приносит некоторый почет, но и накладывает лишние обязанности согласно негласке...

Источником беспокойства, конечно же, стал неожиданно-негаданно поселившийся на Аксамитной Бабрат-Чистодел — кличка, какую обожают взрослые стригальщики, а за ними тянутся и Мутные, и обозначает она ловкого вора, выскальзывающего из рук Стражи, как кусок мыла из мокрой руки. Ну, предположим, судя по истории с девчонкой на берегу реки, Бабрат как раз попался, не успев натворить дел, но это, сразу видно, ничуть на его самомнение не повлияло. И за те несколько дней, что он обосновался на Аксамитной, времени даром не терял: мигом высмотрел самую гниловатую ватажку из трех и кое в чем преуспел, по наблюдениям Тарика.

Он хорошо помнил прошлогоднюю историю с битвой ватажек. На короткой Сиреневой, простолеглой Аксамитной, была только одна ватажка, и так случилось, что ее быстренько подчинили четверо Мутных — двое с той же улицы, двое с соседней. Ставший ватажником Каледай-Ножичек очень быстро поименовал себя не ватажником, а вожаком⁶⁸ и требовал, чтобы его только так и

⁶⁸ Вожак — главарь шайки или банды.

называли. Заявил, что отныне жить все будут не по «сопливым негласкам», а по строгому уговору (позже один из портовых грузелей, выслушав эту историю, задал пару вопросов, а потом уверенно сказал: «Добрую половину того, что Ножичек именовал строгим уговором, он придумал сам». Уж грузаль-то знает: его старший брат, позор семьи, как раз и подался в стригальщики, нагрешил немало и сгинул где-то на рудниках).

Но это Тарик узнал гораздо позже, когда все кончилось. Мутный тем и плох: как магнит, брошенный в мусорную кучу, моментально облепляется железным сором, так и он подтягивает к себе и тех, кто по гниловатости натуры лишь дожидался толчка, и просто хилохарактерных, готовых подчиняться вожаку в обмен на покровительство, — одним словом, парнишек с червоточинкой.

И началось... Прежде, по одной из негласок, тибрили с телег, лишь если они попадались на пути, — теперь по приказу Ножичка на это дело каждый день отправлялась шайка, что было делом неслыханным. На идущих вечерней порой из таверны крепко упившихся налетали двое-трое с закрытыми тряпками лицами, сбивали с ног и оставляли с вывернутыми карманами, без часов, шляп и тому подобных вещичек, которые всегда можно было, хоть и задешево, продать «паучку»⁶⁹. Недорослей обложили мздой, а тех, у кого не было денег, били и принуждали таскать из дома вещи. Со Школяров требовали деньги просто «за проход по нашей улице», чего прежде совершенно не водилось. Было несколько невеселых историй с девчонками.

У Ножичка собралась добрая половина Подмастерьев с Сиреневой, которым новые порядки пришлось по вкусу. Это добавило разгула. Дело еще и в том, что взрослым жаловаться было категорически нельзя — одна из самых старых негласок запрещала привлекать взрослых к своим ссорам, разбираться следовало исключительно самим...

Единственный на всю Сиреневую Стражник с ног сбивался, но поделаться ничего не мог — даже те, кто Ножичка втихомолку

⁶⁹ «Паучок» — скупщик краденого.

не одобрял и злорадно ждал, когда он и его сорвиголовы загремят в конце концов в Воспиталку, строго соблюдали еще одну старую негласку: что бы ни происходило, звякать Страже насчет имен и подробностей означает превратиться в изгоя. Да и сам Стражник хлебнул горького — темной ночью у него в доме выбили все окна, потоптали огород, отравили собаку, дочку-Школярку подловили в сумерках и обрезали подол до труселей, а потом подкинули письмецо: если не уймется — дом вообще подожгут, а дочку отжужкают кучей. Прямо говорилось, что и настоящие стригальщики подмогут...

Понемногу на окрестных улицах росло не просто негодование — настоящая злость. Тем более что Ножичек всерьез собрался устроить «завоевание», как он это пышно именовал: подчинить себе всю округу, заставить и ее жить по строгому уговору. Однако никакого завоевания не получилось. Зажег Петлум-Фальфабель с улицы Серебряного Волка, когда до него дошли известия, что на его красотку-сестру, близняшку-Школярку, ватажка Ножичка сыграла в карты совершенно по обычаю стригальщиков, и точно известно, что двое выигравших намерены в самом скором времени... На берегу реки состоялся сход — все трое ватажников с улицы Серебряного Волка, все трое с Аксамитной, все пятеро от Подмастерьев (тоже натерпевшихся от Сиреневой и злых не менее Школяров). Буба уже тогда крутил-вертел, осторожничал, ныл, что можно свободно получить в бок «коготком», а то и напороться на стригальщиков, к которым Ножичек непременно кинется за подмогой.

Однако остальные десятеро его крепенько приструнили, и он нехотя пообещал примкнуть.

И грянула знаменитая «битва ватажек». Сначала, как и полагалось, к Ножичку отправили Посланца, которого полагалось внимательно выслушать и отпустить, пальцем не тронув. Посланец вернулся весь в синяках, с разбитой в кровь физиией. Тут уж не церемонились. Школяры и Подмастерья натуральным образом обрушились на Сиреневую, по всем правилам охоты перекрыв ее с обоих концов. Тамошний Стражник (наверняка злорадствуя) отсиживался дома, на улице появился и стал свистать не раньше, чем победители покинули Сиреневую, где там и сям охали, сидя

в пыли, излупленные — пару-тройку били и ногами, когда они стали хвататься за «коготки», в том числе и Ножичка. Его строго предупредили: если не уймется, ни один из его ватажников и носа не высунет с Сиреновой — луплен будет нещадно, все равно, идет ли он развлекаться, в Школариум, по делам Подмастерьев или по поручению родителей.

Никакие стригальщики на подмогу Ножичку так и не объявились, зато через недельку нагрянула Сыскная Стража. Оказалось, один стригальщик все-таки был замешан, мелкий подпевала с грозной кличкой успел сколотить целую шайку, которую обучал «сквознячку»⁷⁰, — и они уже несколько раз ходили на окрестные базарчики. И еще собирались ночью подломить мясную лавку на Аксамитной. Ножичек и еще двое Подмастерьев отправились в тюрьму, полдюжины Школяров — в Воспиталку, а остальные получили розог в квартальной Страже. С тех пор и Сиреневая жила по старым негласкам, безо всяких строгих уговоров.

Вот и сейчас нужно собрать сход и обсудить как появление Чистодела, так и возможные последствия. И предсказать их нетрудно: к нему начнут прибиваться хилохарактерные и те, кто, развесив уши и распахнув глаза, внимает байкам о вольготной жизни стригальщиков (как объяснили Тарику портовые грузали, далеко не такой вольготной и крайне некрасивой). Вспоминая собственные недавние наблюдения, Тарик кое-что мог предположить с уверенностью: Чистодел явно обыграл Бубу в карты на денежку, какую Бубе в обозримое время никак не заплатить, и вскоре спихнет из ватажников, заняв его место. Очень даже возможно, Буба и Шалку проиграл, судя по тому, как он стоически терпит, когда Чистодел открыто лезет ей под подол. В общем, любой костерчик следует вовремя затапывать, иначе разрастется в лесной пожар, с каким трудно будет справиться. Нет нужды завтра же бить тревогу, не горит, но и откладывать надолго не стоит, чтобы не заполучить второго Ножичка...

⁷⁰ «Сквознячок» — карманная кража.

Глава 6

СЛАВНАЯ УЛИЦА СЕРЕБРЯНОГО ВОЛКА

Наконец Тарик добрался до родной улицы, славной и знаменитой, где родился и прожил всю сознательную жизнь (в глубине души он чуточку жалел, что придется ее надолго покидать, если его давние задумки из мечтаний превратятся в доподлинную явь).

Такова уж столица — славных и знаменитых улиц в ней гораздо больше, чем в других больших городах, даже тех, что годами старше. В первую очередь оттого, что в столице обитает король с фамилией и двором — а родной город Тарика стал столицей пятьсот с лишним лет назад, и по его названию все королевство очень быстро стало именоваться Арелат, как обстоит и поныне. Здесь, как во всякой столице, немало улиц и площадей, мостов и просто исторических зданий носят названия в честь событий, приключившихся с венценосцами и венценосицами: порой трагических, порой смешных. Иные из них, втихомолку уверяют книжники и студиозусы, не более чем старинные городские легенды, сказки и байки, однако с бегом времени как-то незаметно превратились в доподлинные события — и этого убеждения в первую очередь крепко придерживаются обитатели означенных улиц.

Но что касается улицы Серебряного Волка — тут уж никаких старинных легенд, будьте уверены! Немало об этом написано еще с давней поры, когда книги не умели печатать и переписывали от руки (они и тогда стоили больших деньжищ, и теперь в торгующие ими лавки без тугого кошелька и заглядывать нечего).

Серебряный Волк — статуя Волка в натуральную величину, чудесной работы изваяние великого мастера Карафо, зодчего, ваятеля и живописца — лет сто пятьдесят стоял в тронном зале королевского дворца, и молва ему приписывала разные волшебные свойства вроде умения в особые ночи покидать дворец и расхаживать по прилегающим улицам (вот только насчет того, что сулила встреча с ним припозднившемуся прохожему, к добру она или к худу, царил жутчайший разнобой, было множество противоречащих друг другу рассказней).

А триста лет назад приключилась нешуточная беда. Старший сын короля, принц, имя которого велено было забыть (его и забыли даже премудрые книжники, именовавшие эту персону Неназываемый Принц), оказался не просто дерзким и непочтительным: устроил осуждавшееся Учением Создателя злоумышление против отца. Он обещаниями несказанных милостей склонил на свою сторону расквартированный в столице хусарский полк и многих горожан, в его заговор оказались вовлечены и несколько царедворцев. Королю Магомберу было далеко не то что до старческих, но даже пожилых лет, и принц понимал, что трона ему придется дожидаться долго — того и гляди, внуки успеют завестись. Ну, а царедворцы были из тех, что никак не рассчитывали при царствовании Магомбера подняться по незримой лесенке хоть чуточку выше, и потому они польстились на посулы принца.

Они и нашептали на ухо королю, едва мятеж в столице стал разгораться, немало лжей, невероятно преувеличили размах мятежа, наврав, что к нему примкнула вся королевская армия и самые знатные магнаты. Король им верил раньше — поверил и теперь.

А потому решил, не тратя времени на заведомо проигрышную драку, бежать в изгнание, рассудив, что уж потом-то он поквитается

с непочтительным сыном. Верных ему дворцовых Стражников и коронных гвардейцев набралось сотни две, с ними король и покинул дворец, собираясь укрепиться в Серой Крепости и оттуда бороться против узурпатора одной с ним крови, рассылая гонцов и призывая верных.

Поскольку серьезная борьба требует трех вещей — денежек, денежек и еще раз денежек, — король погрузил в две повозки изрядное число сундуков с золотом и драгоценностями из сокровищницы, а в третью — Серебряного Волка, давно уже ставшего символом королевской власти (одна из трех церемоний коронации в том и состояла, что король становился возле Волка и, возложив на него руку, клятвенно обещал не тиранствовать попусту, соблюдать законы и прежде всего озабочиваться благом подданных — что не мешало иным королям эти клятвы порой нарушать).

Прежде чем мятежники успели взять дворец в осаду, не такой уж большой отряд короля Магомбера сумел вырваться из столицы и направился напрямик в Серую Крепость — могучую фортецию, которая тогда еще не пришла в нынешнее свое убогое запустение (хотя и утратила прежнюю важную роль защиты столицы от вражеских вторжений с запада, потому как на западе сильных врагов Арелата уже не оставалось). Две сотни людей могли там долго продержаться против нескольких тысяч, лишь бы припасов хватило, — а припасы король, изрядный стратег, собирал по дороге на Зеленой Околице, для чего предусмотрительно прихватил немало пустых повозок. Лживые царедворцы остались во дворце, вовремя попрятавшись по укромным углам, справедливо рассудив, что в суматохе бегства искать их никто не будет — невелико сокровище.

Заняв дворец, принц, тоже не теряя времени, послал в погоню чуть ли не весь хусарский полк, рассыпав его на небольшие отряды по всем правилам охоты — подлец-то он подлец, но охотником был опытным, а однажды и на войну ходил именно с этим полком, которому потом изрядно покровительствовал (отчего бравые хусары и выступили так рьяно на его стороне, ожидая еще больших милостей и привилегий).

Опоздал непочтительный отпрыск: король с основным отрядом успел войти в Серую Крепость и затворился там. Уже через неделю выяснилось истинное положение дел: войско, сохранившее верность Магомберу, узнав о случившемся, с трех сторон двинулось на столицу, и большинство магнатов со своими отрядами вассалов поступили так же. У принца попросту не нашлось сил Серую Крепость осадить — очень быстро верные королю полки и отряды ворвались в столицу, а хусары и мятежные горожане скоренько покаялись и принесли повинную. Строгий, но не свирепый Магомбер казнил из них очень немногих, зато на плаху уныло побрели и Неназываемый Принц, и его главные сообщники, и лживые царедворцы поголовно. Буквально за пару дней восстановился прежний порядок, вновь настали тишина и спокойствие, король Магомбер вернулся во дворец...

И открылось, что Серебряный Волк исчез бесследно!

Словно в воздухе растаял, право слово. Получилось так, что обе повозки с сундуками ехали с основным отрядом — и благополучно достигли под его прикрытием Серой Крепости. А повозка с Серебряным Волком запоздала и ехала далеко позади под охраной всего десяти гвардейцев под командой верного служакки капитана Гобальто.

И по дороге с ней что-то произошло, а что именно — так и осталось тайной. Лет через десять один из придворных хронистов, очевидец и участник событий, сопровождавший короля в Серую Крепость, написал книгу «Загадка о Серебряном Волке, история таинственной пропажи коего воссоздана по рассказам участников событий с той и другой стороны, а также материалам королевских расследователей». Современное печатное издание этой книги Тарику еще в прошлом году давал читать худог Гаспер, убедившись к тому времени, что Тарик взятые книги возвращает аккуратно, страниц не пачкает и не загибает уголки. Гаспер уверял, что именно эта книга — самый полный и достоверный источник, а все прочие, особенно написанные в поздние времена на основе собственных

домыслов, а не рассказов участников событий, — легковесное чтиво, которому не следует верить.

Потратив больше года на розыск и расспросы свидетелей (и отыскав подавляющее их большинство), самолично изучив ту местность и вдумчиво проштудировав три толстых тома, составленных королевскими расследователями, хронист Падомар Скалер создал собственную картину событий, в правдивости которой был уверен и он, и многие книжники последующих времен — а теперь и Тарик...

Тело капитана Гобальто нашли примерно на полпути меж тогдашней окраиной столицы и Серой Крепостью и, поскольку прошло две недели, а лето стояло жаркое, опознали только по фамильному медальону (у нападавших, видимо, не было времени обыскивать убитых). Там же лежали трупы двух его гвардейцев из десяти и тела восьми хусар (тех и других опознали только по мундирам, а имена так и не установили). Судя по количеству павших, бравый вояка Гобальто и его гвардейцы дорого продали свои жизни, как гвардейцам и полагалось. Ближе к столице нашли еще восемь трупов гвардейцев, опять-таки прихвативших с собой в Счастливые Сады (если только мятежники их заслужили) не одного противника...

А вот Серебряный Волк пропал бесследно. Повозку, на которой его везли из столицы, не нашли по весьма веской причине: никто не помнил, как она выглядела — в суматохе взяли первую попавшуюся, очевидцы погрузки путались в рассказах, называя четыре разных масти лошадей и даже разное их количество («одна», «пара», «четверня»).

И все же это был ключик. Места, по которым мог пролегать путь капитана, прочесало множество королевских гвардейцев, расследователей и сыщиков как Тайной Стражи, так и Сыскной. Нашли в ложбинке габару с отлетевшим правым задним колесом, но была ли это та самая габара, на которую во дворце погрузили Серебряного Волка, никто сказать не мог — кто бы в сумятице замечал такие мелочи? Лошади из габары были выпряжены — именно выпряжены, вся упряжь оказалась в целости.

В те времена окраина столицы майлы на две отстояла от нынешней. Там, где сейчас с детства знакомая Тарику околица, аккуратно застроенные улицы, простиралось дикое поле с несколькими глубокими, длинными и разветвленными оврагами. В последующие столетия овраги засыпали, кустарник выкорчевали, рытвины заровняли — и появилось несколько новых улиц, в том числе улица Серебряного Волка.

Падомар Скалер полагал: найденная габара как раз и была той, на которой увозили Серебряного Волка. Колесо не просто отлетело — разломалось, скорее всего попав в одну из имевшихся там во множестве коварных рытвин. Одиннадцать человек вполне смогли бы снять с повозки тяжеленную серебряную статую, но у них не хватило бы сил дотащить ее на руках до Серой Крепости: любой силач вскоре рухнул бы в изнеможении, да и погоню следовало ждать с минуты на минуту...

Всякий здравомыслящий человек на месте капитана Гобальто увидел бы один-единственный выход, каковой наверняка усмотрел и капитан: Серебряного Волка укрыли в месте, показавшемся подходящим (надо полагать, не так уж и далеко), а потом поспешили в Серую Крепость, но по дороге погибли все до одного...

Достоверно известно: в руки погони Серебряный Волк не попал и Неназываемому Принцу не достался — уж такое никак нельзя было удержать в тайне, наоборот, злокозненный Принц заявил бы во всеуслышание, что у него есть теперь символ королевской власти, позволяющий короноваться по всем правилам...

Король не терял надежды отыскать драгоценную пропажу — драгоценную, понятно, не изрядным количеством серебра, а искусной работой великого мастера и тем значением, которое она приобрела. А возможности у него, как у любого могучего и богатого короля, были нешуточные... В те места было послано два полка солдат, лучшие следопыты, то есть егеря и охотники (многие явились добровольно, едва было объявлено о щедром вознаграждении нашедшему), даже лозоходцы. Худог Гаспер добавил: в книге об этом ничегошеньки не написано, однако через три недели, когда все поиски закончились

безрезультатно, король распорядился взять из тюрьмы двух ожидавших костра ведьмаков и отвезти их туда, клятвенным словом пообещав, что в случае удачи помилует, отпустит на все четыре стороны и даже даст денежек. Ведьмаки, по словам надзирающих, старались на совесть, пуская в ход непонятные и поганые колдовские умения, но ничего не добились и были отправлены на костер, как им по приговору и полагалось...

Приказ короля был строг: осмотреть каждый равнолеглый суларет⁷¹ дикого поля. Это было исполнено в точности. Увы, зарядил дождь на несколько дней, следопыты отступились, равно как и лозоходцы, хотя все поголовно были не шарлатанами и не мошенниками (такие тоже встречаются, особенно деревенским дурят голову): кто-то из них не раз находил близко от земли подземные воды, подходящие для устройства колодцев, кто-то — рудные залежи, а двое — даже неглубоко зарытые клады. Дольше всех провозились солдаты (люди подневольные), но и они не нашли на раскисшей земле никаких следов недавнего рытья — и в откосах оврагов тоже. И поиски прекратились.

Король все еще не терял надежды. За отысканного Серебряного Волка была назначена огромная награда в золоте, которую надлежало выплатить любому, кто бы он ни был, герцог или простолюдин, даже кабальник. И на диком поле каждый день ковырялись прельщенные наградой копатели — безуспешно. Приходили «белые знахари», владевшие одобренными и допустимыми церковью умениями, — но и они уходили ни с чем. Оттого среди книжников ходила придумка, будто капитан Гобальто владел каким-то белым знахарством и наложил на укрытого Серебряного Волка особый зарок, как поступают с иными кладами знатные люди, но какой именно зарок — никто не знал, а родные капитана твердо уверяли, что насчет его белых умений все врут. Однако слух этот гулял так упорно, что однажды сам король прожил в шатре на диком поле целую неделю и каждый день от рассвета до заката ходил по окрестностям — верил придумке,

⁷¹ Суларет — 2,4 см.

что капитан такой зарок и положил: Серебряный Волк откроется только человеку королевской крови. Не открылся...

Понемногу поиски прекратились, хотя иногда и ходили в дикое поле особенные упрямы. А через три года нестарый король погиб на охоте, запоротый вместе с конем громадным секачом (двух егерей, не уберегших его светлое величество, конечно, повесили, но когда этим возвращали к жизни мертвых?). Неназываемый Принц был единственным сыном, обе дочери были уже выданы замуж и потомства еще не имели, так что королем провозгласили юного племянника Магомбера. Шесть лет до его совершеннолетия королевством правил тогдашний Главный министр, у которого хватало других забот: две войны с соседями, мятеж Рафа-Медведя, потрясший все королевство, гульная хвороба⁷² «багровой трясучки»... Главный министр уже не озабочивался поисками, а чтобы коронация не лишилась одного из трех символов, велел отлить новую статую. Ваятель Эндогаро Парель, всем известный как давний соперник-завистник Карафо, отыскал в королевском архиве рисунки (далеко не все) и сделал нового Серебряного Волка, торжественно установленного на том же месте в тронном зале. Награду он получил щедрую, однако все причастные к Семи изящным искусствам втихомолку говаривали: «Эндогаро, конечно, не бездарь, но до Карафо ему как на карачках до Гаральяна, так что новый Волк — лишь бледное подобие прежнего...»

Но главное — молодой король вскоре разрешил строиться на диком поле, и понемногу там образовалось четыре улицы, одну из которых и называли именем Серебряного Волка. Тут уж, понятно, ни о каких поисках речи не было, хотя многие, взявшись строить дома и обустраивать огороды, сначала рыли на три человеческих роста — а вдруг? Награда Магомбера, изрядно преувеличенная молвой за три столетия, до сих пор официально не аннулирована... Ничего не нашли, разве что пару невеликих корчаг с монетами вовсе уж старинных королей, не особо обогатившими наших...

⁷² Гульная хвороба — эпидемия.

Войдя на родную улицу, Тарик, как поступал часто, ненадолго приостановился, с приятностью глядя на шильдики с номерами домов, состоявшие из одной циферки, — здесь улица и начиналась, упираясь в Аксамитную.

Так поступали и некоторые взрослые, особенно когда хмельными возвращались из таверны: чтобы вспомнить лишний раз, чем имеют законное право гордиться не то что перед обитателями других улиц — перед всем миром.

Так и оно и есть. Многие улицы могут похвастать связанными с ними историческими событиями или укоренившимися в виде таковых городскими легендами. А вот улица Серебряного Волка — редчайшая (по-ученому — «уникальная»). Все из-за номеров.

Еще сто двадцать лет назад их на домах не было. Тогдашним почтарям (да и многим другим, от Стражников до Канцелярских) приходилось несладко. Адреса в то время писались на конвертах порой очень многословно. Меньше всего хлопот было с дворянами: их дома легко было найти по гербу над главным крыльцом. А вот с жилищами людей попроще обстояло унылее. И родным, и канцеляристам приходилось писать что-то наподобие: «Дом ювелира такого-то, в три этажа, с коричневой крышей из черепиц, нужно перейти мост Златокузнецов, сразу налево». Или так: «Дом фонарщика такого-то, от начала Вишневой улицы девятнадцатый по правую руку, сам каменный, крыша зеленой дранки, ворота двустворчатые». От этого происходило множество недоразумений — иногда смешных, иногда вовсе наоборот.

Знаменитый маркиз Ансельмо, хоть об этом в ученых книгах и не пишут, навещал очаровательную юную дочку вдовца-лавочника. Отец был суров, не спустил бы дочурке ночные встречи даже с дворянином, а потому девушка писала маркизу (снимавшему под видом Мастера домик на Аксамитной), когда грозный батюшка уезжает в деревню на пару-тройку дней, а когда пребывает дома. Однажды она так и написала сердечному другу: отец всю неделю дома, приходить не следует. Однако почтарь, новенький и неприлежный, поленился искать дом по описанию, и письмо пролежало на почте

три дня. В результате ничего не подозревавший маркиз нос к носу столкнулся с суровым родителем, а поскольку потаенности ради он ходил в наряде цехового Мастера, лавочник сгоряча отвесил ему парочку затрещин, и Ансельмо, чтобы не выйти из образа, бежал, как молодому Мастеру и полагалось при таком обороте дела.

Ну, и дочка получила нешуточный выговор с заушением. Очень скоро Ансельмо узнал, что все произошло из-за письма — точнее, из-за туманно написанного адреса. «Как сделать так, чтобы почтари не блукали так долго?» — подумал Ансельмо. И его осенило! Догадка, ежели рассудить, была простой, но ведь раньше до нее не додумалась ни одна ученая голова во всем мире: дома нужно нумеровать!

Назавтра же, как следует обдумав догадку и оснастив ее подробностями, Ансельмо изложил свои соображения королю — разумеется, не упомянув о главной причине, зато заверив, что нумерация домов многое облегчит: казенным посланиям будет гораздо легче находить адресатов, в первую очередь это касается сборщиков налогов и Чиновных других серьезных государственных канцелярий. Двое министров, с которыми король посоветовался, придумку горячо одобрили, добавив свои дополнения, например: чем короче адреса, тем меньше писанины во всевозможных учетных книгах.

Король повелел: быть по сему, начинайте завтра же! Вот так и случилось, что улица Серебряного Волка стала первой не только в славном королевстве Арелат, но и на всем свете, где дома начали нумеровать. У обитателей улицы (а ведь все улицы гордятся своей историей) появился такой повод смотреть на остальных свысока, какого у других не было. Только жители Аксамитной до сих пор ворчали: по их разумению, коли уж Ансельмо снимал домик на их улице, с нее и следовало начинать, а не с той, где жила «эта вертихвостка»...

Как поступали все Школяры, Тарик задержался у чугунной статуи маркиза Ансельмо в человеческий рост — она стояла на невысоком, в ладонь, квадратном постаменте у дома под номером один. Маркиз был запечатлен для грядущих поколений в облике самого что ни

на есть доподлинного ученого мужа: в мантии и профессорской шапочке. Рядом с ним на столике с одной-единственной ножкой лежали разнообразные атрибуты учености: стопа книг, мирообраз, небольшой телескоп, крупная фасонная чернильница. Вот только студиозусы рассказывали Тарику: мало того, что Ансельмо никогда не интересовался небогладством, он и профессором не был. Несмотря на его нешуточные достижения в самых разных областях знаний, ученый мир (который один из студиозусов именовал «тем еще змятником») при жизни относился к нему снисходительно, за глаза называя легкомысленным придворным вертопрахом, баловавшимся учеными материями от нечего делать. Только через несколько лет после гибели маркиза на поединке (в неполных двадцать три года) сановники от науки смилоствовали: признали Ансельмо большим ученым, издали все его труды со своими многочисленными комментариями и дополнениями («прицепилась блоха к собачьему хвосту», — фыркнул студиозус) и даже возвели его в посмертное профессорство, чего далеко не все ученые мужи удостаивались...

Среди Школяров вторую сотню лет бытовала стойкая традиция: проходя утром, мысленно просить у Ансельмо успеха в учебе и особенно в испытаниях, а возвращаясь, благодарить за успехи, если таковые случались. Священники относились к этому терпимо, наставляя лишь, чтобы мальчишки не вздумали молиться статuae, ибо это и есть неприкрытая ересь. Вот и Тарик лишь в уме поблагодарил маркиза за очередную золотую сову, не заходя в мыслях дальше почтения. И положил у чугунного башмака медный шустак — в конце концов, отец Михалик скрепя сердце соглашался, что возложение денежки, равно как и цветов Птице Инотали, есть не поклонение языческому кумиру, а дань уважения, она же народный обычай (Тарик слышал, что другие священники настроены суровее, но это не писанный завет, а их личное мнение. Отца Михалика за то любили и уважали, что он во многом терпим и добр).

Там уже лежали два шустака и несколько медных грошиков — точно, сегодня везло в учебе не одному Тарику. К утру все монеты

пропадут, словно в воздухе растают, и никакого волшебства в этом не стоит усматривать: все знают, что денежку ночной порой подберет житель номера первого, дедуган Контарь, но что поделать, если это его полноправная мзда — все-таки он добросовестно выполняет по негласке обязанности хранителя памятника, очищает его от следов птичьего непотребства...

Тарик зашагал по родной улице степенно, как и подобает Матерущему Школяру, одному из трех ватажников. Со всех ног носятся только Недоросли...

Ага, вот они. Легки на помине, сорванцы этикие. На земле валялось несколько пахучих конских катышей, усеянных неперевавленными зернами, и к ним, чирикая, слетались серые воробейчики. А поодаль, за деревом, притаились трое Недорослей, и один держал наготове расправленную сетку с четырьмя завязанными в тряпочки камнями по углам — ждал, когда воробейчиков слетится побольше.

Тарик прошел мимо, покосившись снисходительно. Наловив воробейчиков, детвора пойдет на берег речки, разведет костерчик и изжарит добычу, ощипав и нанизав на прутья. И слопает, конечно. Никого из них дома не кормят скудно, но жареха воробейчиков, Тарик знал по себе, — признак молодечества (очередная негласка). Само собой разумеется, Недоросли, став Школярами, это птицеводство оставляют навсегда.

— Морячок!

Его догнал один из птицеловов, рыжий Дальперик (это Малышами старшие не интересуются, а всех Недорослей со своей улицы знают по именам, как же иначе).

— Какой я тебе Морячок? — спросил Тарик беззлобно, попросту строго соблюдая негласки. — Соплив еще меня кличкой называть, за это и щелбан можно схлопотать запросто...

— Ну извини, это я сгоряча, прости сопляка...

— Прощаю, — сказал Тарик. — Коли уж научился по негласке прощенья испросить... Ты зачем своих бросил? Воробейчики улетят...

— Да ничего они не улетят, Фидларик сетку кидать мастак. Тарик, мне завтра десятик стукнет.

— Поздравляю, — сказал Тарик. — И что с того?

— Известное дело что. Если стукнуло десять, можно уже проситься в Приписные, все по негласке... Тарик, можно я в твою ватажку попрошусь? Здоровски было бы...

— А почему в мою? — усмехнулся Тарик. — А не к Бадану или Зуху?

— Потому что ты лучший ватажник на нашей улице, все говорят, — и Недоросль заторопился: — Тарик, я, упаси Создатель, не говорю, что Бадан и Зух какие-то не такие, они тоже справные ватажники... но ты лучший, все согласны, кто у тебя в Приписных ходит, все трое... Вот я и думаю, как бы мне в четвертые...

Что греха таить, Тарику приятно было слышать, что его считают лучшим ватажником на улице — причем не такие уж малявки, отметим сразу же...

Он сделал вид, что задумался. У каждой ватажки есть Приписные из Недорослей, каковые, за редкими исключениями, становятся полноправными, когда перейдут в Школяры, — он и сам через это проходил два года, как все. Приписные для ватажников — что-то вроде рыцарских оруженосцев из старинных романов. Выполняют мелкие поручения — ничуть не обременительные и уж никак не унижительные, просто ватажники считают, что им уже не к лицу заниматься самым всякими мелочами, несолидно как-то. Как и обо всех Недорослях с улицы Серебряного Волка, он давно составил о Дальперике впечатление — довольно-таки благоприятное. Не плакса, не ябедник, малышню зря не обижает, проказлив в меру, все негласки знает и блюдет... Пожалуй что, такого и принять можно. Хорошо стоит сопляк: смотрит просительно, но отнюдь не подбострастно, — а на прошлой неделе Тумбарю как раз и отказали, потому что льстит и подхалимничает не в меру, а такое в ватажке не приветствуется...

Дальперик, видимо, решил, что Тарик раздумывает. Ну что же, пусть так и считает: принятие в Приписные — дело серьезное, на

него не следует соглашаться моментально, подобно засидевшейся в девках дурнушке, с визгом в знак согласия отдающей ленту из волос первому же постучавшемуся в ворота жениху...

— Тарик, я уже кой-чего наворотил, — сказал Дальперик с потешной для Тарика гордостью. — Уже два раза с телег тибрил, первый раз возчик не заметил, а второй раз — не догнал... Из рогульки палить умею... Вчера Фимку по попке хлопнул...

— А она что? — фыркнул Тарик.

— А она куклой по башке шарахнула и дураком обозвала.

— Правильно обозвала, — сказал Тарик. — Рано тебе еще девочек по попке хлопать.

— Так я ж не ради всяких глупостей, а из чистого молодечества. Мы с Подоратом побились на два гроша, он говорит: слабо тебе Фимку по попке хлопнуть, а я говорю — не слабо. Вот и хлопнул, два гроша выпорил...

— Молодечество... — проворчал Тарик. — Смотри, в следующий раз не куклой шарахнет, а чурбачком — и права будет...

— Да я больше не собираюсь, — заверил Дальперик. — Показал молодечество — и хорош. Да, а еще... Меня с утра Хорек приловил и начал пытаться, кто у него на воротах похабню нарисовал и написал какую-то гадость. Как он меня ни страшал, руку выкручивал, а я сказал, что не видел. Он говорит: ты ж через дорогу живешь, должен был в точности видеть, кто рисовал и убежал, когда собака забрехала. И еще говорил: мол, двое и без меня рассказали кто, так что от меня будет чисто подтверждение, а не звяканье...

— Брешет, — сказал Тарик. — У «пестрых» всегда такой коварный подход: мол, до тебя уже раскололись, говори уж правду. А на самом деле никто и не раскалывался. На дурачка ловят.

— Я знаю, Тарик! И про то, что звякать «пестрым» нельзя, тоже знаю, не сомневайся. Уж он, козий выпорок, так старался... Пугал всяко, глупо так, за сопляка принимал. «Щипцы» мне даже устроил. И ведь я ему ни словечка не выдал, хоть прекрасно я знаю, что это вы с Ягненком, я вас видел...

Тарик улыбнулся этак мечтательно. И в самом деле, это они с Шотаном, взяв стибренные в Школариуме мелки, в сумерках разукрасили ворота Хорьку. Шотан рисовал лучше, вот он и изобразил отвратного, худущего, как скелет, Хорька, а Тарик написал ниже: «Хорек жулькает козу».

Хорек, если не нес стражу, вставал поздно, и многие увидели рисунок — Хорек потом, ругаясь, стирал его мокрой тряпкой...

Вот это уже неплохо — с честью выдержать расспросы Стражника, особенно такого гнилого, как Хорек. Это в том, чтобы хлопнуть по попке, нет никакого молодчества, одна дурь. Но Тарик не похвалил ни словом, чтобы не расповаживать чересчур Недоросля, и сказал:

— Ну, неплохо. Теперь проверим на зоркий глаз. Вы ведь, ваша стайка, с утраца на улицу высыпаете. Я уже знаю, что объявилось сразу трое приезжих, а вот подробностей еще не слышал. Что скажешь?

— Да уж скажу! — с некоторой похвальбой сообщил Дальпери́к. — Та ваша новая соседка — старушка из Медников, со служанкой приехала. Какая на характер, еще неизвестно. Но на вид вроде добрая: когда мы смотрели, как габару разгружают и вещички в дом носят, не шуганула, улыбалась этак... кротко. Потом этот... я циферок еще не знаю, я тебе нарисую...

Он огляделся, подобрал прутик и старательно вывел на земле две большие каракули, больше всего похожие на циферки «три» и «девять», — ну конечно, тридцать девятый номер, после смерти дедушки Потилата от сердечного удара оставшийся бесхозным. Две недели, как полагалось, бирючи⁷³ выкликали о смерти в людных местах, на перекрестках и площадях, призывая наследников и заимодавцев, буде таковые сыщутся, предъявить претензию в квартальную управу. Не объявилось ни тех ни других, дом перешел в выморочные, и управа его продала с открытых торгов — как случилось и с домом покойного соседа Тарика, дядюшки Пайоля.

⁷³ Бирючи — городские глашатаи, выкликающие о повседневных делах.

И с уверенностью можно сказать одно: оба дома купили люди небедные — управа себя не обидела, взяла и надбавку за дом именно на улице Серебряного Волка, и за Зеленую Околицу. Вот с шестнадцатым номером иначе: Буба не врал, что незнакомый Егерь из Гаральяна его откупил у предыдущего хозяина (дядюшка Нуланос, второй Стражник, говорил, а он врать не будет), хотя насчет всего остального даже не сам придумал скудным умишком, а наслушался тетку Лалиолу, которой сбрехать — что семечку раскусить...

— Ну, и кто там теперь? — спросил Тарик.

— Такой... в годах, хоть еще и не пожилых, навроде годочек твоего или моего папани. Возчик сказал — Аптекарь. И точно, вид у него такой... образованный. Нос не задирает, как иные, но с большим достоинством держится, к такому не каждый взрослый с расспросами подкатится в первый же день. В дорожном плаще был. И бляхи мы не видели, но точно тебе говорю: Аптекарь. Два ящика, и немаленьких, велел грузалям снимать с габары и нести бережно, как младенчиков: мол, там стекло. А кому еще понадобится дома столько стекла, как не Аптекарь? Будь это просто стеклянная посуда, ее бы привезли в корзинах, соломой переложенную...

«Востроглазый растет, — одобрительно подумал Тарик, — такие в ватажке нужны». И спросил:

— Ну, а как насчет... — и, взяв у Недоросля прутик, гораздо искуснее начертил «16».

— Тоже видели, — сказал Дальперик. — Егерь весь в зеленом, как им положено, и бляха егерская, и шляпа. Вроде не сердитый, посмотрел на нас и говорит девчонке: «Вон и женихи набежали, только маловаты, будешь ждать, когда вырастут». И спросил у нас, где тут ближайшая хорошая таверна, необязательно огненная, но уж непременно винная⁷⁴. Мы ему объяснили про «Пламень в стекле» и

⁷⁴ Таверны делятся на четыре категории: «чайная», где спиртного не дают, «винная», где пиво и вино, «пивная» и, наконец, «огненная» со всеми видами крепких напитков. Все они делятся на «закусочные» (подают только закуску, не требующую готовки) и «кухонные», где на кухне готовят разные блюда.

про «Разливное море». А он смеется: жить на вашей улице, я смотрю, можно. А уж какая у него псина, Тарик! Настоящий гаральянский ловчий, я их раньше только на картинке видел. Здоровущая, выше меня, чтоб мне с этого места не сойти! Чернушная, и уши резаные, уголками торчат...

— Погоди, — сказал Тарик как мог небрежнее, — а девчонка, значит, тоже там была?

— Была какая-то, по годочкам вроде Школярка... Девчонка как девчонка, что в ней интересного? Зато псина, Тарик, ты б видел! И умнющая! Егерь ей дал корзину — так она ее в дом понесла, в зубах ручки зажавши...

Он еще расписывал собаку, но Тарик слушал плохо: девчонка его интересовала гораздо больше — новая девчонка подходящих годочков, к тому же красивая (то-то у Бубы слюнки бежали в три ручья), да еще такая, на которую никто не успел выдвинуть претензию... Это заманчиво. Вот только ничего больше насчет нее от Дальперика не добьешься, Недоросль еще в тех годочках, когда к девчонкам не присматриваются, его пес заинтересовал жутко...

— А хвостике как палка, здоровущий...

— Ладно, хватит, — сказал Тарик. — И так вижу: глаз острый, это хорошо. Заявлю о тебе на ватажке, а там уж что они решат. У нас такие дела решаются обсуждением и поднятием рук за или против, мы не какая-нибудь разухабистая ватага со Вшивого Бугра, у нас все по негласкам решается...

— Спасибоочки, Тарик!

— Рано еще благодарить, — сказал Тарик, чтобы Недоросль как следует проникся важностью предстоящей церемонии. — А пока вот тебе первое поручение: обежишь всех из моей ватажки и скажешь, что я назначил сбор на четыре часа послеполуденного времени. Знаешь ведь всех, кто у меня, и под какими нумерами живут?

— Железно, Тарик! Сначала к Данке, от нее отсюда ближе всех, потом к Байли, к Шотану, к Чампи... Я побег!

— Стрелой, — распорядился Тарик, приняв суровый вид.

Недоросль шустро унесся по неделимой стороне, напрямиком к двадцать третьему номеру, где жила Данка-Пантерка, а Тарик пошел дальше. Когда у него за спиной послышался конский топот, он и не подумал обернуться: стука колес не слышно — значит всадник, а всадники на улице Серебряного Волка все же не такая уж редкость, чтобы на них оборачиваться, особенно Матерущему Школяру. Он только отступил к обочине: раз всадник — наверняка дворянин, толкнет конем запросто и задерживаться ради такой мелочи не станет, как конный солдат или Стражник из Верховых...

Однако топот копыт утих совсем близко за его спиной, и звучный уверенный мужской голос позвал:

— Эгей, Школяр!

Это могло относиться только к нему, поскольку других Школяров на улице не имелось, — и Тарик обернулся. В паре шагов от него нетерпеливо приплясывал великолепный каурый конь, похрапывая и роняя на землю пену, а на коне сидел молодой дворянин с живым лицом и озорными глазами. Тарик, как требовал политес, проворно снял шляпу и поклонился:

— Слушаю, ваша милость...

— Я так понимаю, ты с этой улицы?

— Правильно изволили подметить, — сказал Тарик. — Родился здесь, всю сознательную жизнь прожил...

— Страшно подумать, сколько у тебя за плечами сознательной жизни! — блеснул в улыбке дворянин великолепными белоснежными зубами.

Прозвучало это ничуть не обидно: дворянин был явно записным балагуром и весельчаком, готовым вышучивать все и вся — вроде одного из приятелей художника Гаспера, студийзуса Клемпера, вольными шутками порой задевавшего даже Святую Дюжину (поначалу Тарик таких шуточек пугался, но потом уяснил, что это не ересь и не богохульство, а попросту невоздержанность в языке, заставлявшая иных святош возмущаться, но церковь не преследовавшаяся).

— Значит, всех тут знаешь?

— От мала до велика, ваша милость, — ответил Тарик, уже начавший строить кое-какие догадки.

— Тогда знаешь наверняка, под каким номером обитает Марлинетта-зеленщица?

Ну да, так и есть, верно догадался...

— Знаю, конечно, — сказал Тарик, обозначив легонькую понимающую улыбочку — именно что легонькую. — Только ее в эту пору наверняка дома нету, и политеснее будет...

— А ну-ка, ну-ка! — с живым интересом воскликнул молодой дворянин. — Как будет совершенно политесно?

— В эту пору Марлинетта хозяйничает в отцовской лавке в полном одиночестве — отец давно на нее лавку оставляет, она торговлю умело ведет. Ежели вы, ваша милость, зайдете в лавку и купите полдюжины морковки для вашего коня-красавца, будет весьма политесно. Многие благородные господа так и поступают, чтобы коня свежей морковкой побаловать, какая только в Зеленой Околице произрастает...

— А покупателей много?

— В эту пору, ваша милость, считайте, и никого. Хоть товар и добрый, а время для покупателей наступит ближе к вечеру, чтобы на ужин свежая зелень была. В эту пору зеленщица скучает... А лавка с вывеской «Зеленый горошек» в конце улицы, под пятьдесят седьмым номером...

— Ну ты хват! — блеснул зубами дворянин и подмигнул ухарски, прямо как равному. — Растолковал в лучшем виде... Девчонка есть, а? По лицу вижу, шельмец, что есть. Приласкиваешь ведь?

Тарик, как случилось не впервые, принял многозначительно важный вид — приятно было такое слышать, тем более от дворянина.

— Купи ей что-нибудь, нежнее будет, — засмеялся дворянин. — Девушки они такие, без коврижек к ним не подходит. Держи!

Он запустил руку в коричневой перчатке в карман и щелчком большого пальца послал невысоко в воздух монету, которую Тарик ловко поймал на лету. И, прежде чем Тарик успел политесно

поблагодарить, подхлестнул коня, и тот рысью понес его в конец улицы.

Тарик разжал пальцы. Еще поймав монету в кулак и видя, что она серебряная, он предвкушал нечаянную радость. Так оно и оказалось: на ладони у него лежал серебряный шустак новой чеканки — с профилем короля Ромерика на одной стороне и на другой — циферкой «шесть» в обрамлении цветущих веток вереска (на монетах старой династии были дубовые ветки, но она пресеклась, теперь красовался вереск — ничего странного, учитывая происхождение и герб Ромерика, как раз и украшенный цветущим вереском, геральдическим цветком княжества Гаральн).

Щедрый попался дворянин, другие на его месте отделались бы серебряным денаром, а то и медью, а тут гляди-ка, полтешок золотого! Поскольку это не денежка с приработки, вполне политесно будет не отдавать ее родителям и не «ломать», а оставить себе. Надо же, и он разжился на Марлинетте, что далеко не с каждым случается. Будет сегодня чем похвалиться на сходе ватажки, еще и этим...

Глядя вслед быстро удалявшемуся всаднику — на утоптанной земле копыта почти что и не вздымали пыли, — Тарик понимающе ухмыльнулся, как всякий годочек на его месте.

Как именно все началось, не знала даже всеведущая и вссзнающая кумушка Стемпары, касаемо которой никто бы не удивился, оказись, что она и в самом деле умеет видеть сквозь стены, а помогает ей не кто иной, как чердачники. Ежели пораскинуть мозгами, самое вероятное — какой-то дворянин действительно мимоездом зашел в лавку без задних мыслей, просто хотел, как многие, полакомить коня морковкой. А Марлинетта была в лавке одна, вот и завертелось...

Как бы там ни было, вот уже три года минуло с тех пор, как Марлинетта стала Приказчицей. Иногда в лавку заглядывает спешившийся дворянин, а иногда все улаживается как-то еще. Но кончается всегда одинаково: там, где улица Серебряного Волка берет начало от Аксамитной, вечерней порой Марлинетту поджидает карета без гербов, всякий раз разная, и она исчезает на недельку, а то и на две. И появляется на улице в таких платьях, с такими украшениями, что

ей отчаянно завидует все женское население не только родной, но и парочки прилегающих улиц...

По первости родители ужасно сердились и устраивали тихие скандалы, незаметные и неслышные соседям, однако понемногу смирились. Кумушка Стемпар с ухмылочкой поведала: после того, как уяснили, что это не случайные приключения, а, говоря цеховым языком, исправная неустанная работа налаженной мастерской. Она точно разузнала: Марлинетта, в общем, девушка добрая и почтительная дочь, всякий раз после очередной отлучки выкладывает родителю на стол половину привезенного — столько золотых денаров, сколько он зеленой лавкой хорошо если за год заработает. К тому же обставлено все крайне политесно: сколько ни пялят глаза любопытные, Марлинетта ни разу не сделала на людях ничего такого, что давало бы повод для злословия. Тому, что она садится вечером в карету без гербов, можно вообще-то подыскать и безобидное объяснение — скажем, дружит с юной дворянкой из хорошего дома, и та присылает за подругой карету, а потом Марлинетта у нее гостит. Редко, но бывает и такое. Дорогие платья и украшения тоже можно объяснить политесно — еще не забылась история, как один барон, оставшись без наследников, удочерил молоденькую швею с улицы Звезды Далерани, законным образом передал ей титул и состояние, и она сейчас ездит в карете четверкой, не оставляя милостями родителей. Такое случается не только в сказках и голых книжках. Ну, а в том, что дворянин купил морквы полакомить коня, и вовсе нет ничего необычного — так бывает и с лавками, где торгуют мужчины или старухи.

Одним словом, обитатели улицы давно привыкли к тому, какую жизнь потасенно ведет Марлинетта, давненько о ней не сплетничают, мало того, она пользуется некоторым уважением как «девушка, которая себя понимает» — всем известно, что, в противоположность гулящим, она сводит знакомства только с теми, кто ей приглянется, а те, кто придется не по нраву, будут безуспешно звенеть золотом, хоть пригоршнями его рассыпать. Вот и сейчас Тарик не сомневался, что у столь щедро вознаградившего его дворянина

все сладится: молодой, симпатичный, сразу видно, что шутник и балагур, явно богат — шпага с вызолоченным эфесом, перстни с большими самоцветами, одет в дорогое... Потрепушкой Марлинетту за глаза именуют лютые завистницы вроде Шалки, которым такая дорожка не светит...

Приятно было вспомнить прошлогоднюю историю. Хорек, всей улице известный как заядлый потаскун (это облегчается еще и тем, что он не женат), как-то от невеликого ума вздумал приударить за Марлинеттой, а когда она его высмеяла, прямо на улице назвал грязными словами, что слышали несколько человек. Марлинетта, не моргнув глазом и притворившись, будто ничего не слышала, пошла дальше и в тот вечер вновь уехала в карете без гербов. А назавтра на улице Серебряного Волка появились двое верховых, по одежде — слуги из богатого дома, хоть и без ливрей с гербами хозяина. Остановили Хорька, как раз вышедшего на службу, и о чем-то с ним недолго поговорили. Видевшие это издали двое Недорослей потом рассказывали, что они держались чуть ли не дружески, не повышали голоса и не делали угрожающих жестов, наоборот, мило улыбались. Но когда они уехали, Хорек долго стоял бледный посреди улицы и Марлинетту с тех пор обходил шестой дорогой, а ежели случайно встречал, то притворялся, что не видит...

Эх, не додумалась Марлинетта попросить своего неведомого друга, чтобы поганого Хорька насовсем погнали из Стражников — наверняка он бы и этого без труда добился. А то ведь не только Недоросли и Школяры с Подмастерьями от него стонут — и многим взрослым стал поперек горла. Ладно, не стоит думать об этом скоте в такой хороший день, полный удач, как стручок — горошинами...

Тут Тарик обнаружил, что после разговора с дворянином, призадумавшись, незаметно для себя перешел на противоположную сторону улицы, где номера обозначались делимыми циферками. И сразу понял причину: хотел непременно пройти близко от шестнадцатого номера, авось повезет хоть мельком увидеть новую девчонку — такой уж сегодня день, что приятные события словно сами собой находят, чередой: золотая сова с трехцветным шнурочком,

новая растрепка, рыбеха... А вдруг не врут — и Птица Инотали поможет? Может же так оказаться, что хотя бы половина красивых и увлекательных рассказов о ней — чистая правда?

Вокруг все было как обычно: табунками гуляли куры, помеченные широкими яркими мазками водяных красок — чтобы хозяйки узнавали своих, эти безмозглые птушки не умеют находить дорогу в свой двор, загонять приходится, вот гуси — другое дело, но на родной улице мало гусей, это курей немерено...

Глава 7

РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ РОДНОЙ УЛИЦЫ

Двенадцатый — во дворе у дядюшки Колиаса пусто: сам он, конечно же, в мастерской, жена и служанка хлопочут по хозяйству, а обе дочери вышли замуж и живут своими домами. Четырнадцатый — двое Малышей играют во дворе, расчертив свободную от травы землю на квадраты (довольно корявые) и разложив камешки, в которые кидают мраморный шарик. (Тарик смутно помнил, что в их годы тоже играл в такое, но все подробности, разумеется, забыл начисто.) Так, вот и невысокий, по грудь Тарику, забор палисадника шестнадцатого нумера, задняя стенка клеток с кролами...

От забора на середину улицы прыжками выскочил толстый серо-белый крол и остановился, прядая ушами и озираясь, такое впечатление, задумчиво, — ага, впервые за свою недолгую жизнь обрел полную свободу и теперь не представляет толком, как ее употребить...

И тут же раздался девчоночий звонкий голос:

— Слапай его, пожалуйста!

Это было произнесено с несомненным гаральянским выговором, с которым Тарик более-менее знаком: месяц назад в Школариуме появились двое гаральянских парнишек и быстро освоились, а к их выговору все привыкли и уже не передразнивают, как в первое

время, — еще и оттого, что гаральянцы ребята бедовые, драться умеют, не позволяют сесть себе на шею и ножки свесить...

Ага! Девчонка в желтом платье с разноцветной гаральянской вышивкой грозит хворостиной трем здоровенным кролам, сбившимся в кучу в углу рядом со стойками крайней клетки, — теперь понятно, что тут произошло...

Некогда было, хоть и хотелось, разглядывать девчонку — она нуждалась в помощи, а кроме него, никого больше на улице не было. Ну, дело привычное! Тарик коршуном ринулся на беглеца, так и сидевшего в раздумье посреди улицы, сцапал его за уши и понес к забору, сноровисто держа так, чтобы не оцарапал — когти у кролов отродясь не стрижены, кто бы этим озабочивался, и царапнуть могут чувствительно. Теперь все ясно: между штакетинами забора нашлось достаточно места, чтобы крол просунул голову — а где пройдет голова, там и весь живенько пролезет...

Девчонка, погрозив кролам хворостиной, подбежала к забору и вместо скупой хотя бы благодарности негодуяще воскликнула:

— Как ты его уцапал? Ему же больно! Тебя бы так!

Тарик нисколько не удивился такой наивности — месяц общался с гаральянскими парнишками и наслушался рассказов про тамошнюю жизнь. И потому лишь усмехнулся:

— Ну да, у вас в Гаральяне кролов нету...

— Нету, — подтвердила девчонка. — У нас только дикие зайцы, а их дома не держат: сразу как добудут — жарят или суп варят...

— Нисколько ему не больно, честное слово, — сказал Тарик чуть покровительственно. — Их так и держат, за уши.

— Точно?

— Точно, чтоб мне провалиться.

— То-то я гляжу, он висит, как пустой мешок, — она оглянулась на троицу ушастых, не проявлявших поползновений разбежаться. — Клетка поломалась, они и побежали...

— Ну да, я отсюда вижу, — кивнул Тарик. — Вон, сетка отстала в углу, они бошками навалились и вылезли...

— И что теперь делать? — озабоченно спросила она. — Никого больше дома, я одна, дядя не скоро придет...

Тарик почувствовал себя перед лицом такой беспомощности взрослым и сильным мужчиной вроде одного из героев голых книжек. И сказал так небрежно и покровительственно, как говорили они, встретив нуждавшуюся в помощи и защите красавицу:

— Это еще не беда, вздорные хлопоты (именно так выражался егерь Дольфис). В два счета справимся... Вот, держи побегайчика. Или нет, ты ж держать не умеешь, царапнет запросто, а у тебя руки голые, да и по пузу может... Хлестани его хворостиной...

Перегнувшись через забор, он с небольшой высоты сронил крола в траву. Девчонка, не потерявшись, хлестнула его хворостиной по толстому заду, и он, не дожидаясь повторения, шустро припустил в угол двора к сородичам. Тарик не собирался, коли уж такой расклад, упускать инициативу:

— Мы кролов давно держим, так что я разбираюсь... Помочь тебе?

— Если не трудно, — ответила девчонка. — Ты так ловко его слепал...

— Сейчас сделаем, — сказал Тарик веско и, когда она оглянулась на калитку, поторопился заверить: — Я и так справлюсь...

Скинув с плеча сумку и перехватив ее правой рукой, левой оперся на верхнюю перекладину забора и одним прыжком перемахнул во двор. Получилось неплохо: не зацепился штанами, аккуратноенько встал на ровные ноги — в общем, ловким себя показал. Уверенно направился к крайней клетке, стоявшей на невысоких, в пару ладоней, опорах, присмотрелся к тому, что заметил еще с улицы, кивнул солидно:

— Что тут думать, все ясно... — Чуть не добавил «как в женской бане», но вовремя спохватился: девчонка не свойская, незнакомая, неполитесно будет. — Видишь нижний угол? Гвозди расшатались, вылезли, вот они и наперли...

— И ничего теперь нельзя сделать?

— Да запросто, — сказал Тарик. — Молоток и гвозди найдутся?

— Я даже и не знаю, мы утром приехали, дядя и не осматривался толком. Вон там, если есть, в сараюшке... Ты не посмотришь?

— Ну, коли уж взялся... — сказал Тарик.

И направился к знакомой аккуратной кирпичной сараюшке с дощатой крышей: дядюшка Пакул домовит, вот только, продав дом, мог все забрать...

К его легкому удивлению, весь необходимый в домашнем хозяйстве инструмент оказался на месте, с первого взгляда явствовало, что отсюда ничего не забрали: довольно новые топоры стоят в углу, пила висит на гвозде, на широкой деревянной плашке рядом с прочим, остальное разложено по деревянным ящичкам. Почему дядя Пакул, мастер на все руки, отлично справлявшийся без кабальника, так все и оставил?

Но не было времени раздумывать и удивляться. Тарик снял с оструганной палочки самый подходящий молоток из четырех, зачерпнул из ящика гвоздей с большими шляпками и поскорее вышел во двор. Девчонка так и стояла, воинственно целя хворостиной в кролов, сбившихся в кучу в углу и явно оставивших куцые мыслишки о бегстве на волю.

С сеткой Тарик справился в два счета, прижав угол к доске и добротнo приколотив. Распахнув сетчатую дверцу, сграбастал за уши сразу двух побегайчиков и отнес в клетку, запихнул внутрь, потом отправил туда же парочку их сородичей. Накинул крючок, полюбовался воцарившимся порядком — сидят смиренхонько, носами водят ушастые — и повернулся к девчонке:

— Ну, вот и все, теперь не выскочат...

— Ловко как у тебя получилось! — сказала она с ноткой восхищения, и это было приятно.

— Да что там, привык по хозяйству все делать, давно уже...

Вот теперь можно рассмотреть ее подробно. Понятно, почему Буба слюни распустил до пупа: красивущая — спасу нет. Глазищи цвета яркой сирени, сбрызнутой дождиком, — в Арелате такие редки, а вот в Гаральяне, говорят, на каждом шагу встретишь сиреневоглазых. Золотистые волосы подстрижены той самой «гаральянкой», что

после воцарения на троне Ромерика вошла в фантазийку у дворян и дворянок: никаких косичек, аккуратно подрублены у самых плеч, челка прямая, не расчесана на две стороны. Ладненькая, опять-таки спасу нет: яблочки не большие и не маленькие, в меру. Носик прямой, розовые губки не лишены приятной пухлости, ножки стройные. Признаться, у него сладко заныло не только сердце — ах, какая девчонка, и ведь ничья, хоть это еще ничего не обещает...

И пахло от нее замечательно: душистым мылом черемуховым, хорошими духами, свежестью...

За спиной раздалось короткое могучее рычанье. Тарик обернулся — и остолбенел.

Не далее чем в полудюжине шагов от него стоял огромный черный пес и, чуть склонив голову, расставив сильные передние лапы, смотрел на Тарика глазами с розовой полоской третьего века — кажется, не особенно злобно, но откровенно подозрительно. Это о нем говорил Недоросль, нет сомнения: действительно настоящий гаральянский ловчий, как на обложке одной голой книжки о похождениях гаральянских кладоискателей. Дальперик малость преувеличил: пес вовсе не с него ростом, но все равно — голова напротив груди Тарика. Черная короткая шерсть, хвост как палка, уши подрезаны и торчат маленькими треугольничками — ага, чтобы зверь не ухватил, с иными ловчими породами так в Арелате поступают...

— Не бойся, он не бросится, он ученый, — торопливо сказала девчонка и, выкинув руку, повелительно прикрикнула: — Стоять, Лютый! Запретка! Это свой!

Все так же уставясь на Тарика, пес пару раз скупно вильнул хвостищем-палкой, и показалось, что его пристальный взгляд стал чуточку помягче. Девчонка сказала:

— Давай он тебя понюхает, и тогда ты будешь свой насовсем... — И прищурилась с подначкой: — Или боишься?

Признаться по совести, сердце у Тарика ушло в пятки: с таким псищей нос к носу он еще не сталкивался даже в деревнях, где собаки у пастухов были знатные, куда там городским — даже тем, что стерегут купеческие лабазы. Однако никак нельзя было показать страха

перед этой красулей, с которой после победы над кролами словно бы связала тоненькая невидимая ниточка. И он сказал браво:

— Да не боюсь я собак, подумаешь, невидаль. Вот змеюк, честно тебе признаюсь, чуточку боюсь. Хорошо, что у нас в городе их почти что и не водится, и за городом тоже...

— Змеюк я сама боюсь, — улыбнулась девчонка. — У нас их всяких полно, в дальних лесах и в горах даже ползуны-душители водятся — огромнющие, как отсюда и досюда. Они неядовитые, но как поймают, так задушат — что человека, что секача и даже лесную тигру...

— Видел я ползуна-душителя, — сказал Тарик. — В зверинце. Точно, огромнющий, серо-зеленый...

— Значит, лесной, — уверенно заключила девчонка. — Горные — серо-коричневые, под цвет скал. Я сама никогда не видела, а вот дядя убил одного для князя... когда он был еще не королем, а князем — Ромерик, я имею в виду. Зверинец? Я бы посмотрела...

— Ну, это просто, — заверил Тарик. — Пять дней в неделю всех пускают за смешную денежку...

И подумал: а ведь это хорошая идея! Позвать ее в зверинец — это уже кое-что да значит, если согласится...

— Так будешь знакомиться с Лютым? — она опять хитро прищурилась.

— Отчего ж не познакомиться?

— Ну, кто вас знает, городских... Подходил тут уже один, хотел знакомство навязать очень даже нахально. Только убежал, едва Лютый к забору подошел, не рыкнул даже... — Она с той же повелительной интонацией распорядилась: — Лютый, знакомься, свой!

Черный пес, вильнув хвостом, подошел к Тарику, старательно его обнюхал от башмаков до груди, ткнулся в руку большим влажным носом, вильнул хвостом. Пожалуй, он и не страшный...

Тарику показалось, что он усмотрел в громадном черном псе какую-то странность, но не стал над этим думать: все мысли были заняты девчонкой с сиреневыми глазами. И еще догадкой: не Буба ли испугался Лютого так, что сбежал? Это на него похоже, к тому

же никто из мальчишек улицы Серебряного Волка не стал бы знакомиться с приезжей девчонкой «нахально». Ну, предположим, у них там, во многом до сих пор загадочном Гаральяне, могут оказаться свои политесы, в чем-то непохожие на столичные, и все равно, очень уж многозначительные совпадения...

— А теперь, Лютый, — караул!

Пес повернулся бесшумно — словно полоса черного тумана перетекла из одного места в другое — и направился за сараюшку, откуда, надо полагать, и вышел.

— Сторож у тебя... — уважительно сказал Тарик.

— Славный пес, — кивнула девчонка. — Четыре года у дяди, его в холстинке принесли, такой был комочек, с варежку, лапки еще заплетались, в доме писался... Дядя его выучил, он умеет. Лютый один раз даже лесную тигру задавил, сграбастал за глотку так, что не смогла распороть когтями брюхо. И ползуну-душителю башку отхватил раньше, чем тот его опутал. Жалко, я ни того ни другого не видела...

— Не по себе ему будет в городе, — сказал Тарик.

— А он в городе жить будет мало, — охотно ответила девчонка. — Дядя потому и переехал в город, что нанялся егерем к одному герцогу, а тот на охоте проводит больше времени, чем в столице...

Никак не походило, что присутствие Тарика ее тяготит или просто надоело, а потому и он не торопился уходить. Не понадобилось особой смелости, чтобы чуть небрежно спросить:

— А что, если нам познакомиться? Ты же долго будешь здесь жить, я так думаю, нужно знакомиться с годовичками, так уж заведено. Или в Гаральяне другие политесы?

— Да такие же, — сказала она и протянула руку, открыто глядя сиреневыми глазищами. — Меня звать Тамителя.

— Тарик, — сказал он и вполне искренне добавил: — Красивое имя, у нас и не встречается... ты Тами или Тела?

— Тами, — сказала она охотно. — Тела — глуповато как-то, на «тело» похоже. Так что можешь меня звать Тами.

Совсем хорошо: познакомились согласно политесу, пожали друг другу руки, позволила ее называть коротким именем. Это ничего еще не означает, но это — шаг вперед...

Тами оглянулась на клетки с кролами:

— Как ты ловко управился... Знаешь что? Время сейчас обеденное, давай я тебя угощу чем-нибудь, у нас еще полмешка гаральянских вкусностей... Пробовал когда-нибудь бизонью колбасу? Копчененькую, с приправами, которые у вас не растут?

— Только слышал, — признался Тарик. — Отец у меня мясную лавку держит, самые разные есть колбасы, он говорил как-то, что спрашивали и бизонью, но ее к нам пока не возят...

— Вкуснотища! Пошли, угощу. Я дома сейчас одна, дядя к герцогу уехал...

— Как-то это... — замялся Тарик.

Это было откровенно неполитесно — и мальчишки, и девчонки приглашают в дом только старых знакомых, известных родителям.

— Ой, догадалась! — воскликнула Тами. — По-городскому такое неполитесно, да?

— Вот именно, — грустно сказал Тарик. — У тебя ведь нет здесь родителей?

— Их вообще у меня нет, — ее очаровательное личико на миг омрачилось. — Они погибли... Был пожар...

— Извини...

— Ничего, это было давно, я примирилась... Дядя мне вместо родителей, все по закону, грамота есть...

— Вот видишь, — сказал Тарик. — А я с ним незнаком...

— Глупости, — возразила Тами. — У нас ведь нет служанки-домоправительницы, так что я в доме законная хозяйка. А хозяйка может приглашать в гости кого захочет, и это вполне даже политесно. Верно?

— Верно, — сказал обрадованный Тарик. — Раз ты хозяйка, тогда, конечно, совсем другое дело...

— Вот видишь? Пошли! — Она взяла подол платица кончиками пальцев и, чуть согнув левое колено, сделала легкий политесный

поклон: — Господин Тарик, хозяйка вас приглашает в гости от чистого сердца и без задних мыслей.

Ну, коли уж она по-взрослому... Тарик, приложив правую руку к сердцу, поклонился:

— Госпожа Тами, я душевно благодарен и принимаю ваше любезное приглашение без задних мыслей...

Ну, теперь плюньте в ухо тому, кто сбrehнет, будто политес не соблюден! Тами засмеялась — будто серебряные колокольцы прозвенели, и они вошли в дом, где Тарик не увидел никаких признаков утреннего вселения новых жильцов.

— Что ты так любопытно озираешься? — спросила Тами. — Дом как дом.

— Я здесь никогда раньше не был, — сказал Тарик, — и все равно кажется, что мебели остались от дядюшки Пакула: очень уж аккуратно все расставлено, будто сто лет стояло на этом месте. Обои всегда изрядно выцветают, но остаются как новенькие там, где старая неподъемная мебель стоит. А здесь ни следа. Помню, года три назад папаня покупал новые мебели, и они были другие по величине, пришлось потом в двух комнатах новые обои клеить, а то получалось нескладно...

— А ты глазастый, прямо как егерь, — сказала Тами одобрительно. — Дядя так и купил дом, со всеми мебелью, только мне пришлось кровать купить новую, тут такой не было. Хозяин так и продал, он уехал к сыну, а там все было... Вот сюда, в кухню.

Сразу видно, что кухню тетушка Лемат, служанка прежнего хозяина, содержала в большом порядке: плита на четыре горелки, как и кастрюли-сковородки на гвоздиках, начищена, все на своем месте, на кухонных шкафчиках и столе ни пылинки. Тарик pokrутил головой:

— Так и кажется, что прежние хозяева только что ушли, ничего не забрав...

— Получается так, — безмятежно сказала Тами. — Напряжно было бы все свое везти с собой из Гаральяна, чуть ли не через все королевство. Только любимый чайник для настоя дядя с собой

прихватил. Он любит настой горьких бобов⁷⁵, и я тоже привыкла каждый день пить...

Там, куда она показала, и в самом деле стоял невиданный прежде Тариком чайник: не пузатый, а высокий, в школярской чертилке⁷⁶ это учено называется «цилиндр», с длиннющим гнутым носиком и причудливой ручкой, располагавшейся не над крышкой, а сбоку. Богато живут гаральянцы — каждый день пьют настой. Тарик его не пробовал вовсе — не то чтобы родителю горькие бобы были не по деньгам, просто так уж повелось: Мастера средней руки считают, что с них и хороших сортов чая достаточно, а настой — забава дворян и вообще богачей.

— Никогда не пил настоя, — признался Тарик. — Интересно попробовать, расскажу потом...

— Он вкусный... ну, для того, кто привык, — сказала Тами. — Дядя варил утром, надо только разогреть...

Тарику показалось, что она смотрит на плиту чуточку беспомощно, и он осторожно, чтобы невзначай не обидеть, заметил:

— Тами, сдается мне, ты плиту разжигать не умеешь...

— Ни разу не разжигала, — призналась Тами чуть сконфуженно. — В Гаральяне у дяди были и служанка, и кухарка, а здесь мы еще не наняли... Вот костер я умею разжигать распрекрасно, сколько раз была на охоте...

— Тогда я похозяйничаю? — спросил Тарик.

— Ой, да пожалуйста! Тут и нужно-то настой подогреть...

— Столько же времени, сколько нужно, чтобы подогреть чай? — спросил Тарик, никогда прежде дела с настоем не имевший.

— Ага.

Отличный выдался случай показать красивой девчонке, с которой только что познакомился и сразу стал питать надежды, свою кухонную сноровку. По правде, кухарь из Тарика был плохой, но

⁷⁵ Горькие бобы — кофе.

⁷⁶ Чертилка — геометрия.

уж что-то разогреть он умел, не Малыш как-никак, это их к плите не допускают, да и Недорослям доверяют не сразу...

Он поднял крышку ящика и догадался правильно — там лежали синеватые полупрозрачные палочки «огневика», хорошего сорта, без вкраплений белесой породы: такие сгорают дочи́ста, и почти не приходится выгребать золу — ну да дядюшка Пакул был не беден... Тарик зачерпнул ладонью ровнехонько того, что было потребно, распахнул чугунную дверцу, высыпал «огневик» кучкой и плеснул воды мерным стаканчиком из луженой меди. Отпрянул, захлопнув дверцу, как раз вовремя: в дырочках дверцы вспыхнуло ало-золотое сияние, из горелки вырос невысокий язычок пламени — как раз достаточно, чтобы в два счета разогреть чайник. Подхватил высокий начищенный чайник и накрыл его донышком пламя. Сказал скромненько, отряхнув без нужды ладони:

— Ну вот, сейчас будет горячий...

— Ловко как у тебя получается... — заметила Тами.

— Давно уже на кухне маме помогаю, — сказал Тарик. — Могу даже поджарить земляной хруст до корочки, и не пересолить, и не передержать, так что вкусно получается...

Он не стал уточнять, что, кроме этого, ничего почти и не умеет, — в конце концов, он не хвастал, а кое о чем умалчивал, а это большая разница. Главное, Тами глядела на него, право же, чуточку восхищенно.

— А я вообще кухарить не умею ничуть... Зато на костре дикого зайца зажарю так, что пальчики оближешь.

— Часто на охоте бывала?

— Часто, — оживилась Тами. — У нас в Гаральяне на охоту часто берут и девчонок, если видят у них сноровку...

Ага! Усмотрев великолепный повод, Тарик спросил якобы небрежно:

— Расскажешь как-нибудь побольше про охоту? Я в жизни не охотился, интересно послушать...

— Да сколько угодно! — к его радости, сказала Тами. — Ой, снимай быстрее настойник, а то он закипит и пена полезет!

Тарик проворно взял ручку настойника плоской подушечкой-прихваткой и поставил его, курившийся ароматным парком, на чугунную разляпистую подставку. Тами тем временем накрывала на стол — довольно-таки неуклюже, чуть не разбила овальную тарелку, явно ей и этого не приходилось прежде делать. А вот сыр и колбасу острым ножиком с темной деревянной ручкой резала сноровисто, аккуратными тонкими ломтиками — ну конечно, наловчилась на охоте. Интересно было бы попробовать зажаренного ею на костре дикого зайца, никогда не доводилось.

Все на столе оказалось гаральянское: и желтый дырчатый сыр в паутине зеленых прожилок (Тарик такой пробовал только раз — очень понравилось), и толстая, кривоватая темно-коричневая колбаса в желтых зернах незнакомых приправ (невиданная прежде, но Тарик и без расспросов догадался, что это бизонья копченая), и сахар нездешний, большими прозрачными желтыми кристаллами, и даже свежий хлеб — не круглые караваи, как в столице, а длинные поджаристые булки. И масло с черными зернышками перца — ну да, он слышал, что в Гаральяне особенно любят острые приправы и добавляют куда только можно. Только не в настой горьких бобов, как он тут же убедился, — тут молва преувеличила, как с молвой часто бывает...

Все было вкусно, все свежее, вот только настой горьких бобов, хоть и хорошо одобренный сахаром, Тарику не особенно и понравился — быть может, оттого, что пробовал его впервые в жизни, привык к чаю. Однако политесному гостю не полагается разочаровывать радушную хозяйку, и Тарик старательно делал вид, что напиток ему крайне пришелся по вкусу, — и Тами, похоже, ничего не заметила. Сама она осушила две больших обливных чашки, пока Тарик отпил из своей едва половину.

К очередной его радости, болтали много, совсем дружески. Тарик узнал, что Тами — его годовичок, разве что на пару недель помладше, что у них в Гаральяне нет Школариумов, а есть Схола, где, как оказалось, учат примерно тому же самому да вдобавок, по желанию, беральдарскому языку — Гаральян на западе граничит с

королевством Беральдар. Тами не просто произнесла пару фраз на беральдарском (надо признать, более певучий язык, чем арелатский), но даже прочитала на нем вирш — как она пояснила, о любви охотника и юной мельничихи. Оказалось, она, как многие гаральянки, любит вирши, и Тарик моментально принял эту важную новость к сведению: ни мальчишки, ни девчонки с его улицы виршами как-то не увлекались, даже самый заядлый книжник Чампи-Стекляшка, — а вот теперь, раз уж Тами любит вирши, нужно не откладывая купить парочку голых книжек-букетов⁷⁷, на которые он прежде не обращал внимания, хорошенько изучить, а что-то красивое даже наизусть выучить. Пусть такое и не в обычае, но и вполне политесно будет: давно ведь известно, что воздыхатели-дворяне своим красавицам читают вирши...

Тами немного рассказала о жизни в Гаральяне — к сожалению, не о том, что Тарика сейчас интересовало больше всего. Он с превеликим удовольствием послушал бы, как их годовички в Гаральяне дружат, как гуляют и развлекаются (и уж интереснее всего — насколько далеко заходят в отношениях мальчишки и девчонки). Но крайне неполитесно было бы вести такие разговоры с девчонкой, с которой только что познакомился, и грядущее в полном тумане... Сама Тами эти интересные темы ни разу не затронула, так что и настаивать не следовало. И он слушал о том, что было не так уж сейчас интересно, привыкая к чуточку забавному для арелатца гаральянскому выговору — как ему всерьез казалось, придававшему Тами особенную прелесть. Впервые слышал, как говорит тамошняя девчонка, да еще такая красивая, — что уж там, приманчивая! — вызывавшая те мысли, что студиязусы на своем ученом наречии называют романтическими. Прежде они Тарика как-то не посещали, а теперь объявились, понимаете ли...

Улучив подходящий момент (речь вновь зашла о ползунах-душителях и тех гаральянских смельчаках, что на них охотятся), Тарик, воспользовавшись перерывом в разговоре, сказал с той небрежностью, какую давно освоил в беседах с девчонками:

⁷⁷ Букет — сборник поэзии.

— Вот к слову... Я ведь тебе говорил, что у нас в зверинце есть ползун-душителъ, здоровущий?

— Ага.

— Давай пойдем завтра в зверинец, я тебя политесно приглашаю. Ты же говорила, что с удовольствием бы на эту тварь посмотрела вблизи. В зверинце он не опасный, ни за что из загороди не вылезет.

— Еще как интересно... В Гаральяне я его только раз видела издаലെка, и зрительной трубки не было...

— Вот и пойдем, там у нас всякие звери, даже такие, что ни в Арелате, ни в Гаральяне не водятся, даже заморские есть, и с Архипелагов...

— Не получится, Тарик, признаюсь сожалеючи...

— Занята чем-нибудь завтра?

Он был чуточку разочарован — прежде чем предложить это, быстренько продумал не особенно сложный план. Дорога в зверинец и назад неблизкая, можно показать красивые старинные здания, пару фонтанов, другие городские достопримечательности, которые безусловно понравятся впервые оказавшейся в столице гаральянке. Посидеть в кондитерской таверне, хотя бы в «Кремовой булочке» (если надеть бляхи Подмастерьев, никто придраться не будет, по годочкам они вполне сойдут, к тому же у Подмастерьев нет своих педелей, разоблачать некому, в прошлый раз удалось в лучшем виде, и не ему одному удавалось). Можно сделать не такой уж большой крюк и завернуть на мост Птицы Инотали, а там возможен очень приятный оборот событий. Самая настоящая свиданка на добрых полдня.

— Понимаешь, Тарик... — Тами, хлопнув длиннющими ресницами, на миг опустила глаза словно бы смущенно. — Я уже обещала одному мальчику с вашей улицы, что завтра пойду с ним в зверинец...

«Кто это у нас такой прыткий?» — подумал Тарик не сердито, но досадливо.

— А с кем?

— Ой, Тарик... — рассмеялась Тами. — У тебя лицо стало сердитое, как все равно что у лесной тигры...

— Да глупости.

— Стало-стало! Не сердись так, он всего-навсего политесно предложил сходить с ним в зверинец...

— И кто же такой? Просто не думал, что ты успеешь с кем-то у нас познакомиться, едва приехавши.

— А что тут такого? Все политесно. Когда мы разместились и дядя уехал по делам, скучно было торчать одной дома. А пойти некуда, я ж ничего здесь не знаю... Вот и гуляла по двору, кролей разглядывала, цветы — у нас такие не растут, — ну, и на улицу смотрела. Сначала подошел Подмастерье, попытался было со мной знакомиться. Только я с ним знакомиться не стала и имя свое не назвала. Такой какой-то... неприятный весь из себя. Хихикает глупо так, пялится. У нас присловье есть: «Таращится, как будто взглядом подол задирает...»

— У нас оно тоже есть, — кивнул Тарик.

У этого присловья было и окончание: «...а носом “эликсир любви” пускает», — но произносить его при девочках страшно неполитесно. Даже при том, что все знают: самые политесные девочки знают кучу самых плохих слов и меж собой их иногда вворачивают — но никогда не при мальчишках. Судя по смеющимся глазам Тами, окончание она распрекрасно знала.

— Байсу мне рассказал... ну, не то чтобы неполитесную, но такую... неприглядную. Я уже хотела уйти в дом, но тут к забору подошел Лютый, не рычал, но смотрел так, что сразу видно: ему этот болтун тоже не понравился. Он и ушел быстренько...

— Рябоватый такой, — уверенно сказал Тарик, — и лопоухий. На шляпе медная бляшка с женской головкой, как у больших...

— Он, в точности. Он на этой улице живет? — Тами сделала гримаску. — Вот уж не хотела бы такого соседа...

— Да нет, к счастью, — сказал Тарик. — С соседней, к нам заходит редко, мы его не особенно привечаем. Разве что на речку идет купаться или червей копать, тут уж ничего не поделаешь,

имеет право... — И спросил с надеждой: — Он тебе не сказал... ничего такого, за что можно было бы претензию предъявить? У вас в Гаральяне наверняка те же словечки считаются неполитесными, что и у нас...

— Нет, ни одного такого словечка...

— Жаль, — искренне сказал Тарик. — А то давненько он от нас не получал, хоть давно просит. Если что, скажешь сразу. Ты теперь девчонка с нашей улицы, в обиду не дадим, накрепко запомни. У нас все негласки соблюдаются железно, мы не какие-нибудь...

— Спасибо, — Тами улыбнулась ему так, что сердце опять ухнуло куда-то в будоражащие фантазии. — Приятно знать, что ты под защитой от всяких... Ну вот. Я все еще гуляла по двору, тут появился еще один парнишка, в школярском кафтанчике, и заговорил очень политесно. Мы поболтали, он меня пригласил завтра в зверинец, и я согласилась. Он вежливый, с вашей... теперь получается, с нашей улицы. Он мне даже показал, как подбрасывают и ловят сразу шесть шариков, так ловко...

Вот теперь уже не нужно было задавать вопросов про внешность — на улице Серебряного Волка один-единственный Школяр умеет играть шариками и другими вещами, как настоящий циркач... Без злости, но с глубоко запрятанной досадой Тарик спросил:

— И вы, конечно, имена друг другу назвали?

— Конечно, мы познакомились как полагается, за руку. Его звать Байли. Ты его знаешь?

— Еще бы, — сказал Тарик. — Байли-Циркач из моей ватажки. С Малышей друг друга знаем, как все у нас...

Не все потеряно — это всего-навсего прогулка, а не свиданка, из-за нее стукаться не полагается: это только после первой свиданки. И лучше не думать про то, что первая свиданка как раз и закончится приятным для них, но неприятным для Тарика образом. Байли тут ни в чем не уступит — и не корявый, как Буба, и язык подвешен, и с девчонками обращение знает...

И все же Тарик, не потеряв надежды, сказал:

— Я тут подумал... Через три дня на Бротенгельском лугу откроется годовая ярмарка. Хочешь, пойдем? Бывала уже на ярмарках?

— Два раза, на окружной и на княжеской. Там очень интересно, только мне не удалось покачаться на качелях, и сладостей не попробовала, дядя запрещал... А так хотелось...

— Суровый у тебя дядя... Что он так?

Ему показалось, что от такого простого вопроса Тами на миг пришла в легкое замешательство. Показалось, видимо, — она тут же ответила:

— Понимаешь, у нас считается, что девчонке из хорошего дома сладости на ярмарках есть неполитесно, а уж тем более на качелях качаться — подол так взлетает, что ножки видно, и даже... — она смешливо фыркнула.

— Ну вот... — разочарованно сказал Тарик. — А я-то собирался тебя сладостями угостить — на годовую ярмарку всегда привозят всякие сладости, каких в обычное время в лучших лавках не найдешь. И на качелях бы раскачал...

— Ну зачем сразу огорчаться? — улыбнулась Тами. — Ты огорчился, у тебя лицо стало понурое... Здесь, в городе, заранее можно сказать: мне все будет дозволено, что дозволено политесным здешним девчонкам. Дядя так и сказал. Он говорил: это в Гаральяне ты была девчонка из хорошего дома, а здесь другие политесы, и тебе можно себя вести как все.

— Так это ж прекрасно, — сказал Тарик радостно. — Совсем другое дело! — И спохватился: — Может, тебя Байли и на ярмарку пригласил?

— Вовсе нет, — к его несказанной радости ответила Тами. — Только в зверинец.

— Значит, пойдем?

— И даже с радостью, — заверила Тами. — А то мне сначала так грустно было: город, все незнакомое, не придумаешь, куда себя и девать, не знаешь просто...

Через четверть часика Тарик ушел из дома Тами прямо-таки окрыленный: все складывалось прекрасно. Если Байли после зверинца

все же назначит ей свиданку (а кто бы на его месте не назначил?), но она пройдет без поцелуев и, главное, решения дружить — вот тогда можно и стукнуться, как в прошлом году из-за Кампиталлы (вот только она и победителю Тарику не досталась, задружила со Ставани-Прыгуном с их улицы, и тут уж ничего не поделаешь...).

Еще издали он увидел, что спиной к нему у розового куста возятся отец Михалик и церковный служитель Каитес, и побыстрее прошмыгнул мимо, хотя, разумеется, сотворил знак Создателя. Заранее можно сказать: отец Михалик начнет ласково укорять за то, что Тарик пренебрегает церковным школариумом, хотя он искренне верующий, не пропускает ни одного пастырского слова, не то что иные... Хороший человек отец Михалик, и пастырь добрый, и слова говорит проникновенно, так что в их церковь и с соседних улиц ходят, — но вот не лежит у Тарика душа к скучноватому изучению священных книг, хоть и считает себя крепким в вере, ни разу очищения души не пропускал, святую денежку не зажимает, не то что иные. Но вот поди ж ты — скучно в церковном школариуме, и все тут. Благо времена нынче другие, а ведь худож Гаспер рассказывал, что еще его отца в мальчишестве драли розгами за непосещение церковной учебы — так и дворянских детей наказывали, не говоря уж о простолюдинах... Да что там, и папаня сам рассказывал: успел разок порки отведать — за неделю до ее отмены, такое невезение выпало...

Он остановился с маху, словно налетев на стену из невидимого стекла из сказки о зачарованном городе Тумере. До самого последнего мига крышу заслоняли кроны высоченных лип, а теперь он увидел...

Над темно-коричневой черепичной крышей домика дядюшки Ратима, птицевода, совсем невысоко стоял в небе цветок баралейника, словно сплетенный из черного дыма! Ну конечно же, баралейник, ни с чем его не спутаешь: зубчатая чаша, где через один идут лепестки короткие и длинные, в середине три высоких стебля, увенчанных мохнатыми кистями, — это плодовки такие; если баралейник вовремя не изничтожат верующие люди, они обратятся вскоре в бутоны,

те лопнут, и равнодушные ветры разнесут на четыре стороны света поганые семена. В точности такой, как те три, в Городе, — только те были изрядно потускневшими, истаявшими, в прорехах, словно капустный лист, изведенный белой гусеницей-плодожоркой, а этот прямо-таки сияет, если можно так сказать о черном цвете. Свежий? Ну да, ранним утром, когда Тарик шел на испытание, его не было, иначе непременно заметил бы...

Преодолев недолгое оцепенение, он подошел поближе. Поодаль от забора стояли кучкой с полдюжины Недорослей, таращась во все глаза. Понятно, почему они не подошли к самому забору — меж клеток прохаживался Хорек в полной форме, при берете и тесаке, а всякий, даже Малыши, знает: от Хорька на всякий случай нужно держаться подальше — так обходят разлегшуюся посреди улицы собаку, про которую точно известно, что она злая, кусливая, может броситься ни с того ни с сего, как ей в дурную голову взбредет...

Дядюшка Ратим сидел тут же на широком чурбачке, свесив руки меж колен, уронив голову, и лицо его пугало безнадежностью, которую Тарик всего-то раза два видел на человеческих лицах — оба раза это были бродяги. Но такое лицо у небедного и успешного Мастера-Птицевода... Поневолe дрожь пробирает.

Подойдя ближе, Тарик окончательно все понял. Мертвая тишина вместо обычного гомона, воркованья и гугуканья. И в тех трехъярусных клетках из проволоочной сетки, где нагуливали жирок взрослеющие голуби, и в тех, где пищали птенцы и сидели на яйцах голубки, — ни единой живой птушки. Нигде ни малейшего шевеления. Дощатые донья клеток сплошь покрыты словно бы бугорчатым ковром — голуби лежали дохлые, кое-где нелепо задрав скрюченные лапки...

Очередная птичья хворь? Но как она в одночасье скосила всех до одного? Дядюшка Ратим — птицевод знатный, сразу заметил бы и убрал больных птушек, посыпал бы клетки зельями от заразы, далеко воняющими, — а сейчас никакого запаха. И не бывает вроде таких молниеносных хвороб. И цветок баралейника над острым

коньком крыши — а ведь ручаться можно, что снова его никто, кроме Тарика, в глаза не видит, иначе на него и усталились бы...

Понятно, отчего дядюшка Ратим в таком отчаянье. Птицеводом он был старым и умелым, мастерства набрался от деда и отца, присовокупив собственную оборотистость. Голубей своих он кормил исключительно дробленным зерном с добавками сушеных ароматических трав, придававших птичьему мясу пушистость и мягкость, подкармливал какими-то смесями, представлявшими фамильные секреты. Вся улица покупала у него пару-тройку (а особо зажиточные и побольше) птушек для праздничного ужина в День святого Берамо, но главный доход происходил не от этого. Голубей дядюшки Ратима, сделавших бы честь любому дворянскому столу, охотно покупали дюжинами хозяева кухонных таверн под золотым трилистником и кухари богатых домов. Дядюшка Ратим, подвыпив как-то в таверне, хвастал даже, что у него образовались среди кухарей интересные знакомства, так что вскоре, чем удача не шутит, он, вполне даже возможно, станет Поставщиком Королевского Дворца, а выше чести для Цехового Мастера просто не бывает, — и многие, зная его сызмальства, ему верили и заранее пили за его успех. Вот и спугнули удачу... Папаня, сиживавший в таверне обычно как раз за столиком дядюшки Ратима и крепко его уважающий, говорил недавно: Ратим рассчитывает ко Дню святого Берамо продать не менее двухсот голубей и дюжину коп⁷⁸ яиц. А теперь что же? Ни гроша прибыли, одни расходы на новых голубей и голубиц — такие, что заставят прикованную где-нибудь в сараюшке корчагу со сбережениями до донышка выгрести... а яйца без наседок скоро сгihnут. Беда...

— Эй, Тарик!

Ну вот, пожалте! Хорек стоял у калитки и тарашился прямо на него — вот уж не свезло... Все мальчишки с улицы Серебряного Волка считали: если Хорек обратил на тебя внимание, это хуже, чем встретить сулящего несчастье трубочиста, а то и самую

⁷⁸ Коп — мера счета, сорок штук чего-либо (употребляется только в отношении неодушевленных предметов).

плохую примету — роняющую катыши одноглазую лошадь, идущую навстречу...

— Стой тут и никуда не уходи, — распорядился Хорек со своей обычной презрительной властью. — Есть беседа...

Он повернулся и зашагал к понуро сидящему на чурбаке дядюшке Ратиму. Тарик остался стоять, коли уж такое невезение выпало. А такой хороший выдался день...

Улица Серебряного Волка достаточно большая, чтобы ей полагался не один, а двое Стражников. Второй, дядюшка Колант, прослужил тут сорок лет и вскоре должен был выйти в отставку. Вот его любили и уважали все от мала до велика. Никак нельзя сказать, что он был нерасторопным, — служака исправный. Однако, как говорили взрослые, прекрасно понимал, что жизнь построена не на одних писаных регламентах, а потому на многое смотрел сквозь пальцы, умел отличить первое прегрешение, особенно случайное, от злого умысла и испорченности, а потому ограничивался драньем ушей у мальчишек и парой затрещин или полудюжиной розог у взрослых. Как это звалось, жил сам и давал жить другим. Непримирым был только к серьезным грехам, за которые в квартальный суд или Воспиталку отправлял не колеблясь.

А вот Хорек, которого за глаза по имени и не называли, — полная ему противоположность. Два года в Стражниках, но все его ненавидят так, что иной и за сто лет такого отношения к себе не заработает. По его убеждению, жизнь должна управляться только писаными регламентами, и никак иначе. На самое мелкое нарушение, вызвавшее бы у дядюшки Коланта лишь строгое наставление больше так не делать, пишет бумагу, дерет бумажную деньгу⁷⁹ по полной, то и дело пытается надуть пузырь⁸⁰, но ни разу не удалось, как ни старался. К Мастерам — особенно к тем, что позажиточнее, со знакомствами в квартальной управе, а то и в магистрате столицы — цепляться избегает, но на Подмастерьях и мальчишках отыгрывается

⁷⁹ Бумажная деньга — штраф по протоколу (соответственно, бумага — протокол).

⁸⁰ Надуть пузырь — сшить липовое дело на пустом месте.

по полной: знает, стервец, по собственному житейскому опыту, что жаловаться взрослым они на него не пойдут согласно одной из негласок. Вот и благоденствует. Тут и розги якобы за дело, и не оставляющий синяков чулок, набитый крупным речным песком, и все его штучки руками. И те самые истории с девочками...

А самое забавное — все знают, отчего он злой, как цепная собака. Есть у Хорька заветная мечта жизни — попасть сыщиком в Сыскную Стражу: там и жалованье не в пример выше, и форму не носят, и хватает других привилегий. Только таких злобных дураков туда не берут, там нужны, точно известно, умные и сообразительные. Из кожи вон лезет, чтобы раскрыть какое-нибудь значительное преступление, но на улице Серебряного Волка таких не бывает. Опять-таки, все знают: Хорек, болван жизни, часто переодевается небогатым мастеровым и толкается по двум ближним рынкам в надежде поймать матерого стригальщика — но откуда они там? А с мелкотой тамошние Стражники сами справляются. И, по слухам, недовольны тем, что Хорек суетится на их «грядке», мешает собирать привычную мзду — и даже вроде бы хотят его как следует отколошматить, якобы принявши за нового «сквознячника».

Три раза Мастера (жаль, из небогатых и невлиятельных) подавали жалобы на Хорька в квартальную Стражу, но всякий раз обходилось. Всезнающая кумушка Стемпарь узнала причину: старшую сестру Хорька, Портниху, втихомолку жулькает пожилой Чиновный оттуда, он и гасит жалобы по-тихому. (Он же и устроил Хорька в Стражники, что ему самому ни за что бы не удалось — в Цех Стражников нелегко попасть человеку со стороны, там как нигде местечки берегут для сынков-племянников. А вот пропихнуть в Сыскную и жулькатель сеструхи не может — невелика птица...)

Словом, не человек, а натуральный гвоздь в башмаке. И ничего с ним не поделаешь: дурак-дурак, а хватает умишка не натворить ничего такого, чтобы вмешался Совет Стариков, — а уж они-то без труда засунули бы Хорьковы погремущки в мясорубку...

— О чем задумался, прошманденыш? Как лабаз у дядюшки Самата ночью обнести? Да шучу я, а ты уж в штаны напустил...

Ага, жди! Но Тарик, разумеется, промолчал с равнодушным видом — не вороши дерьмо, оно и смердеть не будет...

— Пойдем болтанем... — и Хорек, крепко взяв его за плечо, вывел на середину пустой улицы. — Ну-ка, в глаза мне смотри! Я вашу братию знаю, по глазам вижу, если напроказили...

Тарик добросовестно посмотрел ему в глаза, проговорив про себя: «Ты и дырку в коровьей заднице не увидишь, если не покажут...» Хорек жег его взглядом, который ему самому наверняка казался грозным и пронизательным, а всем остальным — дурацким. Занятно, но Хорек на стороннего человека (особенно на стороннюю женщину) производил самое лучшее впечатление: не писанный красавец, но симпатичный, статный, бравый в форме, румянец во всю щеку. Ему бы следовало быть корявым и нескладным, наподобие Бубы, а то неправильно как-то выходит: по виду сущий герой голой книжки, а внутри — дурак и сволочь распоследняя...

Хорек потянул носом воздух:

— О, хорошей рыбачкой на всю улицу шибает... Подтибрил где-нибудь?

Заводиться, конечно, не следовало, и Тарик бесцветным голосом ответил вопросом на вопрос:

— А что, кто-то видел, как я рыбеху тибрил?

— Вывернулся на этот раз... — с сожалением протянул Хорек. — Ничего, еще попадешься и тогда уж не отвертишься... Видел, что случилось?

Тарик посмотрел туда — над острой крышей все так же висел цветок баралейника, и никто, кроме Тарика, его не видел...

— Что ты так на крышу уставился, будто там девки голые сидят? — фыркнул Хорек. — Видел, спрашиваю, что сделалось?

— Не слепой, — угрюмо сказал Тарик.

— И откуда такая напасть?

— А я знаю? — пожал плечами Тарик.

— А может, знаешь? — вкрадчиво спросил Хорек.

— Откуда мне?

— Слушай внимательно и никому не проболтайся, иначе со свету сживут, — Хорек понизил голос. — Две недели назад на Раздольной было похожее, только не с голубями, а с лошадьё. Живет там один коневод, и готовил для больших скачек отличного коня, который наверняка взял бы высший приз. И был у него завистливый соперник, желавший победы своей лошади. Вот только сообразил, что выиграть в честном состязании у него не получится. И темной ноченькой по его наущению тому коню подсыпали в кормушку мышебоя⁸¹. Хозяин утром приходит — а конь мертвехонький лежит, зубы оскалил, на морде пена сохлая...

— А при чем тут и я, и голуби?

— Погоди, я только начал... В Сыскной не дураки сидят, и лекари у них имеются всякие, в том числе и скотские. Кто-то что-то заподозрил, кто-то что-то сопоставил — и увезли дохлого коня к себе, а там точно установили, что в брюхе у него, кроме овса, полно мышебоя. Ну и начали копать: смотреть, кому было выгодно. Докопались. И вызнали, что этот, который завистливый соперник, дал денежку двум Подмастерьям с Раздольной, достал мышебоя, и они его темной ночью в ясли подсыпали. Всех троих повязали. Подначнику светят рудники, а Подмастерьям — тюрьма...

— Ну, а я тут при чем? — повторил Тарик.

— А вот слушай, — Хорек заговорил почти шепотом. — У меня добрый приятель в квартальной Сыскной, в сыщиках, он и рассказал, а я прикинул своим умом, а вот теперь, когда птушки перемерли, окончательно уверился. Есть у дядюшки Ратима соперник-завистник с Аксамитной, тоже голубей продает дворянским кухарям и втихомолку мечтает в Королевские Поставщики вылезти. Он и постарался... Дело ясное, не своими руками: конечно, дал денежек шпаргонцам вроде вас, они ночью все и обстряпали. Сейчас возьму с десяток дохлых птушек из разных клеток и отнесу к приятелю в Сыскное, а уж он постарается, чтобы их там поизучали и дело завели. Голову даю на отсечение: какую-нибудь отраву да усмотрят...

⁸¹ Мышебой — мышьяк.

«И пузырь надуют», — закончил за него Тарик. Уж если давать голову на отсечение, так за то, что этот приятель — такой же, как Хорек, прохвост, мечтающий о похвале начальства и денежной награде за расторопность, а честным путем-то и не получается, как и у Хорька не выходит с Сыскной. Говорят же, что дерьмо к дерьму липнет. Вот и надуют пузырь на пару...

— Уж здесь-то я ни при чем, — решительно сказал Тарик.

— А кто говорит, что ты при чем? — голос Хорька приобрел вкрадчивость и даже словно бы не свойственное ему дружелюбие. — Ты мне, наоборот, службу сослужить можешь... Есть у меня кое-какие зацепочки, видели, с кем тот соперник якшается: оба с нашей улицы, ну а кто — тебе знать необязательно, потому как тайна расследования. Нашелся один оборотистый с Аксамитной, даром что годочками молод, а востер и выгоду свою понимает туго. Он и дал наводочку...

«Уж не Буба ли?» — подумал Тарик. От такого гниловатого, особенно теперь, когда приятельствует с Бабратом, любой пакости можно ожидать, неудивительно, если...

— Нужен еще один очевидец, — продолжал Хорек тихонько. — Чтобы в квартальном суде рассказал все как есть, поведал, что своими ушами слышал и своими глазами видел, как те двое хвастали, что жирную денежку от того коневода получили. И лучше тебя, Тарик, не подберешь: Школяр исправный, ватажник первостатейный, в сильных прегрешениях не замечен — так, озорство всякое, на большее чем полудюжина розог не тянет. Вполне политесный в глазах квартального судьи...

— Да я же ничего такого не слышал!

— Когда бумаги пойдут в суд, я тебе подробно растолкую, что ты слышал, — с улыбочкой сказал Хорек. — Подробно растолкую, хорошенько запомнишь, от зубов отскакивать будет. Голова-то у тебя светлая, хоть шалопаю и досталась, — вон сколько золотых птушек собрал. Заучишь, не собьешься. И будет тебе от меня долгое расположение и покровительство, жить будешь припеваючи, что бы ни натворил... Что кривишься, не по нраву?

— Не по нраву, — твердо сказал Тарик.

— Ишь ты, какие мы чувствительные... Только никто тебя, прощмадье уличное, и не спрашивает, никто твоего доброго согласия не просит — мы не на танцульках, и ты не девка... Что потребуется, то и будешь петь в суде, как певчая птичка в таверне... Смотри у меня! Ежели поискать, за тобой немало найдется всякого, что на строгую Воспиталку потянет, уж мы постараемся... Я ж не один эту историю раскручиваю, и ты нам надобен как очеглядец с честными глазами... Понял, нет?

Он двумя пальцами ухватил меж шеей и плечом, над ключицей, сделал «щипцы», зло ухмыляясь. Больно было несусветно, в пору завопить скособочившись, попросить пощады — но Тарик стоически вытерпел, пока Хорек не разжал сильные пальцы.

— Ну, ты все понял, тербеньщик сопливый? — процедил Хорек тихо. — Или, когда время придет, сделаешь все как надо — или устрою тебе такую бледную жизнь, что света белого не взвидишь. И чтоб ни словечком никому не пискнул о нашем разговоре, а то худо будет... Пшёл!

Он небрежно подтолкнул Тарика в спину и размашистыми шагами направился во двор, где на чурбачке ссутулился дядюшка Ратим с видом полного и законченного отчаяния, какое иных заставляет изладить петельку в сараюшке да и сунуть туда шею — как в свое время железных дел мастер Йонаш, когда и мастерская сторела, и работодателям возвращать было нечем, так что получилось полное разорение. Не захотел после стольких лет доброго хозяйствования идти в подручные, чтобы никогда потом не вернуться в полноправные мастера, или отпрапляться на Вшивый Бугор... Ну, предположим, дядюшка Ратим подтверже характером будет, и нет ни полного разорения, ни работодателей, но все равно беда подкатила нешуточная, любого в черную тоску бросит...

Ну что оставалось делать? Тарик пошел дальше. Хорошее настроение от удачного дня поистаяло, даже напоминание о том, что Тами послезавтра пойдет с ним на ярмарку, утешало мало. Сначала Титор Долговяз прицепился, тянет в ушеслышцы — и не куда-нибудь, а к

Гончим Создателя, — теперь Хорек. Причем Брюзга и в самом деле сболтнул нечто такое, в чем можно, видимо, и усмотреть ересь, а вот Хорек, чтоб ему на банку черепица упала, как говорят в деревне, плетет веревку из сухого песка, на голом месте пузырь надувает. И ведь и сообщник у него завелся в Сыскной (наверняка насчет него не врет), и кто-то гниловатый на Аксамитной (и насчет него вряд ли врет) — случилось уже, что натворившие дел мальчишки, боясь Воспиталки, начинали нюхаться со Стражей...

Никак нельзя сказать, что Тарика грызло беспокойство. Нет за ним прегрешений, нет хвостов, которые можно на кулак намотать, да и папаня защитит от вовсе уж облыжных обвинений. А все равно скверновато: заполучить Хорьку в лютые враги — приятного мало, придется долго жить с оглядкой, святее святого быть, а это трудновато...

И добавок цветов...

Есть средство. Ежели поговорить с Марлинеттой... Так-то она девушка добрая, отзывчивая, перед теми ее подругами, что не раздружились с ней из зависти, нос не задирает, нарядами и украшениями сильно не хвастает. И с Тариком в добрососедских отношениях, особенно после того, как узнала, что он в прошлом месяце настучал как следует Гарамии-Лопухому, когда тот говорил о Марлинетте гадости и собирался написать у нее ночью на воротах грязные слова. Даже заигрывать пробовала, не по-настоящему, а так, игры ради, но перестала, когда сообразила, что Тарика этим не сконфузишь. Поговорить с ней откровенно — и наверняка найдется друг с гербом, который быстро вправит Хорьку ума, тем более что сама она Хорьку терпеть не может...

Заманчиво, но не пойдет. Из-за той же негласки. Марлинетта старше его на три годочка — значит, взрослая. Не годится вмешивать взрослых в свои дела, тем более женщин...

Есть кручина посильнее — цветок баралейника...

Это уже четвертый за полгода — и вновь никто его не видит, кроме Тарика. Первый раз цветок попался ему в Городе, на Рыбном рынке, когда папаня послал за вяленой салакушкой к пиву. Висел

на высоте дома, уже потускневший. Тарик на него таращился, как на чудо невиданное, так что торговка сердито спросила, не уснул ли он стоя, будто конь. И оказалось, что ни она, ни люди рядом не видят цветка, словно сотканного из черного дыма. Покупатели зашумели, чтобы не задерживал, и Тарик, расплатившись за рыбу, убрался побыстрее. Даже от потрясения забыл взять пять грошей сдачи — и торговка закричала вслед, чтобы вернулся: она, мол, женщина честная и богатеть на раззявистом Школяре не собирается. В общем, получился сплошной конфуз...

И еще два раза он видел в Городе, над крышами (один раз это был дворянский особняк с гербом над входом, вдругорядь — «муравейник»), такой же в точности цветок, на который прохожие не обращали внимания, будто его и не было. Во второй раз Тарик растерялся до того, что сграбастал за шиворот оказавшегося рядом Недоросля (к взрослым обращаться поостерегся), показал на крышу и спросил:

— Что там видишь?

— Крышу, — сказал Недоросль, нетерпеливо притопывая. — Еще ворона на трубе сидит...

— А еще? — спросил Тарик.

Ворона сидела аккурат под цветком.

— Да и все! — ответил Недоросль. — Чему там еще быть?

Тарик его отпустил и ушел. О цветке он не рассказал никому из своей ватажки: в третий раз они шли мимо «муравейника» в полном сборе, все пятеро, да еще с двумя Приписными, и Тарик убедился, что цветок видит он один, и Данка-Пантерка спросила недоуменно, что это он так засмотрелся на самую обыкновенную, даже без флюгеров и затейливых колпаков дымовых труб, крышу...

И вот теперь — четвертый, на родной улице. И разговор с рыбарем, крайне примечательный, многое прояснил. Зоркие, они не Видящие — но о тех и о других есть исключительно сказки, а в жизни они не встречаются, в жизни о таком не слышал. Но сейчас... Получается, он — сказочный Видящий? Поверить невозможно. Такого не бывает! Даже Чампи-Стекляшка, первый книгочей с улицы

Серебряного Волка, к которому все прислушиваются, когда речь пойдет о чем-то книжном, как-то говорил: господа ученые книжники (его обычный оборот, произносившийся со значительным лицом) единодушно полагают, что иные умения — как черные, так и белые — с бегом времени пропали без следа, потому что понемногу исчезли люди, ими владевшие, а почему стало именно так — неизвестно. И те чародейные стеклушки, про которые сегодня говорил рыбарь, давно уже людям не попадались...

А в деревнях, если рыбарь не прихвастнул, сии и посейчас есть, и Видящие, именуемые там Зоркими, преспокойно обитают наяву. Что бы там ни было, сомнению не подлежит одно: рыбарь тоже видел черный цветок баралейника где-то над городскими крышами...

У Тарика звучали в ушах слова рыбаря: «Так оно завсегда бывает — передается не от отца к сыну, а от деда к внуку, и непременно от деда по матери». Если и в городе с этим обстоит так, как в деревне, Тарику это передалось от отца мамани...

Отца папани, дедушку Загута, он никогда не видел — тот погиб в море, когда отец был еще Школяром, а через три года умерла так и не ставшая бабушкой Тарика его жена. Как сказала однажды, вздыхая, маманя, — от черной тоски...

Вот отца мамани, дедушку Тиверела, он знал гораздо лучше. До пяти лет жил в его доме на Раздольной — а потом папаня, прочно встав на ноги и малость забогатеv, отделился, купил дом на улице Серебряного Волка, и они туда переехали. Дедушка Тиверел держал всех домашних в строгости, не только внуков, но и папаню с маманей, но все же Тарик его не боялся и любил. Строг был дедушка, но справедлив, никогда не наказывал зря, не кричал, не ругался, а гнев его чаще всего выражался в том, что он хмурил кустистые брови, становился строже лицом — и это, честное слово, действовало на Тарика со старшим братом сильнее, чем ругань и порка. Да и никогда дедушка их не порол, и папане не позволял. Наказание заключалось в том, что Тарика или брата (порой обоих вместе) сажали на крышку колодца и оставляли сидеть на разное время, в зависимости от тяжести проступка (отчего иные Малыши, которых

дома не только шлепали, а иногда и крепко драли ремнем, Тарику открыто завидовали). Умер дедушка Тиверел четыре года назад, а через год следом пошла по последней дороге и бабушка Сейда. Тарик искренне горевал...

Конечно, все детские воспоминания еще следовало прилежно, кропотливо перебрать, как Замарашка из сказки перебирала у злой мачехи зерно от семян сорняков. Но если навскидку — Тарик не мог припомнить за дедушкой Тиверелом ровным счетом ничего необычного, а ведь память Малышей цепкая, в ней такие вещи непременно задержались бы, как золотинки в лотке промывальщика, о котором так красочно повествовала голая книжка «Шесть золотых ручьев»...

Прямо узнать у мамани? Пожалуй, не хватит духу: ни маманя, ни папаня никогда о таком не упоминали. Осторожненько порасспросить дядюшку Бейнара и тетюшку Ойли, в очередной раз придя к ним в гости? Дядюшка Бейнар, старший брат мамани, немногословный, он лишь о любимой забаве, петушиных боях, может говорить часами, — а вот тетюшка Ойли болтушка, между нами говоря, страшная, о чем угодно будет трещать! Вот ее можно попробовать осторожненько навести на нужное...

И вдобавок еще свалившееся вскоре после первого цветка баралейника умение, которое можно назвать «прозрачные стены». Сначала оно испугало Тарика до дрожи в коленках, но потом он притерпелся, хоть пускал в ход не так уж и часто. Тут уж полный туман — в сказках о таком очень редко, да упоминается, но Чампи, как показали осторожные, но обстоятельные расспросы, лишь пожимал плечами: его любимые и почитаемые ученые книжники ничегошеньки об этом не написали.

Тарик вот уже полгода вынужден был с этим жить, скрывая ото всех, как иные скрывают дурную хворь. Правда, в отличие от дурной хвори, тайное не доставляло ни малейшего вреда, даже и мелкого неудобства... но от этого, право слово, не легче. Тяжеленько сознавать, что потаенно носишь в себе такое. Вот и сегодняшний разговор с рыбарем многое прояснил, но душу ничуть не облегчил.

К отцу Михалику он пойти с этим не мог, останавливало что-то, и оно же не давало быть откровенным в своей ватажке и уж тем более с папаней и маманей. Оставалось плыть по течению...

Справа осталась таверна дядюшки Ягоша, в шесть высоких больших окон по фасаду, с затейливым флюгером, изображавшим веселого пузатого мастера с большущей кружкой пенящегося пива, с зеленым фонарем, в светлое время, конечно же, не горевшим согласно регламенту.

Вывеска, совсем недавно подготовленная отцом Чампи, гласила красными буквами по зеленому: «УЮТНЫЙ ВЕЧЕР». Таверна была «огненная», «кухонная», и потому здесь просиживали вечера все взрослые с улицы Серебряного Волка — но еще и оттого, что заведение весьма политесное: здесь не случалось драк, не подливали воду в пиво и прочие напитки, веселых девок не допускали. Не зря сюда ходили и обитатели прилегающих улиц, те, что хотели провести вечер и в самом деле уютно. Хорек таверну форменным образом ненавидел. В отличие от многих тавернеро⁸², дядюшка Ягош ни малейших нарушений и прегрешений не допускал, а значит, не обязан был платить потасенную мзду Стражникам, и Хорек на нем никак не мог заработать несправедно...

В доме под номером тридцать девять, куда переехал новый человек, никого во дворе не было, и Тарик прошел мимо. Из калитки Байли-Циркача выскочил запыхавшийся Дальперик. Увидев Тарика, вприпрыжку подбежал к нему и прилежно доложил:

— Всех obeжал, все будут!

— Молодец, — похвалил Тарик, дав легонький, чисто символический подзатыльник, и пошел дальше.

У коновязи лавки «Зеленый горошек» смиренхонько стоял тот самый великолепный конь щедрого дворянина. Проходя мимо, Тарик увидел, как тот вовсю любезничает с Марлинеттой, а она играет глазками и ослепительно улыбается. Ясно было, что нынче же вечером Марлинетту будет ждать на Аксамитной карета без гербов, и она снова пропадет на недельку, а то и подольше. Проходя мимо,

⁸² Тавернеро — владелец таверны.

Тарик в очередной раз задал себе вопрос: будь у него полный карман дворянского золота, поступил бы он так же, как посещавшие зеленую лавку отнюдь не из-за морквы благородные? И в глубине души знал ответ: поступил бы именно так. Как-то не походила Марлинетта на обычных веселых девок и уж тем более на гулящих...

Вот и кончились не совсем привычные, но самые обыкновенные (если не считать разговора о цветке баралейника и самого цветка над крышей дядюшки Ратима) сегодняшние странствия, принесшие больше радости, чем мимолетных огорчений. Свернув направо, Тарик вышел на знакомое с детства Кольцо⁸³ — еще один предмет легонькой гордости. В редколесье уходила широкая утоптанная тропинка, упиравшаяся в речной берег, а слева, на вершине высокого и длинного холма, виднелась зубчатая серая полоска: легендарная, овеванная издавна завлекательными и жуткими рассказами Серая Крепость, насчет которой сегодня на ватажке предстоит решить окончательно. Разговоры о походе туда велись у них давно, но до дела все как-то не доходило — а ведь пора решаться, иначе не занять самое почетное положение среди всех трех ватажек улицы Серебряного Волка. Они будут первыми! Положа руку на сердце, все страшные рассказы, которые сотню лет кружат вокруг Серой Крепости, страшными байками и остаются...

Нежданка! Интересная нежданка, что тут говорить... На лавочке возле забора домика, еще недавно принадлежавшего хорошему человеку и всеобщему любимцу детворы дядюшке Пайолу, сидела женщина в темном платье и обычном старушечьем чепце, черном, с вышивкой из синих цветков рандоля вокруг головы — рандоль был символом почтенных лет, а потому многие пожилые надевали его как можно позже, чтобы долго не зачисляться в старушки: не хотели с такими годочками смириться...

Вот это уже было не просто интересно — вплотную затрагивало ватажку Тарика, которой при появлении новых жильцов предстояло, очень возможно, потерять привычное обиталище. И не им одним

⁸³ Кольцо — дома по периметру города, выходящие фасадами в чистое поле. Считаются гораздо более престижными, чем дома на улице.

неизвестно, что решат насчет старой мельницы новые владельцы. Если запретят туда ходить — будут в своем праве: мельница больше двадцати лет как заброшена, но вместе с клочком земли остается регламентной собственностью, принадлежащей домовладению. Из чистой вредности характера не разрешат туда ходить — и ничего не попишешь, иначе Хорек как пить дать прицепится и будет прав. Был похожий случай на Аксамитной...

А потому Тарик смотрел на новую соседку во все глаза, пытаясь заранее угадать, чего от нее можно ждать и не будет ли стеснений. И ничего так и не заключил. Старушка безмятежно вязала чулок, всецело поглощенная этим, ловко орудуя длинными блестящими спицами. По морщинистому румяному лицу ничего нельзя предсказать заранее: ни особенного добродушия, ни особенной сварливости на нем не усматривается, лицо как лицо, нельзя судить о человеке по физиономии, тем более если видишь его впервые в жизни, ни словом еще не перемолвился...

И он, прикинув в уме кое-что, остановился перед старушкой, снял школярский берет с кокардой Школариума и самым политесным тоном спросил:

— Изволили на нашу улицу переехать?

Старушка, глядя на него безо всякой досады, положила вязанье на колени и вполне дружелюбно ответила:

— Ага, утречком перевезли вещи. Ты из этих мест будешь?

Ободренный таким началом, Тарик сказал:

— Не просто из этих мест, а ваш сосед слева, — и показал на свой дом не без гордости. — Получается, соседями будем.

— Надо ж, как удачно складывается! — живо воскликнула старушка. — А я вот давно, с утреча, думаю, что за соседи достались и как с ними знакомство свести — не пойдешь же по дворам знакомиться: мол, здрасьте, я бабушка Тамаж, прошу любить и жаловать, теперича буду по соседству проживать... Насквозь неполитесно будет. А вот ежели сам сосед подойдет и разговор завяжет, получается очень даже политесно. Ты, я так понимаю, из Школяров будешь? Вон сколько у тебя совушек, и все золотенькие, не какие-нибудь там...

Я хотя и Темная, так уж Создатель постановил, а старик мой был из Светлых, и дети в Школариум ходили, так что понимаю насчет совушек... — Она показала на скамейку: — Садись, соседка, поболтай со старухой, ежели не торопишься по своим делам, — а то вы, молодые, на ногу прыткие, так и бегаете сломя голову...

Ну, коли уж последовало политесное приглашение... Даже если бы Тарик куда-нибудь и торопился — присел бы. А уж сейчас, когда нет никаких серьезных дел и он озабочен грядущим старой мельницы...

Он присел на скамейку, и завязался разговор. Нельзя сказать, что бабушка Тамаж (он и свое имя тут же назвал) оказалась записной болтушкой, чем иные старушки грешат, но была она весьма даже словоохотлива и явно стремилась освоиться на незнакомой улице побыстрее, как многие хотели бы на ее месте. Как и следовало ожидать, она больше расспрашивала об улице: что за люди здесь обитают, спокойно ли, особенно здесь, на Кольце (где она оказалась впервые в жизни), чем занимается отец Тарика (или мать?) и тому подобное. Тарик отвечал охотно и обстоятельно, стараясь сразу расположить старушку к себе, рассказал и о старшем брате в солдатах, и о том, что у них есть кабальница, — и постарался, учитывая дальнейшее, чтобы о мальчишках с их улицы у нее сложилось самое хорошее мнение: а как же иначе, если теперь бабушка Тамаж — полная хозяйка старой мельницы?

О себе она рассказала не скупой, но гораздо меньше: вдовушка медника с Фонтанной улицы (не ближний свет, противоположный конец города), взрослые дети давно разъехались, и она, года три после смерти старика живя только со служанкой, однажды решила перебраться куда-нибудь в тихий уголок; кто-то ей посоветовал улицу Серебряного Волка. Так что теперь они тут будут доживать, две одинокие старушки. Ей очень нравится, что здесь большой огород («На Кольце они всегда гораздо больше, чем просто на Зеленой Околице», — не без гордости пояснил Тарик), а она до замужества жила с родителями как раз на Зеленой Околице, только на западной, и потом долго привыкала к тому, что каждую моркву

и каждую корзинку земляного хруста приходится покупать в лавке. Ну, а теперь по старой памяти надеется, что управится.

Тарик заверил ее, что всегда поможет с огородом по-соседски и поручит то же самое их кабальнице Нури. Он, говоря по совести, в первую очередь думал об орешнике дядюшки Пайоля и о том, как теперь с ним будет. Не расскажешь же ей, как с орешником обстояло дело благодаря доброте дядюшки Пайоля к детворе: это ведь только слова, может и не поверить... Зубы у нее все целы, когда улыбается, это сразу видно — может быть, сама любит орехи или захочет их продавать в зеленую лавку, как поступает кое-кто на улице? Одним словом, нужно пока помолчать...

А вот о старой мельнице он умолчать никак не мог — очень уж важное и неотложное дело... И, улучив подходящий момент, когда разговор ненадолго прервался, сказал небрежно:

— Бабушка Тамаж, а вам говорили, что вместе с домом вам теперь досталась и старая мельница с клочком земли? Во-он она, отсюда видно.

И показал влево, на равнину, где далеко отсюда прекрасно проглядывалась старая мельница: высокая, круглая, сложенная в одно время с заложением улицы Серебряного Волка из огромных серых, бугристых камней, с круглой же невысокой крышей из коричневой черепицы, сложенной так добротно, что годы ее не брали. Невысоко под крышей торчал могучий штырь, на котором когда-то вертелись мельничные крылья, и даже дверь с полукруглым верхом была цела: ватажки еще старых времен, когда Тарика и на свете не было, зорко следили, чтобы пришельцы с соседних улиц ничего там не сломали и не напакостили. (Это наставление, рассказывал еще старший брат, в свое время пришлось кое-кому подкреплять махаловкой, но то было давно, на памяти Тарика уже не случилось: все понемногу смирились, что старая мельница — обиталище ватажек с улицы Серебряного Волка, а дядюшка Пайоль, полноправный хозяин, всегда выступал на их стороне...)

— Говорили, как же, — ответила старушка. — Да и в купчей бумаге так написано. Только мне, старухе, это заброшенное строение

вовсе даже и ни к чему: мастерскую там никакую не устроишь, так что никто и не купит. Пусть уж себе стоит, хлеба не просит...

В хорошую сторону повернуло, в нужную! Тарик вроде бы безразлично сказал:

— Не такое уж и заброшенное строение... Дядюшка Пайоль и правда мельничное дело забросил двадцать один год назад: на северной стороне построили аж шесть новых мельниц, туда возить зерно было удобнее, короче и дешевле не в пример — вот мельница и захирела, убытки пошли. Дядюшка Пайоль быстро понял, что прибыли не будет, и оставил себе только хлебную лавку. Продав жернова, крылья, всякие мельничные механизмы. И очень быстро нашел мельнице новое применение. Отдал ее под обиталище для ватажек с нашей улицы, а то ведь до этого собирались где попало, иногда прямо под небом. Одно условие поставил: огня там не разжигать и табаку не курить, чтобы не случилось пожара, — хоть мельница больше и не мельница, все же память, годочек нашей улиц... Я слышал, в магистрате хотят даже ее в список старинных памятников внести — бывают путешественники, даже из дворян, которые старинные памятники любят осматривать... И уж двадцать лет как там ватажки собираются: одни вырастали и уходили в Подмастерья и Приказчицы, другие приходили, как вот мы четыре года назад. Уютно там, особенно когда осенние дожди зарядят или ветры, — крыша там нисколечко не прохудилась, не протекает... — И с чуточку преувеличенной грустью добавил: — А теперь, когда нет старого хозяина, неизвестно, что и будет с нашим старым обиталищем. До того все к нему привыкли...

— Ах, вот оно в чем дело! — воскликнула бабушка Тамаж с доброй улыбкой. — Получается, двадцать лет как устроили обиталище, а теперь беспокоишься, что пришедшая старуха все это запретит?

— Не без того... — осторожно подтвердил Тарик.

— Да мне и в голову не придет запрещать! Если так будешь думать, преемственно обидишь старуху! Коли уж выпало мне доживать век на этой улице, буду соблюдать все здешние обычаи... и ваши негласки тоже, не сомневайся. Пусть все идет по-прежнему, так и скажи своим

ребятишкам: по бумагам старая мельница моя теперь, а по обычаю владейте ею как владели и ни о чем не волнуйтесь!

— Спасибо вам преогромное, бабушка Тамаж, — сказал Тарик, обрадованный до глубины души. — Ото всех спасибо заранее!

И подумал, что благодарить добрую соседку будут не только ватажки, но и Подмастерья. Кроме трех ватажников, ключи от замка есть и у полудюжины Подмастерьев с их улицы — Заритан-Кудесник постарался. Подмастерья туда вечерней порой водят своих подружек — понятно, для какого приятного проведения времени. Старший брат как-то, посмеиваясь, рассказывал: пожалуй, все нынешние благонравные женушки с улицы Серебряного Волка, они же честные матери, через это прошли — и очень многие с теми, за кого потом вышли замуж, так что неполитесного тут почти что и нет...

Конечно, и тут соблюдается строгий порядок. Из годочков Тарика ключи есть только у ватажников — и у каждого Подмастерья. И, чтобы не мешать друг другу, давно обговорена и строго соблюдается очередь посещений и у ватажек, и у Подмастерьев. О ней всех быстро оповещают, если что-то изменится, «летучей молвой», которую по улице охотно разносят Недоросли, как только что Дальперик (а водить туда девушек имеют право только Подмастерья, да с некоторых пор, согласно постановлению таковых, и ватажники — правда, никому из них пока не выпало случая этой почетной привилегией воспользоваться, а жаль — давненько уже присловье «Эта девица ходила на старую мельницу» обозначает то самое, и никакое другое. Как рассказала как-то под секретной клятвой Данка-Пантерка, девчонки, ее годочки, втихомолку только рады будут, если о них промеж себя будут говорить «та, что на старую мельницу ходит», — это их как бы делает взросленькими...).

Одним словом, Тарик сейчас, пожалуй что, сможет всерьез претендовать на почетный титул Хранителя старой мельницы — второй месяц уже идут разговоры, что давно пора таковой учредить, но никто, как ни спорили и даже один раз снимались драться, так и не придумал, за какие заслуги кого-то провозгласить Хранителем.

И вот теперь, когда Тарик первым уладил дело с новой хозяйкой, вопрос может решиться в его пользу. Тарик-Морячок, ватажник, Хранитель старой мельницы... Завлекательно звучит, приятно!

— Мы со своей стороны вам, если что, всегда поможем по-соседски, — заверил Тарик. — С огородом в первую голову, вон он какой здоровущий, как у всех на Кольце...

— Заранее благодарна, Тарик, — даже чуточку растроганно сказала бабушка Тамаж. — По дому-то мы и так управимся, хоть не молоденькие, а вот на огород, как приехала, с утра глядела с тоскою: столько там всего растет... И нанимать огородника не по старушечьим деньгам, и лишаться такой благодати не хочется — это ж опять все в лавке покупать, разор один, особенно если кто любит зелень покушать и самой приготовить...

Тарик подумал, что говорить об ореховых кустах пока не стоит: слишком много будет для первого раза, неполитесно вываливать все просьбы сразу. Как следует поможем в огороде — а тогда и наведем разговор на то, как дядюшка Пайоль распоряжался, ко всеобщей радости, своим орешником. Все равно орехи поспеют месяца через полтора. А то и взрослые раньше расскажут — бабушка Тамаж наверняка быстро сведет с ними знакомство, вон какая добрая, щедрая на язык, благожелательная старушка. Повезло. А ведь могла поселиться и какая-нибудь злыдня вроде бабки Гураты, от которой даже взрослым житья нет. Хорошо еще, что она одна такая на всю улицу, а окажись их двое — небо с грошик покажется...

Глава 8

ДОМА И НА РОДНОЙ УЛИЦЕ

Когда Тарик попрощался с бабушкой Тамаж и встал со скамейки, все его прежние тревоги касаясь судьбы старой мельницы улетучились напрочь. Хорошая соседка оказалась, благожелательная к мальчишкам. Ясно, что беспокоиться не о чем... И все, что он встретил неприятного за время пути, не досаждало: что бы там ни талдычил Хорек, ему ни за что не удастся надуть пузырь, а цветок баралейника... Что ж, бывает. Не первый цветок, увиденный Тариком над городскими крышами, и, что грустновато, наверняка не последний, коли уж Тарик теперь их видит. Его самого ни один из цветков не затронул, и в городе не приключилось ничего жуткого вроде того, о чем повествуют иные страшные сказки: и реки не потекли вспять, и ожившие статуи не бродят по улицам (хотя об этом живописно повествуют многие городские легенды), и покойники не оживают, не выходят с кладбища... Переживем.

Он привычно опустил руку за калитку, нащупал невидимый снаружи крючок, вошел и заложил крючок за собой. Тут же подлетел Кудря и запрыгал вокруг, тычась влажным носом. Всем хорош кудлатый: и сторож добрый, и умница, но Лютому ростом здорово уступает...

— Псина ты, псина, — сказал Тарик ласково, потрепав черный лохматый загривок. — Попадись ты Лютому — он бы тебя мигом счавкал, это тебе не с нашими уличными за сучку драться, когда гон

начинается... — И пошел к крыльцу, легонько отпихивая разыгравшегося пса.

Видно уже, что кабальница Нури возится в огороде возле капусты.

— Ну, там-то она ничего не напортит...

Оставил башмаки на крыльце, сунул ноги в разношенные домашние туфли и вошел в дом. Услышав звяканье посуды на кухне, направился туда, повесив на крючок берет, но не сняв кафтанчика и даже не расстегнув, чтобы маманя оценила должным образом. Она в свое время окончила Школариум, два года пробыла Приказчицей в отцовской мастерской, так что в делах учебы разбиралась прекрасно, со знанием дела понимала и успехи Тарика, и неудачи.

Как он ждал, как случилось в прошлые разы, так и сейчас произошло. Словно по написанному: маманя радостно всплеснула руками, прояснившись лицом:

— Ой, Тарик! А я беспокоилась, даже святой Ермолине помолилась, покровительнице книжного дела и учения... Все-таки квартальные испытания! Когда я училась, никто из наших туда не удостоился попасть... И совушка золотая, и шнурочек...

— Да вот справился, маманя, — сказал Тарик не без вполне понятной и простительной скромной гордости. — Отвечал гладко, ответы знал назубок... и даже рыбки принес.

С еще более сильной гордостью он достал рыбину из сумки и положил на стол, развернув вощеную бумагу так, чтобы рыбеха предстала во всей красе. Однако маманя словно бы даже слегка опечалилась:

— Тарик, где ж ты такое великолепие раздобыл? В лавках они бесову уйму денег стоят... Неужели...

— Ничего подобного, маманя, — живо запротестовал он. — Я ж не Мутный какой, чтобы дорогущее тибрить, знаю, что за это бывает. Святое слово, честным порядком досталась. Смело можно сказать, что заработал...

И кратенько рассказал, как помог найти дорогу заплутавшему в городе рыбарю, проехал с ним почти до места, и тот в благодарность

одарил рыбехой. О цветке баралейника, понятно, упоминать не стал — это оставалось только его заботой.

— Совсем большой стал, добытчик... — одобрительно сказала маманя.

Обнять и прижать к груди, как в прежние времена, и не пыталась — с некоторых пор, подросши, он уклонялся от прежних нежностей. Достиг тех годочков, когда в мамане начинают видеть еще и женщину, так что в ее объятиях чувствуешь себя неловко.

— Вот и хорошо, — сказала маманя, домовито присматриваясь к аппетитно пахнувшей на всю кухню рыбине, и отмерила ладонью примерно треть от хвоста. — Это будет папане, очень он уважает с пивом рыбку, и непременно от хвоста. И нынче вечером, чтоб ты знал, пиво будет пить от души. Радость у него! Когда приходил обедать, рассказывал. Какая-то у него наметилась выгодная негация с гаральянским купцом, после обеда окончательно должны по рукам ударить и пойти к нотариу⁸⁴ соглашательную бумагу писать. И к вечеру я земляного хруста сварю с приправами, рыбка в самый раз будет. Иди одевайся в домашнее, буду тебя кормить, а то ведь с утра ни кусочка во рту не было...

Тарик пошел к себе, в большую комнату с двумя кроватями, где он три года роскошно обитал один с того времени, как старший брат ушел в солдаты. Первым делом старательно спрятал далеко под матрац растрепку — матрац совсем недавно выбивали и выкладывали на солнышко, так что в ближайший месяц маманя постель не потревожит, только белизну⁸⁵ менять будет аккуратно. Повесил в шкаф школярский мундирчик — там еще висела добротная одежда брата в ожидании, когда придется Тарику впору (но до этого еще далеко). Надел домашние штаны и рубаху, в паре мест так искусно заштопанную маманей, что и не видеть следов двух его проказ, за каковые он получил легонькую взбучку с написанием, что канифас денег стоит, а они не землеробы и домотканину не ткнут.

⁸⁴ Нотар — нотариус.

⁸⁵ Белизна — белье, постельное и нательное.

Ничего, от пары подзатыльников еще никто не умирал, особенно если учесть, что Байли-Циркачу не повезло гораздо больше. Они вместе убегали из сада дядюшки Дориса, не успев набрать за пазуху изрядно яблок (сторож, хитрован, объявился неожиданно, зашумел трещоткой, пустился за ними... Хорошо, что был без собаки). Оба напоролись на гвозди, вбитые сторожем накануне в кромку забора, но Тарик отделался пустяковой прорешкой, а вот Байли располосовал рубаху от ворота донизу, все яблоки высыпались, а дома отходили ремнем — к чему Байли, впрочем, был привычен. Тарик честно поделился с ним добычей — и главное, сторож их не узнал, видел только спины, так что каким родителям было идти жаловаться, осталось загадкой.

Вымыв руки в чистой лохани (признаться, по требованию мамы: сам он полагал, что они и так чистые), Тарик уселся за стол, на свое обычное место, у ямки, выдолбленной им, когда маманя куда-то отлучилась. Было ему тогда пять годочков, неразумен еще, вот и взял острый ножик, коего настрого запрещалось касаться (два порезанных пальца и подзатыльник после перевязки). С тех пор стол перекрасили, но ямка глубокая осталась, и это стало «место Тарика» — сначала шутивно, а потом всерьез.

Маманя хлопотала от плиты к шкафу, выставляя на стол тарелки и блюда с закусками — как будто праздничный обед накрывала. Впрочем, золотая сова со шнурочком — это, пожалуй, праздник...

Тарик наблюдал за ней с приятностью, это был еще один предмет легонькой гордости меж годовичками. Иные маманины однолетницы в эти годы растолстели, раздались, огрубели лицом и руками — а маманю будто и годы не брали. Само собой, Тарик не мог видеть ее в девушках, однако из пересудов уличных кумушек примерно представлял, какова собой была маманя в молодости. Она и сейчас красотка: ноги стройные, фигура не отяжелевшая, грудь высокая, лицо без морщинок, и волосы, уложенные домашней прической валиком, по-прежнему роскошные. Тарик давно заметил: когда она летом в легком платье идет по улице, иные взрослые поглядывают на нее в точности так, как Подмастерья и Школяры на девочку.

Только это все зря. Не тайна, что на улице Серебряного Волка иные вполне благопристойные женушки прыгают в клумбу⁸⁶ очень даже потаенно, хоть это и выплывает наружу домашними скандалами, но вот о мамане даже записные сплетницы такого никогда не говорили, а уж им-то сбrehнуть — что семечку разгрызть...

Было года два назад, когда Тарик едва начал ходить в Школа-риум... Он тогда возился в огороде, учил тугодумку Нури полоть редиску так, чтобы выдирать исключительно сорную траву, а маманя возилась в палисаднике с клумбами, рыхлила и поливала. По летней жаре и пачкотному занятию она надела старое платье, тесное и весьма даже открытое, да еще и подоткнула подол по-огородному, выше некуда. Тогда Тарик в некоторых смыслах оставался несмышленишкой (хоть и начал теребенки, не умея еще толком читать, без растрепок), но теперь, иногда вспоминая эту историю, соображал, что маманя в таком облике смотрелась куда как приманчиво.

Ну, и у забора остановился верховой дворянин — а ведь такие на Кольце появлялись редко, как-то его сюда занесло. Политесно окликнул маманю, она, одернув платье, подошла к забору и говорила с дворянином на серой лошади не то чтобы долго, но и не в пару слов. Уехал он угрюмее, чем был сначала, а маманя потом смотрелась оживленной, глаза как-то особенно блестели, улыбка была какая-то загадочная. Тарик, не слышавший разговора, спросил, в чем там было дело, а маманя, все так же загадочно улыбаясь, сказала: расспрашивал дорогу к Раздольной улице, только какой-то недотепистый попался, пришлось на шесть кругов объяснять, едва втолковала. И выглядела она тогда как раз моложе своих лет, как-то по-особенному смотрела и улыбалась, никогда раньше Тарик ее такой не видел...

А назавтра, когда к ней пришла старая подруга Линетта, мать Данки-Пантерки, и они сидели в кухне за кувшинчиком вишневой настойки, Тарик, конечно, не подслушивал нарочно, но случайно

⁸⁶ Прыгнуть в клумбу — супружеская измена (говорится в отношении как женщин, так и мужчин).

оказался у приоткрытой двери кухни и слышал, как маманя, смеясь, каким-то по-молодому звонким голосом говорит:

— Девахой себя почувствовала, право слово. Сто лет со мной мужики всерьез не заигрывали, насчет личика-ножек-фигурки словес не отпускали, в меру политесных, в меру откровенных... Золотом обещал осыпать, хлыщ надутый, за пару часиков у него в гостях, на атласе и шелке... Только я от Балазара в жизни в клумбу не прыгала и не собираюсь. Как распечатал в рощице, так двадцать лет и тянется...

Тут тетя Линетта задала мамане вопрос, от которого у тогдашнего Тарика уши запылали — он уже знал, о чем идет речь, но не думал, что такие словечки употребляют политесные горожанки, женушки и матушки. Маманя смеялась:

— Никогда не жаловалась, мне всегда хватало...

И добавила подробности, от которых не только уши, но и затылок запылал жарким пламенем — и Тарик потихоньку убрался на цыпочках, вспомнив к тому же, как малышом выставил себя перед старшим братом на посмешище, сам того не ведая... Подросши, узнал, что и политесные женщины, и политесные девчонки меж собой бывают крайне вольны в разговорах...

И вот сейчас, что уж скрывать, его порой так и подмывало собственными глазами увидеть папаню и маманю ночью в спальне, узнать, как у них все обстоит после двадцатилетней верности друг другу — неужели в точности так, как у молодых? Став постарше, он не раз подмечал то, на что не обращал внимания в прежние года: переглядочки в иные из вечеров — безобидные вроде бы, но сейчас ясно, что к чему; имевшие строго определенный смысл слова; вроде бы шуточные шлепки папани и вроде бы случайные прикосновения мамани — и всякий раз они уходили в спальню быстрее обычного.

Словом, искушение крепло. И ничего здесь, пожалуй, не было из ряда вон выходящего — того, что именуется пороком или грязными думами. На ватажках и сходках Школяров, когда речь заходила о непознанном еще опыте, не так уж и редко иные рассказывали,

как случайно видели папаню с маманей за этим самым — ну, или старшего брата с женой либо старшую сеструху с мужем. Шибко уж обсасывать такие разговоры считалось не вполне политесным, но и отношение к ним было спокойное, как к вещи самой обыденной. Ну, и у всех, кто дохаживал последние полтора-два года в Недорослях, считалось даже молодечеством подглядывать вечером за искавшими уединения в пригородных лесах и рощицах молодыми парочками — и те, кто наблюдал эти парочки лежа, задирали нос перед теми, кто ничего, кроме целовален и вольностей рукам, не подсматрел.

Все через это прошли, все, став Школярами, оставляли эту «зеленую охоту» как неподобающую для их нынешних годочков и положения. Правда, это не касалось подглядки за купальщицами — это и Подмастерья не считали для себя зазорным, не то что Школяры. Находились отчаянные девахи, которые, накупавшись, снимали купальные платья и выжимали не в кустах, а на берегу. Точно известно, что прекрасно знают: за ними очень даже свободно могут наблюдать из кустов беззастенчивые ухари. Но притворяются, будто ни о чем не ведают. И у Подмастерьев, застигнутых девчонками за таким занятием, есть старая отговорка — заявляют с ухмылочкой: «А может, я себе невесту высматриваю, чтоб наверняка». Девчонки поскромнее прогоняют с визгом, швыряя песком и ветками, а разбитные отвечают хоть и в рамках политеса, но довольно игриво. Шутки шутками, а всерьез говорят об иных, что так вот они и высмотрели себе невесту, так что эта старая забава не особенно осуждается теми взрослыми, кто помнит свою молодость и потому снисходителен...

А если учесть, что с некоторых пор Тарик умеет необычно подсматривать и подслушивать... Положительно, искушение слишком велико.

Готовила маманя хорошо, и при других обстоятельствах Тарик набросился бы на все, как разбойник на припозднившегося на лесной дороге купца, но совсем недавно его как следует накормила Тами, и он был сыт. А потому хлебал и жевал нехотя, даже свой

любимый суп с пампурышками⁸⁷, рубленным мясом и приправами (маманя постаралась и красиво, с хрусткой золотистой корочкой, поджарить свежую плоскушку⁸⁸), даже салат из первой редиски с первым луком. Чтобы не обижать немало провозившуюся с обедом маманю, он старался делать вид, будто наворачивает с аппетитом, как человек, кроме завтрака ничего во рту не имевший. Однако маманя порой видела его насквозь (хвала Создателю, далеко не всегда и не во всем). Вот и сейчас сказала озабоченно:

— Тарик, ты что-то совсем плохо ешь... Ты не захворал, часом? С иными после испытаний такое случалось, я помню. И уж тем более кварталные... Живот не болит?

Не было причин скрывать от нее, как обстояло дело, ничего в этом нет стыдного или неполитесного. И Тарик сказал правду:

— Меня девочка из шестнадцатого нумера здоровским обедом накормила. Новая девочка, только что с дядей к нам переехали. Гаральянка, так забавно иные слова выговаривает... У нее клетка сломалась и кролы разбежались, а я помог починить. Вот она меня обедать пригласила. Ну, я и налопался с голодухи — у нее и колбаса невиданная, бизонья, и гаральянский сыр, какого у нас нет, и еще всякое...

— А старшие где были?

— Я ж говорю, у нее из старших только дядя. Егерем нанялся к какому-то здешнему герцогу...

— Ох, Тарик... — показалось, маманя чуточку запечалилась. — Вот так вот взяла и пригласила обедать, без позволения старших... Я тебе никаких знакомств отродясь не запрещала, но есть же политес... О гаральянских девчонках и так говорят разное... Конечно, про обитателей дальних мест всегда придумывают кучу чепухи, а уж о Гаральяне... И все равно, неладно получается. Может, ее дяде и не понравится, что она первого, с кем познакомилась, обедать приглашает. Неизвестно, что о тебе подумает, а ведь семья наша всегда числилась среди политесных...

⁸⁷ Пампурышки — клецки.

⁸⁸ Плоскушка — речная камбала.

Не стоило ее посвящать в иные тонкости — говорить, что первым с Тами познакомился не он, а Байли (которого она не то что обедать не приглашала, а чарку прохладительной фруктовки не поднесла, обратите внимание!). Но вот насчет кое-чего другого умалчивать никак не следовало.

— Я ж тебе не все рассказал, маманя, — сказал он живо. — Родителей у нее нет, они умерли, какой-то пожар был... Живет она только с дядей, а значит, получается полноправная хозяйка дома, может без позволения старших приглашать в гости кого угодно, и получается вполне себе политесно, нет разве?

— Ну, это другое дело, — сказала маманя вовсе даже умиротворенно. — Если хозяйка — имеет право, с какой стороны ни смотри... Она красивая?

— Очень даже, — ответил Тарик.

— И как зовут?

— Тамителя.

— Непривычное имечко, у нас таких нет... Однако ж красивое. — И маманя взглянула определенно с лукавством. — И что, ты вот так вот отобедал и ушел?

— Ну, не так чтобы... — сказал Тарик осторожно. — Мы уговорились послезавтра пойти на ярмарку, это тоже вполне политесно...

Как он и ожидал, больше вопросов не последовало — маманя никогда его въедливо не расспрашивала про отношения с девочками и уж тем более не подтрунивала (иные, у кого с родителями обстояло не так благостно, ему малость завидовали). Больше всего не повезло Монтину-Попрыгунчику: ему и мать, и тетка частенько закатывают сущие лекционы про жуткие срамные хвори, идущие от девчонок-распустех, и, что печально, одними и теми же словесами, так что Монтин давным-давно эти занудные поучения наизусть вызубрил...

Маманя, глядя на него как-то особенно пытливо, протянула:

— Ой, Тарик, Тарик, растешь... Годика через два придется тебе по всем правилам невесту присматривать...

Это звучало далеко не в первый раз, и он давненько уже не смущался (не маленький!), просто-напросто как-то не мог себя представить женихом с зеленой лентой на шляпе, рядом с невестой в зеленом платье и венчалке⁸⁹ из зеленого кружева. А тут вдруг представил, что рядом с ним в зеленом платье, какое девушки надевают раз в жизни, стоит Тами, улыбается ему и всему миру...

— Рановато, маманя, — заметил он, ничуть не сконфузившись. — Сколько мне еще до шестнадцати годочков...

— Два годочка пролетят — и не заметишь... — заверила маманя, словно бы чуточку задумавшись. — Значит, на ярмарку пойдете? У тебя ведь денежка прикоплена? Возьми побольше: где-где, а на ярмарке будет столько необычных вкусовостей, и качели с каруселями не грошик стоят... — Ее лицо стало моложе, она, казалось, смотрела не на Тарика, а в какие-то неведомые дали. — Вот когда отец был еще Подмастерьем, а я Приказчицей, но уже дружили по всем правилам, ходили как-то на ярмарку, с полным на то правом держась за руки. Отец тогда чуть не подрался с каким-то Лошадником у качелей. У качелей всегда толкуются любители поглазеть, как у девушек подолы разлетаются («По себе знаю», — подумал Тарик), дело обычное, только отцу показалось, что тот парень на меня особенно охально пялится, он и полез драться. Только тот парень забоялся, ушел быстренько, — она улыбалась вовсе уж молодо, отрешенно. — Сущее наказание было с твоим отцом на люди выйти с нашей улицы. Как покажется ему, будто кто-то на меня не так смотрит, — лезет в драку, а уж если кто про меня сказал хвалебное слово, пусть даже политесное, — тут и вовсе удержу не было. Однажды его чуть Стражники не сцапали, когда один нахал... Ничего, обошлось, тот нахал жалобу приносить не стал.

Тарик слушал жадно. Он прекрасно понимал, что папаня с маманей, будучи совсем юными, даже не женихом и невестой, дружили в точности так, как и все дружат: ходили за ручку, целовались вдали от глаз и даже... (А когда-то, трудно представить, и вовсе знакомы не были!) Вот только впервые в жизни маманя рассказала хоть что-

⁸⁹ Венчалка — фата.

то о своей юности, а уж папаня не рассказывал никогда. И Тарик предположил с большим знанием вопроса:

— Но уж на вашей-то улице все шло гладко, как положено...

— Да вот не всегда, — сказала маманя охотно. — Отец твой ведь был парнем с другой улицы, отсюда и хлопоты. Выкупное он платил аккуратно, и претензий к нему у наших не было, только один мой сосед никак не хотел уговориться. Я ему и надежда не подавала никогда, и в глаза говорила, что ходить с ним не буду, потому как прочно дружу с твоим отцом, а он все не унимался, вставал поперек дороги при каждом удобном случае. Отец с ним три раза дрался — не стучался, как обычно заведено, а именно что дрался по-настоящему, на речку уходили, без девчонок...

Тарику и это было знакомо. Пусть очень редко, но попадались такие неугомонные: не принимали в расчет ни честно заплаченное выкупное, ни то, что девчонка прочно дружит с другим и никогда с ним ходить не будет. Вот и дрались всерьез. Кому одного раза хватало, кто долго не мог уговориться — к неодобрению собственной ватажки, в конце концов убеждавшей такого не ломать негласки...

— А потом отвязался? — спросил он, чтобы узнать побольше, страшно интересно было.

— После третьего раза, когда получил пуще прежнего, отвязался, — фыркнула маманя прямо по-девчоночьи. — Но и твой отец получил неслабо: один глаз на неделю заплыл, зубы шатались... — И тут же, словно очнувшись от приятного сновидения, сказала уже другим голосом, взрослым: — Тарик, не должен ты с этого брать пример. Это давно было, теперь твой отец — уважаемый Цеховой, каким и ты, я очень надеюсь, станешь. Так что старайся из-за девчонок не драться, нехорошо это...

— Не буду, маманя, святое слово, — сказал Тарик.

И ничуть не кривил душой (не еретик какой, чтобы нарушать святое слово). Все же драться из-за девчонок и стучаться — разные вещи. Стучаться и с друзьями приходится, хоть и редко, — и эта негласка дружбу не портит...

— Политесно будет, если и ты эту девочку в гости как-нибудь пригласишь, — сказала маманя. — Отец против не будет, заранее тебя заверяю. Я бы пирог испекла с кролатиной, твоей девочке наверняка понравится — отец говорил, что в Гаральяне кролов нет, только дикие зайцы, а они не всегда попадают. Гаральянцы зайчатину особенно уважают...

Тарик чуточку удивился: раньше маманя и не заикалась, чтобы он приглашал в гости девочек, с которыми дружил, хотя про обеих знала — на улице Серебряного Волка, как и на других в Зеленой Околице, такие вещи в тайне не удержишь, это только каменьям с их многолюдством удастся. Не хотелось признаваться, что пока совершенно туманно, захочет ли Тами с ним дружить, и Тарик, придав себе значительный вид, заверил:

— Как-нибудь обязательно приглашу...

— Только заранее предупреди, чтобы я пирог испекла.

Надо же, разрешение на гостью, да еще и с пирогом! Небывалая вещь, с ходу и не придумаешь, как истолковать... Чтобы побыстрее развязаться с разговором, принимавшим насквозь непонятный оборот, Тарик отодвинул тарелку, на которой не осталось сладких печенюшек, и спросил:

— Маманя, по огороду ничего делать не надо?

— Не надо, Нури справится. А вот завтра утречком бочку наполнишь, вода кончается...

— Непременно, — пообещал Тарик и встал. — Пойду я, маманя, сейчас ватажка соберется.

— Ну что ж, гуляй, заслужил. Две недели каникулярных можешь бездельничать...

— Ну, совсем уж бездельничать не придется, — солидно сказал Тарик. — Завтра в порт прирабатывать...

И пошел к себе в комнату, единственным хозяином которой был уже три года. Неизбежные приготовления к сходу ватажки, как всегда, заняли немного времени: старательно прилепил к блузе значок ватажки — волчий силуэт из настоящего серебра. У каждой ватажки был свой, но у них самый почетный: Серебряный Волк,

доставшийся в наследство от ватажки старшего брата, где Тарик был приписным, а вслед за Тариком, когда ватажка родилась, такой же сделали и все остальные, что обошлось гораздо дороже и поглотило изрядную часть скудных по тем годам накоплений — но почет, понятное дело, дороже. Бросил в сумку, еще пахнущую копченой рыбехой, три медных шустака — вот и все сборы. Вышел из дома, конечно же, босиком — в эту пору все ходили босоногими, с каковой привычкой прощаешься, только став Подмастерьем.

Нури все так же возилась в огороде. Бабушки Тамаж уже не было на лавочке — и Тарик привычной дорогой, как уже не раз до того, направился на задний двор «Уютного вечера», зорко оглядев улицу и убедившись сначала, что нигде не маячит Хорск. Клятый цветок баралейника, отсюда видно, все так же висел невысоко над крышей дядюшки Ратима, разве что чуточку потускнев, что ли, как и следовало ожидать. Завтра к полудню наверняка совсем истает, что не избавляет от тягостных раздумий ничуть: впервые эта погань появилась на родной улице, а так и непонятно, по-прежнему держать это в себе или рассказать наконец друзьям, поклявшись, что ничегошеньки он не выдумал...

Обширный задний двор таверны был пуст, ворота затворены — судя по свежим следам колес и копыт в пыли, здесь уже побывали телеги с напитками и припасами. Обе задние двери, как всегда, прикрыты, из обеих труб не идет дымок — дядюшка Ягош любил малость похвалиться, что и блюда кухонные у него готовят, и закуски делают аккурат к вечернему многолюдью, а не за несколько часов загодя, как у иных нерадивых собратьев по ремеслу, так что все свежее, гости дорогие, без обмана...

Выходящие на задний двор окна приотворены, и в таверне, как обычно в эту пору, тишина. Уверенно остановившись у правой двери, Тарик не тихо и не громко просвистал условленный сигнал — и очень скоро на низкое крылечко выскочил Чанури, сынок дядюшки Ягоша, вот уже год как Подмастерье-Подавальщик, парень свой, надежный, соблюдавший все негласки. И самый богатый Подмастерье на улице Серебряного Волка: за расторопность гости его

награждали не щедро, грошами и трояками (ну, иные перед самым закрытием проявляли пьяную щедрость), однако мелкой меди набиралось столько, что каждую неделю Чанури ходил к меняле с солидным мешочком.

Никаких речей и не требовалось, все происходило уже год по заведенному порядку: они перемигнулись, Тарик отдал сумку — и очень быстро Чанури ее принес уже приятно потяжелевшую, но далеко не всякий посторонний глаз угадал бы, что там за пузатенький предмет покоится... Перемигнулись еще раз, и Тарик пошел со двора босиком по теплой земле.

Со строгой точки зрения писанных регламентов за только что совершенное подлежали дюжине розог и продавец, и покупатель. С точки зрения давних негласок не было ничего плохого в том, что раз в неделю Тарик покупал несправедно корчагу пива — все взрослые через это прошли, тут главное — не попадаться. Только такой свин, как Хорек, может обернуть все по регламенту, но его поблизости не имеется, а выслеживать он не станет — в первую очередь оттого, что не получит от этого и медного гроша мзды: дядюшка Ягош, конечно же, знать ни о чем не знает, сам он пива не продавал, а то, что он прекрасно помнит собственные поступки в тех же годочках, ни за что не докажут и сотня Хорьков. И все равно хорошо, что через пару месяцев об этих покупках с заднего двора можно будет забыть: все Подмастерья имеют право посещать таверны открыто, правда, сидеть только в отведенном для них зале и первые два года пить исключительно пиво — но Подмастерья тоже ходят на задний двор, разве что уже не за пивом, каковое могут попить открыто...

Великолепного коня у коновязи «Зеленого горошка» уже не было, но на крыльце стояла Марлинетта, сразу видно, очень довольная жизнью: значит, вечером снова укатит в карете без гербов, о чем давно уже перестали судачить. Красотка-потрепушка была полной противоположностью веселым девкам и считала ниже своего достоинства зацеплять парнишек моложе игривыми словечками — но

если ей что-то такое высказывали, за словом в карман не лезла. И Тарик шутиivosti ради приостановился, раскланялся:

— Девичелла Марлинетта, вы сегодня прекрасны, как утренняя заря в ясный день...

— Зря стараешься, Морячок, — весело откликнулась Марлинетта. — Все равно обучать целоваться не возьмусь...

— Нужды нет в таких обученииx, — сказал Тарик, помимо воли чуть засмотревшись на ее ножки и фигурку.

— Ой-ой-ой, какие мы опытные! — бросив по сторонам беглый взгляд и убедившись в полном отсутствии ушеслышцев, Марлинетта сказала вкрадчивым медовым голосом: — Вот любопытно мне: ты, когда теребенькаешь, меня представляешь?

Любила малость смутить, не хуже веселых девок — но Тарик не собирался поддаваться. И сказал, искренне надеясь, что уши у него не краснеют:

— Ну что ж, бывало...

Судя по тому, что Марлинетта выглядела разочарованной, уши не порозовели. Политесно ей поклонившись и порадовавшись хоть малюсенькой, но победе, Тарик в очередной раз задался вопросом, на который никогда не находил ответа: случись такое чудо и ему представился бы случай уложить в постель Марлинетту с ее полного согласия, стал бы он это претворять в жизнь или нет? С одной стороны, изрядное число мужчин владело ее девичьей тайной, давно ставшей тайной женской, а с другой — она все же не обычная веселая девка, она красотулечная и приманчивая, так что не знающий ее и не подумает...

Улица кончилась, он свернул налево. Его ватажка сидела на старом бревне, неизвестно почему давным-давно брошенном на забаву дождям напротив дома дядюшки Луигена. Завидев своего ватажника, четверо проворно вскочили, подняли правые руки к плечам и воскликнули едва ли не хором:

— Хай-бахай!

Ответив тем же поднятием руки, Тарик отозвался:

— Бахай-хай!

Так уж повелось с незапамятных времен: каждая ватажка первым делом придумывала приветственные слова и жест, не похожие на все остальные, без этого и ватажка не ватажка, а так, недоразумение. Как и полагалось ватажнику, Тарик браво скомандовал:

— Вперед!

И браво двинулся первым, зная, что за ним, выстроившись вереницей согласно еще одному заведенному порядку, двинулись остальные. Это во всех других прогулках можно ходить гурьбой, не соблюдая очередности вступления в ватажку, а вот к месту схода полагается шагать именно так.

Шли знакомой дорогой, мимо высоченного куста биркина, усыпанного сиреневыми цветами, свернули вправо, где тропинок не было, прошли через негустой топольник, оказались на равнине неподалеку от речки, а там и вышли на широкую стежку, за двадцать лет заросшую не только дикой травой, но и невысокими, пока что им по пояс, зелеными топольками. Стежка упиралась в старую мельницу, без крыльев выглядевшую как-то сиротски — но все равно это было законное обиталище, коему завидовали не имевшие такого уютного прибежища окрестные улицы. Право безраздельно владеть старой мельницей улица Серебряного Волка давным-давно отвоевала у соседей, но и на ватажной памяти Тарика однажды пришлось собираться всем, и даже Подмастерьям, чтобы отстоять свои владения. Тогда на Раздольной завелась наглая ватажка, где заправлять взялись неприятные нахалы вроде Бубы с Бабратом, которые собрались — точно стало известно — своротить замок. Их вовремя встретили на дальних подступах и после жаркой схватки с первого раза убедили навсегда отказаться от подобных неполитесов — иначе, всерьез пообещали с поеданием земли, всей Раздольной никогда впредь покоя не будет.

Ну, вот и низкое крыльцо с длинными коновязями по обе стороны и ссохшимися за двадцать лет водопойными корытами. Тишина стояла несказанная. Тарик снял с шеи большой ключ с затейливыми бородками на обе стороны, поднялся по трем ступенькам и отпер хорошо смазанный большущий висячий замок, зацепил дужку за

то кольцо, что торчало из стены рядом с потемневшим косяком. Распахнул дверь, которая поддалась легко и бесшумно (петли тоже были хорошо смазаны, и не только их трудами).

Внутри мельница напоминала пустой кувшин — разве что исполинского размера, какими обычные кувшины не бывают. Покончив с мукомольством, дядюшка Пайоль рачительно распродал все, что можно было продать: не только жернова и всю машинерию, разобрал и продал мастерам деревянного строения верхний этаж и ведущие туда лестницы, все мебели, даже конторку, за которой обычно сидел он сам или его Приказчик. Два больших проема, куда спускали по желобу мешки с зерном и откуда поднимали мешки с мукой, заколотили досками. Так что мельница стала пустым каменным строением — если сравнивать с каменярскими «муравейниками», высотой этажа в четыре.

Из старого остался только длинный и высокий неподъемный ларь, на который заведомо не нашлось бы покупателя; ватажки давно приспособили его для своих нужд. Вот и сейчас Шотан-Ягненок, за это отвечавший, поднял тяжеленную крышку — петли и тут хорошо смазаны, — вынул побрякивающий узел (у каждой ватажки был свой), проворно достал оттуда пять обливных чарок с выведенной на пузатом боку синей краской (раздобытой, конечно же, Чампи) первой буквицей имени каждого. Расставил их аккуратным рядом наподобие солдатского строя, а Тарик, как ватажнику и полагалось, достал из сумки глиняную корчагу доброго черного пива, коротким, хорошо наточенным складешком привычно ободрал в ладонь коричневый сургуч и разлил пиво по чаркам. Давно было обнаружено, что лучше всего подходит корчага в два булита⁹⁰: хватает ровнешенько на две чарки, začínающую и завершающую, от этого не запьянешь, однако ж самую малость приятно ударит в голову...

Выпили степенно, как поначалу взрослые в таверне — не опрокидывая сразу досуха, но и не мелкими глотками. Потом уже, посидев часок, и взрослые начинали пить завязтее, но им рано было следовать

⁹⁰ Булит — 1,2 литра.

этому обыкновению. Когда чарки опустели и их составили у ларя столь же аккуратным рядочком, все взгляды сошлись на Тарике, что было насквозь знакомо: предстояло рассказать, что каждый видел и пережил с утра, а кому начинать, как не ватажнику?

И Тарик, ощущая легонький приятный шум в голове (пиво в корчаге не разбавит и нерадивый тавернеро, к которым дядюшка Ягош ну никак не относится), начал рассказ.

Прежде всего о том, что произошло после испытаний: как Титор Долговяз собирается подать бумагу на Брюзгу не куда-нибудь, а грозным (еще и своей загадочностью) Гончим Создателя и тянет Тарика в ушеслышцы, а также о том, что он за это обещал, — это содействие здорово поможет Тарику претворить в жизнь свою заветную мечту (о которой знала ватажка, а больше никто). Сказал в завершение:

— Вот так оно обстоит. Тот самый случай, когда политесно будет попросить у ватажки совета. Что посоветуете?

По лицам видно, все задумались серьезно. Когда это выражение сосредоточенности подрастало, Тарик показал на Чампи-Стекляшку, решив, что и в этот раз стоит первым выслушать совет самого книжного члена ватажки. Чампи прилежно откашлялся и сказал рассудительно:

— Я вот так полагаю... Долговяз не пузырь надувает, и это совсем не то, что брякать Страже. В конце концов, этот Брюзга и в самом деле говорил всякие вещи. А что Долговяз его слова переворачивает... У взрослых так сплошь и рядом: переворачивают слова по-всякому. Не знаю, что Брюзге будет, но уж точно в тюрьму не пошлют и уж не на костер сведут. Накажут как-то так, как у них полагается, вот и все. Главное ведь — оба Титоры. Давно сказано: чем больше Титоры меж собой грызутся, тем меньше у них времени остается Школяров притеснять. Кто первый враг Школяра? Титор, тут и гадать нечего. Педель за ним вторым идет. От него вреда не в пример меньше: педель то ли прихватит, то ли нет, а Титор каждый день стоит над душой, и на каникулах от него порой покоя нет, если обитает на твоей же улице, — что далеко ходить: Долговяза взять...

— Ты уж всех поголовно во враги не зачисляй, — возразил Шотан. — Перебираешь, точно. Взять Титора Юлая или Титора Калугера — какие ж они враги? Очень даже хорошие люди.

— Да не перебираю я, — сказал Чампи. — Кто спорит, и среди Титоров люди есть. Только на каждого десяток позорных приходится, вроде Долговяза...

— Вот именно что, — кивнула Данка. — У нас одна-одинешенька Титорша Модлинара — хороший человек. А все остальные... Так бы и перепорола, шеренгой положив...

— Я и говорю, — ободрился поддержкой Чампи. — На одного хорошего человека десяток или дюжина позорных, точно. Так что, Тарик, не бери в голову, смело делай, как Долговяз просит. Брюзгу в кандалы не забьют, а у тебя, смотришь, мечта исполнится...

Других суждений не последовало, и Тарик продолжал рассказ. О том, что видел на рынке кабальников, поведал парой-тройкой фраз: это было неинтересно, дело житейское, каждый из них наблюдал, как покупатели торгуются из-за красивой кабальницы или обученного полезному ремеслу кабальника. Зато подробно рассказал, как юная дворянка, озоруя, показала ему язык.

— Значит, не спесивая, раз со Школяром так держалась, — оценила Данка. — Симпотная?

— Спасу нет, — сказал Тарик. — Глазищи серые, большущие (он показал двумя пальцами размер, какого у человеческих глаз и не бывает, но такое пустым враньем не считается), волосы цвета спелого каштана, вся такая из себя (он очертил ладонью в воздухе плавные изгибы). Окажись мы с ней на мосту Птицы Инотали — зацеловал бы, а уж погладил...

— Размечтался! — фыркнула Данка. — Она ж дворянка! Может, даже титулованная...

— И титулованные дворянки из того же теста слеплены, — сказал Байли-Циркач. — Всякое бывает. Вон в прошлом году Смизи...

Святая правда. В прошлом году Смизи-Везунчика с улицы Серебряного Волка, всего-то годочком их старше, высмотрела возле кондитерской лавки совсем еще не старая и симпотная маркиза,

подозвала к коляске — и второй год Смизи живет у нее в особняке в лакеях, но обязанности у него отнюдь не лакейские, вечером начинаются и до утра продолжаются. Важничает Смизи, щеголяет в аксамитовой ливрее с золотыми галунами, к родителям приезжает редко, всегда на извозчике, а старых приятелей ни в грош не ставит, разве что иногда дает серебряный денар на пиво да с превосходительной улыбкой рассказывает, чему его маркиза научила, каким постельным проказам. И такое не с ним одним случилось...

— Что Смизи... — усмехнулся Тарик. — Я ведь вам рассказывал, каким образом род графьев Чентизаро произошел...

В самом деле, худог Гаспер три месяца назад клялся ему своим гербом, что история эта подлинная (а дворянин, если клянется гербом, не врет). Лет сто назад вдовствующая королева Ламери, возвращаясь с охоты, обратила благосклонное внимание на молодого и статного управителя деревеньки вольных землеробов, где остановилась дать роздых коням. И уехал управитель в ее оршак⁹¹. А кончилась эта история вовсе уж сказочно: бывший управитель не просто в лакеи королевских покоев попал, как иные подобные везунчики, иногда и выше поднимавшиеся — в дворцовые чины или в дворяне. Оказался он умным и сметливым не просто в житейских делах, а в государственных и стал не просто «постельным королем», а всемогущим министром, отодвинувшим в сторонку безвольного Главного Министра, хозяином богатых поместий и Отцом-Основателем рода графов Чентизаро. Вот только потомки его стараются об этом вспоминать пореже, рассказал худог Гаспер и объяснил причину. Дворяне, говорил он, вполне уважительно относятся к простолюдинам, получившим герб за ратные подвиги или особые заслуги перед короной, но многие насмешничают над теми, кто дворянство заработал «этим местом», будь то мужчина или женщина. И даже прозвище для них выдумали срамнейшее...

— Ну, с дворянами по-всякому бывает, — усмехнулся Байли. — Ты еще Корики-Девульку вспомни...

⁹¹ Оршак — охотничья кавалькада.

Все помрачнели, двое даже отплюнулись. Корик-Девулька был позорным пятном на улице Серебряного Волка. Он прежде был уличен в тяге к тем забавам, что считались предосудительными, два раза был бит, когда попытался эту тягу проявить, его даже собирались отлучить не то что от ватажки, а от всех мальчишек улицы. Только не успели: Корик-Девулька (уже заполучивший это прозвище) попался на глаза даже не какой-нибудь графине в пожилых годах, а барону, оказавшемуся, как донесла молва, заядлым трубочистом⁹² — и полгода уже Корик обитает в его дворце, но на родную улицу носа не кажет. Что служит предметом злых насмешек со стороны мальчишек окрестных улиц — и ничего им не ответишь, не попрешь против суровой истины, разве что в зубы дать. Аксамитная помалкивает, у них и у самих есть такой же мозгоблуд⁹³, а вот Раздольная и особенно Сахарная...

— Не туда вы клоните, — сказала Данка. — Я совсем не то имела в виду. Взрослые гербовые — те и в самом деле порой якшаются с простолюдинами вовсю. Та маркиза, что Смизи подцепила, или та старуха, что уловила Дешана с Аксамитной, — еще политесные. А мне вот рассказывали такие люди, что врать не будут... В «Лесную фею» часто приезжает, переодевшись Мастерницей, самая настоящая герцогиня и там забавляется на полную... Тьфу ты, я сама не о том! Или о том... Короче говоря, все эти проказливые дворянки — взрослые. А Тарику попала Барышня. С Барышней ему в жизни больше не пересечься. Молодые дворяне, бывает, оденутся попроще, Мастерами прикинутся — и на танцуйки ходят, симпотных девчонок высматривают. А вот Барышень держат в большой строгости. Или тебе худог Гаспер другое рассказывал? Ты ж один со всей улицы с дворянином приятельствуешь...

— Да нет, — сказал Тарик. — То же самое говорил. Барышня одна не может в коляске выезжать из дома: обязательно камеристки с ней или горничные. Правда, не знаю, как это сочетается с конной

⁹² Трубочист — активный гомосексуалист.

⁹³ Мозгоблуд — извращенец.

Барышней, политесно ей в одиночку верхом ездить или нет? Может, коли уж решила поозорничать, сбежала от грумов или там лакеев... Безобидное озорничанье получается, не то что у герцогини с «Лесной феей». Мы ж и не знаем, как они озорничают — а ведь непременно прокажут как-то... Надо будет у художника Гаспера в следующий раз спросить.

«Непременно спрошу», — решил он. Чем-то его озорная Барышня зацепила — словно красивая сказка ненадолго нагринула на обычную городскую улицу. И настолько он чувствовал эту сказку принадлежащей ему одному, что наврал про цвет ее глаз и волос — это тоже было только его...

— Ты не отчаивайся, Тарик, — сказала Данка с дружеской подначкой, за которую не принято обижаться. — Вот обернется как в сказке: окажешь ты важную услугу королю, дарует он тебе в благодарность герб, пойдешь ты по королевскому дворцу, весь из себя дворянин пышнее некуда — а навстречу твоя озорная серо-глазка...

Расхохотались все, и Тарик первым — такое и впрямь случается только в сказках: ну, какую такую важную (да даже пустяковую) услугу он, ватажник с Зеленой Околицы, может оказать королю?

Однако шутки насчет озорной Барышни были ему не по душе. Чтобы увести разговор в другую сторону, он рассказал о встрече с рыбаком из Озерного Края и о том, к чему это привело (только, конечно, насчет цветка баралейника ни словечком не упомянул). Вот тут вся ватажка моментально забыла о Барышне, уставилась восхищенно и уважительно: проехать из конца в конец Темный район, причем в длину, причем на глазах пляющих с бессильной злобой лютых врагов — достижение нешуточное, есть чем похвастать! Не только на родной улице, но и на соседних завидовать будут...

Про растрепку он не упомянул ни словечком — неполитесно, все их покупают известно для чего, но говорить об этом не принято. И о том, как перекинулся словечком с веселыми девками из «Лесной феи», не рассказал: не было в том никакой доблести — начиная с иных годочков все научаются не краснеть, когда девки

подначивают игривостями. Зато о встрече с Бубой и неприятным Бабратом поведал подробно и поделился своими соображениями: это касалось не только их ватажки, всей улицы. Оттого что поблизости завелся такой вот мутный ухарь, возможны неприятные неожиданности...

Правда, особого беспокойства, а уж тем более тревоги это ни у кого не вызвало, как и у него самого. Не такая уж большая беда, чтобы заранее сокрушаться и паниковать...

— Видывали мы карликов и побольше телесами... — выразил общее мнение Байли-Циркач. — Справимся, ежели что...

И настал самый, по сугубому мнению Тарика, важный кусочек рассказа о том, что с ним произошло сегодня... Искося поглядывая на Байли и ничегошеньки не приукрашивая, поведал, как помог согнать кролов и починить клетку под шестнадцатым номером, как Тами-гаральянка в благодарность позвала его обедать, на что имела полное право как хозяйка дома, как они сговорились послезавтра идти на ярмарку. В заключение он открыто улыбнулся Байли:

— Ну да, она говорила, что сговорилась завтра с тобой пойти в зверинец. Только это ведь еще ничего не значит, верно? Не всякая прогулка свиданкой и заключением дружбы оборачивается, тебе ли не знать...

Старый друг Байли ответил столь же открытой улыбкой:

— Тарик, даже если свиданкой не кончится, это ж еще ничего не значит, верно? У тебя тоже может свиданкой не кончиться. Тогда что? Тогда стукаться придется, чтоб кто-то непременно отстал...

Он был безмятежен. Тарик тоже... Прежде такого меж ними не случалось, но стукаться из-за девчонки могут даже близкие друзья и почти всегда остаются после этого друзьями — еще одна идущая с незапамятных времен негласка. И то, что Тарик — ватажник, касаясь такого вот не дает ему никаких привилегий: негласка одинаково обязывает стукаться...

Данка по-кошачьи прищурилась — значит, опять приготовила очередную дружескую подначку, на которые была большая мастерица. Что поделать, если Пантерка — не вполне обычная девчонка:

ей позволяется то же, что любому другому из ватажки, это обычной девчонке не вполне политесно встречать в чисто мальчишеские дела...

— Циркач, — произнесла она медовым голосом. — А вот ежели, скажем, твоя завтрашняя прогулка все же свиданкой обернется? Как с Альфией тогда быть? Она хоть и Долговязова доченька, а девчонка хорошая, все с ней дружат. С двумя ходить — очень даже неполитесно...

— Ну, Пантерка... — чуточку укоризненно сказал Байли. — Я же не ветрогон какой, политесы не признающий... Если будет свиданка и дружба, предупрежу Альфию по всем правилам: мол, все между нами кончено, должна понимать.

— И сердечко ее будет разбито вдребезги, — нараспев произнесла Данка, явно подражая ярмарочным сказительницам баллад, которых все они навидались и наслушались изрядно. — И она прыгнет в реку с моста Печалей, с которого всегда бросаются девушки с разбитыми сердцами...

— Жульманишь, Пантерка, как те, что в карты нечисто играют, — серьезно сказал Байли. — С моста Печалей бросаются непременно девушки, которых полагают обещанными, или затяжелевшие, на которых сахарник⁹⁴ жениться отказался. А у меня с Альфией ничего и не было, даже руку под подол еще не пускает...

— Вот такие вы все, мне девчонки говорили, — сказала Данка с наигранной печалью. — Хорошо еще, что я в стороне от этих штук с лизаньями и лапаньями, а то связалась бы с кем-нибудь из вас — и незнамо во что позапуталась бы...

— Пантерка, ну что ты как я не знаю кто! — сказал Байли прямо-таки сердито. — Сплошь и рядом с девчонками расходятся политесно, это ж никакое не мозгоблудство. Любви у нас нету, и Альфия в случае чего одна долго не проходит. На нее уж давно Арбаг-Подмастерье умильно поглядывает, вот только поводов пока не давал подраться. А ежели промеж нас все кончится...

⁹⁴ Сахарник — коварный соблазнитель, обманщик.

— Ну что ты ошетинился, как ежик? — фыркнула Данка. — Я же шутейно дурила. Крепенько же она вас зацепила. Что, такая симпотная?

— Не то слово, — прямо-таки в один голос произнесли Тарик с Байли, отчего самую чуточку смутились.

Данке на язычок только попади... Вот и сейчас она хитро прищурилась:

— Любопытно мне: вы оба так одушевились оттого, что она такая уж симпотная, или потому еще, что про гаральянских девчонок давно кружит молва, будто они гораздо раньше наших начинают перед мальчишками ножки раздвигать, а уж в губки берут и вовсе в недорослевые годочки? Вы ж оба ни того ни другого не пробовали еще...

Обычно девчонки среди мальчишек таких речей ни за что не вели, только промеж себя, но Пантерка была на особом положении, ей дозволялось. Вот только всерьез они смущаться не собирались — на сходах ватажки в адрес каждого порой звучит и не такое. И Тарик спокойно сказал:

— Если честно, и сам не знаю. Просто она такая... другая какая-то, и не объяснить толком...

И Байли согласно кивнул:

— В самую точку, Морячок. Я примерно то же подумал, но слова не подворачивались, ты опередил...

— Любопытные дела заворачиваются, — сказала Данка уже без подначек. — Надо будет на нее посмотреть, ведь обязательно будет с девчонками знакомиться. Что за лесная фея за такая... Вы оба стукайтесь, если придется, только голову не теряйте, а то получится, как с родными братьями из балладино «Пламенная страсть», которые из-за прекрасной девицы друг друга кинжалами насмерть зарезали...

— Это уж ты загибаешь, Пантерка, — серьезно сказал Байли. — Нет такой девчонки, чтобы мы из-за нее со старым другом Тариком друг друга до смерти ножиками зарезали или хотя бы на серьезе возненавидели. Тут уж кому как повезет, а кому не повезет, другого виноватить нечего...

— Вот именно, — сказал Тарик. — Ежели подумать, не стоят девчонки того, чтобы из-за них насмерть резаться. Подраться с зубовышибанием — это я еще понимаю, а резать друг друга из-за юбки — чисто дворянская забава. Так мы ж не дворяне и дворянами никогда не будем. И ежели рассудить совсем глубоко, все девчонки одинаковы, у всех девичья тайна не поперек, а вдоль, и яблочек только два...

Такое тоже не следовало говорить при девчонках, но это ж была Пантерка, на которую обычные политесы и негласки никогда не распространялись. Следовало ожидать, что она, как частенько при таких разговорах бывает, пожмет плечами и скажет что-то вроде: «В толк не возьму, зачем все эти лизанья и лапанья», — но на сей раз она промолчала, что было делом не вполне обычным. Но не таким уж необычным, чтобы ломать над этим голову, и Тарик не стал отвлекаться, принялся рассказывать про веселого и щедрого дворянина на великолепном кауrom коне, разыскивавшего Марлинетту.

— Опять запропаستится на недельку, — фыркнула Данка. — А потом полный кармашек золота брякать будет...

— Завидуешь? — спросил Байли, явно в отместку за подколку насчет Тами.

Должен был знать, как все здесь, что такими подколками Пантерку не проймешь, только посмеется. Однако на сей раз произошло нечто всех чуточку изумившее: Данка прямо-таки взвилась, сверкая глазами, словно настоящая лесная пантерка:

— За языком следи! Очень мне надо, чтобы совал кто попало, пусть за золото! Потасовку заявить? Запросто в глаз схлопочешь, ты меня знаешь!

— Да что ты, Пантерка, — сказал Байли примирительно. — Я ж шуткую.

— Попой своей с трубочистами шуткуй! Я не такая!

— Хватит, разошлись, — сказал Тарик приказным тоном ватажника. — Только и не хватало из-за оплошного слова потасовку заявлять... Договорить не дали, я ж самого главного не рассказал...

Очередной дворянин возле Марлинетты — в этом не было ничего особенного, достойного рассказа на ватажке. А вот серебряный шустак — дело другое, есть чем похвалиться, такие денежки за мелкие услуги дворяне по трезвости не бросают — а щедрый весельчак был трезвехонек, ручаться можно...

И показал большой серебряный кругляш новой чеканки, положив его на ладонь профилем молодого короля вверх. Все уважительно покивали головами, только Чампи выглядел что-то очень уж загадочным...

— Когда я проходил мимо «Зеленого горошка», каурый еще стоял, — продолжил Тарик. — Значит, договорились.

— На то и Марлинетта, чтобы договариваться, если пригожий и щедрый, — пожала плечами Данка. — Расскажи лучше, что там у дядюшки Ратима случилось. Неужели все до единой птушки перемерли?

— Знаете уже? — спросил Тарик.

— А как же. Дальперик, когда принес от тебя весточку, рассказал. Вот только эти Недоросли приукрасить любят... Неужели все птушки перемерли?

— Все до единой, — сказал Тарик. — Своими глазами видел: в клетках сплошьдохлые, крепенько дядюшку Ратима подкосило — а неплохой человек, жалко... Сроду такого не было...

— Да бывало, — сказала Данка. — У нас как раз тетушка Сидира была в гостях, маманина сестра. Она ж, сами знаете, гусей держит на Озерах...

Еще бы они не знали. Больше всего гусей держали на западной Зеленой Околице столицы, к которой вплотную подступали две дюжины озер, как нельзя лучше подходивших для разведения гусей и оттого с давних пор расписанных меж тамошними птицеводами. Тетушка и Данку давно уговаривала после Школариума не заниматься родительским птичником («маловат, нет того размаха», — говорила тетушка), а пойти к ней в Приказчицы, а там и в наследницы — детей у нее нет и уже не предвидится ввиду солидных годочков. Данка говорила, что, пожалуй, согласится — в самом деле, гусиный

птичник у тетушки гораздо больше куриного родительского, с ним и младшая сестра, когда подрастет, справится...

— Тетушка сразу вспомнила... — продолжала Данка. — Было это годочков пятнадцать назад, меня еще и на свете не было. Нагрязнул птичий мор, враз половина гусей перемерла, тетушка говорила, смотреть было жутко — на озерах воды не видно, сплошнякомдохлые гуси плавают. Тетушку тоже подкосило, половина гусей передохла, и потом еще дюжины три... Ну, птицеводы тут же кинулись в квартальную управу к скотским лекарям, и те за дело ретиво взялись, чтоб лесным пожаром по столице не раскинулось. Костры очистительные вокруг тех мест жгли, порошок пахучий в них сыпали, здоровым гусям давали какие-то зелья, еще что-то делали... И не пошел дальше мор, хоть сразу после его прихода гусей сдохло немало, это окромя тех, кого сразу накрыло. Только двое птицеводов, кого больше всего задело, разорились вконец, продали даже все и из города уехали счастья искать — а остальные бедовали, однако ж на ногах удержались. Значит, опять мор. Странновато только, что с голубей началось: обычно с пешеходных птиц разгорается, а про мор у голубей тетушка даже и не слышала. Папаня с маманей, понятно, затревожились — как бы дальше не пошло, а птицеводов на нашей улице чуть ли не десяток. Наверное, уже пошли все к дядюшке Ратиму посмотреть и расспросить... Тут медлить не годится, — заключила она со взрослой серьезностью. — Нужно поспешать в квартальную управу, чтобы приехали скотские лекаря, уж они-то сразу определят, что за мор...

— Хорек уже до них определил, — язвительно усмехнулся Тарик. — По нему выходит, там не мор, а козни соперников...

И рассказал кратенько, что удумал Хорек, чтобы выслужиться.

— Вот же гад... — в сердцах сказала Данка. — На пустом месте грязную сказку состроил... Не переживай, Тарик, ничего у него не получится, быстренько рассыпется, даже если у него и точно есть дружок в Сыскной, наверняка такой же прохвост...

— Да я и не переживаю, — сказал Тарик, ничуть не расходясь с правдой. — Дурная придумка, не прокатит она у него, как все

прежние не прокатили... Не верю, что есть такая отравка, которой можно в одночасье две сотни птушек отравить. Ее ж надо бес знает сколько, и подсыпать ее в клетки времени нужно много. А у дядюшки Ратима две справные собаки ночью во дворе бегают. С ними ничего не случилось, я видел: обе на цепях сидят, на Хорьку побрехивают. Снова Хорек глупость выдумал...

И добавил про себя: вряд ли, будь там отравка, над крышей висел бы никому, кроме него, не видимый цветок баралейника. Нет, тут другое...

— Уж это точно глупость несусветная, — уверенно сказала Данка. — В жизни не слыхивала, чтобы кто-то по злобе целый птичник перетравил. Вот с псырами или лошадиными случалось — травили по злобе или из соперничества лучшего жеребца, лучшего пса. Так одного или там парочку, но не всю ж конюшню или псарню... Ничего у Хорьку не получится, скотские лекаря его и слушать не станут, у них свои регламенты, давно приноровились с мором справляться... У мора, тетюшка говорила, есть какие-то отличительные признаки, их сразу видно...

Тарик решил, словно опрометью прыгал в холодную воду в неподходящее для купанья время. Стараясь, чтобы это прозвучало как нельзя более обыденно, неважно, спросил:

— Пантерка, а бывает, что этакий мор вызывается черным колдовством? Я в птицеводческих делах не волоку, откуда мне разбираться, а вот ты много про это знаешь...

Как он и ожидал, Данка уставилась на него удивленно:

— А при чем тут черное колдовство?

Неловко было врать бессовестно перед старыми друзьями, но Тарик утешал себя тем, что он, ежели прикинуть, вовсе и не врал, а просто-напросто не говорил всей правды. Потом, когда сам кое в чем разберется и кое-какая ясность появится, обязательно расскажет — такое от друзей не скрывают, это всей улицы касается, а не его одного. Впервые в его жизни такое вот объявилось, да и раньше вроде бы не приключалось — во всяком случае, никогда от взрослых ни о чем подобном не слыхивал...

— Да когда я там стоял, возле подворья, кто-то из Недорослей заикнулся: мол, приключилось черное колдовство, — лихо солгал Тарик, ощутив легонькие угрызения совести.

— Нашел кого слушать — Недорослей! — фыркнула Данка. — Они ж еще из сказок не выросли, всякие глупости разносят. А вообще... мы в их годочки были не лучше. Помните, как ходили Черную Карету высматривать и на нее поохотиться? И поторопились взрослым объявить? А потом обнаружилось, что это самая обыкновенная старая карета, вся ломаная, и нерадивый извозчик ее в чистом поле бросил, чтобы не возиться: на другой конец города, на Дровяную Свалку, не волоочь? Стража его нашла, заставила отвезти куда надлежит да еще денежку содрала — по регламентам это было все равно что свалка мусора в ненадлежащем месте. И над нами смеялись долго, чуть прозвище обидное не приклеили...

— Помню прекрасно, да и все помнят, — сказал Тарик. — Тут совсем другое... Послушал я, и стало мне любопытно: вдруг и в самом деле тут черное колдовство? Давненько про него в городе не слыхивали, но говорят, все же случалось...

— Не верю нисколько, будто птичий мор вызван черным колдовством, — решительно сказала Данка. — Никогда птицеводы о таком не рассказывали. В деревне — другое дело. Сам знаешь, тетушка за гусятами ездит по деревням, как твой папаня за мясом, и не раз меня с собой брала, чтобы помаленьку обучалась ремеслу. В деревнях порой на пару-тройку дней задерживались, порой с местными о том о сем болтала — деревни одни и те же, не сидеть же дома сиднем. Вот мне там мальчишки с девчонками и рассказывали всякие страшилки. И про колдуний с ведьмаками тоже, которые мор на скотину и птицу напускают. Только я вам потом про это не рассказывала — деревенские вечно байки плетут, во всякую ерунду верят, над которой в городе смеются. Что взять с Темных...

— Деревенским верить не всегда и полезно, — сказал Тарик (после разговора с рыбаком он выражался именно что уклончиво). — И все же. Скотский и птичий мор порой связывают как раз со злым кол-

довством, с черными ремеслами... Чампи, что ты об этом думаешь? Читал я какую-то голую книжку, там об этом писалось...

Поправив круглые стекляшки в железной оправе, Чампи нахмурил лоб и задумался — всерьез, сосредоточенно, с важным видом, вполне ему простительным как единственному знатоку суконной, а в чем-то и кожаной⁹⁵ книжной премудрости. Он нисколько не выпендривался — так именно и держался, погружаясь в раздумья.

Остальные смотрели на него уважительно. Чампи-Стегляшка — достопримечательность не просто улицы, а всего Четвертого квартала. Единственный Школяр в квартале, носящий стекляшки, — а такие, между прочим, не во всех кварталах и есть, это у студиозусов стекляшки не редкость...

Года полтора он стекляшки носил, посадив глаза из-за небывалого для годовичков его сословия чтения книг: столько не каждый студиозус одолевает в более зрелые годы. Для мальчишки, у коего родитель состоял в Цехе Маляров вывесок, занятие, прямо скажем, редкостное, но так уж судьба сложилась. Маляр вывесок — из тех ремесел, где подросток сыновья довольно часто не становятся Подмастерьями или Приказчиками отцов. Таково уж ремесло. Рисовать и подновлять вывески — занятие денежное, но прокормить может далеко не каждого. Это, скажем, торговля хлебом, починка обуви или цирюльное дело потребны каждый день, а заказы на новую вывеску или подновление старой выпадают гораздо реже. Старший брат Чампи как раз и стал, войдя в должный возраст, Подмастерьем отца, а Чампи, давно стало ясно, не найдется места ни в отцовской мастерской, ни в других квартальных — а в мастерских других кварталов искать места не позволяет Цеховое Уложение. Вот и остается Безместному либо поступать в простые работники (с угрозой таковым и остаться до седых волос), либо искать другое ремесло, а это затягивается надолго и непросто по другим причинам...

⁹⁵ Суконные — книги в матерчатых переплетах (не обязательно суконных), стоят гораздо дороже голых. Книги в кожаных переплетах — еще дороже.

Чампи повезло. Отец вовремя сообразил, что страсть к книгочейству, которую он поначалу очень не одобрял, может, коли уж именно так обернулось, и принести выгоду. И потому он, по роду занятий знакомый с самыми разными людьми (за исключением дворян — этим вывески ни к чему), подыскал младшему сыну хорошее местечко Ученика Приказчика в старой, солидной и богатой лавке «Брильянтовая Скрижаль», торговавшей не только книгами, но и старожитными вещами⁹⁶, — одно из немногих занятий, дозволенных для приработки Школярам. Вот там неумеренное книгочейство только приветствовалось хозяевами, так что Чампи вскоре должен был стать полноправным Приказчиком означенного цеха и при усердии быстро выйти в Мастера. Он и старался. И прирабатывал еще написанием всевозможных прошений для Темных в чайной таверне, аккуратненько делясь с тамошним тавернеро долей заработанного.

Во всем остальном — самый обычный мальчишка: не отставал от других в проказах, не чурался драк и потасовок. Разве что ему здорово мешали стекляшки — в драке их быстренько разбили бы, а без них, рассказывал Чампи, он видел все размытым. Правда, он быстро нашел выход, придумав собственную ухватку: выбирал одного противника, вцеплялся в него, сбивая с ног, и колошматил от души, пренебрегая тем, что остальные неприятели в это время колошматят его. Иные из-за этого опасались с ним связываться, обзывая бешеным и шипцом⁹⁷ (что Чампи считал не оскорблением, а почетным званием). Словом, в ватажке он не был ни обузой, ни постоянным шутом, какие нередки, — полноправный член, силой и проворством не уступавший остальным. И с некоторых пор ходил с Талеттой-Франтихой из шестого нумера — правда, частенько на свиданки опаздывал, а иногда и вовсе пропускал, зачитавшись, но Талетта к такому притерпелась: как и ее подружки, считала Чампи

⁹⁶ Старожитные вещи — антиквариат.

⁹⁷ Шипец — порода небольших охотничьих собак, которых пускают в норы к лисам, барсукам и прочему мелкому зверью. Славится мертвой хваткой.

вполне подходящим прогульщиком⁹⁸. (Данка как-то фыркнула: «Гляди, она еще замуж за тебя будет щемиться, как годочки подойдут». Чампи, по своему обыкновению поправив стекляшки безымянным пальцем, ответил рассудительно, как взрослый: «А что? Хорошая девчонка, симпатная, а главное, не скандальная, вся в маманю».)

— Здесь так обстоит, Тарик... — сказал наконец Чампи. — Я не от себя говорю: повторяю то, чему научился у дядюшки Лакона, а уж он, хозяин мой, дай ему Создатель здоровья и долголетия, дело знает... Голым книжкам веры особенной нет, вообще веры нет. Потому что они в массе своей — собрание жутких баск, которые, знающие люди говорят, сами сочинители чуть ли не все выдумывают. Иногда такого наплетут, что церковный надзор им печати не ставит: считает, что чересчур уж расписывают могущество темных сил. Другое дело — книги серьезные, учеными книжниками написанные. Лучшая и самая полная — «Трактат о нечистой силе». Лет сто назад написан, а до сих пор считается лучшей книгой: нечистая сила ведь как появилась всякими разновидностями в незапамятные времена, так и остается — новые разновидности не добавляются, а старые исчезают потихоньку. Вот там все о черных ремеслах написано подробно. Говорят промеж себя ученые люди, что имя на книге выдуманное, а сочинитель в Гончих Создателя долго прослужил, так что знаком с черным ремеслом не понаслышке. Сам слышал, как книжники говорили, что трактат — сущий свод знаний⁹⁹: все по букворяду¹⁰⁰ расписано...

— А где такую книгу найти? — спросил Тарик. — Ты сам-то ее читал?

— Да нет. Ты ж знаешь, я давно уже больше всего старожитностью интересуюсь. А про нечистую силу никогда не было охоты читать. Она у нас в лавке есть, Тарик, и не одна, только исключительно кожаная. Матерчатых нету. Товар редкостный, на сугубого

⁹⁸ Прогульщик — законный ухажер, постоянный кавалер (в отличие от «сахарника» употребляется в положительном смысле).

⁹⁹ Свод знаний — энциклопедия.

¹⁰⁰ Букворяд — алфавит.

знатока, — произнес он, похоже подражая дядюшке Лакону. — Год назад взяли у печатника десять штук, а продали только шесть. И товар редкостный, и цена кусучая — двенадцать серебрушек. Во-от такой томище, — он показал руками нешуточные размеры, а пальцами — изрядную толщину. — Но говорю тебе, эта — лучшая, потому как...

— Ладно, я не покупатель в лавке, — сказал Тарик.

Двенадцать серебряных денаров — очень даже солидная денежка, способная нанести немалый урон его накоплениям. Однако придется в скором же времени на это расточительство пойти: если уж сущий свод знаний, там может найтись то, что ему нужно, то, что дополнит рассказанное рыбарем книжной премудростью...

— Что ж, я все рассказал, — сообщил он.

И не было нужды распоряжаться как ватажнику — каждый и так знал свою очередь, а выстроилась она давно, согласно заведенным неизвестно даже в какой давности времен негласкам ватажки: старшинство считается по тому, кто раньше пришел на сход, когда ватажка была провозглашена. Сплошь и рядом разница составляет минуты, но так уж исстари заведено, и не им что-то менять.

Вторым по старшинству был Байли-Циркач, получивший прозвище не по причине принадлежности к этому Цеху — отнюдь не самому уважаемому, потому как Темному. Папаня Байли — Лавочник, как и у Тарика, только торгует не мясом, а посудой. Прозвище Байли получил еще в Недорослях — за то, что страшно любил цирковые балаганы, особенно ярмарочные, каждый год привозившие что-то новенькое, чего не увидишь у городских. И понемногу сам неплохо выучился всяким цирковым штучкам: жонглировать, метко бросать ножи, показывать разные фокусы. На иных девчонок — ту же Альфию взять — это действовало прямо-таки убойно, мало кто из прогульщиков так умел...

Глава 9

ДЕЛА ПОВСЕДНЕВНЫЕ И ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Из Школариума до родной улицы Байли дошел без интересных встреч и наблюдений. Разве только в Кузнечном переулке видел, как Стражник сграбастал крепко выпившего Мастера, сунувшегося на проезжую и едва не угодившего под копыта пары лошадей, везших тяжелогруженую габару, — но это выглядело так скучно и обыденно, что рассказать нечего: сгреб пьянчугу за ворот и потащил пороть, а тот, похоже, был так нажравшись, что и не понимал, кто его тащит и куда...

Зато, к особенному интересу Тарика, рассказал, как во дворе шестнадцатого номера увидел крайне симпатичную незнакомую девочку — стояла и разглядывала клетки с кролами так, будто узрела какую-то диковинную сказочную тварь из «Зверятника». Как вполне политесно завел с ней разговор, перешедший в знакомство, узнал, что ее зовут Тамителя (но можно просто Тами), что она с дядей переехала из Гаральяна буквально вчера, все здесь, в столице, ей незнакомо, непривычно и даже странновато. Кончилось все тем, что она согласилась завтра пойти с Байли в зверинец, посмотреть первым делом ползуна-душителя, ну и других зверей, которые в Гаральяне не водятся.

Закончив, глянул на Тарика с легоньким вызовом:

— Тарик, я ж понимаю, что это ничего еще не значит, но посмотрим, как оно обернется...

— Посмотрим, — сказал Тарик спокойно. — Ты ей что-нибудь показал из циркаческих штук?

— Не мог, — сказал Байли чуть сокрушенно. — У меня ж не было ни ножей, ни шариков, ни чего другого, чем жонглировать можно. Ну, денежка в кармане была, я ей и показал фокус, как трехгрошовик в голую руку втирают, так что он с глаз пропадает. Старый фокус, вы все его знаете давно... — он еще сильнее закручинился. — Только не получилось пофигурять... Засмеялась и сказала, что у себя в Гаральяне почище фокус видела: там бродячий фокусник у кого-то из уха доставал золотые, а из шляпы, про которую все сначала согласились, что она пустая, здоровенного рыжего кошака достал...

Что греха таить, Тарику стало приятно оттого, что Байли ничем не смог блеснуть перед Тами, ведь давно известно: чтобы девчонка тобой заинтересовалась, перед ней нужно сразу пофигурять. У него самого с этим обстояло отлично: и крола поймал, и остальных помог загнать, и клетку починил, так что Тами на него смотрела, конечно, не восторженно, но с явным расположением и даже обедать пригласила. Так что и в самом деле посмотрим, как оно обернется и кому повезет больше. Полдня (а то и весь день) на ежегодной ярмарке — гораздо более завлекательное провождение времени, чем прогулка на зверинец: в конце концов, не Байли его обустроил...

Шотану-Ягненку нашлось что рассказать. Уже недалеко от родной улицы, на Ручейной, он увидел, как двое, по годочкам явные Школяры, прижали в уголке Недоросля с пустой сумкой и заставляют его прыгать. Старая придумка: «Говоришь, денег нет? А ну попрыгай!» Недоросль попался квелый, испугался, вот-вот заплачет. Поведение насквозь неполитесное, подходящее скорее Бубе и его приятелям, но взрослые, конечно же, равнодушно проходили мимо: когда это они мешались в дела ребят любых годочков? Недоросль хныкал, что его мамка в лавку послала за земляным хрустом и денежку дала ровно на мерку, а своих у него нету. Те сказали, что им

на такие тонкости плевать. На Ручейной живут Светлые и Мутных вроде бы не водится, но все знают, что тамошние ватажки частенько ведут себя насквозь неполитесно — и денежку у младших трясут, и другими непотребствами грешат...

Ну, и Шотан без колебаний вписался. Поскольку он все же был на чужой улице, с маху обострять не стал: подошел и очень даже вежливо сказал тем двоим, что они поступают против негласок — и так-то нехорошо у маленьких денежку трясти, а уж тем более у такого, которого родители в лавку послали... Те двое, ребята не хилые, засмеялись, а один и вовсе сказал: «Трубочиста своего политесам учи, чтоб жулькал тебя аккуратнее». Тут уж никак нельзя было стерпеть. Шотан сноровисто управил «кошачью лапу», а левой заделал «крюк»¹⁰¹, так что оскорбитель мигом присел на корточки, озабоченный только тем, чтоб отдышаться. Второй оказался не трусом и полез в драку, но быстро сообразил, получив пару ласковых, что против Шотана не пляшет, и припустил наутек, поступив как иные побегайчики: остановившись на безопасном расстоянии, стал пугать, что они Шотана еще подловят, благо смутно помнят его на рожу и знают, что он с «улицы серебряной псины». Шотан сделал вид, что нагнулся за камнем (хотя никаких камней там и близко не было), и тот убежал. А Шотан велел перепуганному Недорослю шибче бежать в лавку, коли уж послали, потом похлопал все еще скрюченного на корточках оскорбителя и наставительно сказал:

— Языком звони аккуратнее, кошачий выкидыш. За шуточки насчет трубочистов можно и ногами попинать. Твое счастье, что мне новые башмаки пачкать не хочется...

И ушел, как полагается победителю: нарочито неторопливо, вразвалочку, насвистывая марскую мелодию¹⁰² «Мы с моей крошкой».

¹⁰¹ «Кошачья лапа» — удар в горло, моментально выводящий противника из драки. «Крюк» — удар под дых.

¹⁰² Марские мелодии — популярные у простого народа баллады и песенки, названные так по имени знаменитого сочинителя и менестреля Хобальта Мара.

Все одобрительно покивали: правильный был поступок, к тому же непременно влекущий за собой интересное продолжение: то, что паршивец с Ручейной брякнул насчет трубочистов, одного Шотана задевало, а гнусное переименование улицы Серебряного Волка оскорбляло всю улицу, каждый согласится. Тут же обговорили ближайшее: нужно рассказать двум другим ватажкам и от имени всех трех отправить на Ручейную посланца, чтобы объявил: или оскорбитель смиренно придет сюда и принесет извинения сходу всех ватажек, или улица Серебряного Волка по всем правилам провозгласит Ручейной вражду и первым делом все три ватажки пройдутся по Ручейной из конца в конец, как полагается: будут неполитесно лупить всех тамошних — да и потом самым горячим вниманием не оставят. А если хотят смахнуться улица на улицу — милости просим, в чистом поле удобных мест много, никто со стороны не увидит. В точности как у дворян есть два излюбленных местечка для поединков, Бротенгельский луг и Горромальская пустошь, так и у ватажек Зеленой Околицы из квартала есть свои, на берегу речки и на прогалинах топольника. Оскорбление улицы — дело нешуточное, и оставлять без возмездия такое никак нельзя...

Единогласно решили, что победа будет за ними. Оскорбитель непременно притащится уныло каяться, и его, малость позлословив, простят и вражду провозглашать не будут — улица Серебряного Волка ватажками будет посильнее Ручейной, о чем там прекрасно знают и как миленькие выкинут сине-желтый флаг¹⁰³, чтобы избежать долгих неприятностей...

Молодец Шотан, ему на шею как сядешь, так и спрыгнешь. Это в деревнях, все знали, прозвище Ягненок получают хилые, слабосильные, безответные и звучит оно презрительно. А в столице другие порядки: здесь Ягненком называют кудрявого, а Шотан как раз кудряш, каких поискать. Кудряши, кстати, и у девчонок нешуточный успех имеют — по давней традиции они считаются

¹⁰³ Сине-желтый флаг в мире Арелата имеет то же значение, что у нас белый, и символизирует безоговорочную капитуляцию и полную покорность.

особенно верными, и сахарников среди них не водится. Ну, у девчонок, известно, свои традиции, поверья, предрассудки и заморочки, порой не имеющие отношения к жизни на грешной земле...

Когда Шотан замолчал, все посмотрели на Данку, но она, вот чудо, торопливо сказала:

— Я свою очередь уступаю Чампи. Еще надо подумать...

Ничего необычного в этом не было, случалось такое — но вот с Данкой впервые. Тарик посмотрел на нее внимательнее. Ему с самого начала стало казаться, что Данка сегодня какая-то не такая, на себя обычную непохожая: беспокойная чуточку, словно волнуется. Однако он не стал лезть с расспросами, кивнул Чампи.

Тот, по своему всегдашнему обыкновению, обстоятельно откашлялся, будто иной Титор перед произнесением долгого урока, и начал:

— Пока шел из Школариума, случилась только одна интересная встреча, зато какая... Примерно как у Тарика, только еще интереснее и не в пример денежнее... Иду это я по Кленовой, и подзывает меня дворянин, вершник. Конь в богатой сбруе, сам разодет, будто герцог... не удивлюсь, если впрямь герцог, было в нем что-то такое... значительное. И ничуть не спесив оказался, разговаривает со мной чуть ли не как с равным. Я в какой-то книге читал, что так именно и держатся старые дворяне, у которых и титулы с незапамятных времен, и земель и золота выше крыши. Там еще писалось, что лет сто назад один старый дворянин с гербом чуть ли не со времен Арада Победоносного¹⁰⁴ женился по страстной любви на простой вольной землеробке, а когда разные спесивые из Недавних¹⁰⁵ взялись

¹⁰⁴ Арад Победоносный — князь, лет восемьсот назад сколотивший Арелатское королевство и ставший первым королем (некоторые книжники по причине скудости документов того времени считают его сказочным персонажем, но эта точка зрения не особенно приветствуется).

¹⁰⁵ Недавние — дворяне, получившие титул, а то и герб относительно недавно (по сравнению со старыми родами). Они больше всех кичатся своей знатностью и не упускают случая подчеркнуть, что все не имеющие титула — люди низшего сорта.

его попрекать, сказал как отрезал: «Ничего, у меня знатности на двоих хватит». И убил на поединках двух особо злоязыких насмешников, так что остальные унялись. И все стали юную очаровательную герцогиню у себя принимать, а потом ее и тогдашний король вписал в придворные дамы, тут уж все шептуны по углам языки прикусили...

Тарик и сам знал на примере худога Гаспера, именно что старого дворянина, что спесивы главным образом Недавние, но прерывать рассказчика не полагалось, и они терпеливо выслушали еще парочку схожих историй, почерпнутых Чампи из книг, которых они не читали и читать не будут. Таков уж Чампи, его не переделаешь, все давно привыкли к его склонности то и дело углубляться в старую историю — не выпендрежа ради, а по свойству натуры. Ну, квартальной знаменитости даже и положено быть непохожим на других...

— Посмотрел на меня пытливо так, — перешел наконец Чампи к делу, — и говорит: «Золотых совушек у тебя целых пять, значит, парнишка ты умный и сообразительный, я верно полагаю?» Дворянин, а в школярских делах разбирается... Ну, я этак скромненько говорю: «Есть немного, ваша милость, хвастаться не буду, однако ж мое все при мне». Вот он и дал мне поручение, показал дом, подсказал, что делать и кого спросить. Знаю я этот дом, сто раз мимо проходил в Школариум и обратно. Большущий, в три этажа с чердаком, деревья вокруг, кусты красиво подстрижены, клумбы с разными цветами. Герб над воротами, как полагается, — только раньше я его не особенно и рассматривал, к чему? Ну, и пошел я к задней калитке — дворянин мне растолковал, где такая для слуг и прочего простого народа, которая...

— Ага, — с большим пониманием сказал Тарик. — И записку передал... Знакомое дело.

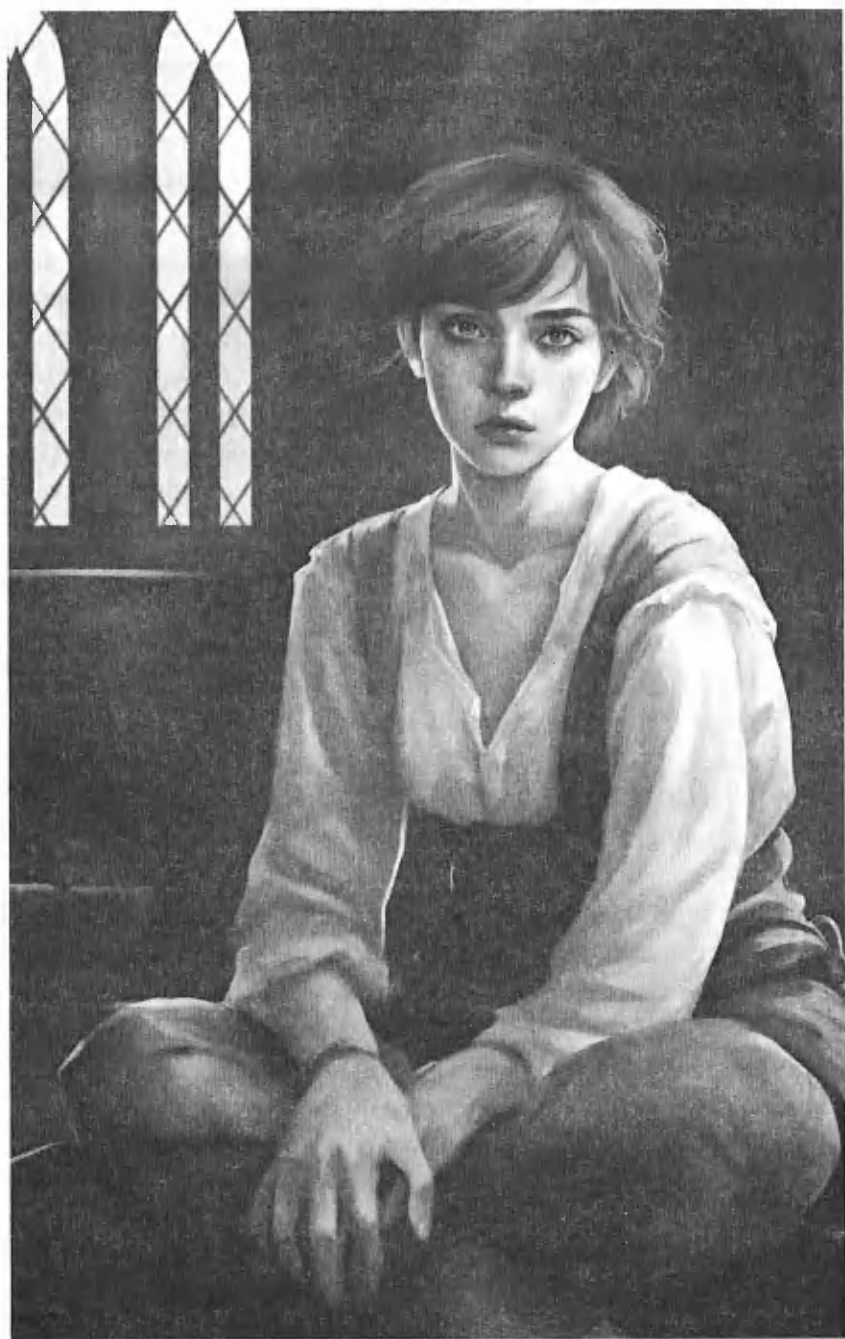
— Нет, все на словах, — сказал Чампи. — Ну да, обычно такие записки передают, только он все обсказал словесно (и правильно: я так думаю, записка всегда может не в те руки попасть, а словеса — вещь сплошь и рядом недоказуемая). Пошел я. Теперь-то внимательнее к гербу над воротами присмотрелся. Не вчера воздвигнут и не пару

лет назад — камень старый, мшистый, только герб, получается, все равно недавний, аж на шесть частей разделен. А ведь в любой книге по гербоведению пишется: чем старше герб, тем он проще. Самые старые не разделены вовсе, и красуется на них частенько один-единственный предмет. Чем младше, тем разделений больше: шесть разделений только лет восемьдесят назад введено, а до того самое большее было пять... Ладно, вам это неинтересно. Зашел я в «черную калитку», подхожу к последнему, третьему, заднему крыльцу — а там, как дворянин и обсказывал, с дюжину слуг прохлаждаются. Рожи наглые, сытые, в кости дуются. Меня сначала и заметить не изволили, хари лакейские, будто меня и нету. Потом только один говорит лениво так: «Тебе чего, сопля? Если пришел в кухонные мальчишки наниматься, так у нас своих девать некуда...» Прочие ржут, как жеребцы. Обидно, конечно, видеть обращение со Школяром, да еще с пятью золотыми совушками, ну да мне с ними не кумиться... Как наставлял дворянин, говорю: мне бы повидать камеристку Ертелину, потому как я ейный племянник, из дома просили то-се передать. Простачка такого изображаю, слова коверкаю, как деревенщина... Один лыбится: племянников, говорит, у Линки — что вшей на Градском Бродяге. Только остальные лыбиться не стали, даже притихли чуточку. Один пошел в дом — быстренько так пошел, мурыжить меня не стал. Выскакивает эта Ертелина... Эх, какова! Симпотная дальше некуда, ножки стройные, вырез до рубежей политеся, и такис яблочки аппетитные. Ох и жулькнул бы... То же самое, золотой против гроша ставлю, и лакеи подумали: тарашатся ей вслед, аж слюни распустили. А она попкой вертит, носик задирает, ни на кого из них не смотрит. И сразу ясно: если она с кем в доме и жулькается, то не с этими ливрейщиками — тут бери выше, а то и совсем высоко... Отошли мы с ней подальше в аллею, чтобы нас уж точно не услышали, я ей тихонько и говорю, в точности как дворянин наказывал: «Сокол в полете и тоске». Она заулыбалась блудливенько так. Говорит: передай тому, кто тебя послал, и ни в одном словечке не сбейся: «Вечером сусел пойдет в поля». Хлопнула меня по попе, заразка, и упорхнула. Ну, я кое-что

сразу сообразил, но все равно любопытно стало. А я ж знаю, как эти ливрейники обожают про хозяев сплетничать с кем ни попадя. Смирненько так попросился с ними сыграть и, на свое везение, проиграл с маху четыре мерных шустака. Кости у них наверняка не мухлежные, — зачем среди своих мухлевать? — но так уж мне не свезло. Тут они, мои шустаки по карманам распахавши, чуток подобрали, и я с ними немножко поговорил. Все так же под простачка косил, вопросыки задавал окольные, а они и разговорились. Хозяин у них пожилой, едва ли не старый, ноги едва таскает, костянка¹⁰⁶ давно прошибла. Но на службу ездит аккуратно, большое кресло в казначействе просиживает, часто с ревизскими осмотрами ездит по дальним губерниям, вот и нынче вечером недели на две на восток уезжает. Очень он такие поездки любит. Ливрейники ничего такого не сказали, но так переглядывались и загадочные рожи друг дружке корчили, что догадка появилась: губернские казначейские за то, что он благоприятный доклад о них напишет, золотишка немало поднесут. Слыхивал я про такие вещи... Про его супружницу я и словечком не заикался, мне и так было ясно, что она молодая и красотульная: тот дворянин был молодой, пригожий, бравый, ну сущая бабья погибель, как деревенские говорят. Ни за что не стал бы он потаенного гонца засылать к некрасивой и в годах, точно вам говорю. Ну вот... Вернулся я туда, где он на коне сидел, и пересказал в точности все, что мне жопкокрутка Ертелина сказала, — чего там было не запомнить. Да и сам понял уже, что эти словечки значат (еще когда услышал от ливрейных, что хозяин уезжает нынче вечером: сусел пошел в поля...). Дворянин аж расцвел. Спрашивает: «Язык на замке держать умеешь?» А то, говорю, я ж не Темный, читал книжки о благородной и чистой любви. Тут он еще больше расцвел, говорит: «Лови, раз ты такой смысленый!» И бросает мне... Я сразу углядел, да поначалу глазам не верилось. А потом, когда он уехал, смотрю — нет, не почудилось. Вот!

Он вытянул руку со сжатым кулаком, подождал немного, потом с нарочитой медлительностью разжал пальцы, выпрямил их.

¹⁰⁶ Костянка — ревматизм, иногда подагра.

Последовало натуральное ошеломление.

— Вот это так да... — сказал Шотан.

— С ума сойти... — поддержал Байли.

Остальные промолчали, но и они были нешуточно поражены до глубины души. На ладони Стекляшки профилем короля вверх лежала монета, которую никто из них не держал в руках да и не видел в натуре, разве что на картинках в Школариуме, когда там зубрили лекцион «Деньги королевства Арелат». Золотой новой чеканки, новехонький, словно бы попавший в кошелек сразу от Денежных, — серебряный шустак Тарика моментально померк перед этим невиданным дивом. Конечно, ходили разговоры про похожую щедрость — про то, как пьяные дворяне порой расплачивались в таверне или лавке, швыряя золотые, сколько выгребли из кармана. Но никто не наблюдал такого самолично, всегда слышали от кого-то, кто это видел (а то и от того, кто всего-навсего об этом слышал)...

Молчание получилось долгое, стояла тишина, и только высоко наверху, на пучках стропильных балок, гулькотали голуби, давным-давно здесь обжившиеся в немалом количестве, потому что никто их тут не ловит — даже проворные Недоросли не подобрались бы: лестницы на верхотуру давно вынуты из стен и проданы.

Наконец Данка, не отрывавшая глаз от золотого, как и все остальные, протянула с незнакомой интонацией:

— А король Ромерик не просто симпотный, а сущий красавчик: как мужчина, я имею в виду...

Будь на ее месте обычная девчонка, кто-нибудь обязательно подколот бы чем-то вроде: «А хотела бы с таким красавчиком в укромном месте потискаться?» Шуточка вполне политесная, вызывавшая обычно лишь деланое возмущенное фыркание девчонок, а уж что там они сами на этот счет думают, покрыто неизвестностью. Однако Пантерка — это Пантерка, она на особом положении, и за такие шуточки (давно известно кое-кому на своем печальном опыте) можно запросто крепенько схлопотать в глаз, а кому понравится такое счастье? Другое дело, что впервые в жизни они слышали от

Данки подобное (будто она на миг стала обыкновенной девчонкой), и вообще она сегодня какая-то не такая — может быть, это не один Тарик подметил...

— Двенадцать серебряных далеров... — сказал Стекляшка мечтательно. — Теперь куплю «Старожитности трех династий», кожаную, с гравюрами и рисунками через страницу, и еще пара серебрушек останется...

— Будет что на Талетту потратить, — сказал Байли безо всякой подначки.

— А как же, — сказал Чампи. — Я и на нее всегда приберегу, тем более что послезавтра на ярмарку пойдем, как все...

Он не только касаясь драк, но и касаясь девчонок не отставал от друзей, благо в этом стекляшки ничуть не мешали: собравшись целоваться, Чампи всегда прибирал их в карман.

Глядя на собственную ладонь с монетой так же замороженно, как остальные, Чампи сказал восхищенно:

— Вот это так свезло человеку...

Все поняли его прекрасно — все-таки они столичные жители и кое-что видели своими глазами, а чего не видели, то слышали от людей надежных, которые врать не будут...

До двадцати двух лет Ромерик три года был гаральянским князем после смерти отца — и оставался бы таковым до скончания времен, не произойди то, что произошло. Гаральян, примыкающий с севера к Арелату, — земля большая, но для привольной жизни не особенно удобная: изрядную его часть (как скажет всякий, кто хорошо изучал в Школариуме мироописание) занимают дремучие леса и неплодородные обширные равнины, по которым бродят стада бизонов. Да вдобавок часть княжества отделена от моря широким труднопроходимым горным хребтом Бутаниур, так что там всего-то пара дюжин рыбацких селений — и всего один торговый путь через перевал Маймош, по которому купцы возят всякие немудреные товары, а оттуда везут рыбу. «Хлипкая торговлишка, — говорил папаня Тарика. — Худо-бедно пропитаешься и скудную прибылишку получишь, но не разбогатеешь...»

По причине малого числа пахотных садоводческих земель дворянство там захудалое, не чета арелатскому (хоть и старое), а землеробы поголовно вольные. Богатые земляные залежи¹⁰⁷ там, может, и есть, но пока что рудознатцы их не отыскивали, собственных рудников недостает на то, чтобы делать все необходимое, и приходится жить привозом. А петунзеры¹⁰⁸ вообще нет, так что арелатские торговцы посудой имеют хорошие барыши...

В Гаральяне главный источник доходов княжества — охота и добыча красного зверя¹⁰⁹. Поохотиться на дичь, которой в Арелате гораздо меньше — лесная тигра, олени, вепри (а бизонов нет совсем), — в немалом количестве ездят арелатские дворяне. И как-то само собой сложилось, что самое привилегированное и богатое сословие в Гаральяне — Егеря. Это единственное место на материке, а то и во всем свете, где среди этого сословия немало дворян (и не только младшие сыновья, не имеющие права на наследство, в это ремесло уходят, но и иные владельцы старших земель¹¹⁰, чьи поместья очень уж бедны доходами).

Так что давным-давно гаральянские дворяне получили в Арелате насмешливое прозвище «егерских дворян» (только не скажите им это в лицо, а то выхватят шпагу и постараются вас прикончить)...

Хотя земли Арелата охватывают Гаральян широкой полосой с трех сторон суши, Гаральян никогда не приносил Арелату вассальную присягу, остался единственным на материке свободным факелатом¹¹¹.

А потом разыгралось нечто, как две капли воды походившее на сюжет какой-нибудь голой книжки — но оказалось, и в жизни на грешной земле такое пусть ужасно редко, да случается...

¹⁰⁷ Земляные залежи — полезные ископаемые.

¹⁰⁸ Петунзера — глина, из которой получают фарфор.

¹⁰⁹ Красный зверь — пушной.

¹¹⁰ Старшая земля — майорат.

¹¹¹ Факелат — феодальное владение ступенькой ниже королевства, находящееся в вассальной зависимости от сильного соседа (за единственным исключением — Гаральян).

Королевский пироскаф, самое большое и роскошное судно мирного флота, красавец с сиявшим золочеными буквицами названием «Великий адамант», золочеными якорями, год назад погиб в десяти майлах вниз по реке от столицы. Взлетел на воздух паровой котел, что, пусть не часто, случается с пироскафами. И горе-то в том, что погибла отправившаяся в увеселительную прогулку королевская семья — и король Дахор Четвертый, и королева, и наследный принц, годовичок Тарика, и оба королевских младших брата. Вообще из пятидесяти с лишним человек никто не спасся.

Династия вроде бы пресеклась... не спешите! Бабушкой гаральянского князя Ромерика как раз и была арелатская принцесса, выданная за его деда по каким-то высшим соображениям, простому народу и даже многим дворянам неведомым, а обсуждать таковые соображения считалось «опасным злоязычием» — преступлением чуть полегче государственной измены, но все равно сулившим близкое знакомство с Тайной Стражей, а там и Судом Королевского Скипетра, что не влекло для болтуна ничего хорошего, вовсе даже наоборот...

И очень быстро после речной трагедии и символических похорон пустых гробов королевской фамилии (лишь немногие тела выловили из реки) собрался эльтинг¹¹² и провозгласил арелатским королем молодого князя Гаральяна, законного родича покойного короля, так что династия, собственно говоря, и не прервалась. И никто теперь из дворян не смел называть Ромерика «егерским князем», а гаральянских гербовых, в немалом количестве наехавших в Арелат, — «егерскими дворянами». Наоборот, многие, главным образом из Недавних, стали обнаруживать в своей родословной гаральянские зацепочки, о чем гордо оповещали всех и каждого. В большинстве случаев это был чистейший вымысел и пустое бахвальство...

¹¹² Эльтинг — собрание представителей дворянства и всех сословий (кроме крестьян). Созывается в исключительных случаях для решения важнейших государственных вопросов.

Об этом Тарик давно узнал от навещавшей художника Гаспера компании студиозусов из трех человек. И очень скоро услышал от них на посиделках в доме Гаспера и кое-что еще, гораздо более опасное...

«Высшие государственные соображения», по которым арелатскую принцессу выдали замуж столь убогим (но законным!) браком, заключались в том, что красивая, но изрядно беспутная принцесса не просто пустилась в постельные отношения с красавцем камергером (такое во многих королевских домах случалось), а родила от него мальчика. Роды происходили в самом отдаленном королевском поместье, ребенок родился мертвым, а камергера как-то очень уж кстати убили на лесной дороге так и не отысканные разбойники. Одна из камеристок принцессы, поверенная ее любовных дел, ушла в монастырь, другая умерла скоропостижно от какой-то заразы, третья просто исчезла, словно в небе растаяла. Но все равно эту прискорбную историю не удалось удержать в совершеннейшей тайне, о ней прознали в других королевствах, даже на всех трех материках, и надежд на равнородный брак принцессы не осталось: все предложения ближним и дальним соседям вежливо отклонялись под благовидными предлогами, в том числе королями двух других материков...

Тут и подвернулся овдовевший князь гаральянский, дедушка нынешнего. Как ближайший сосед, он не мог не знать всего, но очень соблазнительным, должно быть, показалось стать зятем арелатского короля. Князь и в самом деле получил некоторые выгоды, каких при другом раскладе судьбы ни за что не обрел бы: после того, как шалопутная доченька оказалась и в законном браке, и подальше от столицы, грозный отец Дахор Второй смягчился и помогал ей и золотом, и выгодными для князя торговыми пошлинами, и многим другим. Как добавил первый остролов и насмешник из четверки, студиозус Ягвар, такое благодушие несомненно происходило оттого, что теперь нравственный облик молодой княгини стал заботой и головной болью не отца, а законного супруга. Ягвар заметил, что в конце концов супружество получилось весьма даже благополучным и счастливым: княгиня после полудюжины коротких

и пылких любовных историй остановилась на главном ловчем князя и пятнадцать лет, до своей гибели на охоте, жила с ним душа в душу. Равно и князь долгие годы прожил со своей старой любовью, простой дворянкой.

Худог Гаспер в завершение сказал, что с учетом всего этого о подлинном отце двух княжон могут быть разные мнения, но вот касаясь княжича, отца Ромерика, он непреложно уверен: его отцом был князь, и никто другой. Его дедушка и отец — не князя, а художника Гаспера — охотились много и часто, исключительно в Гаралье, дружили с отцом и дедушкой Ромерика и всегда говорили: Ромерик — вылитый дед и отец, полное подобие — и лицо, и стать, и походка, и всякие мелкие привычки. Так что, безусловно, Ромерик на четвертушку Дахор, а кто в этом усомнится, тот болван, никогда не бывавший при княжеском дворе. Вот княжны, те точно крайне смахивали во многом на главного ловчего, а на князя были решительно не похожи ни в большом, ни в малом...

Впервые услышав такие речи, Тарик был ошеломлен до полной невозможности. Он уже знал, что в дворянских семействах порой случаются не просто скандальные, а насквозь непотребные события, ничем не уступавшие тем, что сотрясают дома иных простолюдинов. Однако так уж его воспитали и в Школариуме, и дома, что королевскую фамилию он почитал олицетворением чистоты и благородства, стоявшей неизмеримо выше неприглядных сторон жизни на грешной земле. Но и не верить дворянам он не мог — они в самом начале посиделок поклялись святым словом, что говорят правду, к тому же успели выпить лишь по чарке, так что ссылаться на свойственные пьяным фантазии, преувеличения и вымыслы никак не стоило...

С превеликим трудом он поверил услышанному, но легче от этого не стало — наоборот, напугался до ужаса. Представилось, что сейчас в дом художника Гаспера ворвется Тайная Стража, а то и Гончие Создателя — и тех и других на улице Серебряного Волка отродясь не видели, но страшных рассказов о них наслушались предостаточно. И если не сегодня, то завтра в дом родителей Тарика вломятся либо

те либо эти, а то и все вместе, повлекут в кандалах в неведомые подземные темницы-пытошные (о которых тоже кружат жуткие слухи), где уже висят на дыбе худог Гаспер и трое студиозусов, успевшие показать на Тарика, что он весь вечер слушал речи, как нельзя более подходящие под обвинение в «опасном злоязычии», но не донес незамедлительно, как всякому верноподданному полагается. И тогда... Страшно подумать, что будет тогда. Бессрочные рудники — это уж определено. На кол «опасных злоязычников» перестали сажать, еще когда дедушки были Малышами, но по-прежнему рубят головы на Судной площади (втихомолку именуемой в народе Кровавой) и запирают в Бродильню, что, пожалуй, будет хуже пыток и лишения головы на плахе...

Как он ни был перепуган, поделился своими страхами. Все четверо расхохотались и объяснили Тарику: среди дворян такие разговоры — самое обычное дело. Никто за них не карает так уж ретиво, в особенности если они не выходят за пределы комнаты и к тому же касаются историй давно минувших дней. Вот если они будут такие вещи злонамеренно распространять что ни день — будет плохо. А уж если начнут ночной порой разбрасывать подметные листки — совсем уж скверно придется, все быстренько увидят Бродильню изнутри...

Однако — в чем четверо опять-таки поклялись святым словом — у них и в мыслях нет заниматься этими вещами. Ни словечка из дома не вылетит, все четверо знают друг друга с мальчишеских лет — та же самая ватажка, пусть и не называется так у дворян. К Тарику они присмотрелись, уверены, что парнишка он правильный и надежный и доносить куда-то не побежит (что Тарику было приятственно слышать, хоть он еще и не отошел от душевного раздора).

Налили полчарочки отличного боромельского вина (в доме худога Гаспера не пивали ни ондулята¹¹³, ни пивасера¹¹⁴), долго успокаивали — и успокоили. На следующих посиделках он уже без страхов и

¹¹³ Ондулят — скверное дешевое вино, арелатская бормотуха.

¹¹⁴ Пивасер — скверное пиво.

трепета душевного наслушался не менее интересного и, что скрывать, чуточку ошеломительного — но и этому теперь верил...

Выходило, что единогласное решение эльтинга стало единогласным оттого, что Главный министр герцог Таланко (главный кукловод всего предприятия, сказал студиозус Балле) призвал в столицу четыре гвардейских полка — два конных и два пеших, — провел какие-то переговоры и с Дворянским Собранием, и с Цеховым, а потом вокруг Дворца Саламандр, где по старинной традиции собирался эльтинг, разгуливали в превеликом множестве гвардейские офицеры и крепко вооруженные (кроме шпаг, охотничьи и внушительные кинжалы и пистолеты за поясом) дворяне с черно-желтыми бантами на шляпах — то есть геральдических цветов герцога. И Цеховое Ополчение по какому-то совпадению было собрано в неурочное время, расхаживало поодаль от Дворца Саламандр с пиками и галабардами, в шлемах и кирасах — словно ждали вражеского нашествия и осады столицы (чего не случалось лет двести). А на реке появились военные пироскафы с открытыми пушечными портами и толпившейся на палубах морской пехотой. В течение следующей недели по обвинению в самых страшных государственных преступлениях и заговорах лишились голов семнадцать сановников из старых родов — все до одного враги и просто недоброжелатели герцога при дворе, и шестеро из них заправляли важными министерствами и генеральскими постами; на этих постах их сменили люди, прекрасно известные как симпатизанты герцога.

Было что-то еще, некий рубеж, достигнув которого вольные разговоры обрывались — и сами студиозусы, равно как и худог Гаспер, умолкали, значительно переглядываясь, словно бы даже с некоторым страхом. Конечно, Тарик и не пытался их расспрашивать о том, что они недоговаривают и скрывают — был нешуточно горд и тем, что допущен к их разговорам почти как равный, — и дал святое слово ни одной живой душе за пределами домика не разглашать ни словечком ничего, что там услышал.

Мимо него события годичной давности тоже не прошли, как и мимо всей улицы. Папаня с молодых лет — ратник Цехового

Ополчения. И аккурат перед заседанием эльтинга пришел на обед в неурочное время и хмуро сообщил мамане: по приказу Цехового Собрания все мастерские и лавки закрыты, Ополчению объявлен общий сбор в самое что ни на есть неурочное время, и пусть маманя ни о чем не спрашивает: он и сам ничегошеньки не знает, велено так — и весь сказ. Вынес из чулана доспех, кирасу и шлем почистил, галабарду наострил — и три дня уходил доспешным раненько утром, а возвращался затемно, отвечая мамане скупой: «Велели, вот и ходим...» И один из конных гвардейских полков, Хусары Красного Вепря, был согласно какому-то старинному, давным-давно не применявшемуся регламенту размещен по домам на их улице, на Аксамитной и трех других — как и со всей Зеленой Околицей обстояло: повсюду разместились солдаты, где по двое-трое, а где и подюжины. Согласно тому же регламенту, кормить их (и кормить как следует!) надлежало хозяевам.

Им еще повезло: у них разместился один-единственный хусар, не рядовой, а целый фальфабель (к тому времени Тарик хорошо разбирался в военных чинах — брат подробно рассказывал). И от знающих людей Тарик слышал, и в голых книжках о военных приключениях читал, что от постоя солдат и в той стране, к войску которой они принадлежат, хозяевам причиняется нешуточное беспокойство. Солдат — человек балованный, озорной и перед «портошниками», как называют людей невоенных (речь, понятно, идет об одних простолюдинах), смущаться и вести себя чинно-благородно не привык. Отчего и происходят разные беспокойства...

Но им, как только что говорилось, везло. Фальфабель — самый высший солдатский чин, помощник даже не лейтенанта — ротного капитануша, а потому держится с изрядным достоинством. В погреб к хозяевам за всякими вкусностями не лазает (а рядовые, отплевывались потом одноулучники, напропалую лазали), жену и дочек хозяина при нем по попке не хлопает (а рядовые — запросто), ничего из домашних вещей не крадет украдкой (чем печально знамениты рядовые). Любит напомнить, что он «почти что офицер» (правда, брат в первую же побывку рассказал: если фальфабель не

из дворян, каких не так уж мало, — офицером в жизни не станет). И фальфабель Бардош, как вскоре выяснилось, был не из дворян, а из плотницких Подмастерьев. Да вдобавок сыграло и то, что маманя сразу сказала: ее старший служит как раз в хусарах, правда, не гвардейских. И выяснилось, что и его полк, и полк фальфабеля участвовали в Заречной войне с королевством Коламер. Тут уж фальфабель исполнился некоторого дружелюбия.

Но свое беспокойство от него было. Его конь, за неимением места в конюшне, жил во дворе — и ощипал там до голых веток все кусты, вытоптал клумбы, безуспешно лез в огород, а всякий вечер стучал задними копытами в дверь их конюшенки, норовя подраться с Серком. Что еще хуже, фальфабель, усатый верзила добрых трех локтей¹¹⁵ росту, ровесник папани, начал с первого же дня к мамане самым нахальным образом приставать. Рук, правда, не распускал, но словесно вязался неустанно и вовсе не политесно. Печалька в том, что сам он возвращался довольно рано, а Ополчение распускали по домам только с темнотой. В первый же вечер, придя со схода ватажки, Тарик услышал, как в кухне фальфабель расписывал прелести готовившей ужин мамани словечками, которые уже не заставили Тарика краснеть, но в политесных никак не числились. Послышалась даже короткая возня, и маманя сердито воскликнула:

— Будешь лапы распускать — поцарапаю так, как три котопея не покоряют!

— Суровая ты баба, Илеана, хоть и красивущая, — как ни в чем не бывало хохотнул фальфабель. — Неужели только под муженьком ножки аппетитные раздвигаешь?

— Под ним одним, — отрезала маманя.

— Ух ты, какая строгая! Не пробовала ты хусарского торчка, враз поняла бы, где приятность. Показать?

— Кобылам вашим хусарским показывай. Слышала байсы про вас и ваших кобыл...

¹¹⁵ Локоть — примерно 60 см.

— Да ну, зачем кобылы, если бабы есть? Эх, Лянка, будь это в завоеванном городе, я б тебе подол задрал, торчок загнал — да час не вынимал, чтоб вертелась да орала...

— Я только для мужа в постели Лянка, — не сердито, но непреклонно ответила маманя. — И вообще, деревенским дурехам вкручивай, что тебя на час хватает...

Что характерно, показалось, что она не сердилась, а в голосе слышалось молодое озорство. Когда он потом рассказывал эту историю в ватажке, Чампи-Стекляшка, подумав, рассудительно сказал: «В “Цветнике возвышенных историй” писано: “Даже самые благодетельные и верные супружницы при случае не прочь безобидно язык почесать с посторонними сахарниками, радуясь вспомнить девичество с его острословием”». Похоже, в этом была своя правда...

— Негоже такие ножки с грудками только для муженька беречь, — не унимался фальфабель. — Давай завтра попробуем потереться пупочками? Когда твой муженек на патруль пойдет, а сынок на учение? Ротному скажу, что ногу подвернул и пару дней в седле сидеть не гожусь. Точно говорю, тебе глянется, еще попросишь. Знаешь, за что бабы хусар любят? За то, что превзошли всякие придумки, как с выдумкой баб в постельке прилаживать. Твой, поди, одно и знает: ложись да ножки раздвигай...

И вновь маманя ответила с молодым озорством:

— А это не твое дело, как муж меня в постельке прилаживает. Я довольна.

— И в губки брать умеешь? И не сплевываешь?

— А это не твое дело, что я умею. Не нужны мне наставники, одного хватает.

Тут уж Тарик, громко топая, вошел в кухню и, вроде бы ничего не слышав, принялся долго и старательно точить ножи, в заточке не так уж и нуждавшиеся. О чем маманя прекрасно знала, но, такое впечатление, поглядывала одобрительно — и тогда, когда он взялся мыть кастрюли, что у них всегда было женской работой. Фальфабель сразу увял, убедившись, что Тарик обосновался в кухне надолго,

ушел, буркнув, что ему-де надо у коня подковы посмотреть. А там и папаня из патруля вернулся, при нем-то уже фальфабель ничего такого не допускал...

Вот и все от него беспокойство. Ужин, правда, лопал за троих, так что приходилось каждый вечер забивать крола — из самых старых и худых. На винный погребок не покушался, как, вот чудо, и все рядовые. (Позже, выслушав от Тарика эту историю, студиозус Клемпер объяснил, что столь благонравное поведение гвардейцев — не чудо, а последствия строжайшего приказа, отданного перед вступлением в столицу командирами полков: всякий замеченный в употреблении крепкого или хотя бы пива будет незамедлительно повешен. И командирам, скорее всего, дал такие наставления герцог Талакон...)

Хорошо еще, что через три дня войска ушли из столицы. Конские катыши Тарик собрал, унес в огород и пустил на удобрение грядок. Стояло позднее лето, так что кусты покрылись листвой, а клумбы заново зацвели только на будущий год. Изгаженный палисадник оказался не самой большой бедой: где-то солдаты, уходя, прихватили вино и разные недешевые вещички, где-то начисто разорили огороды, отполовинили птичники и сады, в полудюжине мест случились драки солдат с молодыми хозяевами, разозленными тем, что хусары свое восхищение их женушками выражали руками. Смертоубийств, слава Создателю, не было, но и с той и с другой стороны наличествовали и выбитые зубы, и поломанные ребра, а уж многочисленные синяки казались сущей мелочью. Казна и не подумала возместить убытки — хотя старики говорили, что согласно какому-то столь же старинному регламенту она обязана это делать, ежели убытки произошли от постоя войск в мирное время в городе, не охваченном постоянной повинностью, — а столица как раз из таких. Студиозус Балле хмыкал: эти три дня были натуральным смутным времечком, когда под шумок происходит множество нарушений регламентов, уставов, кодексов и судебных записей — и власти всегда как бы ни при чем, особенно не любят возмещать какие бы то ни было убытки...

Но смутное времечко продлилось совсем недолго, и с Коронацией Ромерика настала спокойная, как прежде, жизнь. Правда, Ромерик оставался королем без порядковой циферки, но тут уж, объяснили Тарику студиозусы, не было ничего необычного. И здесь действуют общие для всего мира старые установления: король получает порядковую циферку к имени, лишь когда у него родится законный ребенок (неважно, мужеска или женска пола). Потом, даже если волею Создателя ребенок этот умрет безвременно и король останется вовсе без наследников, циферка остается при его имени на вечные времена. А король Ромерик пока что не женат, хотя при дворе уже побывали послы трех держав, снабженные верительными грамотами сваты с портретами невест, согласно традиции, взявшей начало с тех времен, когда худоги научились рисовать похожие портреты. (Вот этим, сказал худож Гаспер, Тарик может поделиться со своими друзьями — это никакая не государственная тайна, просто о ней не кричат бирючи, хотя дворянству все прекрасно известно. Тарик и поделился, так что его ватажка имела полное право легонько задирать нос перед остальными, чьим уделом были городские пересуды, частью оказывавшиеся выдумками, а не точные знания из достоверных уст...)

Все это пронеслось в голове Тарика очень быстро — известно же, что думы человеческие быстрее молнии... Оставалась Данка, неведомо зачем уступившая Чампи очередь рассказывать о приключившемся днем. Положительно, странноватая она была какая-то сегодня, чуточку волновавшаяся, на себя обычную ни за что не похожая — а уж Тарик, как все остальные, знал ее столько лет...

Данка-Пантерка сидела на припасенной их ватажкой рогожке, как и остальные, в излюбленной позе: подтянув колени к подбородку и обхватив их ладонями, как всегда в мальчишеских штанах и белой блузе по-над ремешком¹¹⁶. Только сейчас Тарик обратил внимание, что штаны на ней не затрапезные, а выходные, и белая блуза из тонкого ригодена, а не обычного кадафаса, тесноватая, обтянувшая яблочки. Такие обычно носили игривые девчонки,

¹¹⁶ То есть навывпуск.

ходившие с мальчишками или только надеявшиеся, что настала пора свиданок, — но на Данке он такую обновку видел впервые за все сходы ватажек. И волосы расчесаны тщательнее, чем обычно, и подстрижены ножницами не позднее сегодняшнего дня, так что не висят неровными лохмами. Право слово, другой человек...

С тех самых пор, когда они пятеро, переставши быть Малышами, как-то слаженно сбились в ораву Недорослей, а потом, достигнув должных годочков, стали ватажкой, восемь лет уже, они временами и забывали, что Данка не мальчишка (оттого и прозвище такое получила, каким награждали только девчонок, ничуть мальчишкам не уступавших). Одевалась по-мальчишески, стриглась точно так же (у мальчишки волосы не должны достигать плеч и спины, да и стричься следует пореже), в проказах и драках ничуть мальчишкам не уступала (и к ней драчуны относились как к мальчишке, это обычную девчонку ударить страшно неполитесно, а Пантерка снисхождения к себе не требует, сама может вмазать неслабо).

Так она с самого начала себя поставила, а потом, когда четверо вошли в возраст, когда начинаются целованья-обжиманья, никому из четверых и в голову не приходило не то что посмотреть, а даже подумать о Пантерке как о девчонке, хоть она и симпатная, и яблочки налитые (что особенно заметно сейчас, когда она в тонкой тесноватой блузке), и все остальное при ней. К тому же и сама она никогда не проявляла ни малейшего интереса к мальчишкам, так что пробовавшие к ней подкатиться Школяры давно эти попытки оставили, убедившись в полной их бесполезности. Когда они на сходе ватажки рассказывали, как у них обстоит с девчонками (скуповато, как и требовал политес, не расписывая подробностей), Данка отпускала замечания в точности как мальчишка, как остальные. И пожимала плечами, говоря: она, конечно, понимает, что так себя ведут с наступлением «гуляльных годочков», но вот сама она в толк не возьмет, что они такого находят в этих лизаньях-обниманьях, вот ей дико подумать, что кто-то будет гладить ей яблочки и под подол лезть, не говоря уж про жульканье. Это четверку немного удивляло: распрекрасно известно, что Клавиλλα с Аксамитной тоже

Пантерка, однако вовсю гуляет с их ватажником, а Гизелка-Пантерка с Раздольной со своим Подмастерьем вольничает еще пуще — но во всем остальном ничуть не отличаются от Данки. Мысли и замечания по сему поводу всяк держал при себе, как и полагалось: как себя держит член ватажки — его дело и его право...

Казалось, Данка так и не заговорит, но все же решилась:

— У меня за весь день случилось только одно событие, сейчас расскажу какое. Но сначала... Давно ведь заведено, что у нас каждый порой делится заветными мыслями и переживаниями, и все к этому относятся серьезно, советы дают, если надо, так ведь?

— Ты ж сама прекрасно знаешь, что так все и обстоит, — сказал Тарик. — Сколько раз нас выслушивала, если надо, советы давала, и ведь толковые... Тебе что, совет нужен? Раньше я такого за тобой не припомню, но если совет нужен — можешь на нас полагаться, ты ведь старый друг, как все мы...

Показалось, что эти серьезные слова Данку успокоили, и она, явно приободрившись, продолжала:

— Совет, очень может оказаться, и не нужен, но рассказать нужно, думается мне... Когда я сегодня шла из Школариума, ко мне на площади Золотого Коня подошел Бадиш-Умелец с Аксамитной — тоже шел из Школариума и уж в четвертый раз оказался на площади, которая ему совершенно не по дороге, — нарочно меня караулил. И опять начал провожать и говорить, что я ему ужасно нравлюсь, — она на миг потупилась, — что я самая красивая девочка на всей южной Зеленой Околице, что он только обо мне и думает, — Данка фыркнула. — Вот точно, он только меня и представляет, когда теребенькает, хоть о таком и говорить не политесно... И опять стал предлагать с ним ходить...

— Ага, — сказал Байли со знанием дела. — А ты ему в четвертый раз в глаз дала, когда надоел и отлипнуть не хотел...

— На этот раз ничего подобного, — сказала Данка словно бы чуточку виновато. — Я с ним согласилась пойти послезавтра на ярмарку — в платице, конечно. Даже придумала, в каком: из бахадарского шелка, желтеньком, с красными и фиолетовыми

узорами — к моим волосам, девчонки говорят, очень личит. А потом пойду с ним на мост Птицы Инотали...

Да это ж гром с ясного неба! Впервые Пантерка заговорила о платьях, о том, как будет наряжаться, — и впервые отправлялась на прогулку с парнем. И уж если парень с девчонкой приходят на мост Птицы Инотали... Даже Недоросли старших годочков знают, для чего там столько уютных ниш. Обычное дело, но вот когда об этом говорит не кто-то, а Данка — мир переворачивается... И впервые в жизни в глаз не дала, наоборот...

— Вот такие дела, — сказала Данка словно бы с вызовом, обведя всех взглядом (и Тарик впервые в жизни подумал, что серые глазищи у нее красивые). Советов мне никаких не надо, а поделиться хочу. С кем же еще поделиться, как не с лучшими друзьями? Это все не сегодня началось, чтоб вы знали. Помните, я полтора месяца назад ездила с папаней в деревню помогать ему вышивки выбирать? — Она посмотрела вверх определенно мечтательно, хоть там и не было ничего, кроме стропил и голубиноного гугуканья. — Мы там должны были пару дней пробыть... Та тетушка, у которой мы с папаней ночевали, мне сказала: что ты, девонька, будешь ясным жарким вечером дома сидеть? У нас, говорит, сегодня праздник — название какое-то незнакомое, длинное, я не запомнила, — и молодежь твоих годочков в долинке под деревней гулянье устраивает. Сходи, мол, потанцуй, у нас ребята ровненькие, не обидят. (Сами ж знаете: в деревне вместо «политесное» говорят «ровненькое».) Папаня тоже говорит: а что, сходи попляши, можешь даже до звезды Тачиталь¹¹⁷, ты уже большая... — она озорно усмехнулась. — У меня и раньше были подозрения, что папаня с этой тетушкой Лебигайль крутит, она вдовая и годочков не так много. Ну, я пошла...

— Ты ж танцевать не умеешь, — сказал Чампи.

— А вот представь себе, умею, — с улыбкой возразила Данка. — Просто я вам в свое время не рассказала... У нас в Школариуме

¹¹⁷ Тачиталь — самая яркая голубая звезда летнего небосклона («одинокая», то есть не входящая в какое-либо созвездие). Восходит к полуночи, отчего полночь издавна зовется еще «час Тачиталь».

два месяца назад объявили, что будут уроки танцев три раза в неделю — за отдельную плату, чисто по желанию. Уж не знаю, что меня вдруг толкнуло, только взяла и записалась. Папаня с маманей не заперечили, наоборот, даже словно бы обрадовались, папаня сказал, что серебряный далер в месяц вполне потянет, а мне в жизни пригодится. Ну вот, за два месяца я и станичет освоила, и лантальту, и еще несколько. Титорша по танцам пришла новая, незнакомая, она сразу сказала, что у меня здорово получается: есть, как это... Не помню ученые слова, но у меня есть и то и это. Не верите?

Она гибко встала и, негромко напевая мелодию, прошла из конца в конец мельницы в довольно мастерской лантальте, хоть и без кавалера. В самом деле, получалось неплохо и красиво — а ведь никогда не ходила на танцы для Школяров: задрав подбородок, говорила, что не понимает этого дрыганья под музыку, да еще и с мальчиком, который в лантальте, федичело или маршаме обнимать будет, пусть политесно. Точно, мир перевернулся...

Вновь усевшись и какими-то новыми, незнакомыми — но грациозными — движениями поправив рыжеватые светлые волосы, Данка продолжала уже свободнее:

— Я пошла. Надела белое платьице в красный горошек, легкое такое, открытое. Я из него чуточку выросла, так что оно было тесновато, и подол на пол-ладошки покороче, чем обычно в городе носят, но я его люблю, жалко было на тряпки пускать, решила, что в деревне сойдет, у них девчонки и покороче носят, это потом, когда заневестятся, смотрят, чтобы было не выше ладошки над коленкой. И тесьмой золотистой обшито, я ее собиралась на новое переставить, красивая тесьма, ничуть не потускнела...

Она еще рассказывала про знакомое всем платье с неслыханным прежде воодушевлением, но это уже не вызывало чувства, будто мир перевернулся: начали помаленьку привыкать, что с Пантеркой происходит нечто прежде небывалое и неслыханное...

— Гулянье у них и в самом деле было весьма даже ровненькое, — продолжала Данка все оживленнее. — Тетушка Лебигаиль сказала, когда я уходила: «Ну, девонька, все парни твои будут». Так примерно

и получилось — парни ко мне сразу стали наперебой подходить, иные девчонки даже косились неприязненно, но я-то чем виновата, если они сами приглашали? Подумала даже, что после танцулек они меня в сторонку отзовут и царапаться полезут, как на школярских танцах иногда бывает, мне рассказывали...

— Ну, ты б им накидала, — усмехнулся Байли.

— Да уж накидала бы, — со скромной горделивостью сказала Данка. — Я Гурику-Гусю с Аксамитной однажды накидала, а он не то что эти деревенские курицы, которые только и умеют, что царапаться... Только ничего такого не случилось, одними взглядами царапали. Ух, наплясалась... Там два пожилых играли на гитарах и один на скрипиче, а в тех танцах, где требуется, присоединялся дедушка с гафуроном, старенький, дряхленький, но играл усадительно. Уж я наплясалась... И примерно на половине танцулек стала замечать: как только объявляют танец с объятиями, меня один и тот же парень приглашает — и никак не скажешь, что он спешит, остальных опережает: просто как-то само собой получалось, что другие ему поперек не вставали. Ну, это дело и у нас прекрасно знакомо: он там в деревне наверняка заглавник¹¹⁸. А когда танцульки кончились, он меня позвал погулять, сказал, что покажет очень красивое место у озера... (Ну, это нам знакомо, подумал Тарик, сами порой девчонок уманиваем посмотреть мнимые — хоть иногда и настоящие — красоты, только Пантерка этих ухваток наверняка не знала, никто при ней о таком не говорил.) Ничего особенно красивого там не оказалось: озеро как озеро, лес как лес, он про это место даже никаких сказок не рассказывал. Постояли мы, поболтали, а потом он меня обнял — политесно, но крепко так. И стал говорить на ухо, какая я красивущая, сроду такой не видел, и он меня сейчас зацелует...

— А ты ему дала в глаз и ушла, — уверенно сказал Байли.

— А вот и не угадал, — рассмеялась Данка. — Мы там долго стояли, и он меня целовал, и не только в губы, и руки немножко распускал, но под подол не лез... И мне, вот чудо, совершенно не

¹¹⁸ Заглавник — этакий «первый парень на деревне».

хотелось дать ему в глаз, мне было приятно, я совсем не ожидала... Занятно, но мне стало чуточку неловко оттого, что я совершенно целоваться не умею, но он, если и заметил, ни словечка не сказал. А назавтра вечером мы с ним пошли гулять за деревню, опять к озеру, а когда стал накрапывать противный такой дождик, укрылись в стареньком домишке, где в ловлю рыбаки, Партан сказал, сети держат. Сетей там не было, там полдомика завалено было травой, совсем свежей (ага, со знанием дела подумал Тарик, это деревенские парни постарались). Трава пахла так... волнительно. Мы там долго сидели... ладно: на траве лежали. Я была в том же платыце, подол совсем сбился, и ляточки я позволила с плеч спустить...

— Никак он тебя там жулькнул, — сказал Тарик, постаравшись избежать насмешки в голосе, хотя ему было смешно — ну, вот и каменная вроде бы Пантерка поддалась зову природы человеческой...

— И вовсе нет, — серьезно сказала Данка. — Партан, правда, попытался к этому склонить, ничего не скажешь, политесенько так, ничуть не нахально, но я категорически не согласилась. Оказалось, это очень приятно, когда парень тебя целует и всякие шалости руками делает, особенно там... На траве я много чего позволила, сама себе удивилась. Но как представила, что он в меня торчок заправит, — страшноватенько стало. Девчонки говорили, жутко больно, вот только ни одна из них сама не пробовала, пересуды все. Вы ведь тоже ясности не внесете, никто из вас еще не жулькался, иначе непременно похвастались бы — я вас хорошо узнала... (Под ее веселым взглядом все чуточку смутились, но постарались этого не показать.) Мы там еще долго пробыли, до звезды Тачиталь, он говорил на ушко, что давно все умеет, сделает остороженько и бережно, так что и больно не будет нисколько, но я и тогда не согласилась, хоть и, что греха таить, развежилась изрядно после всего, что он вытворял, и даже вот за собой не подумала бы... — она, чуть покраснев, опустила глаза (Тарик всерьез решил, что она, пожалуй, брала в ротик, не зря так запунцовела). — А когда мы уезжали, пришел проводить, только, понятное дело, стоял в

отдалении. Короче говоря, я после этого вроде бы как проснулась. Поняла до глубины души, что я еще и девчонка, что мне очень приятно, когда парни... — она вскинула голову и обвела всех грозным взглядом прежней Пантерки. — Только если кто насмешничать вздумает — в глаз получит как следует!

— Ну что ты, Данка, — сказал примирительно Тарик. — Никому и в голову не придет над тобой насмешничать, ты же старый друг. Проснулась в тебе девчонка? Так это ж распрекрасно, приятней и интересней тебе будет жить. Никто ведь над Клавиллой и Гизелкой не насмешничает, сама вспомни. И теперь-то, когда раскрылась, наверняка будешь на танцы в платьице ходить и все такое?

— А вот буду. Как Гизелка с Клавиллой.

— Молодец, — сказал Тарик, поднимая полегчавшую баклагу. — А посему вторую и последнюю будем пить за Данкино пробуждение. Подставляйте чарки, на сей раз Данка первая, ей положено очередь не соблюдать, коли уж сегодня ее день.

Данка подставила чарку под густо-коричневую вкусно пахнущую струю, за ней придвинулись остальные. Тарик последним — это первую чарку ватажнику приглядно пить первым, а с последней обстоит как раз наоборот...

Пили, разумеется, степенно, глотками, пусть и не воробейчиками — как взрослые Мастера в «Уютном вечере». Только всеми презируемые Градские Бродяги торопятся влить в себя все, что налито. Ну, предположим, подвыпившие самые степенные люди тоже пьют отнюдь не чинно, но они-то потребляли по чуточке, от которой ни за что не захмелеешь...

Данка больше не волновалась после того, как ее известие (пусть ошеломительное, положив руку на сердце) приняли как должное. Никто и не подумал упрекнуть, что скрывала столь важное от старых друзей. Тарик в первую очередь: у него самого лежал увесистый камень на душе, он скрывал нечто гораздо более важное — но утешал себя тем, что это ненадолго и, когда удастся узнать побольше, обязательно расскажет...

Когда допили, завязали чарки обратно в узел, а узел спрятали в сундук. Окончательно приободрившаяся Данка рассказала, что опять отколола Кутерита-Болвашка, еще в Недорослях прозванная так за несказанную глупость (из-за которой в Школариуме постоянно, а не день-два, как наказанные, сидела за партой с ослиной головой). Что занятно, она сама бесхитростно рассказывала, какую глупость сваяла на сей раз. Вот и теперь. Маманя ей сказала мимоходом: мол, и тебе, доченька, придется замуж выходить, и не так уж много годочков ждать осталось. Кутерита не имела ничего против такой участи, однако жалобно промолвила:

— Хорошо тебе говорить, маманя: ты-то за папаню выходила, а мне за чужого человека придется...

Хохот грянул такой, что несколько голубей сорвались с насиженных мест и пометались под крышей, прежде чем успокоиться. Пожалуй, из этого выйдет настоящая байса и, как часто бывает, начнет вольно разгуливать в народе уже без упоминания имен и названия улицы...

Вроде бы все обговорили, но Чампи вдруг спросил:

— Пантерка, ты что, с этим Бадишем ходить собираешься? Упрямый, ничего не скажешь: три раза от тебя в глаз получал, но не отступался. Точно, всерьез запал. И на мост Птицы Инотали звал...

— Ну и собираюсь, если предложит, — сказала Данка чуть насто-роженно. — А что такого? Про него ничего худого не скажешь.

— Да нет, худого я не говорю. Твое право. Я просто подумал... Тут получается головоломный вопрос. Если Бадиш будет с тобой ходить, обязан выкупное платить согласно старой негласке...

— И заплатит, — уверенно сказала Данка. — Он парень поли-тесный, негласки уважает, и прирабатывает неплохо, да еще в потрясучку ему везет, как у нас Тарику.

— Ох, я не о том... Будь ты обычной девчонкой, сложностей не было б никаких: заплатил — и порядок. Но ты ж Пантерка. В жи-зни не слышал, чтобы Пантерка ходила с парнем с другой улицы. Клавилла и Гизелка ходят с парнями со своих улиц: тут все ясно.

А тут... Согласитесь, головоломка. Брать выкупное за Пантерку или нет? Негласок на этот счет я не припомню...

Головоломка и в самом деле объявилась серьезная. Все старательно задумались, но Тарик решительно сказал:

— Я так полагаю, ребята, торопиться тут не нужно. Коли уж нет на сей счет никаких негласок, придется новую придумывать. Все негласки, надо полагать, кто-то когда-то придумал, но больно уж серьезное дело, впопыхах и второпях не решить. Пусть каждый как следует дома поразмыслит, а завтра соберемся, послушаем каждого... Пантерка, ты тоже думай, тебе полагается. И ведь придется сход всех ватажек созывать, шутка ли: новую негласку учреждать. Я о таком и не слышал даже...

Возражений не последовало, все дружно поддакнули, что ватажник, как всегда, придумал толково: торопиться тут ни в коем случае не следовало, дело важное, и обдумать все нужно на шесть кругов.

Разговор перешел на дела повседневные. О задуманном походе на Сарланское кладбище не заикнулись ни словечком — особенно и нечего обсуждать, к тому же срок не подошел. А вот о луках и стрелах следовало поговорить как нельзя более обстоятельно. Этим и занялись.

Две предстоящие каникулярные недели сулили не только приятнейшее освобождение от повинности ходить в Школариум, но и некоторые заботы — правда, вовсе не неприятные и давно привычные...

Через неделю начнутся состязания по стрельбе из лука — не королевские, градские или цеховые мирные битвы¹¹⁹, а устроенные самими Школярами, их трудами, за их счет. Благо опять-таки для этого не нужно никаких ристалищ¹²⁰, сгодятся излюбленные пустоши в чистом поле за городом. У каменяров ничего подобного нет, у них свои, другие состязания, а вот Зеленая Околица трудиться будет старательно. Сначала сойдутся ватажки одной улицы, и определится

¹¹⁹ Мирные битвы — спортивные состязания.

¹²⁰ Ристалище — стадион.

победившая — а потом состязаться будут победители шести улиц. Призом будут бронзоватые стрелы на шапку — взрослые этого не оценят, а вот любой Школяр при одном взгляде преисполнится зависти. Стрелы заказывают у давно привычных к этому Мастеров на собранные со всех участников денежки — и гордо носят во все времена года до следующего состязания, потом проигравшие их, понятно, снимают и берегут как память. Редко-редко случается, что старые победители стрелы носят два срока подряд, то есть круглый год, а вот о трехкратных победителях только легенды ходят, которым никто не верит, потому как вранье: всякий раз рассказчики завлекательных баек называют разные улицы, вовсе не из их квартала...

Вот тут уж ватажка постарается из кожи вон вылезти — один только раз уличные состязания из трех выигрывали, но провалились на шести межуличных, что не позор, но изрядная плюха по самолюбию...

Старые луки и стрелы вполне годились в дело, но для состязаний все обзаводятся новыми, так уж исстари повелось. И потому привычно распределили обязанности, зная, кто в чем силен: Тарику предстояло раздобыть бычьи жилы для тетивы, Чампи — срезать ветви тополя для луков и настругать стрел, Шотану — смастерить каменные наконечники, Байли... — гм, обеспечить гусиные перья (самая рискованная часть работы — птицеводы очень неодобрительно относились, когда у их гусей выдирали перья, им только попадись!), Данка приделает наконечники и оперение. Ну, а тетиву каждый будет прилаживать сам...

После вдумчивого разговора о состязаниях возникла некоторая заминка, и Тарик, видя, что разговор застрял, как тяжело груженная габара в глубокой грязи, сказал, как заранее собирался:

— Ну что, теперь поговорим о Серой Крепости?

Глава 10

СЕРАЯ КРЕПОСТЬ КАК ОНА ЕСТЬ

Никак нельзя сказать, что его слова оказались ошеломительной неожиданностью, разговор о Серой Крепости заходил и прежде — последний раз совсем недавно, три дня тому, — но все разговоры были этакими отвлеченными рассуждениями: мол, хорошо бы, да как-нибудь надо обсудить серьезно, да решаться пора... А теперь Тарик решил, что настала пора от слов перейти к делу.

Хорошо еще, что не увидел ни на одном лице испуга — но вот удивление читалось на всех... Тарик усмехнулся:

— Ага, вот именно. Болтали-болтали, переливали из пустого в порожнее, ловили радугу шапкой, как тот деревенский дурачок из притчи, мечтательно глазки закатывали: как бы утворить что-то лихое и отчаянное, чего ни одна ватажка не делала... Что, так и останется пустыми мечтаниями? Что бы мы ни утворили, другие ватажки давным-давно проделывали, разве что не на нашей улице. А вот если мы сходим в Серую Крепость, будем первыми.

— И никто об этом знать не будет, — сказал Чампи не перечаще, а по своей всегдашней привычке уточнять и добавлять. — Никому ж об этом не сможем и словечком пискнуть. Если родители узнают, что мы в Серую Крепость ходили, три шкуры спустят. Даже те, кто в наказаниях умеренны. Скажешь, нет?

— Ну отчего же, — сказал Тарик. — Все верно говоришь. Уж на что мой папаня в наказаниях умерен, а узнай он, что мы ходили в

Серую Крепость... Я точно месяц сидеть не смогу, и в Школариуме стоять придется, все хихикать будут...

— И со двора запретят выходить, если не в лавку и не в Школариум, — уныло промолвил Шотан. — Со многими случалось, и со мной самим тоже. Спрячут штаны в ларь под замок, а без штанов ты и сам носу на улицу не высунешь, даже в палисадник не выйдешь — запозорят... Да мало ли какое наказание родители придумать могут к тем, что уже в ходу...

— Боишься? — прищурился Тарик. — А раньше озоровать не боялся, хоть пару раз и огребал по самое не могу...

— Раньше точно знали, что за что получишь. А теперь придется гадать, что измышлят родители, если узнают. Ясно только: что-то прежде небывалое по свирепости. Я даже не наказания боюсь, тут другое... Придется, даже если все благополучно кончится, язык держать за зубами, пока в Мастера не выйдем, когда драть нас смогут только по приговору Цеха, да и то за такие вины, каких никто из нас заведомо не учинит...

— Ах, вон оно что... — прищурилась Данка. — Слава мимо проплывет, вот что тебя колышет... Шотан, а как быть с прошлогодней проказой, когда мы с Певучего фонтана грозовой ноченькой шершавкой¹²¹ шесть бронзовых воробейчиков отчекрыжили? Год без малого прошел, а мы и словечком никому не намекнули, что это мы. Лежат у нас до сих пор воробейчики, в дальние уголки попрятаные, и никто ничего не знает. И промежду прочим, если бы узнали, кто воробейчиков попятил, всех в строгую Воспиталку определили бы — о чем мы все знали заранее... И единственной наградой для нас было то, что об этом не то что весь квартал — весь город неделю говорил, пока следующая звонкая новость не объявилась. И мы, слушах пересуды, невинные рожицы делали, зато про себя хохотали: это ж мы, мы самые! Давным-давно новых воробейчиков отлили и на фонтан пришпандорили, история эта забываться стала — а мне вот до сих пор как маслом по сердцу подумать: мы это сотворили! И пусть никто не знает...

¹²¹ Шершавка — напильник.

— И про тот герб с дверцы графской кареты тоже никто не знает, кроме нас, вот уже полгода, — добавил Байли. — До сих пор у меня в амбарушке прикопан так, что никто искать не возьмется. Тоже хохочем про себя да вспоминаем на сходах, и всего-то.

— Именно, — поддержал Чампи. — Это про воробейчиков весь город говорил, а про герб и по кварталу не разлетелось. И кучер, и ливрейные лакеи, без присмотра карету у таверны оставившие, о своем позоре не распространялись. Быстренько укатили во дворец, никто и не понял толком ничего, кроме тех, кто рядом оказался и видел, что с дверцы герб выдран. Так сколько их было? Темный вечер стоял, а фонари еще не зажигали — небо было хмурое, темнота упала до «фонарного часа», а раньше времени фонари зажигать не положено. И ни одна живая душа нас не видела.

— Тоже приятно вспомнить, — хихикнула Данка. — Уж точно, и кучер, и лакеи от графа получили выше крыши. Кучер ни при чем, а лакеев не жалко: оба мне грязные слова говорили, когда я из Школариума шла...

— И про то, что это мы на копье монументу конного рыцаря на мосту Доспешников тыкву насадили ранним утречком, тоже никто не знает, — сказал Чампи. — И всего удовольствия было, что мы потом с невинным видом на мост зашли и вместе с ранними зеваками поглазели, как смотрители, на чем свет стоит ругаясь, на монумент лезли тыкву снимать — и плохо получалось у этих старых недотеп...

Тарик приободрился: ясно уже, что все трое, хоть и не поддерживали прямо, на его стороне. Он сказал ничуть не задиристо:

— И уж конечно, никто из нас не станет болтать по улице, кто на воротах у Хорька поносные слова написал. Достаточно и того, что твердо знаем промеж себя: собирались многие, а решились мы первые, и все последующие будут вторыми... Что с тобой такое, Шотан? Как будто впервые узнал, что добрая половина наших проказ так всем неизвестной и останется. Нам самим по сердцу, и достаточно. А уж пойти в Серую Крепость первыми — это, дружище Ягненок,

даже не воробейчиков с фонтана отколупнуть. Это, говоря учеными словами из книжки, свершение...

— А если мы не первые? Если кто-то уже сходил, и не вчера, а давно тому, да помалкивает? Тридцать два года тянется, мог и раньше смелости набраться кто-то лихой да отчаянный...

Положительно, Тарик его сегодня не узнавал... Он сказал, не раздумывая особенно:

— Ну и что? Нет, какая разница? Если об этом все равно никому не рассказывают? Раз про тех, кто раньше нас там побывал, никто ничего не знает, их все равно что и не было. Главное, чтобы мы знали: и это мы сделали... Шотан, что сегодня с тобой такое? Не узнаю я тебя. Сколько раз творили такое, о чем никто не знал, кроме нас, всего-то навсего еще раз утворим...

Он давно, едва начал разговор о Серой Крепости, подметил, что Шотан избегает встречаться с ним взглядом — никогда такого не было со старым другом и содельцем во всех проказах. И настойчиво повторил, чуя что-то вроде недоуменной обиды:

— Шотан, да что с тобой такое?

Шотан впервые взглянул на него, но тут же отвел глаза. В голосе слышались незнакомые нотки — растерянность и боязнь:

— Тарик, но ведь в Серой Крепости может оказаться такое... Нелюдское вовсе, и уж никак не белое...

Тьфу ты! Следовало подумать об этом раньше... Шотан у них единственный, кто покупает и взахлеб читает голые книжки весьма своеобразного содержания: не приключения, не любовные, не разбойничьи, а только те, где рассказывается о том, что Церковь называет «туманным занавесем»¹²², — конечно, в тех рамках, что позволяют этим писаниям не подпасть под регламенты о ереси...

Как противостоять этому, Тарик давно знал — не впервые случилось, но не принимало столь серьезного оборота. Он посмотрел на Чампи, и тот сразу все понял. Солидно поправив стекляшки средним пальцем, сказал уверенно:

¹²² Туманное занавесье — название для всего потустороннего.

— Шотан, мы об этом уже говорили... Голые книжки для того и печатаются, чтобы срубить денежку, а не распространять настоящие знания. Ну да, они иногда пишут и о том, что есть на свете, но не в пример там больше самых беззастенчивых выдумок. Чтобы покупали и покупали, такие небылицы распишут... Вот и о Серой Крепости куча баснословия вроде «Привиды»¹²³ крепостных стен» — пять книжек уже вышло, торговцы говорят, не сегодня завтра шестая появится...

— Вот именно, — подтвердил Тарик. — Студизус Балле даже говорил, что знает, кто «Привидов» пишет: бывший Титор, разве что не из нашего квартала, которого несколько лет назад прогнали с позорным публичным снятием мантии и цепи Совы — за то, что склонял Школярниц за похвальные записи разные похабки проделывать. Родители даже хотели его к судье отправить, да он дворянин, хоть и из захудалых, — ну, родня отстояла. И ведь не бедствует теперь... И ты этому мозгоблуду веришь? И прохвостам вроде него?

— Мало ли что... — проворчал Шотан. — И в книжках пишут, и люди говорят... не бывает дыма без огня...

— Всем ты хорош, Шотан, не нахвалишься на тебя, — с досадой сказал Тарик. — Ладно, поговорим... Я не хочу на тебя давить званием ватажника — сроду так не делал. Я тебя убедить хочу. Про Серую Крепость я, чтоб ты знал, заговорил не сгоряча — пару дней думал, обмозговывал, прикидывал. И что получается... Серая Крепость еще задолго до короля Магомбера перестала служить прикрывавшей столицу твердыней — больше не ходит с той стороны супостат, далеко рубежи отодвинулись, да и ослабело королевство Шателон, это наши его воюют частенько, взять хотя бы последнюю войну, где мой старший брат блескучку на грудь заработал... После того как король Магомбер вернулся в столицу, лет двадцать в Серой Крепости были мастерские по выделке арбалетов, а потом они захирели, когда великий Убару придумал пуляющие свинцом

¹²³ Привиды — привидения. В широком смысле — все обитатели потустороннего мира, не относящиеся к нечистой силе.

мушкетеры. Убрали их, вывезли все мало-мальски ценное, все, что денег стоит, а Серую Крепость объявили бесхозным королевским имуществом — и портить нельзя ничего, и постоянной охраны там нет. Так и стоит почти триста лет. Вроде бы собирались продать ее Цеху каменного строения — там же тесаного камня немерено, целую улицу можно застроить. Да почему-то так до сих пор и не сложилось... И никто туда не ходил — а зачем? Чтобы водить девок и распивать втихомолку винцо, у Подмастерьев хватает местечек поближе и поудобнее, нашу мельницу хотя бы взять или бесхозные конюшни. Никто туда не ходит, вот разве что... Чампи, ты ведь лучше меня про остальное расскажешь?

— Вот именно, — поправив стекляшки, отозвался Чампи, всегда готовый поделиться и знаниями из переплетных книг, и тем, что узнал, прирабатывая в лавке дядюшки Лакона. — Если кто туда и ходит, так это «ночные копальщики»¹²⁴, да и они давненько уже перестали наведываться по скудости добычи. Ну что можно выкопать в бывшей твердыне и бывшей арбалетной мастерской? Старые монеты небольшой ценности и прочую мелочовку. Бывают места, где можно взять старожитную посуду, и необязательно целую: за иные черепки, обливные, с узорами и росписью, тоже можно взять неплохую денежку, у нас в лавке таких целая полка, и ведь не залеживаются. Только это черепки от дорогой посуды, что есть у одних богачей и дворян. И откуда в твердыне и мастерской дорогая посуда? Одна дешевая, какая и целая гроши стоит. Иногда появляются там болваны, что за хорошую денежку купили у пройдох «радужные карты»¹²⁵ — такие до сих пор попадают. Иных даже уверяли, будто там так и остались сокровища короля Магомбера, — а чтобы в это всерьез поверить, надо быть законченным идиотом. С чего бы это король Магомбер, вернув власть над столицей и вновь воссев

¹²⁴ Ночные копальщики — примерно то же, что «черные археологи».

¹²⁵ Радужные карты — насмешливое название мошеннических карт несуществующих кладов. Скорее всего, пошло от известных поговорок про радугу, которую рукой не ухватишь.

на троне, сокровища оставил в Серой Крепости, а не привез назад? Он же не ведал, что через три года его вепрь заперет, долго жить собирался. Иные проходимцы даже уверяли, что там и Серебряный Волк закопан, а это уж вовсе чушь несусветная.

Он замолчал и видно было, что сказал все.

— Теперь о привидах, — добавил Тарик. — Ну да, и нас всех, когда были Малышами, родители пугали жуткими рассказами про привидов Серой Крепости, и родителей наших... Вообще, идет это незнамо с каких времен: не удивлюсь, если с тех пор, как Серую Крепость забросили. Только теперь-то всерьез думаешь: эти жутики придуманы исключительно затем, чтобы и Малыши, и Недоросли, да и мы тоже не шатались по местам, где бес знает что случиться может. Подвалы там большущие, в них, говорят, заблудиться можно и назад на белый свет не выбраться или в какую-нибудь ямину ухнуть вроде старого высохшего колодца — в любой твердыне много таких колодцев на случай осады.

Одним словом, такое местечко, где по неосторожности сгинуть можно, и не от привидов, а от самых что ни на есть натуральных причин. А привиды... Я так полагаю, заведись там привиды, да не просто безобидные вроде тумана, а злые человеку, кровопивные, — давно бы нагрянули Гончие Создателя и вывели начисто: о том, что они такое умеют, не только в голых, но и в ученых книжках написано. Чампи не даст соврать...

— Запрет... — процедил Шотан уже не с таким боязливым видом. Кажется, он в глубине души хотел, чтобы Тарик его убедил... Уже лучше!

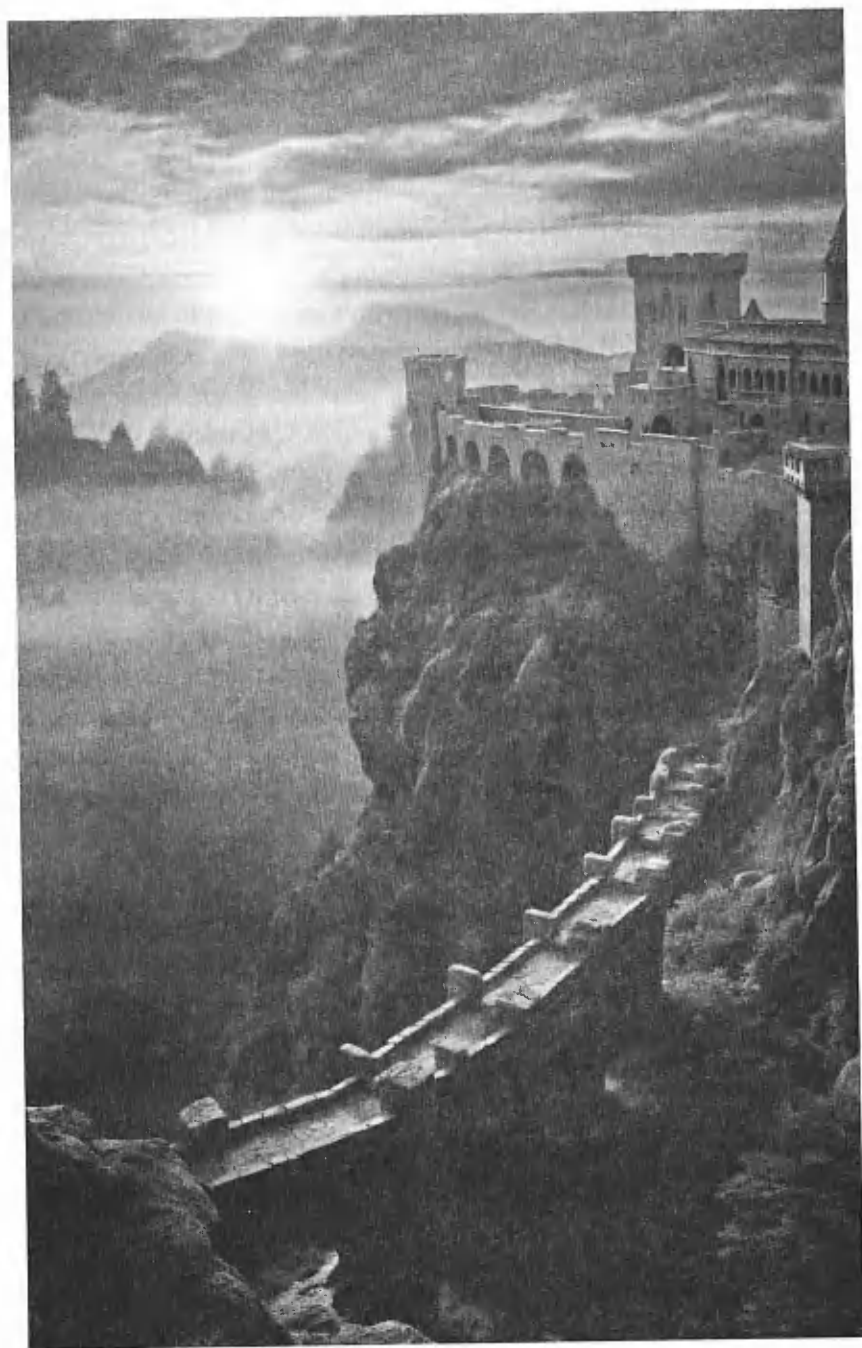
— Ну да, запрет, — сказал Тарик. — Тридцать два года назад магистрат объявил запрет на хождение в Серую Крепость, «черную руку» вокруг понатыкал — что опять-таки Чампи лучше всех знает, с тех пор как его папане попал казенный подряд на подновление... Однако, ребята! — он значительно поднял палец, подражая Титору Келлану. — Запрет-то есть, а судного пункта за нарушение запрета нету! Ну, нету! А если подойти с другой стороны... Сколько раз мы чихали на судные статьи регламентов — и с бронзовыми

воробейчиками, и с каретным гербом, и с садами... да столько можно вспомнить! А уж там, где запрет есть, а кары за нарушение не объявлено, для таких зухвалов¹²⁶, как мы, — растереть и плюнуть! Одним словом, думал я, думал и придумал вот что: все, что случилось вокруг Серой Крепости, — ну совершеннейшая негласка! А негласки попадают и глупые, которые соблюдать не стоит. Люди их выдумывают, люди и отменяют. Как уже на нашей собственной памяти было с неглаской на голые руки у летних женских платьев. Столько лет говорили, что голые руки — это жутко неполитесно, что непременно должны быть рукава, хотя бы до локтя, а потом — хлоп! — и как-то само по себе отменилось. Смотришь, и с Серой Крепостью так же будет. Хлоп — и начнут туда ходить. Только мы-то будем знать про себя, что мы были самыми первыми. И ведь когда болтают о привидах Серой Крепости, с потолка все берут. Я ведь и со студиозусами советовался насчет Серой Крепости, а на них полагаться можно, они переплетных ученых книг прочитали больше, чем наш Чампи. Студиозус Балле говорил: так и обстоит, как мне представляется. Рассказывают всякие жутики о пропавших в Крепости мальчишках, а начнешь концы искать — никаких точных следов. «Один Школяр», «один Недоросль» — а в именах, улицах и кварталах жуткий разнобой, двух одинаковых никогда нету, а значит, выдумки вроде городских легенд. Балле сказал, что они сами туда хоть завтра сходили бы, только им это ни к чему: у студиозусов свои зухвальства, а вот для Школяров — в самый раз.

— И когда пойдем? — спросил Байли насквозь деловито.

— А вот сейчас! — азартно воскликнул Тарик. — Чего котофея за хвост тянуть? Дело у нас осталось одно, мелкое, враз решим. Дома разрешили гулять до темноты, а времени навалом — сами слышали, на часомерной башне только что шесть пробило, так что часа четыре у нас есть, а до Серой Крепости не далее майлы. В подземелья не полезем: у нас факелов нет, а без факелов или фонарей с «огневиком» там и делать нечего. Походим да и вернемся еще

¹²⁶ Зухвал — удалец, лихой парень.

засветло. А что до привидов... — он не глянул на Шотана, хотя все понимали, что это относится только к нему. — Какие привиды в светлое время? В светлое время разгуливают только ведьмы с колдунами, да и то в своем истинном облике, раньше темноты никакой животиной не обернутся. Да еще, говорят, Озерный Конь и Лесная Заманушка... но Коня уж точно там нету, потому что нету и озера, а Заманушка, деревенские полагают, только на глухоманных лесных стежках показывается. А если кто хлюздит идти, — он снова не смотрел на Шотана, — насильно не тяну, и ущерба ему в моих глазах не будет...

— Нет уж, я не хлюзда! — воскликнул Шотан, став совершенно прежним, и Тарик за него порадовался.

Ну, по обычаю зухвальства... Одни только Градские Бродяги разгуливают с непокрытой головой, давая лишний повод для презрения, да еще Малыши, а вот начиная с Недорослей выйти с «пустой головой» на люди — все равно что без штанов. Так что все были в летних беретах. Проворно сняв свой, Тарик шваркнул им об пол, взлетели еще три руки, и почти одновременно три берета упали рядом, только Шотан припоздал совсем ненадолго, без видимых колебаний, сразу видно — убедили его Тарик с Чампи...

Обычай был соблюден, и они разобрали береты.

— А какое еще мелкое дело? — спросила Данка.

Тарик рассказал о Дальперике, попросившемся в Приписные. Иногда возможных Приписных обсуждали долго, порой, хоть редко, отклоняли большинством голосов, но сейчас приняли быстро и не обсуждая: годный Недоросль, все согласны, не подведет ватажку и не опозорит, к школярским годочкам достойного сменщика воспитают...

А потом Тарик встал и, старательно скрывая вполне понятное волнение, сказал:

— Ну что, пошли?

И все поднялись на ноги без единого слова — хотя то же волнение отражалось на всех лицах, у кого слабее, у кого ярче. Ватаж-

ка оставалась прежней ватажкой, имевшей за спиной не одно зухвальство...

Вышли, Тарик навесил замок, запер, повесил шнурок ключа на шею, и они двинулись, делая крюк, чтобы не показываться на открытом месте, в чистом поле, — что ненамного удлиняло путь. Шли топольником, пересекли широкую прогалину с высокой травой и редкими кустами огнецвета, потом опять топольником. И, когда сквозь негустые деревья показалась Серая Крепость, повернули туда. Прошли так, чтобы Крепость заслоняла их от возможных очевидцев. Ничуть не задержавшись, подошли к воротам, не особенно и широким, как всегда в твердых и бывает — чем шире ворота, тем легче их выбивать.

Вокруг Крепости протянулись отстоявшие друг от друга на пару размашистых шагов запретительные знаки: ярко-красные круги с тележное колесо шириной и нарисованной в центре каждого черной пятерней с растопыренными пальцами. Краски совсем свежие — постарался папаня Чампи, этой весной получивший долгий подряд на подновление знаков. «Очень даже денежный отломился подряд, — сказал Чампи, — знаков около двухсот, жаль только, что подновление бывает раз в три года...»

Окованные проржавевшими железными полосами створки ворот, распахнутые настезь вот уже чуть не триста лет, ушли в землю, проем густо зарос травой, на широком каменном мостике над воротами три полукруглых котла на треногах, в которых когда-то горячили смолу, чтобы лить на головы осаждавшим. Котлы тоже проржавели дальше некуда. В проеме виднелась цитадель посреди так же заросшего дикой травой обширного двора — трава росла правильными квадратами, давным-давно пробившись меж мостившими двор плитами. Могучие стены в три человеческих роста, с высокими зубцами, за которыми когда-то укрывались лучники и арбалетчики; прилепившиеся к стенам на равном расстоянии полукруглые башни, такие же зубчатые... Крепость казалась возведенной вчера: ни один камень — серый, огромный, тесаный — не выпал и не зашатался. Старинные мастера постарались на совесть. Кружили байки, что

всех камнекладов, всех Архитектов и Анжинеров казнили потом, чтобы не выдали тайн твердыни, — но это байки и есть. Студиозус Балле, писавший к испытаниям как раз рефератий о старых фортециях, говорил, что перевернул в архивах Цеха каменного строения немало исписанных старинным букворядом документов и скажет точно: ничего подобного, все получили щедрую награду от тогдашнего короля, и их имена на протяжении еще многих лет встречались в бумагах...

Все молчали, стоя тесно друг к другу. Как, несомненно, и все остальные, Тарик старательно набирался храбрости: не так просто было решиться на этакое зухвальство, все они с раннего детства наслушались от родителей жутких рассказов и получили строжайшие запреты не то что заходить в ворота, а даже подходить к Серой Крепости на бросок камня, чтобы не стать жертвой кровососных и людоежорных привидов, особенное влечение питавших к маленьким детям. А потом, Малышами, Недорослями и даже Школярами взахлеб рассказывали друг другу страшилки вроде той, как один зухвалый Подмастерье все же подошел к воротам ближе броска камня и видел, как между строениями перебежали скрюченные мохнатые фигуры — ясное дело, привиды (вот только никто этого Подмастерья сам не видел, и он всегда был не с ихней улицы, а с которой-то дальней). Так же обстояло и с теми, кто будто бы видел ночью на стенах белые фигуры и полет загадочных огней. (Будучи невелик годочками, Тарик долго простаивал ночь у забора палисадника, пляясь на далекую Серую Крепость, но никогда не видел ничего необычного, так что забросил это занятие.)

Ладно! Ватажник он или нет? Решившись, Тарик пошел в ворота и слышал, как за ним двинулись остальные. Зачем-то старательно считал шаги: восемь, одиннадцать, двадцать...

И ничего не происходило. Солнце светило с безоблачного неба, уже чуточку кренясь к закату; стояла тишина — обычная, покойная, ничуть не «зловещая», не «давящая», как обожают писать сочинители голых книжек. Только дикие пчелы с едва слышным жужжаньем

кружили над медоносными цветами росшей там и сям калифены — в точности так, как в диком поле за стенами крепости.

Посреди двора стояла цитадель — последний очаг обороны в случае преодоления врагом стен: высокая круглая башня с узенькими бойницами, усыпавшими ее начиная с высоты двух человеческих ростов. Окружавший ее ров давным-давно высох, края оплыли, узенький перекидной мостик так и опущен какую сотню лет, цепи проржавели, дверь распахнута. Несколько разбросанных по двору строений все до одного с черепичными крышами — в крепостях никогда не бывает деревянных крыш, чтобы не загорелись, когда враг будет швырять внутрь горшки с поджигательной смесью. Кое-где черепица провалилась внутрь. На их глазах в одну дыру влетел голубь, так уверенно, по-хозяйски, что сразу видно: гнездится он тут.

— И что теперь? — спросил Шотан, ничуть не понижая голоса: видимо, не чувствовал такого побуждения.

И в самом деле, что теперь? Тарик ощутил нешуточное разочарование. Нет, он не ожидал здесь увидеть ни чудес, ни диковин (откуда им взяться?), но окружающее было настолько спокойным, что рождало нечто вроде внутреннего протеста, ощущение жгучей неправильности: солнце, тишина, старинные каменные дома, башня как башня, заросший травой мощный двор.

— Входы в подвалы искать — полоумным надо быть, — сказал Байли. — Может, зайдем в тот вон дом, что ближе всех, или в цитадель?

— А зачем? — спросил Чампи.

— Ну, может, любопытное что найдем... — Но его голос звучал безо всякой уверенности.

— Нету там ничего любопытного. То ли жилье, то ли мастерская, самые обычные. Отсюда ж не бежали в панике, спокойно уходили, когда мастерские закрыли. Все свое с собой унесли, было время...

— Да я понимаю, — сказал Байли вроде бы грустновато. — Только ведь ничего любопытного, а столько лет жуткие рассказы бродят...

— Ну, хоть цитадель кругом обойдем, — сказал Тарик, сам не зная, зачем это предложил (но не стоять же как дураки?).

И первым пошел вдоль оплывшего рва, где на дне буйно росли кусты люпиниса.

И остановился с маху. В первый миг его прошила от затылка до пяток неприятная дрожь, но он тут же опомнился: впереди не было ничего удивительного или страшного, просто... Просто увиденное ничуть не походило на все окружающее, триста лет пребывавшее в заброшенности и сонном покое...

Словно грубо проделанная дыра на чистой ткани. Или свежий грубый пролом в безукоризненном заборе...

Посреди заросшего травой и кустарником двора зияла большая продолговатая яма, где могла бы поместиться — только без оглобель — немаленькая габара. Глубиной примерно в половину человеческого роста, дно неровное, бугристое, земля рассыпчатая, ничуть не каменистая — должно быть, копать такую легко. Рядом большие кучи коричневатой земли, самой обыкновенной — она в округе именно такая. Четыре кучи.

Они, переглядываясь недоуменно, подошли к краю и заглянули в яму. Ничего любопытного, кое-где виднеются следы подошв от самых обычных башмаков с низкими каблуками, какие носит пре-великое множество простолюдинов — с тупыми носками, это у дворян сапоги (и башмаки) всегда остроносые, каблуки меньше и выше. Сразу ясно было, что на рытье такой ямищи убили часов несколько (все они, за исключением Данки, сызмальства возились с огородами и понимали толк в землековырянье).

— Вот и любопытное, — сказал Байли. — Как будто тут и не мощено. Иначе непременно подковырнули бы сначала плиты, а ни одной не видно.

— А вокруг цитадели всегда не мощено, — со знанием дела пояснил Тарик. — Мне брат растолковал. Когда ясно, что враг ворвется и придется в цитадель отступать, вокруг роют ямы, ставят туда капканы или копыя острием вверх, особые колючки железные,

а потом придают такой вид, будто ловушек и нету. Ну, и враг туда ухает сгоряча...

— Ну да, — сказал Шотан. — Читал я что-то такое в голой книжке о приключениях гвардейца Панталя... А вот какого беса они тут копать взялись? Уж это никак не привиды — люди старались...

— Клад искали, — предположила Данка.

— Откуда здесь клад? — возразил Чампи. — Кто клады зарывает в крепости? Нет, всякое бывало. Точно известно: когда стало ясно, что крепость Баралет вот-вот падет, комендант с двумя солдатами тайком от остальных спрятал где-то казну — говорят, целый короб золота и серебра. Только при последнем штурме погибли все трое, и где казна, лет семьдесят как неизвестно. Когда крепость отбили назад, король велел искать. Поискали и бросили: подземелья там большущие, а сокровище не такое уж потрясающее, да и война продолжалась, не до того было.

— Ну, а здесь-то откуда казна? — пожал плечами Шотан. — Неоткуда ей взяться: все, что король Магомбер ценного привез, назад и увез...

— Значит, каким-то дурачкам загнали «радужную карту». Они и купились: поди, всю ночь копали. Другого объяснения и нету. Уж я про «ночных копальщиков» и «радужные карты» наслушался. Точно, растяпы купили «радужную карту»: не они первые, не они последние...

Спорить никто не стал: в этих делах Чампи разбирается лучше всех, долго в лавке дядюшки Лакона прирабатывает и рассказывал кое-что — конечно, не называя имен и местностей...

Всякий торговец старожитными вещами, даже самый политесный, втихомолку поддерживает довольно тесные отношения с «ночными копальщиками». А у тех свои хитрушки. Находку, выкопанную на королевских землях, нужно отдать в королевскую казну, половину найденного на землях вольных городов — в казну магистрата. Ну, а все найденное на земле дворянина дворянину и принадлежит. Потому даже политесные копальщики с выправленной бумагой порой ведут себя как «ночные»: и утаивают изрядную часть найденного,

и забредают на дворянские земли, где поглуше. И тут своя очень выгодная хитрушка, рассказал Чампи. Стоит отъехать подальше от места, где копал, — и никакая Стража, никакой прокуратор, никакой суд не докажут, что шустрый человечек эти вещички нашел там, где должен был половину стоимости отдать или вовсе копать не имел права. Точно так же и торговца не прищучат... И потому лавки пополняются не самыми честными путями.

А потому, не вступая в обсуждения, посмеялись над незадачливыми искателями сокровищ, потерявшими неплохую денежку — «радужные карты» задорого дурачкам продают...

— А вдруг? — азартно воскликнул Байли. — Вдруг да и в самом деле клад? И даже не клад... Чампи, ты же сам книгу показывал про могилы древних королей, еще языческих. Иным несметные сокровища в могилу клали — так уж было у язычников заведено, на то они и язычники... И далеко не все могилы отысканы, там писалось...

— Могло и так быть, — подумав, согласился Чампи. — Языческих королей, пишут, хоронили на вершинах холмов и высоченный курган насыпали. Такие уж привычки были у них, у язычников. Ну, все курганы и те холмы, в которых подозревали курганы, давно раскопали, а вот с теми холмами, что изначально холмами и были, посложнее будет — очень уж их много. Ежели подумать... В древние времена, когда еще не было Серой Крепости, а город уже стоял, холм как раз и был холмом, и гораздо выше, чем теперь. Так что запросто могли.

— Нашли бы, когда крепость возводили, — сказала Данка. — Подземелья глубокие, копали глубоко...

— Так ведь не везде: где-то копали, а где-то нет, — живо возразил Чампи. — И потом, языческих королей хоронили ну очень уж глубоко — так у язычников было принято: чем знатнее человек, тем глубже его хоронили, а уж королей... Могли и не докопаться, когда рыли подземелья...

— Ну ничего себе! — ахнул Байли. — Это выходит, прямо у нас под ногами, очень глубоко, могут несметные сокровища лежать?

Все посмотрели под ноги так, словно надеялись увидеть сквозь землю древние сундуки с несметными сокровищами и причудливый гроб, какие нарисованы в той книжке.

— Несметные... — заворуженно повторил Шотан. — Даже отдать королевской казне половину, столько останется...

— А как до них добраться? — пожал плечами Чампи. — Самим копать? Хотя сейчас и каникулы, где мы столько времени возьмем?

— А выследить их?

— И что потом?

— Тут надо подумать...

— Выслеживать «ночных копальщиков» — дело опасное, — сказал Чампи. — Народ отчаянный, зарежут и глазом не моргнут. Да и на выслеживание уйдет столько времени... А дальше? Попросить поделиться? Тут они нас и прикончат. К властям идти? Насквозь неполисесно. А главное — с чего мы решили, что тут могила языческого короля? Только оттого, что это холм? Гораздо больше похоже на правду, что опять каким-то простодушным ловкачи «радужную карту» продали...

— Зануда ты все-таки, — грустно сказал Байли. — Помечтать не даешь как следует...

— Что толку в пустых мечтах? — возразил Чампи. — Мечта хороша, когда на жизнь опирается.

— Ну, ты и зануда... — повторил Байли тоном необидной подколки.

— Какой есть, — развел руками Чампи.

Подобные мелкие перепалки, бесконечно далекие от настоящей ссоры, меж ними случались часто, к чему и они сами, и все остальные давно привыкли. А потому Байли замолчал и принялся разглядывать кучи вырытой земли, совершенно неинтересные. И вдруг воскликнул:

— А посмотрите-ка туда!

— И что там? — спросил Тарик безо всякого интереса.

— Все три — кучи как кучи, как попало набросанная земля, а с четвертой что-то определенно не так, что-то с ней делали... Нет,

точно, присмотритесь! — он нетерпеливо переступил с ноги на ногу. — В самом деле не видите? Ну, тогда я сам...

Теперь и Тарик увидел нечто любопытное. Три кучи остались в неприкосновенности: как землю выбрасывали, так она и лежала, а вот боковина четвертой порушена — сразу видно, человеческими руками. Лежит ровным слоем размером с одеяло. Подойдя к ней, Байли присел на корточки, покопался в земле обеими руками и с торжествующим возгласом выпрямился, держа в руках широкую лопату с ручкой гораздо короче тех, какими пользуются землекопы.

— Вот оно что, — сказал он. — Там и вторая прощупывается. Точно, двое их было. Собираются еще вернуться, раз лопаты не унесли и не бросили. Может, и правда последим?

— Лучше по-другому сделаем, — сказал Чампи не задумываясь. — Я завтра поговорю в лавке и с дядюшкой Лаконом, и с другими. Полезно им будет знать, что кто-то в Серой Крепости копает, найдется кому последить и без нас. А если что, без доли не останемся, мы ж первые усмотрели...

И он замолчал — тут уж были не просто цеховые тайны, а кое-что посерьезнее, в иных голых книжках пишется, что у ремесла торговцев старожитностями и «ночных копальщиков» есть потаенная сторона, куда чужаку лучше не лезть: тут порой и ножи в спину, и безвременно скончавшиеся чересчур ретивые сыщики, и много чего еще. Нравы и ухватки кое в чем такие же, как у стригальщиков. Однажды они спрашивали у Чампи, сколько тут правды жизни и сколько выдумки. Чампи свел разговор на другое, но держался так, что все поняли: есть тут правдочка. И больше не расспрашивали — не было ни надобности, ни желания лезть в чужие опасные игры, от которых могут выйти одни неприятности...

— Закопай назад, пусть будет как было, — посоветовал Чампи. — Они и не заметят, что кто-то трогал. Пусть и дальше копают, а там видно будет, уже не наше дело...

Байли, не прекословя (тут Стекляшке виднее, и спорить нечего), вновь опустился на корточки, положил лопату и стал забрасывать ее горстями земли, стараясь, чтобы выглядело как раньше. И тут...

Тарик видел ясно: сбоку на нетронutom склоне той же кучи вдруг зажглось неяркое желтое сияние, путаница полупрозрачных линий — постояло немного и растаяло.

— Видели? — обернулся он к остальным.

— Где?

— Да вон там! Зажглось и погасло...

— Ничего там не зажигалось, Тарик, — пожала плечами Данка.

И все остальные смотрели так же недоуменно. Либо ему привиделось, либо... это видел только он один. И ведь было уже кое-что, виденное только им одним... и, оказалось, рыбарем. Цветок баралейника и это похожее на невиданный узор сияние ничуть не походили друг на друга, но и то и другое большинство людей не видели...

Ведомый непонятным самому побуждением, он шагнул туда, присел на корточки и запустил руку в рыхлую землю там, где только что зажигалось странное сияние. Когда пальцы наткнулись на что-то твердое, на ощупь непохожее на камешек, воскликнул, как в таких случаях полагается:

— Чур, на одного!

Выпрямился, сдул с находки землю, положил ее на левую ладонь; присмотревшись, перевернул двумя пальцами. Все столпились вокруг него (Байли, закончивший работу, — тоже).

На ладони у Тарика лежала небольшая... словно бы пиалушка, из каких иные завсегдатаи таверн пьют и вино, и что покрепче. Напоминает срезанный шар: будучи поставлена, упадет набок и все разольется, так что, наполнив, выпивают. Разве что пиалушки высокие, а эта чашечка лишь чуть-чуть выгнутая (или чуть-чуть вогнутая — зависит от того, с какой стороны смотреть). Тяжеленькая (значит, не деревянная), покрытая ядовито-зеленым слоем чего-то непонятного, сквозь который кое-где проглядывает черное. Сроду такого не видел. Судя по лицам остальных, они тоже. Кроме...

— Дай-ка глянуть...

Чампи, единственный не выказавший удивления, взял у него с ладони непонятную штуковинку, взвесил на руке, поколупал ногтем

толстую зелень — и, когда у него на кончике пальца осталось зеленое, удовлетворенно хмыкнул:

— Ничего тут непонятного. Бронза старая, неизвестно сколько в земле пролежала, оттого и покрылась патиной (вот этим черным), а потом появилась и ярь-зеленушка (вот это зеленое). Когда такая штукавина попадает в лавку, ярь-зеленушку счищают, а патину оставляют. Дела тут такие... Старую бронзу штукари фальшивят, вот только настоящую старую патину не сфальшивишь: ни за что не получится, да и фальшивая снимается быстрее. Знающие торговцы и собиратели накрепко усвоили: раз есть патина — вещь не фальшивая.

— И сколько такая может стоять в лавке? — спросил Тарик.

— Дай подумать... Небольшенькая совсем, простенькая... Наподобие древних амулетиков, но их столько лежит по лавкам... Все зависит от знаков. Прощупываются на обеих сторонах какие-то знаки, но очень уж ярь-зеленушкой заросли, так сразу и не заметишь...

— А если соскрести?

— Долго возиться... Да и вещь исцарапаешь, будто бешеный котофей. Это проще делается: кладется на часок в особый эликсир, и ярь-зеленушка совершенно размягчается, щеткой можно счистить быстренько. Есть эликсиры, которые и патину счищают, только в них надо держать часа два. И патину обычно оставляют — я только что сказал почему. Все зависит от знаков, — повторил он со спокойной уверенностью знатока. — Есть толстые книги, там все знаки собраны, какие только знают... Кожаные книги, дорожные, их только торговцы и самые серьезные «ночные копальщики» покупают, так что печатают их совсем маленько. У дядюшки Лакона они все есть, как у любого старого торговца, я только начал эту премудрость изучать... Если вещь старая... Чем старше, тем дороже. Но все равно денежка невеликая. Честный торговец вроде дядюшки Лакона даст тебе за нее самое большее серебряный далер — ну, понятно, сам продаст за два, должен же он свою выгоду поиметь, на том торговое дело и стоит, должен по своему папане знать...

— Так, — сказал Тарик. — Значит, эту самую ярь-зеленушку можно за часок снять... Где такой эликсир взять?

— Да в нашей же лавке. На такую вещичку потребуется... — Чампи присмотрелся опытным глазом, — флакон в полчарки, больше не надо. Эликсир, в котором вещь отмачивали, портится быстро. Если нет подходящего почти изработанного — придется покупать новый флакон, запечатанный, три гроша стоит.

— Ну, это не денежка... Сможешь завтра?

— Запросто.

— А эликсир, который эту самую патину убирает?

— Вот этот — шустак. В него что-то там похитрее намешано.

— Тоже не разорюсь, — сказал Тарик. — Вот тебе девять грошей, завтра, как выдастся минутка (а она непременно утречком выдастся, ты сам говорил, что у вас покупатели у прилавка не толпятся, а утром тем более — чай, не тошниловка¹²⁷), испкуай вещичку: сними и ярь, и патину.

— Я ж тебе объяснял насчет патины только что...

— Я не собиратель старожитностей, — твердо сказал Тарик. — Мне патина ни к чему, не собираюсь я никому ничего доказывать... да и показывать направо-налево не собираюсь. Так что чисти до бронзы... Останется на память, ни у кого такого нет: вещичка из Серой Крепости, завидовать будут и без патины. Хотя... Не буду я никому хвастать. Вы видели — и довольно. И никто не прикопается. Ты сам только что говорил, как дела обстоят. Выйдем отсюда — и никто не докажет, что я эту вещичку в Серой Крепости нашел. Собрался на рыбалку, копал червей в диком поле, вот и выкопал. Сам же говорил, что такое даже теперь случается. Земля не королевская и не городская, так что никто не прикопается...

— Ну, как хочешь... Сделаю завтра.

Чампи ссыпал гроши в карман, а вещичку гораздо бережнее положил в другой, завернув предварительно в носовой платок не первой свежести. Посмотрел на кучу земли:

¹²⁷ Тошниловка — низкопробная таверна, у которой еще до открытия толпятся пьянчуги.

— Выходит, они не заметили. Кидали землю, лишь бы до сокровищ добраться побыстрее. Серьезные «ночные копальщики» на раскопе и землю через сито просеивают: любую мелочь продать можно, грошик к грошику — вот и денар...

— Эти явно грошиками брезгуют, им сундук с драгоценностями подавай... — хмыкнул Тарик. — Ну, ватажка, что дальше делать будем?

Сам он чувствовал легонькое разочарование оттого, что оваянная жуткими легендами Серая Крепость оказалась столь скучным местом. Даже находка — не великое достижение: ежели подумать, всего-навсего не особенно и любопытная памятка...

— Как-то здесь... скучно, — сказал Байли, оглядевшись. — Постояли, поглазели... А что еще делать? В какой-нибудь дом или в цитадель зайти разве что. Так и там, ручаться можно, ничего не будет любопытного. Не скажу в точности, чего я ждал, но чего-то не того...

— Вот именно, — поддержал Шотан. — У Тарика хоть какая-никакая памятка останется, а второй точно не найдется...

— Землю просеять, — предложил Чампи. — Как серьезные «ночные копальщики» делают. Вдруг там еще что-нибудь, такое же невидное, которое эти недотепы не заметили?

— Чем просеять? — хмыкнул Байли. — Обычное кухонное сито не годится, землей его забьет быстренько...

— Да, точно, — смутился Чампи. — У «ночных копальщиков» особые сита, проволочные, и ячейки побольше, чем на кухонном. А покупать такое в лавке — дорого встанет. Увидят нас с ним — расспросы пойдут... Да и эти... копатели сразу заметят, что кто-то с землей возился. Среди них всякий народ попадает, не мы их, а они нас, чего доброго, отслеживать начнут. Тут хоть десять человек зарежь, никто и не заметит со стороны. Не стоит так нарываться из-за каких-то памяток. Тарику свезло — и ладно. Что-то я сегодня туплю. Расскажу дядюшке Лакону про этих копателей, а там уж пусть взрослые думают...

— Тогда я вот что предлагаю, — сказал Тарик. — Пойдем отсюда? Доказали сами себе, что мы зухвалые, — и хватит...

Возражений не последовало, и они все в той же покойной тишине, пахнувшей диким разнотравьем, пошли к воротам, уже совершенно уверенные, что ничего жуткого с ними здесь не произойдет. Так оно и оказалось. Вышли в ворота, направились той же обходной дорогой, через топольники и прогалину. Тарик временами поглядывал на друзей, но ни в ком не видел грусти или подавленности. Это ничуть не напоминало унылое отступление разбитой армии — они, с какой стороны ни смотри, все же провернули звонкое зухвальство: сходили в Серую Крепость, а он даже памятку нашел...

Потом ему пришло в голову: может быть, и до них изрядное число отчаянных головушек вот так же испытали разочарование, украдкой отправившись в Серую Крепость и обнаружив там сплошную скуку? Ну, какой смысл гадать? Хоть памятку нашел, как-то странно давшую о себе знать непонятным мерцанием...

Тарик первым распрощался с друзьями — жил ближе всех к Серой Крепости. Закрыв за собой калитку, оглянулся на нее — далекая зубчатая полоска на длинном холме у горизонта. В душе осталось чувство некой утраты: с малых лет слушал, какое это таинственное, загадочное место, а оказалось — скука и разочарование. Вот если бы на них выскочило что-то и впрямь жуткое, от чего пришлось бы улепетывать со всех ног с истошным визгом...

Едва он вошел в дом, подметавшая коридорчик маманя — а ведь могла бы поручить это Нури, чтобы не бездельничала кабальница, — сказала:

— Тут прибежал посыльный из порта, сказал, что Канцелярист Тариуш говорил, чтобы ты завтра приходил утречком.

— Это хорошо, — обрадовался Тарик. — Значит, опять будет работа нетрудная и денежная.

— И не затруднился Канцелярист к мальчишке посыльного гонять... — маманя, кажется, чуточку обеспокоилась. — Ох, Тарик... Как бы ты там не ввязался во что-нибудь неприглядное, а то и

опасное... Отец мне как-то рассказывал, что в порту всякое бывает, вплоть до потаенки...

— Глупости, маманя, — сказал Тарик, ничуть не лицедействуя и не кривя душой. — Конечно, слышал я краем уха про потаенку, и она там наверняка есть. Но заправляют ею, мне говорили, люди серьезные. Сама подумай: станут они с мальчишкой вроде меня связываться?

— Так-то оно так... Но приработок у тебя для мальчишки очень уж солидный: всякий раз по два далера домой приносишь. Многовато...

«Ну, предположим, причитается мне даже не два, а три — хитроумием Канцеляриста Тариуша», — подумал Тарик. И ничего в этом нет плохого, но все равно не стоит маманю посвящать в иные портовые тонкости...

— Тарик, лишняя денежка в хозяйстве не помешает. И ничего не имею против, что ты далер себе оставляешь. И все равно многовато что-то. Отец в твои годы, когда в порту прирабатывал, рассказывал, больше далера домой не приносил...

— Так это когда было, маманя, — сказал Тарик. — С тех пор и плата за разгрузку поднялась, как и цены...

— Ну, разве что... И все равно смотри не вяжись во что-нибудь этакое...

— Не вяжусь, маманя, — твердо заверил он. — Не Малыш, жизнь немножко знаю...

...Как и все его друзья — да что там, и все его годовички, — Тарик давненько уже пренебрегал и дневными, и вечерними молитвами дома, в одиночестве. Так уж повелось: считали, что достаточно с них и общей молитвы в церкви. И все же сегодня перед сном он встал перед висевшим на стене Главным Символом Создателя — раскрытой ладонью, с которой светило Животворящее Солнце, — сотворил знак Создателя и прочитал вечернюю молитву — очень уж был насыщен любопытными событиями сегодняшний день: тут и золотая квартальная сова, и рыбаха, и серебряный шустак, и находка в Серой Крепости, а особенно знакомство с Тами и ее согласие пойти с ним

на ярмарку. Хоть и нерадивый, а все же верующий, когда-нибудь нужно и поблагодарить Создателя за все приятное и радостное, что случается. И вряд ли Создатель разгневется, что Тарик чуть-чуть схитрил и выбрал самую короткую вечернюю молитву — «Благодарь твоя ввечеру». Вряд ли Создатель будет гневаться по таким пустякам — главное, Тарик в него сердцем верит...

А потом посмотрел в сторону надежно спрятанной растрепки, но решил оставить это на завтра — как-то неудобно после молитвы...

Глава 11

МАНЯЩИЕ ПАРУСА И НЕВЕСЕЛЫЕ ЗАГАДКИ

Проснулся Тарик засветло — у него всегда хорошо получалось просыпаться к нужному времени самому, без усилий мамани и дребезжання будильника (каковой к тому же был старый, дешевый, а нового родители не покупали, убедившись, что и без него Тарик никогда не просыпает Школариум). Быстренько натянул парусиновые штаны чуточку раструбами (настоящие раструбы ему не полагались, позволено лишь немного обозначить причастность к плавающим), накинул парусиновую блузу, опять-таки с рукавами чуточку раструбом, без пуговиц, с открытым воротом. Надел ботинки на босу ногу (носки носят только безнадежные «сушняки», то есть навсегда прикованные к суше). Повесил на шею поверх блузы бляху Портового Подручного, нахлобучил синий берет, как положено сбив его на правое ухо. Зеркало у него в комнате висело маленькое, с блюдце, старенькое, уже тронутое по краям разлапистыми зигзагами порчи, — даже если отойдешь к противоположной стене, во весь рост себя не увидишь. Но в этом и не было нужды, он и так знал, что выглядит как заправский лихой портовый паренек — каким и был почти уже год.

И родители еще спали, и Нури в своем чуланчике. Так что Тарик сам достал из шкафчика изрядный ломоть мясного пирога, кусок

пряника с начинкой и холодный чай, быстренько позавтракал и собрал себе обед. Положил сверток в сумку, куда вошла бы дюжина таких: порт есть порт, и заранее озаботиться большой пустой сумкой не помешает. Сотворил на удачу знак Создателя и вышел из дома, свернув на равнолегающую Ручейную: оттуда начинался путь в порт.

Путь был неблизкий, чуть поменьше часа быстрым шагом, даже если отлично знаешь все сокращавшие дорогу переулки и проходные дворы. Прохожих на улицах Города было еще мало, и никто не обращал на Тарика особенного внимания, разве что иные косились удивленно на его бляху с гербом порта и правильные ботинки. Тарик похмыкивал про себя — сушняки, что с них взять! Каменьяры сиволапые...

Чем ближе к порту, тем меньше становилось удивленных взглядов, а на Якорной их не стало вовсе — здесь, на длинной и широкой улице, обитал сплошь понимающий водяной, в крайнем случае портовый, народ. И все чаще попадались Матросы: речные — часто поодиночке и трезвехонькие, а морские — всегда компаниями, то тихими, то шумными, и непременно пьяные. Известно же неведомое сушнякам старое присловье: «Если Соленый Матрос с утра не пьян — он или больной, или самозванец». Что еще делать морскому Матросу на берегу, если нет корабельных работ? Это у речных больше занятий на борту, а на пироскафных выпивка безжалостно преследуется — за что на них смотрят как на обиженных судьбой и Создателем, и это прибавляет насмешливого, а то и пренебрежительного к ним отношения...

И таверны на Якорной были свои, особенные: единственные в городе, открытые не с утреннего колокола и до вечернего, а сутки напролет. Причину Тарик давно знал: очень уж смачную выручку получали от этого тавернеро, а значит, платили градских податей гораздо больше, чем тавернеро-сушняки. И, будьте уверены, зорко следили, чтобы к ним не прошмыгнула распивать сушняк — от него не в пример меньше выгоды, чем от Матросов, по пьянке швырявшихся денежкой даже обильнее дворян. Особенно щедры морские Матросы, и понять их можно: жизнь дворянина-сушняка протекает

спокойно и размеренно, разве что проткнут шпагой на поединке. Жизнь речника особенных опасностей лишена, а вот морской Матрос, когда его корабль отдаст якорь и уйдет в море из устья реки, никогда не знает, что его ждет: тут и шторма, и пираты, и дикари Архипелагов, и всякие летучие хвори¹²⁸. Если такая объявится не на суше, а на борту корабля, идущего вдалеке от суши, — пиши пропало... Вообще-то, морские пироскафники подвержены тем же опасностям, но все равно парусные их считают ниже себя.

Вид Матросов, редко появлявшихся за пределами Якорной, Морской и Парусной, мог и удивить: по причине летней жары все без бушлатов (к тому же немало бушлатов украдкой заложены, а то и отданы за долги в тавернах и веселых домах), в одних тельниках, сплошь испещренных разноцветными ромбами (у морских — синими, красными, черными и белыми, у речных — только черными и белыми), в штанах с широченными раструбами, подметавших улицу, в ботинках не на шнурках, а на крючках (какне сейчас и у Тарика — не по надобности, а из дозволенного легонького выпендрежа).

Однако удивиться мог лишь тот сушняк, кто не только не знаком с корабельным делом, но и не читает голых книжек о морских приключениях. Вся матросская одежда и обувь тоже для того и придуманы, чтобы служить моряку в переделках. В темное время работающие с парусами Матросы гораздо лучше видны с палубы именно что в пестрых тельниках. Ежели моряк окажется за бортом, штаны с раструбами гораздо легче скинуть, чтобы плыть, и в тельнике невольный пловец гораздо заметнее. Потому и носков не носят даже офицеры, большей частью происходящие из дворян, потому и рукава офицерских мундиров с раструбами, как у матросских бушлатов, а под мундирами у офицеров тоже тельники...

Ага! Возле таверны «Якорная цепь» маленький скандальчик: три веселые девки (судя по одежде и щедро накрашенным мордам) прижали к стене четвертую (по виду в точности такую же) и орут ей в лицо грязные слова. Дело ясное: подловили соперницу. Здешние веселые девки, обожающие щедрых моряков, зорко следят, чтобы на

¹²⁸ Летучая хворь — эпидемия.

Три Улицы не пробирались соперницы-сушнячки. Вот и за волосы легонько драть принялись... Стражник прохаживается неподалеку, но не вмешивается — здесь ему от веселых девок перепадает не в пример больше мзды, чем его собратьям по службе в других местах. Может, конечно, втихомолку брать мзду от сушнячек, но дело это рискованное: если узнают местные, жизни ему не будет, обязательно подстроят какую-нибудь подляну, чтобы расстался с мундиром...

Зрелище было самое обыденное, и Тарик равнодушно прошел мимо. Бить нахапку среди бела дня не будут, но непременно как следует оттаскают за волосы, крепенько исцарапают, а то и платье порвут, в тычки с Трех Улиц вышибут, пригрозив: если еще раз попадется, так легко не отделается. Студюзусы говорят, что это называется ученым словом «конкуренция». Им, книжным людям, виднее...

Потянулся портовый забор — внушительный, в два человеческих роста, из добротного сколоченных досок, густо оплетенный поверху еще одним арелатским изобретением, давно распространившимся по белу свету: колючей проволокой. Понятно: где-где, а в порту найдется что красть...

Вот и ворота, круглые сутки распахнутые настезь: порой и ночью случается, к радости грузалей, погрузка-разгрузка, это пироскафы приходят в установленные сроки, а парусники зависят от ветров, иные грузы ждать не могут...

Рядом с воротами — закрытая пока калитка, и на лавочке расселся знакомый портовый Стражник дядюшка Кабадош, прозванный среди своих Востроглазом. Шпагу в ножнах утвердил меж колен, весь из себя важный, а под лавочкой лежит здоровенная холщовая сумища, по раннему времени пока еще пустехонькая. Опять-таки по раннему времени дорога из ворот являет собой привычное своим зрелище: левая сторона, по которой выезжают груженные габары, пока что пуста, зато по правой в ворота тянется сплошной вереницей порожняк, так что просвета меж повозками нет, на другую сторону не перейдешь в это время.

Впрочем, в этом Тарику не было никакой нужды: канцелярия как раз и располагалась с правой стороны — длинное кирпичное здание под черепичной крышей, с сине-черной вывеской, флагом с портовым гербом на коньке и четырьмя крылечками. К ближайшему от ворот крылечку Тарик и направился.

Там стояло с полдюжины лавочек, почти не занятых: грузали, получив распоряжения, ушли в порт, сидели лишь трое смутно знакомых Портовых Подручных, которые, как и Тарик, получали указания в последнюю очередь, после взрослых.

Тарик их поприветствовал небрежным взмахом руки, не поднятой на обычную высоту (видимость политеса соблюдена — и ладно), и они ответили так же, после чего продолжали прерванный его появлением разговор на весьма животрепещущую тему: жулькается ли какая-то Билатена за пяток медных шустикав или все наврали и она самое большее за шустан в ротик берет.

Тарик сел подальше от них, наособицу. Вражды с Портовыми Подручными у него не было — но не было и тени приятельства: все же у них ватажка, сплоченная с малышей годовчков, а Тарик для них чужак.

В Портовые Подручные, как правило, попадали сыновья грузалей (это уж непременно) и всех, кто работал в порту, — мальчишки с Трех Улиц. Тарик же, обитавший чуть не на противоположном конце города, сюда попал чисто по знакомству. Замолвили словечко старые знакомые покойного дедушки Загута — того самого, погибшего в море; Тарик его никогда не видел. Мало того: старые Матросы, узнав о мечте Тарика, позаботились, чтобы он в Подручные попал не в четырнадцать годовчков, как почти все, а в тринадцать. Что-то там пошептали в канцелярии знакомым — и Тарика зачислили, не проверяя бумаг об окончании Школариума, лишь записав куда следует, что оные были предъявлены и проверены. Благо Тарик был рослым крепышом и выглядел постарше своих годовчков. Остальные Подручные об этом, конечно, не знали, но чужаков здесь недолюбливали. Никто Тарика не задирал, стычек ни разу не было, но с

ним не водились, ограничиваясь такой вот видимостью политеса (что его нисколько не задевало).

Поодаль, на расстоянии броска камня, сидели на голой земле десятка два Градских Бродяг, но этих и замечать не полагалось, на них смотрели как на пустое место и далеко обходили по чисто житейским причинам: запросто можно было, оказавшись поблизости, подцепить блох и вшей, а то и хворь — не летучую, но стыдную, из тех, коими страдают главным образом бродяги. Обычная шантрапа со Вшивой Горки: одежда заплатанная, латка на латке, башмаки драные, рожи испитые, далеко витает запах немытых тел и пропотовшей рванины. Что ж, есть работы, которые на них с превеликой радостью спихивают...

Недалеко отсюда пробил колокол на часомерной башне Якорной улицы, оглашавший начало работы лавок, мастерских и канцелярий. И все равно прошло не менее пяти минут, прежде чем дверь распахнулась и на крылечко с резными перилами вышел Канцелярист Тариуш — осанистый, пузатый, краснолицый прохвост, каких поискать. Канцелярист — нижняя ступенечка в бумажных делах, и чина ему не полагается (многие нечестолюбивые молодые люди, сынки небедных родителей, так до старческой денежки¹²⁹ в Канцеляристах и просидят), однако Канцелярист Канцеляристу рознь, смотря к какому месту приставлен. Вот и у Тариуша, даром что на груди ни единой бронзовой (не говоря уж о серебряной или золотой) чернильницы с торчащим из нее пером, одет в мундирчик из такого тонкого сукна, какое не всякий обладатель серебряных чернильниц может себе позволить, и башмаки не из обычной кожи, а из выделанной тонкой гуфти. Но это единственные внешние признаки преуспевания, какие хитрец себе позволяет, во всем остальном блюдет показную скромность. А вот повысь его начальство, даже изрядно, — Тариуш руками и ногами отбиваться будет, если узнает, что на новом месте придется одним жалованьем обходиться, а мзда если и течет, то тонюсеньким ручейком...

¹²⁹ Старческая денежка — пенсия по возрасту.

Подручные, в том числе и Тарик, встали, сняв береты, поклонились — однако ж с долей степенности, приличествующей их положению. Удостоив их милостивого кивка, Канцелярист направился к бродягам, но предусмотрительно остановился от них шагах в десяти, поигрывая коротким жезлом из темного дерева, увенчанным корабликом с раздутыми парусами — знаком его поста распределителя работ.

Вот Градские Бродяги вели себя совершенно иначе: повскакали на ноги, и те немногие, у кого на нечесаных головах красовались дырявые шляпы и латаные береты, торопливо их сорвали и принялись кланяться нижайше, едва ли не до земли, словно пытались перещеголять друг друга в выражении полного почтения. Что ж, для них сейчас Канцелярист, пожалуй что, значимее и короля — королевского внимания они в жизни не удостоятся, а от хитрована Тариуша зависит, кто заработает пару медяков, а кто уныло поплется восвояси...

Помолчав многозначительно, придав себе еще больше важности, Тариуш возгласил с видом смертельной скуки:

— Ну что, вшивая рать... Не всем, но кое-кому сегодня повезет, с денежкой к себе в хибару пошагает — да уж, конечно, пропьет по дороге... Есть у меня работенка для дюжины. Что уставились тупо? Ах да, вы ж считать не умеете, бессмысленные, откуда вам знать, что такое дюжина... Вот ты... ты... и ты... пожалуй что, и вон ты, у которого подметка отлетела...

Он небрежно указывал жезлом — и счастливы с просветлевшими лицами кидались вперед, сторяча пытались даже подойти на пару шагов, но Тариуш их пресекал, нацелясь жезлом, как пикой. Дюжина везучих сбилась тесной кучкой, а девять несчастливцев понурились.

— А вы подите, подите, — бросил им Канцелярист. — Нет сегодня для вас работы и не предвидится... Дюжина удачливых, слушай мои распоряжения и выполняй в точности! Топайте на четвертый причал, там стоит корабль «Пастушка», вот его и разгрузите. Что тарашитесь? Ах да, вы же циферок не знаете и читать не умеете, где

ж вам причал найти и «Пастушку» от «Белошвейки» отличить... Хорошо, добрый дядюшка Тариуш даже о такой рвани человеческой, как вы, печется... Что будете делать, когда я помру и на мое место какой-нибудь злыдень придет?.. Панокуш!

Дверь распахнулась так проворно, словно помянутый стоял возле нее (как оно, несомненно, и было). Вышел еще один старый знакомый Тарика — канцелярский служитель Панокуш, пожилой шустрик с хитрыми глазками и постным ликом монаха, многолетний сподвижник Тариуша по всевозможным плутням.

— Везет вам, голодранцы! — возгласил Тариуш. — Господин служитель Панокуш по присущему ему благородству души согласился проводить вас на причал и показать судно. Все, думаю, понимают, что за труды следует вознаградить Панокуша в меру ваших скудных силенок?

На испитых рожах бродяг выражалась лишь грустная покорность судьбе — ну конечно, новичков среди них не было, и каждый принес для Панокуша хоть медный грошик (интересно, делится ли служитель с Тариушем и этой жалкой мздой? Надо полагать, делится: Тариуш, как гласит старая приговорка, и у пролетающей вороны перо из хвоста выдерет, чтобы на гусиные не тратиться...).

— Ну тогда валяйте!

Панокуш шустро отворил калитку, и в нее потянулись бродяги, легко обойдя и Тариуша, и скамейки, где сидели Подручные, — ну да, старые трудяги знают, как держаться с теми, кто выше их. А Стражник дядюшка Кабадош и сам проворно отскочил подальше от своей караульной скамеечки и вернулся не раньше, чем вереница оборванцев под предводительством Панокуша (тоже державшего немалое расстояние меж собой и подопечными) отошла достаточно далеко.

Тогда только Тариуш обратил благосклонное внимание на ожидающих. Далеко не так спесиво, но все же обозначая голосом свое немаленькое положение, промолвил:

— Заходи, Тарик, есть тебе работа. Вы, молодые люди, погуляйте пока, только к веселым девкам не заходите, хихикс! Они вам все

равно не по кошельку... После обеда придет пироскаф, будет и вам занятие.

И, не оглядываясь, величаво поднялся по ступенькам. Тарик зашел следом за ним в канцелярию. Пахло чернилами, сургучом и еще чем-то привычно-непонятым, но безусловно канцелярским. Вдоль стен протянулись открытые шкафы, набитые служебными бумагами, лежавшими стопками и в толстых серых папках из скверного картона. Да уж, ворота в манивший с давних пор Тарика мир выглядели донельзя обыденно, невыразимо скучно.

Усевшись под небольшим портретом короля Ромерика (ввиду особенности канцелярии король был запечатлен в мундире Главного Адмирала Королевства, где золотое шитье и синее мундирное сукно высшего сорта присутствовали в равных долях), Тариуш придал себе вид занятого значимейшими государственными делами вельможи, отодвинул большую чернильницу синего стекла и сказал:

— Значит, такие дела... Ты куда это уставишься?

— Впервые вижу, чтобы королевский портрет был застекленный...

— О! — значительно поднял указательный палец Тариуш. — Ну полюбуйся, никто еще такого не видел, кроме нас. Ученые люди хоть и выдумывают всякие полезные вещи, а тут оплошали... Лето сейчас, мух видимо-невидимо! Как ни расставляем блюдечки с настоем мухобойки — летают табунами! — Он чуточку понизил голос: — Вот так вот нагадят на портрет безо всякого почтения к державцу, а то и вовсе засидят — а потом какая-нибудь добрая душа стукнет куда следует, что налицо непочтение к величеству, да раскудрявит умеючи, в канцеляриях же все грамотные. И огребешь неприятностей за злостное небрежение. Вот умная головушка в главной канцелярии порта и нашлась, и главное — чина невеликого, а вот поди ж ты... Он и придумал, что портреты следует стеклить. Тут уж гораздо меньше хлопот — стекло помыть! — И добавил с нескрываемой завистью: — Пять золотых награждения получил от его великолепия правителя канцелярии, и теперь эта придумка по всем канцеляриям распространится — сначала столичным, а там

и по всему королевству. Опять мы всех соседей обгоним по части полезных придумок: пироскафы, номера на домах, проволока в колючках, а теперь вот и застекление портретов в целях убережения от мух. Пять золотых, надо же...

Из посиделок с художом Гаспером и студиозусами Тарик вынес немало любопытных знаний об иных потаенных сторонах жизни. А потому непочтительно подумал: наверняка его канцелярское великолепие, благородно выдав подчиненному пять золотых, представил его выдумку как свою — и житейских благ с этого получил гораздо больше... Но, понятно, промолчал.

— Значит, такие дела... — повторил Тариуш. — Пришел почтовый пироскаф на пятый причал. Дело тебе привычное, к обеду управишься, я так думаю?

— Запросто, — сказал Тарик. — «Прекрасная рыбачка», как обычно?

— Нету больше «Рыбачки», — грустно сказал Тариуш. — На прошлой неделе потонула у мыса Ялвакан. Котел взорвался, понимаешь ли. С пироскафами случается... — на его лице засияла радость старого сплетника, обожавшего разносить слухи, какие ему самому не могут повредить. — И скажу тебе, Тарик, по секрету: что-то там нечисто... Обережный дом¹³⁰ настроен очень подозрительно. Оно конечно, бережные дома всегда со скрипом с денежкой расстаются, но там что-то и впрямь нехорошее. Подозревают сговор капитана с судовладельцем. «Рыбачка» — старое корыто, чуть ли не с тех времен плавает, когда великий механикус Адальбар Корине выдумал паровую машину, а там и пироскафы, лет полсотни тому. И машина поизносилась, и корабль обветшал, вот и подозревают... Не первый раз случается и со старыми парусниками, и со старыми пироскафами, которые серьезно чинить страшно дорого. Там сейчас Тайная Стража копает, потому что почта — дело даже не государственное, а королевское... Короче, пироскаф пришел новехонький, зовется «Речная молния», хихикс! Что за умник такое название выдумал? Все пироскафы плавают одинаково, нет среди них такого, чтобы

¹³⁰ Обережный дом — страховая фирма.

мчал, как молния... Ну да нам с тобой, я так думаю, начихать на название, коли денежка привычная?

— И обстоять с ней будет привычно, — заверил Тарик.

— Да уж я в тебе не сомневаюсь! За что я тебя люблю, Тарик (в хорошем смысле), — так это за то, что ты, несмотря на юные годы, в полной мере житейской здравостью наделен, умеешь с людьми в согласии жить... Как в Школариуме дела?

— Золотая сова со шнурочком на квартальных испытаниях, — не без гордости поведал Тарик. — И обозначился даже «открытый лист», очень даже возможно, получу...

— Так это ж прекрасно! — с искренней радостью воскликнул Тариуш. — И прежними мечтами обуян?

— Да как вам сказать... — осторожно ответил Тарик. — Думаю вот...

— Толку тебе в этих морях-парусах? Или голых книжек начитался? Плюнь! Ты ж парнишка очень даже здравомыслящий, год с тобой знакомы, и нарадоваться на тебя не могу. Ну что за жизнь морского Матроса, ежели раскинуть с житейской пользой? Жалованье раз и навсегда определено, а там, где можно заработать награждение и долю в добыче, куча опасностей — пираты, дикари, летучие хвори на иных островах, да и без них тьма невзгод: шторма, кораблекрушения, еще разные беды... Если и в самом деле получишь «открытый лист», поступай к нам в подканцеляристы. Берут с большим разбором, да уж я за тебя шепну словечко, где надо. У меня Дубаш как раз через два месяца на старческую денежку пойдет, да от него и допрежь толку было как с ежика гуфти — туповат, необоротист, зевает там и сям, где человек поумнее враз усмотрит выгоду и мимо не пропустит. Зато мы с тобой неплохо развернулись бы, особенно если Панокуша третьим взять. А, Тарик? Мне как раз такого доверенного помощника не хватает — молодого, проворного, хваткого, умеющего с людьми жить... Точно тебе говорю: если покажешь себя, то через пару-тройку годочков и каменный домик будет на Трех Улицах, и невесту подыщем с хорошим приданым, и еще много чего... А?

— Надо будет подумать, — уклончиво сказал Тарик.

— Вот и думай, времени еще полно, не горит...

Вот уж меньше всего на свете Тарик хотел бы оказаться доверенным подручным у Канцеляриста Тариуша — не для того он рвался избавиться от одного сухопутного якоря, чтобы встать на другой, пусть и гораздо более денежный. Да и опасное это дело — ходить у Тариуша в подканцеляристах, то есть с головой запачкаться в его делишки. Никто, понятно, ничего не знает точно, но среди посвященного в портовые тайны народа давно шепчутся с оглядкой, что скромный Канцелярист кое по каким негласкам стоит повыше иных портовых Чиновных. Что он один из тех, кто рулит портовой тяжелой потаенкой. А тяжелая потаенка — ремесло опаснейшее. Денежка, все соглашаются, шальная, но если влипнешь — сгинешь на рудниках. А то и свои же сообщники, если что-то пойдет не так, сунут нож в спину или иным способом озаботятся твоей безвременной кончиной. Нет уж, избавьте от такой чести...

— Был бы мне надежной опорой на старости лет, — нудил свое Тариуш. — А то ведь дряхлость маячит...

Прибеднялся, прохвост. Всего-то на десять годочков постарше Тарикова папани, ни одного седого волоска на голове — и, достоверно известно, по веселым девкам Трех Улиц бегает, как заяц по полям.

— Надо будет подумать, — повторил Тарик.

— Думай, пока время есть. Ладно, ступай к пироскафу. Я так полагаю, тебе-то не нужен провожатый на пятый причал, сам найдешь?

И первым захихикал над тем, что полагал остроумной шуткой, хотя остроумец из него был никакой. Радуюсь, что развязался с докучливым разговором, Тарик вышел из канцелярии. Прохлаждавшиеся без работы Подручные покосились на него неприязненно, но это были сплошные пустяки, и Тарик преспокойно прошел мимо, направился к калитке. Дядюшка Кабадош оживился:

— Что-то сумарь у тебя большеват для свертка с обедом...

И лихо подмигнул. Это было его всегдашнее присловье, и Тарик, подмигнув точно так же, ответил, как всегда:

— Так ведь большой сумарь получше маленького будет...

Открыл калитку и вошел, отметив, что несмазанные петли, как всегда, скрипят душераздирающе. А ведь дядюшке Кабадошу что ни месяц выдают три медных шустака на корчажку фонарного масла — но калитка, сколько Тарик ее помнит, так и скрипит. Ну, Чиновные через нее не ходят, у них своя, пороскошнее, вся резная, возле главных ворот. Уж там-то петли всегда смазаны так, что масло из щелей сочится, — а тем, кто через эту ходит, плевать, скрипит калитка или нет... А три шустака на дороге не валяются...

Тарик уверенно шагал знакомым путем, не глядя вокруг внимательно, потому что там для здешнего человека не было ничегошеньки любопытного — рабочий день порта, как тысячи тех, что были прежде, и тысячи тех, что еще грядут. Обычная деловитая суэта у каменных лабазов с крышами из железных листов: снуют грузали второго сорта — лабазники, таскают в телеги и габары все, что только можно себе представить: разномастные бочки и ящики, зашитые холстиной большие корзины, мешки побольше и поменьше, ящики с вином (вызывавшие у лабазников особенную тоску — ну, тут уж им ничего не отломится). У каждой повозки бдительно торчат Приказчики, ведущие строгий счет погруженному. Беднягам лабазникам приходится трудиться исключительно за жалованье, но кто ж им виноват?

Лабазы тянулись долго, но наконец закончились, и открылась широкая набережная, где у причалов стояли корабли, парусники и пироскафы. Одни разгружались, другие, соответственно, нагружались. Тарик свернул направо, туда, где начинался четвертый причал.

Ага, вот оно что. Понятно, почему Тариуш затруднил бродяг...

«Пастушка» оказалась пироскафом, речным, судя по невеликой высоте надводной части и поручням — не сплошному фальшборту, а таким перильцам с большими промежутками меж балясинами: на реках не бывает штормов и высоких волн, разве что порой случаются бури и волнение, но очень редко. И не просто пироскаф, а скотовоз — так что владелец с названием определенно пошутил.

Пироскаф как пироскаф: без бушприта, две высоченные тонкие трубы с фигурными прорезными колпаками, соединенные железной перемычкой, не дымят, высокие гребные колеса замерли, и можно рассмотреть широкие плиты — но кому интересен пироскаф? В задней части открыт грузовой люк, часть перилец откинута, и бродяги, подгоняемые ленивыми матерками вахтенного, вытаскивают из трюма сбившихся в кучу овец, как всегда малость ошалевших от непривычного водного путешествия в темноте трюма, гонят их по широким сходням на набережную, где уже ждут повозки. Другие оборванцы сноровисто — сразу видно! — валят их, спутывают ноги и грузят в повозки — гнать овец, не говоря уж о скотине покрупнее, запрещено регламентами везде, кроме Зеленой Околицы, да и там не вдоль, а поперек. Исключение делается только для лошадей хороших пород, предназначенных богатым-дворянам, а то и самому королю, — вот с ними обходятся весьма политесно. Блеянье, сумятица, овцы порой кидаются бежать, как будто есть куда, их перехватывают, подгоняют пинками...

— Живо! — покрикивал вахтенный. — Чтобы на палубе не нагадили, вам же прибирать потом! Эй, в трюме, что замешкались? Овечек жулькаете, корявые?

Скука... Тарик прошел не останавливаясь, миновал два пустых стояночных места, дошагал до пятого причала — и невольно остановился, таращась замороженно.

Вот это был правильный корабль: трехмачтовый морской парусник с десятком закрытых пушечных портов по борту. Не просто торговое судно, а имеющее привилегию на пушки: и от пиратов, если пират один-одинешенек, запросто отобьется, и на дикарских островах, ежели что, себя покажет. Вот мимо этого корабля Тарик двигался медленнее черепахи, таращась на него с жадным восхищением. На носу большущие бронзовые буквы ЯГА; флаг за кормой хоть и повис в безветрии, но сразу определяется, что он арелатский. Раньше он сюда не приходил, иначе Тарик непременно запомнил бы такого красавца...

С борта свисала на двух тросах широкая доска, и на ней, свесив ноги, помещался Юнгарь, старательно макавший тряпку в ведро

(конечно, с чистящим эликсиром) и наводивший блеск уже на вторую буквицу неизвестно что значившего названия. Они и так нисколько не потускнели, но таков уж был корабельный выпендрей. Юнгарь явно заметил глазевшего на него Тарика, но притворялся, будто не видит — понятно, держал фасон, как и Тарик бы на его месте. Вот кому оставалось люто завидовать — и люто надеяться, что через пару месяцев наденет такой же тельник...

Ни повозок не видно пока, ни грузалей. Дело ясное: корабль бросил якорь совсем недавно — паруса свернуты только на лиер-мачте¹³¹, которую только лишь сушняк, сроду не читавший голых книжек о морских приключениях (Тарик немало таких встречал), назовет, невежда, «передней». Паруса на тоер-мачте свернуты до половины, и там хлопочут матросы, а на боер-мачте едва начали. Шнырялы¹³², конечно, уже начали лазать по трюму, вон и Стражник на палубе. Они, конечно, хваткие, но на каждом большом корабле, уж мы-то знаем, уйма укромных местечек, где можно надежно укрыть любую потаенку от самых востроглазых нюхачей...

У тоер-мачты звенел гитарин и аксамитный голос пел:

— Вновь деревья проснутся
И воскреснет листва,
Только мне не вернуться
На мои острова.
Ухожу на «Ягане»,
И чернеют вдали...

— Эгей, молодой!

У высокого фальшборта столпилось с дюжину Матросов в чистеньких тельниках, с большими буквицами ЯГА на груди — а значит, и на спине. (Тут уж никакого выпендрежа — требование Стражи, чтобы в случае проступка Матроса издали опознали по названию корабля.) Ну ясно: отработавшая свое ватага лиер-мачты,

¹³¹ Льер — фок-мачта, тоер — грот-мачта, боер — бизань-мачта.

¹³² Шнырялы — презрительное прозвище таможенников, вообще сыщиков.

готовая после ухода шнырял радостно сойти на берег и развлечься там как следует.

Тарик проворно снял берет и поклонился:

— С благополучным прибытием, господа Соленые! Откуда причапали?

Наверху грянул дружный хохот, и один рявкнул одобрительно:

— Ишь ты, обхождение знает! Со Змеинового Архипелага, слышал про такой?

Только невежа скажет: «Корабль приплыл». Корабли «ходят» или «чапают». Только невежа не знает, что Архипелаг этот лишь на карте значится Островами Вальмена, по имени в давние времена открывшего его капитана, — а морские Матросы его зовут непременно Змеиным из-за обитающих там в изобилии ползучих гадов, наперечет ядовитых.

— Доводилось, — сказал Тарик. — Это у вас, я так понимаю, оттуда будет птушечка?

На плече у того, кто с ним говорил, вцепившись когтями в тельник, прочно устроилась папуга — сине-красно-желтая, какие водятся только на Змеиных островах (на других у них и расцветка другая).

— Оттуда, — сказал матрос, пощекотал папуге пестрое брюшко. — А скажи-ка молодому, что Соленому нужно на берегу?

Папуга устроилась поудобнее, раскрыла черный гнутый клюв и хрипло завопила:

— Ведр-ро руму!¹³³ Ведр-ро руму! И баб, и баб!

— Грамотная птушка, — одобрительно сказал ее хозяин. — Ну, молодой, коли ты понимающий, какие тут хорошие кабаки? Мы в вашем порту первый раз, не осмотрелись еще...

— Кабаков тут на Трех Улицах дюжины три, — охотно сказал Тарик. — Самые лучшие — «Штормяга», «Золотой парус» и «Старый боус»¹³⁴. Другие тоже ничего, но эти самые хорошие.

¹³³ Рум — ром.

¹³⁴ Боус — боцман.

Только не ходите в «Пьяного осьминога», «Уютную пристань» и «Три якоря»: там и обсчитают, и разбавят, а упившемуся могут и карманы вывернуть.

— Ясно! Веселые девки есть?

— В каком порту их нет? — сказал и по этой части умудренный жизнью Тарик. — Если хотите совсем политесно, ступайте в «Развеселый каблучок» или «Крошку-морячку», там девки пляшут и поют, и по заказам тоже. Вообще веселых домов на Трех Улицах изрядно. Только не надо в «Морскую лилию», «Погремушку» и «Белопенную волну»: там запросто могут и «обалделки» подсыпать, и обобрать потом.

— А «кочегаров» где поискать можно, чтобы рожу начистить?

«Кочегарами» пироскафников звали за глаза парусники, а пироскафники их, в свою очередь, «ветошниками» — и перед доброй дракой эти насквозь обидные прозвища звучали вслух, в лицо противнику. Симпатии Тарика были с самого начала на стороне парусников: управляться с парусами — нешуточное искусство, которому долго обучаются; а швырять уголек в топку пироскафа может любая деревенщина, еще пару дней назад коровам хвосты крутившая и овец жулькавшая...

— Мы тут, когда швартовались, «дымоход» видели, — вмешался второй, показав в сторону «Пастушки». — Так что и искать не надо, а?

— Это речной пироскаф, — сказал Тарик.

— Точно? Мы в них не разбираемся — все бесы одного замеса...

— Точно вам говорю: речной, — заверил Тарик. — Для понимающего человека издали видно, морской это пироскаф или речной... Скотовоз, овец привез откуда-то с верховьев...

— Тьфу ты! — смачно плюнул на мостовую Матрос (плевать на палубе не дозволяют негласки, за такое свои же по зубам дадут). — И так-то с речными кочегарами драться за позор, а уж со скотовозниками... Что, морских совсем нету?

— Отчего же, — сказал Тарик. — Они тут гнездятся в «Стремительном пироскафе», «Пламени и дыме» и в «Рассекающем волны». Там и ищите.

— Найдем обязательно, — пообещал Матрос. — А Стража как?

— Да особо не зверствует, — сказал Тарик. — От всего, что числится пустяками, всегда можно откупиться мздой в серебрушках. Если лежать пьяным на улице — к себе уволокнут и обчистят, а если на ногах, хоть и зигзагом, — то ничего. Вот если кого ножом пырнут или башку проломят, тут они звереют. Можно откупиться золотом, а можно и не откупиться — если конец месяца, а у них пойманных мало и начальство гневается, кулаком по столу барабанит. Сейчас как раз конец месяца...

— Тоже учтем, — пообещал матрос. — Ну, ничего необычного, как везде, ежели прикинуть... Молодчага, хорошую раскладку дал! Сразу видно: знаешь наше ремесло... Батя не Матрос?

— Дедушка был морской Матрос, где-то в море и сгинул. — И Тарик не удержался: — А я в Юнгари целюсь! Очень может быть, что и сладится... И непременно в Соленые!

— Наш парень, — захохотал Матрос с папугой на плече. — Лови подарочек да припрячь живенько, а то шнырялы прицепятся!

Он запустил руку в карман, размахнулся — и Тарик поймал на лету шар размером с его кулак. Моментально определил по весу, что это тянучка¹³⁵, проворно опустил в карман и степенно сказал:

— Пора мне работать. Благодарствую за подарок, господа Соленые, попутного вам спокойного ветра и шесть морских локтей¹³⁶ под килем!

— И тебе в морские Юнгари прямым курсом! — вразной откликнулись Матросы, нетерпеливо оглядываясь на мачты (ну понятно: отпустят на берег не раньше чем уберут все паруса, а помогать не принято).

¹³⁵ Тянучка — резина.

¹³⁶ Локоть — примерно 60 см. Морской локоть вдвое длиннее.

Еще раз раскланявшись, Тарик пошел дальше. На душе было приятно: на равных поговорил с морскими Матросами да вдобавок получил подарок, который в лавке стоит ох как недешево. Сам он уже вышел из тех годочков, когда забавляются прыгучими мячиками, но для девчонок хороший подарок — они эти игры оставляют, только когда невестятся. Передарить Данке... или кое-кому другому — если только в Гаральяне знают, что это такое: очень уж далеко туда возить всякие товары, цена возрастает, и очень многое могут себе позволить только тамошние богатеи, к которым дядя Тами наверняка не относится, хотя кто этих гаральянцев знает...

Хорошо, что шнырялы не видели, иначе непременно прицепились бы. С точки зрения суровых регламентов не раскрашенный надлежащим образом мячик из прыгучей смолки — та же потаенка, пусть легкая. Конец месяца, знаете ли. В Воспиталку не отправят, даже не выпорют, но бляху Подручного непременно отберут, выгонят за ворота, а может, и с «открытым листом» в Юнгари не возьмут — есть, говорят, у них такие списки... Ладно, вроде бы обошлось, дядюшка Кабадош привязываться не будет, ему чихать, конец месяца или начало, а портовые шнырялы своих согладатаев к воротам не ставят, им легкая потаенка без надобности, от нее никакой выгоды...

Эх, папуга... Было бы здорово... Он представил себе это: с Тами сладилось, она приходит к нему в гости, а там сидит на жердочке папуга и орет: «Гар-ральянка Тами самая кр-расивая в столице!»

Только это несбыточная мечта. Папуг в столицу привозят очень мало, ценятся они, по слухам, в пару десятков золотых, так что и не всякий дворянин может себе позволить. Вот в королевском дворце, говорили студиозусы, аж пара дюжин...

Прошел мимо большого двухмачтового парусника под названием «Морская чайка» — паруса убраны, палуба пуста, только от носа к корме лениво прохаживается караульный Матрос, и лицо у него печальное от выпавшей бедолаге невезучести. Все знакомо: «Морская чайка» приходит не в первый раз, судно вообще-то морское, но прибрежного плавания, так что снует, как ткацкий челнок,

вдоль южного побережья королевства. Опущены только сходни, а грузового трапа не видно — значит, погрузка еще не начиналась, и Матросы отпущены на берег, а вот назначенному караульным выпало невезение, и сменят его только с темнотой. В таверны и веселые дома он, конечно, попадет — но гораздо позже, вот не на шутку и печален...

Родной пятый причал. Издали видно, что по одну сторону от домика грузалей стоят в два ряда бочки выше человеческого роста. Судя по клеймам на пузатых боках, там неплохое вино из Аргериджа. Сторожа возле них не видно: бочки, так прикидывая, вмещают не менее четырехсот булитов каждая — а уж такой ни за что не приделает ноги даже портовый лихой народ, мимо Стражников у ворот такую сушку ни за что не увезешь. Вот и оставили без присмотра...

Тарик подошел к избушке. Дверь заперта на круглый висячий замок, но это никакое не препятствие: как свой, он знал прекрасно, где спрятан ключ, и быстренько достал его из-под подоконника, из узкой щели, куда чужой ни за что бы не полез. Раз заперто — значит, грузали принесли еще вчера очередную усушку (разный народец в порту, есть и такие, кто втихомолку шарит по избушкам, хоть и знает, что за такое, если приловят, ноги перешибут. Мало таких беззастенчивых, кто крадет у своих честно заработанное, но начисто их вывести не удается).

Неподъемный стол был пуст, а тяжелые табуреты, словно исправные солдаты, стояли аккуратной шеренгой вдоль стены — ну понятно, их время еще не пришло. У противоположной стены такой же шеренгой протянулись невысокие шкафчики; на шести крючках бирочки повернуты циферками наружу, на остальных — пустая обратная сторона. На языке грузалей такие именуются, говоря политесно, «неломаными девочками», а неполитесно — очень даже неприлично. Значит, ватага в полном сборе и ушла на разгрузку куда-то в дальний конец причала — возле «Яганы» Тарик никого из них не видел.

Он в два счета придал себе вид заправского грузалы по летнему времени: спрятал в шкафчик берет, блузу и башмаки, засучил штаны выше щиколоток, перевернул седьмую бляшку циферкой наружу и вышел, запев дверь и спрятав ключ на прежнее место.

За «Морской чайкой» стоял почтовый пироскаф с пышным названием, над которым следовало только посмеяться среди своих. Тарик ускорил шаг, видя, что там все готово: стоит пароконный фургон, дощатый ящик на колесах, зеленого цвета с красной полосой и знаком королевской почты на боку — крылатым рожком почтарей. Рядом терпеливо торчит знакомый Тарику по лицу, но не по имени Канцелярист в зеленом мундире с красным отложным воротником и такими же обшлагами. За ним помещается повозка, синяя, но без знаков и надписей; тут же — длинный низкий столик (конечно же, привезенный с собой) и два табурета, а возле них нетерпеливо топчутся двое с бляхами Приказчиков Денежного Дома¹³⁷ и верзила без бляхи, в расстегнутом на все пуговицы кафтане. Со стороны незаметно, но сведущие люди сразу скажут, что за пояс у него засунуты пистолеты, и не пара, а побольше. Наверняка и кинжал имеется... Сам верзила стоит смиренхонько, в отличие от Приказчиков, но цепкие глаза так и обшаривают все вокруг. Выглядит неуклюжим увальнем, но, конечно же, неплохо учен «бешеной мельнице»¹³⁸ — других с такими поручениями денежные люди не посылают...

Тарик подошел. Почтарь и Приказчики уставились на него равнодушно, а верзила так недоверчиво, словно подозревал, что Тарик сейчас выхватит длинный сверкающий нож или пару пистолетов и в одиночку ограбит пироскаф — ну, служба у человека такая, это понимать надо...

Стоявший у борта речной офицер проворно сбежал по сходням и недовольно уставился на Тарика:

— Что, одного прислали? И такого сопляка?

¹³⁷ Денежный дом — банк.

¹³⁸ Бешеная мельница — рукопашная борьба с упором на нанесение увечий и оглушение — словом, причинение голыми руками вреда противнику.

Тарику не понравились и сам тон, и навигаре¹³⁹ — совсем молодой, невероятно спесивый на вид, в новехоньком мундире. Очень может быть, что это его первый самостоятельный рейс, оттого и задирает нос перед любым, перед кем можно. На груди рядом со знаком навигаре (новехонький, аж сверкает — поди, утречком после прибытия зубным порошком без нужды начистил) знак трюмного¹⁴⁰, тоже блистающий. Невелика птица для того, кто толк понимает: на небольших судах офицеры сплошь и рядом такие должности совмещают, а помощник у капитана вообще один-единственный, для тех и других у Матросов с кораблей наподобие «Яганы» и даже «Морской чайки» есть насмешливые прозвища...

Само собой, Тарик не стал задиаться — все-таки офицер... Ответил кротко, даже, можно сказать, смиренно:

— В канцелярии полагают, что и одного хватит. Давно работаю, дело знаю...

Офицер, явно еще не ведавший, что носит прозвище «речной нищерброд», недовольно пожевал губами и протянул руку с видом короля, принимающего верительную грамоту у зарубежного посланника. Тарик достал из плоского кошелька на поясе и подал небольшой листок бумаги с гербом порта и круглой печатью канцелярии — выправленное по всем правилам поручение на разгрузку с печатным текстом, куда чернилами вписаны название подлежащего разгрузке судна, характер груза и количество мест, а также, разумеется, циферки бляхи Тарика. Все в полном порядке, Тариуш дело знает.

Однако навигаре-трюмный читал невеликую бумажку так долго, словно был ученым книжником, которому попал в руки обширный манускрипт на забытом древнем языке. Потом приказал (не предложил, а приказал, речной нищерброд!) показать изнанку Тариковой бляхи. Тарик добросовестно показал — и офицерик в новехоньком мундире тарасился всего-то на четыре циферки так, словно их там было сорок четыре, и каждой нужно уделить внимание.

¹³⁹ Навигаре — штурман.

¹⁴⁰ Трюмный — офицер, ведающий грузом, по-нашему — суперкарго.

На этом пытка не кончилась: речной нищеврод закатил с серьезнейшим видом длинную речь о том, какое это важное и значимое дело — королевская почта, какая на Тарике лежит нешуточная ответственность, невзирая на его юные годочки, стращал, что, если Тарик по разгильдяйству повредит мешок и конверты рассыплются, его ждет «серьезнейшая кара» (рудники, ага! Самое большее — из платы вычтут треть, да такого ни с кем и не случилось). Тарик и не слушал — первый раз в жизни (хоть бы в последний!) ему вслух перечисляли поучения из устава для грузалей, после зачисления на работу выданные в печатном виде, чтобы дома изучил и запомнил накрепко.

Все время, что он здесь работал, королевскую почту привозила «Прекрасная рыбачка», и тамошний навигаре-трюмный, офицер Бельтер, был совсем другим: годился этому сопляку в папани, указание проглядывал мельком, уставы не талдычил, беззлобно шутил с Тариком и пару раз даже угощал корталинскими конфетами, какие делают только в Корталине немногие кондитеры, и не на вывоз. Хороший был человек, и не хотелось думать, что он не уцелел при кораблекрушении у мыса Ялавакан...

Сопляк разорвался еще долго, наводя тоску. За его спиной открыто ухмылялись и почтарь, и оба Приказчика, и даже верзила-охранитель. Неподалеку на скамейке тихо стервенели два знакомых Стражника, Гизель и Пачольд, несомненно поносившие про себя речного нищеврода за лишнюю задержку: согласно их уставу, при разгрузке королевской почты полагалось бдить двум Стражникам — так уж заведено, хотя никто в порту не помнил, чтобы на этот ценный груз когда-нибудь злоумышляли. И никакой мзды за этот пустой караул Стражникам, понятное дело, не полагалось — а тем временем их более удачливые сослуживцы палец о палец не ударив заработали дольку в усушке...

Ну наконец, кончился бубнеж! Однако так просто сопляк не успокоился — прямо-таки торжественно возвестил впервые в жизни услышанное Тариком наставление (должно быть, и оно предусмотрено судовым уставом):

— Делай свое дело, Подручный, и прилежно!

Тарик прямо-таки взбежал по сходне на палубу, пошел к поднятой крышке трюма, лихо, не касаясь ногами ступенек трапа, слетел вниз. Подвешенный к потолочной балке фонарь с «огневиком» ярко освещал аккуратные ряды мешков с туго перевязанными горловинами и печатями на черных крученых шнурах. Возле них торчали аж три человека: судовой Канцелярист и еще один Приказчик «денежкиной хибары» — это понятно, это всегда так, но тут был еще и Матрос с тесаком на поясе... Ну надо же, диковина!

И пошла привычная работа: Канцелярист, уже в годах, проверил целостность печати на мешке и поставил у себя в брульоне¹⁴¹ палочку карандашом, Тарик взвалил нетяжелый мешок на плечо и вынес его на палубу, где обнаружился второй Матрос, тоже с тесаком. Первый раз на почтовом пироскафе такая чудасия, дядюшка Бельтер никогда таким не заморачивался. Тарик, кажется, понял, в чем дело: одна из тех многочисленных статей устава, которые там присутствовать-то присутствуют, но никогда не исполняются, чтобы не осложнять жизнь чрезмерно и не добавлять излишних хлопот. Видимо, согласно уставу грузаля с почтовым мешком на всем протяжении его короткого пути от трюма до повозки должны сопровождать две пары бдительных глаз, вот молодой-ретивый и старается. «Ничего, жизнь обтешет», — мимоходом подумал Тарик, с приятностью почувствовав себя взрослее сопляка в необмывтом мундирчике — не годами, разумеется, старше, а житейской умудренностью. Канцелярист и Приказчик, сразу видно, скучают от процедуры, которую тыщу раз проделывали, но никуда от нее не денешься (не проверишь печати — себе же хуже сделаешь, если что), Матросы явно злятся оттого, что на них взвалили лишнюю бесполезную работу, одному навигаре неймется...

Погрузка мешков в повозку шла быстро и никакими долгими церемониями не сопровождалась. Почтарь сноровисто проверял целостность печати, быстренько записывал в брульон циферки с жестяной бирки, Тарик забрасывал мешок в фургон, а там его принимал кучер

¹⁴¹ Брульон — большой блокнот.

и укладывал у передней стенки. Душа радовалась от столь быстрой работы, однако Тарик, еще издали завидев повозку денежного дома, знал, что этим не ограничится: начнется неизбежная тягомотина, от которой никуда не денешься...

Так оно и случилось. Когда Тарик перетаскал примерно полсотни синих парусиновых почтовых мешков со стершимся немного знаком королевской почты (видывавшие виды мешки, не одну сотню путешествий проделали) и осталось десятка два таких же, но украшенных еще и знаком денежного дома (чье именование Тарика ничуть не интересовало), тягомотина расцвела пышным цветом. Почтовый фургон уехал (разумеется, от почтаря, как всегда, Тарику не перепало никакой мзды), а на его место стал второй — и все пошло по-другому. Приказчик уже не палочки ставил, а записывал циферки с бирки. И проверял целостность не одной печати, а двух, причем гораздо тщательнее, чем почтовый Канцелярист: потряхивал печати, проверял шнурки, разве что не обнюхивал. И на суше Приказчики проверяли только что проверенные печати, аккуратно их скусывали особыми щипчиками и складывали в особый мешочек... Затем выкладывали письма из мешка на стол — не высыпали, а именно что бережно выкладывали, тщательно их пересчитывали, сверяли количество со значившимся во вложенной в мешок бумаге, снова запечатывали каждый своей печатью — и потом только относили в фургон, возле которого бдительно зыркал верзила, держа ручищу поближе к расстегнутому кафтану.

Всякий раз это занимало изрядное время, но стоявший тут же Тарик терпел, только после кивка кого-нибудь из Приказчиков отправляясь за очередным мешком. Таковы уж были уставы денежных домов, в отличие от многих других соблюдавшиеся твердо. Часть писем — деловая переписка, а часть — денежные, по которым предъявителю в любом денежном доме выплатят денежку без промедления, хоть мешок (конечно, скрупулезно убедившись сначала, что имеют дело с настоящим платежным письмом). Хитрушка в том, что некоторые из платежных писем были открытыми, где не значились ни имя, ни название Дома — таковы уж неведомо почему

заведенные порядки, — так что получить по ним денежку мог любой, кто письмо принесет, хоть распоследний Градский Бродяга. Вот почту денежных домов и берегли пуще, чем королевскую, оттого и охранитель крепко оружный (да и Приказчики с кучером тоже)...

Денежных мешков было вдвое меньше, чем почтовых, но вот времени на них ушло, пожалуй, втрое больше... Наконец последний заново опечатанный мешок отправился в фургон. Тарик ничего не сказал, но выжидательно посмотрел на Приказчика, полагая, что тот не впервые за грузом приезжает и должен понимать негласки. Так и есть: Приказчик без промедления опустил в карман штанов Тарика монету, подмигнул и залез в фургон, тут же покотивший по набережной.

Тарик достал монету, посмотрел. Медный полтешок. Ну, тоже неплохо, хотя иные прежние Приказчики и серебряный далер подбрасывали. Что ж, грошик к грошику...

Тарик оглянулся — навигаре не соизволил спуститься на набережную, торчал у перилец, не то что дядюшка Бельтер, всегда расстававшийся с Тариком на суше, да еще с какой-нибудь доброй шуткой. Ничего, переживем... Тарик взбежал по сходне и глянул выжидательно. Навигаре выдержал время, опять-таки из чистой спеси, наконец подал небольшой листок бумаги с печатным названием судна и печаткой капитана.

Все было ясно с первого взгляда: правильная бумажка, гласившая, что Подручный грузаля (циферки бляхи вписаны чернилами) разгрузил судно сполна. Однако уже Тарик из чистой вредности притворился, что читает бумагу так, словно грамоту учил всего неделю. Бережно спрятав бумажку в кошель, спросил вежливо:

— Сударь, не знаком ли вам навигаре-трюмный Бельтер с «Прекрасной рыбки»?

— Ну, предположим, — надменно ответил сопляк.

— А не знаете ли, что с ним случилось в крушении «Рыбки»?

На сей раз молчание длилось дольше — казалось, речной офицер и не ответит. Но все же соизволил, процедил:

— Живой. Оглушило взрывом и выбросило в воду, но Матросы дотащили до берега. Из лекарни уже выпустили, нового назначения ждет...

Вот это была радостная новость!

— Благодарствуйте, — сказал Тарик.

Однако не добавил «сударь» и прощаться со снятием берета не стал — попросту повернулся спиной и сбегал по сходням. То и другое было неполитесно, но не тянуло соблюдать политес с этим напыщенным индюком, обойдется. Даже если пожалуется в канцелярию, что наглый Подручный держался с ним непочтительно, там, посмеиваясь про себя, поступят как обычно: с серьезным видом пообещают примерно наказать дерзкого мальчишку, а когда индюк выйдет, посмеются уже в голос...

«Морская чайка» так и стояла с пустой палубой, и повозок возле нее не было — значит, все еще ждут загрузки: то ли груз еще не готов к отправке, то ли у капитана или у трюмного не хватило оборотистости отслюнить мзду кому надлежит, чтобы ватагу грузалей к ним направили не в очередь. Зато на «Пастушке» закончили: набережная пуста, Матросов не видно — наверняка отпущены на берег, — только злой на свое невезение караульный торчит у трюмного люка и орет вниз:

— Шевелись, вшивая команда! Чтобы ни одного катышка не осталось! Овец жулькать все мастера, а дерьмо за ними убирать охотников не найдешь!

Верно. Ни один грузаль, ни один Подручный (разве что в наказание) не возьмется шлепать по дерьму, оставшемуся после скотины. Для того всегда найдутся бродяги...

Тарик понимающе усмехнулся. Достаточно здесь проработал, чтобы назубок знать все хитрушки. Грузали свою денежку получали с веса, а потому почтовики полностью отдали Подручным: во-первых, там платят не за вес, а за саму разгрузку. А во-вторых, почта — дело государственное, даже королевское, а им никак не глянется полдня убить на возню Приказчиков с денежными письмами...

И возле «Яганы» нет повозок, но на палубе остался только караульный — значит, остальные отпущены на берег, а это бывает только после разгрузки, и никак иначе. «Ягана», выходит, привезла что-то, с чем грузали сноровисто управились до обеденного колокола...

Избушка все еще была заперта. Тарик открыл замок, взял табурет и присел к столу, положив перед собой сверток с обедом и поставив баклажку с чаем: неполитесно шамать, не дождавшись всех. Он прекрасно знал, что ждать осталось недолго: обеденный колокол, говорили с ухмылкой грузали, для них даже святее церковного, звонящего к пастырскому наставлению.

Точно: не прошло и пары минут, как по доскам крыльца зашлепали босые ноги, в комнатушку ввалились грузали пятого причала — все шестеро, — и сразу стало тесно.

Вот это не мальчишеская ватажка, а самая настоящая, правильная ватага: здоровенные, широкоплечие, давно сработавшиеся, распротранявшие ядерный запах здорового рабочего пота. Оказавшийся ближе других Кори дружески похлопал Тарика ручищей по спине (без малого дух не вышиб) и жизнерадостно рывкнул:

— Здорово, Морячок! Неделю тебя видно не было. Ну что, засадил наконец блудня какой-нибудь вашей уличной мокрощелке?

— Да нет, не сподобился еще, — в тон ему ответил Тарик, давно уже не смущавшийся, когда слышал крепкие портовые словечки.

И вопросу никак не удивился — привык, что у грузалей есть только две темы для разговоров: выпивка и бабы. Только не подумайте, что они тупые, какие-то неразвитые... Все новости грузали узнают раньше городских (всякий новый корабль привозит кучу новостей), при нужде могут поддержать разговор о многом и многом, почиывают голые книжки, а Фишта — даже вирши. Просто-напросто исстари повелось, что у правильного грузала на уме должны быть только бабы и выпивка, о них и следует говорить...

— Вот невезуха! — хохотнул Кори. — Говорил тебе уже: давай вечером тебя сводим в «Коротенькую юбочнку» или «Проказницу». Уж там-то девки не просто приглядные, а чистейшие.

И денежку с тебя не возьмут, они страшно любят, когда кто-то в первый раз...

Он уже не впервые это предлагал. Тарик и сам знал, что в двух помянутых веселых домах девки чистейшие — это в других можно, хоть и редко, нарваться на срамную хворь. Хитрушка в том, что только туда грузали и ходят. Это Матрос, подцепив не сразу дающую о себе знать срамную хворь, обнаружит ее, когда будет далеко от столицы: на реке, а то и в море. А грузали, понятно, местные — в случае чего огребут по полной и девка, и лекарь, и хозяин. А то и выйдет еще печальнее: веселый дом загорится темной ночью. Как это было с «Веселой вдовушкой» — полыхнула, как пучок соломы, и редкие по ночному времени зеваки всласть полюбовались, как из пылающего дома разбегаются девки и Матросы, большей частью не успевшие напялить хоть какую-то одежонку. Пока примчались пожарные, дом выгорел едва ли не дотла. Сыскная и сыщики обережного дома копали-копали, но ни улики насчет поджога, ни подозреваемых не нашли, так что списали на «неизбежную случайность волею Создателя», и обережникам пришлось раскошелиться. Ну, а то, что в ту ночь у девок не оказалось ни одного грузалю, каких обычно там хватало, — совпадение. Как бы там ни было, с рассветом с Трех Улиц сбежали и хозяин «Вдовушки», и лекарь, и половина девок. Случилось это два года назад, но неизбежная случайность стихий небесных может грянуть всегда...

— Ну что ты вяжешься? — хмыкнул Чорри. — Может, пацан любви ждет, чтобы с чувствами...

— А вот этого не надо, — рассудительно сказал Кори. — От любви, Тарик, верно тебе говорю, выходят одни беды. Мы тебе раньше как-то не рассказывали... Три года назад жил-был такой Бурага с четвертого причала. Мужик как мужик, насквозь правильный. Только угораздило его врезаться по уши не в кого-нибудь — в девку из «Проказницы», прикинь. Совсем на ней умом подвинулся, пристал с ножом к горлу: бросай работу, выходи за меня, заживем своим домиком — неженатый был, молодой еще. А куда ей работу бросать и на кое лихое ей честное замужество, если она у себя в

неделю зашибала больше, чем Бурага за месяц? Красивая была, молодая, незатасканная... Затосковал Бурага, работал сикось-накось, так что его ватага вразумлять начала добрым словом. Однажды на работу не вышел. Кто-то из ватаги к нему пошел — а он в кухне под потолком висит. И еще парочку случаев знаю, когда любви до добра не доводили. Так что ты, Тарик, того... поосторожнее с любовями. Они боком выходят...

— Да нет у меня никаких любовей, — сказал Тарик.

И нисколько не врал: как-то прожил до сего дня без настоящих любовей, о каких пишут в голых книжках, да и в жизни они, говорят, случаются. В гаральянку Тами он ничуть не влюбился, просто она ему страшно понравилась — не только красивущая, каких много, а еще и необычная чужеземка. Да и кое-какие слухи о нравах гаральянских девчонок не на шутку душу будоражили...

— Ладно, о бабах потом, мечем на стол, — степенно сказал ватажник Балур, усаживаясь. — Уж сегодня есть чем душу порадовать, хоть и радуем что ни день, а сегодня кое-что особенное, ты, Тарик, такого и не пробовал... Дангул, твоя забота.

— Да уж знаю... — проворчал Дангул, вечный виночерпий ватаги.

Когда разложили свертки с обедом, он расставил перед каждым (и перед Тариком тоже) весьма политесную посуду: не простые глиняные чарки, из которых потребляет «огонь-водицу» народец попроще, а стаканы из привозного шуварского стекла: толстые, зеленые, с причудливой россыпью белых пузырьков и ниточек. Из таких и дворянину пить не зазорно, ну да грузали — чем не портовое дворянство?

И напоследок брякнул на стол бутылки, каких Тарик и в самом деле никогда прежде не видел: не просто стеклянные, а из синедымчатого стекла, пузатые, с фигурными горлышками, и каждое украшено самой натуральной печатью из коричневого сургуча с непонятной эмблемой, красиво исполненной.

Дангул принялся ловко очищать сургуч с пробок и выдергивать их большущим штопором, а Балур наставительно сказал:

— Вот, дивись, Тарик. Вишневая водочка из Лабитена. Редко к нам приходит, и прямиком в «Погреб Фитичано», а оттуда, чтоб ты знал, идет в дворянские винные погреба и даже в королевский дворец. Глотнешь сейчас того же самого, что и его светлое величество. Раз в год приходит корабль из Лабитена, большущий, так что работы на два денька. Прошлогодного ты еще не застал. — Он широко ухмыльнулся. — Когда корабль большущий, работы много, но и пользы больше...

Тарик ответил понимающей ухмылкой.

Многим интересным грузам роковым образом не везет — пялся трюмный, Приказчики и караульные хоть в шесть глаз, а паре-тройке тюков, ящиков, мешков непременно грузали «приделают ноги», как это исстари зовется. Тут главное — знать меру и не зарываться, не грабастать чересчур. Тем более что умудренные жизнью трюмные прекрасно знают, что есть вещи, с которыми бороться так же бесполезно, как ловить шапкой радугу или ветер. И понимают: если одному мешку-ящику из полусотни приделают ноги, это неизбежное зло наподобие дорожной подати. И Приказчики, и Стражники, и Канцеляристы, и служители непременно получают малую толику мзды, а потому закрывают глаза на такое удивительное явление природы, как убежавшие на своих ногах бочоночки и мешки. Есть магическое слово «усушка» — неизбежная доля потерь при разгрузке. Все судовладельцы и трюмные его учитывают, оно в судовые документы занесено. Главное, как уже говорилось, не зарываться и знать меру — и всем будет хорошо, спокойно, выгодно...

Есть и еще одна любопытная штука, согласно регламентам вообще-то потаенка, а на деле — совсем другое. Потаенку скрывают от шнырял в обычном грузе, за который платят пошлины и на который заводят кучу документов. А это называется «груз-привид». Приходит корабль с полнешеньким трюмом, и его недешевый груз волшебным образом улетучивается в столицу, как сущий привид, ни единой строчкой не запечатленный ни в одном документе. Как не было. Судовладельцу это, легко понять, стоит денежек, но меньше, чем пришлось бы заплатить таможенных пошлин.

Но грузали тут ни при чем, они всего-навсего, как и вышеназванная публика, получают свою малую мзду еще и за то, что всегда прилежно исполняют указание: об этом грузе не просто забыть, а еще и ничему ноги не приделывать...

Как давно объяснили Тарику грузали с наказом не болтать за воротами порта, тут уж главную денежку гребут высокие господа, не чета простым работягам: в доле и начальник Стражи, и начальник таможни, и Чиновные высоких степеней из главной портовой канцелярии, и начальник порта, благородный граф в чине порт-адмирала, то есть адмирала сухопутного.

Совсем другое дело — в лабазах. Вот там обстоит по-другому: и за ввозом туда грузов, и за вывозом зорко следят Приказчики, своим хребтом отвечающие за любую недостачу. Там все на строгом счету, потому лабазных грузалей и ведающих лабазами Канцеляристов свои же насмешливо считают второсортными — бедолаги, живущие исключительно на одно жалованье. Не зря есть старая негласка: провинившихся грузалей, Канцеляристов и Стражников определяют в лабазные — кого на месяц, кого на два-три, а самых невезучих — на полгода...

И с бутылками с вином (как и с дороженькой посудой) совсем просто: там уже не усушка, а «бой», и будьте уверены: без оговоренного в документах боя ни одна разгрузка не обходится, что в бумагах прилежно отражено...

— Мы и тебе в шкафчик пару бутылков поставили, Тарик, — сказал Балур. — Батя порадует.

— Благодарствую, — сказал Тарик. — Но ведь Кабадош...

— Перебьется старый выжиг. Пусть хлобыщет что попроще. Мы там тебе еще мелкоты положили, так что хватит с него...

— Благодарствую, — повторил Тарик.

— Не за что, — отмахнулся ватажник. — Ежели умеешь с людьми жить, люди это оценят, а ты умеешь... Ну, сухая ложка рот дерет. Дангул, расплескивай! Тарику, конечно, на палец — рановато ему побольше. Сегодня не откажешься, Тарик?

— Сегодня не откажусь, — сказал Тарик. — В жизни не пробовал лабитенских водочек. Вообще, мы пока только пиво понемножку...

— Ничего, какие твои годы...

В стаканы полилась алая, приятно пахнущая вишневка (грузалям до краев, Тарику — на палец, но пальцы у Дангула вдвое шире его собственных). Четвертый раз в жизни Тарику предстояло глотнуть чего-то крепче пива — и всякий раз здесь, понятное дело (о чем он не без гордости рассказывал на сходах ватажки). Первый раз жутко закашлялся, а потом привык. Грузали посмеялись: у нас и воротный столб выпьет. Сами они крепкое потребляли так, что поначалу Тарика, пока он не приобвык, это натурально ужасало. И не трезвые, и не пьяные: по полному стакану утречком, в обед и вечером, а если зарядят осенние ливни или зима выдастся холодной — и по два. И тянулось это годами. Фишта, самый молодой из них, как-то сказал Тарику:

— Пять годочков тут работаю — ни денька сухим не был.

А случившийся рядом Балур, вкалывавший грузалем дольше всех остальных, насмешливо фыркнул:

— Удивил, Бабий Егерь! Против моих пятнадцати годочков хлипковат будешь...

И ведь вечером, крепко поужинав и одевшись в хорошее, они всегдашней ватагой отправляются в одну из излюбленных грузалями таверн, где просидят до полуночи, а потом (о чем женам благоразумно не говорят) переберутся в один из веселых домов... Но тут уж Фишта по некоторым веским причинам с ними ходит редко, да и таверну частенько по тем же причинам покидает задолго до полуночи, к чему ватага, знающая подноготную друг друга, относится с полным пониманием. Они жалеют только, что развлечься по полной не всегда удастся: проще говоря, не случается драк с Матросами. Матросы, что ходят не первый год, от драк с грузалями частенько уклоняются: уж на что они мужики крепкие, а с грузалями связываться — себе дороже. Давненько уж в порту кружит непридуманная история про ватажника Шагама со второго причала, который однажды вывернул

из земли уличный фонарь и разогнал им дюжину Матросов. Тарик его не раз видел — а ведь и не подумаешь...

— За что выпьем? — деловито спросил Кори.

Тарик решил:

— А давайте за здоровье навигаре Бельтера!

— Это кто такой?

— Навигаре-трюмный с «Прекрасной рыбачки», у которой недавно котел взорвался возле мыса Ялвакан.

Он знал, что обо всем случившемся на реке в порту узнают быстро. И точно, Кори кивнул:

— Слыхали, как же. Хороший человек?

— Хороший, — твердо сказал Тарик.

— Ну, за здоровье хорошего человека чего ж не выпить, — веско сказал Балур. — Погнали!

Дружно подняв стаканы, грузали проглотили вишневую водочку, как колодезную воду. Тарик не менее браво осушил свой, уже не кашляя. Водочка теплым комком устроилась в брюхе, он старательно крикнул и поморщился, подражая грузалым. Знал, что пьян не будет, просто немного поплывет приветственно.

Прожевал кусок пирога, а грузали — кто здоровенный шмат колбасы, кто изрядный шмат мяса.

— Ежели подумать, зухвалые ребята ходят на пироскафах, — раздумчиво сказал Кори. — Парусников, само собой, ждет в море куча опасностей, но уж на реке-то не в пример уютнее. А пироскаф и на реке может громыхнуть. На реке, по крайней мере, уцелевшие везунчики до берега доплыть могут, а вот в море до ближайшей суши далековато. И шляпки спустить не получится...

— Судьба и воля Создателя, — сказал чуть захмелевший Тарик. — Вон, даже королевский пироскаф на воздух взлетел так, что никто не спасся...

— Ну да, королевский пироскаф... — сказал Кори с непонятым выражением лица.

И тут же замолчал — как показалось, опасливо. В точности такие лица Тарик уже видел дважды у старых моряков и у студиязусов:

едва заходила речь, пусть мимоходом, о том прошлогоднем крушении — замолкали, переводили разговор на другое. Понемногу начинаешь верить, что вокруг гибели королевского пироскафа витает какая-то загадка из тех, в которые лучше не лезть — проживешь дольше и без жизненных хлопот... Он пожил на свете достаточно, чтобы понимать такие вещи: иногда самое жгучее любопытство следует отбросить...

Чересчур громко и чересчур весело Кори сказал:

— Бабий Егерь, расскажи, что нового на охоте...

Фишта ответил что-то чересчур уж быстро и воодушевленно (точно, переводили разговор):

— Охота движется, как пироскаф по глубине...

Прозвище свое Фишта заработал по заслугам, еще года за три до того, как Тарик обжился в порту. Потому он и редко ходил по веселым девкам, что частенько, приодевшись в лучшее, уходил в Город и охотился там на красную дичь, молодых красоток, причем каким-то волшебным чутьем с ходу угадывал тех, кто в недотрогах не числится. И не простых служанок, растрепок-кухарок, а Приказчиц из богатых лавок, а то и молодых Мастериц. Очень быстро с ними знакомился, чаще всего выдавая себя за третьего помощника навигаре с морского парусника (сухопутные девушки обычно в порту никогда не бывали, морского дела не знали и ведать не ведали, что на самых больших кораблях помощник у навигаре только один, редко-редко два, а третьего не бывало отроду). Самое позднее через три дня красотки соглашались прийти к нему в гости, в уютный домик на Якорной, где холостой Фишта обитал со старой служанкой, давно привычной ему подыгрывать в очередном нехитром лицедействе. И ведь не случалось промахов! Более того: через пару недель, когда очередная дичинка, ставшая постельной подругой, Фиште надоедала (а иные надоедали и быстрее), он ухитрялся с ними расстаться по-доброму, без обид с их стороны и попыток женить на себе (к чему незамужние девушки, особенно после постели, питают лютую склонность)...

Ну, а теперь Фишта превзошел сам себя. Задурил головку молодой незамужней Титорше из женского Школариума с Книгопечатной улицы. Узнав, что она учит мироописанию, Фишта на это и сделал упор в обычных мастерских побрехушках: живописал, как его однажды едва не сожрали дикари на Жемчужных островах, как их корабль храбро продирался через небывалую бурю у мыса Каберрат (где рискуют ходить только самые отчаянные капитаны), как он видел в Ларотанском море страшного Морского Ящера (в чье существование не все ученые люди верят), а у Радужного Архипелага — легендарный Корабль-Привид и даже его проклятого Создателем за все грехи капитана.

Титорша слушала заворуженно, впервые в жизни столкнувшись с живым воплощением того, о чем она лишь читала и рассказывала школярам. И Фишта ее как следует обмачал, даже залезши под подол, и не где-нибудь на мосту Птицы Инотали или в темном закоулке, а где бы вы думали — в зале зверячьих чучел Музея мироописания, где они оказались единственными посетителями! И всего через пару дней гуляний-проводов она согласилась прийти к Фиште в гости, прельщенная его собранием морских диковинок...

Хохот потряс стены избышки; Тарик не отставал. Он пару раз бывал у Фишты в гостях и помянутое собрание видел. В самом деле богатое, но в основном из диковинок подобраны те, что касаются одного-единственного. Есть там настоящая кость длиной в пол-локтя — та, что пребывает в мужском причиндале северного клыкача¹⁴². Есть дюжины две покрытых искусной резьбой мужских причиндалов из желтого дерева — амулеты, по убеждению дикарей с Сияющих островов повышающие мужскую силу. Дикари там малость пообтесавшиеся, мирные, давно смекнули, что гораздо выгоднее не жрать мореплавателей, а продавать им разнообразные поделки из желтого дерева, которое только там и растет, идет еще на дорогие мебели. Есть раскрашенные картинки с Едобара, изображающие изощренные и разнообразные способы любви Матросов и тамошних веселых девок (из-за чего к названию Едобара знающие люди в

¹⁴² Северный клыкач — морж.

чисто мужской компании добавляют буквицу «л» после заглавной). Да чего там только нет... Убойнее всего, Фишта говорил, на дичину действуют едобарские картинки — добрая половина способов там и придумана и на суше известна мало. Вот и на Титоршу Дорителлу наверняка так и подействуют. Как ни крути, а это прямо относится к мироописанию, верно ведь?

— Чует моя душа, что не придется все три дюжины картинок пересматривать, — со всегдашней уверенностью в себе и обычной скромностью сказал Фишта. — На первой дюжине я ей и заправлю, симпоточке. Титорша — это, сами знаете, на ступенечку повыше Цеховых, и мало кто их раскладывал из портовых ухарей. Этак я и в самом деле заветную мечту обрету...

— Ну, а мы на тебя об заклад побьемся насчет следующего года, — заявил Чорри под общий хохот.

Заветную мечту Фишты все давно знали: заправить блудень дворянке. Само по себе дело нехитрое: известно же, что многие дворянки нестрогих правил (особенно кому достались мужья в годочках) отнюдь не чураются самых что ни на есть простолюдинов. Однако загвоздка в другом: в отличие от тех, кто гербом не обременен, с дворянкой можно познакомиться, только если она сама тебя углядит и положит глаз... Таких случаев больше, чем думают пожилые мужья-дворяне, но это ж надо, чтобы повезло...

— А это еще неизвестно, как повернется, — сказал Фишта, когда остальные отсмеялись. — Появилась наметочка. Одна моя прежняя служит в лавке у кружевницы на Златошвейной и говорила, что к ним частенько в одно и то же время заходит в определенные дни одна не просто благородная, а целая маркиза, что живет поблизости. Пару раз заходила с муженьком, так из муженька песок сыпется, а маркиза молодая. И глазыньки, Полита говорит, светятся неуголенным блудом. Вот я и прикинул: в свободный день надену мундир морского офицера и загляну в лавку якобы за кружевами, а там поглядим, как обернется. У маркизы «сладенькая штуkenция» точно так же вдоль, а не поперек, все знают...

Недоверия ему никто не выразил: во-первых, давно известно, что Фишта никогда не врет и даже не особенно приукрашивает, а во-вторых, водится за ним удивительная способность: с иными из прежних ухитряется как-то поддерживать добрые беспостельные отношения, чему многие крепко завидуют.

— Дело опасное, — задумчиво сказал Дангул, самый рассудительный из ватаги. — Ежели заловят в морском мундире и узнают, кто ты есть, — на рудники не пошлют, но плетей отведаешь...

— Сам знаю, — отмахнулся Фишта. — И придумал кое-что. Когда добуду мундир по росту — а дело нехитрое, была бы денежка, — спорю все жгуты и знаки, гербовые пуговицы заменю на простые, и буду отставной морской офицер. А к отставным не присматриваются и не придираются, только там, где самозванцы пытаются мошенничество проверить. Так я ж в такие места и не сунусь...

— Годочками не вышел для отставного, — упростиовал Дангул.

— А я вечный отставной, если речь зайдет, — ухмыльнулся Фишта. — А раньше срока в отставку ушел после летучей хвори, которая на многое зловредно влияет, но не на мужскую силу. Расскажу ей завлекательно про такую летучую хворь, какая только в море бывает, уже придумал историю... Откуда сухопутной бабе знать, что такой хвори нет вовсе? Она ж не ученый лекарь, ей будет главное, что эта хворь ниже пояса не била, а даже наоборот (я уже и тут кое-что придумал...).

— Ох ты ж, штукарь! — покрутил головой Дангул. — Все осмыслил и рассчитал...

— Заваливать политесных баб в постель — это не по веселым девкам бегать, — наставительно заметил Фишта. — Это, браток, даже не ремесло, а изящное искусство, напряжения мысли требует... Вот кстати, Тарик. Могу посодействовать. У Дорителлы младшая сестренка есть, твоих годочков, вроде ни с кем не путается. Давай познакомим? Дорителле скажу, что ты мой младший братишка, Юнгарь с парусника морского плавания. Бляху раздобудем, а напести ей насчет морских плаваний сможешь. Когда это девки на моряков не западали?

— Да нет уже нужды, пожалуй, — сказал Тарик. — Я как раз познакомился, на нашей улице новая девчонка появилась...

— О как! Рассказывай.

Тарик кратенько рассказал.

— Знакомство обещающее, — сказал Фишта, ненадолго задумавшись. — Дело даже не в том, что она гаральянка, а они раньше наших начинают разные шалости допускать, вплоть до раздвиганья ножек... Коли уж она тебя в гости позвала и обедом покормила, ты ей глянулся больше, чем этот твой Байли...

— Я ж ей клетку починил и крола поймал.

— Ну и что? Мелковата услуга — за такие девка, если ты ее внимание не затронул, самое большее мило улыбнется да поблагодарит нежным голоском, и все. Нет, точно тебе говорю: если позвала в дом и обедом кормила, ты ей глянулся. Кое-какие ухватки у всех девок одинаковые, что у наших, что у гаральянских. Не может же политесная девка тебе напрямик сказать: «Парень, ты мне глянулся», верно? Она тебе это по-другому знать дает, всякими ухватками — в гости, скажем, позовет, обед выставит. Как же, знакомо, случалось похужее, и не разок... Короче, ты ей глянулся. Так что не теряйся. После ярмарки замани на мост Птицы Инотали. Раз девка нездешняя, он на нее сильнее подействует, чем на наших столичных. Расскажи сначала позавлекательнее про Птицу и ее перышки... Вообще языком звони, как пожарный колокол: девок берут языком, это уж потом рученьки с блюднями в дело идут. Непременно скажи, что она самая красивая, какую ты в жизни видел, — девки от этого особенно тащатся.

— Она и в самом деле самая красивая, какую я в жизни видел, — серьезно сказал Тарик.

— Совсем хорошо! — воскликнул Фишта. — Так и скажи. Неплохо бы еще не просто чмокнуть, а сначала позволения спросить: можно, мол, тебя поцеловать? Тут палка о двух концах: может решить, что ты чересчур робкий, фыркнуть: «Кто же на такое позволения спрашивает?» Но так ломаки себя ведут. И коли ты ей глянулся, может решить, что ты очень политесный — а это ж

тебе только на пользу. И виршами ей по ушам, виршами! Девки от виршей млеют, раньше пробовал виршами?

— Один разочек, — честно признался Тарик. — Аж три вирша прочитал. И ничуть она не млела, вроде наоборот...

— Ну, это тебе не та попалась, — сказал Фишта уверенно. — Редко попадаются такие, что от виршей не млеют. Если у тебя дома виршей нету...

— Нету.

— Так прикупи быстренько, — посоветовал Фишта. — В «Поющем кустарнике» лучше всего, я там всегда покупаю. Знаешь что? Попроси у Приказчика «Звезды над волнами», у них непременно найдется. Вирши почти сплошь про море — морские чудеса разные, тоска Матроса и его оставшейся на берегу возлюбленной, очень чувствительно и душещипательно. Давно уже я заметил: чем дальше девка от морских дел, тем сильнее морские вирши ее по ушам бьют. За всех не берусь говорить, но очень многие ведутся... Усвоил?

— Усвоил, — сказал Тарик.

Ну, про сладкие слова девчонкам он и сам знал немало, не раз их говорил, а вот насчет виршей — весьма полезно. Ни на их улице, ни на прилегающих никто никогда — ни ватажник, ни Подмастерье — не читал девчонкам виршей, да те и не требовали, такое было не в обычае. Из голых книжек он, однако, знал, что воздыхатели-дворяне непременно читают предметам своей страсти вирши, негласка у дворян такая. И о том же мельком упоминали студиозусы, добродушно подтрунивая над Балле, которому недельное чтение виршей так и не позволило завоевать сердце некоей Торелины. А теперь оказалось, что эта вроде бы чисто дворянская негласка здорово помогает и Фиште в обхаживании отнюдь не дворянок... Бабьего Егеря в таких делах надо слушать в оба уха, он-то толк знает, а вот промахи крайне редки. К тому же, вспомнил Тарик, Тами говорила, что любит вирши...

— А где эта лавка? — спросил он. — Что-то я про такую не слышал.

— «Поющий кустарник»? Да совсем недалеко отсюда, улица Золотых Облаков, тридцатый номер. «Звезды над волнами», запомнил? Ты возьми еще пару-тройку других. Девка гаральянка? Значит, попробуй охотничьи балладино — в Гаральяне это любят, мне говорили. Тарик, распахни окно, а то душновато что-то...

Тарик подошел к окну, выходявшему на двойной ряд тех самых высоченных винных бочек, взялся за шпингалеты...

И замер в некотором удивлении. У четвертой отсюда бочки стояли и мирно, спокойно беседовали двое. Матрос оказался к Тарику спиной, он видел только его кудрявый светлый затылок, а вот его собеседница была обращена лицом. И Тарик сразу узнал новую соседку бабушку Тамаж — ее лицо, лучистый добрый взгляд, движения, знакомое уже бордовое платье и черный чепец, обшитый узкой кружевной полоской.

— На что ты так засмотрелся? — весело спросил подошедший Фишта. — Голых баб там нету — и ничего там нету, кроме бочек, с которыми возиться никто не станет... Можно, конечно, и им ноги приделать, но это ж сколько труда и выдумки придется положить, не стоит оно того. Открывай.

Опомнившись, Тарик потянул на себя обе створки, распахнув окно, но тут же недоуменно уточнил:

— Как это нету? Вон же они стоят, у четвертой отсюда бочки.

— Кто?

— Моя новая соседка и Матрос...

— Да нет там никого, — сказал Фишта, всмотревшись. — Одни бочки. Ты чего, Тарик? На другого бы я подумал, что у него виде-ница от водки, но ты-то выпил на палец...

У него было серьезное лицо человека, не склонного шутить, Тарик его хорошо знал. И вновь уставился туда. Они стояли на прежнем месте, соседка и Матрос, все так же мирно беседуя, и на спине Матроса чернели на фоне разноцветных ромбов чистого тельника большие черные буквы ЯГА. Вот только... Выглядело это так, словно меж бочками натянута невидимая рыбацкая сеть с очень крупными

ячейками и на пересечении нитей тускло-желтым светом мерцают гнилушки. Но разглядеть говорящих они ничуть не мешали.

В отдалении гулко прозвонил колокол, объявляя конец обеденного часа, звон проплыл над причалом и растаял.

— Что там у вас такое? — подошел Дангул.

— Да вот Тарику меж бочками какая-то соседка чудится и какой-то Матрос, хоть никого там и нету...

— Никого там нету, — подтвердил Дангул.

Тарик молчал. Он уже понял, что никто, кроме него, этих двух не видит, и убеждать бесполезно. Меж тем Матрос как раз передал бабушке Тамаж толстый квадратный сверток, видимо вынутый из-под тельника (руки у него до того, Тарик видел, были пусты), а старушка взяла его безо всякой торопливости и положила в самую обычную плетеную корзинку, с какой ходят за покупками. И они разошлись в разные стороны: Матрос — в направлении, где стояла «Ягана», а бабушка Тамаж — в противоположном.

— Ну пошли, что ли, ватага? — лениво сказал Балур (на обед грузали всегда поспешали, едва слышав колокол, а с обеда не торопились особенно, говоря «без нас все равно не начнут»). — Тарик, ты сегодня еще работаешь?

— Нет, Тариуш давал поручение только на пироскаф. Домой пойду.

— Мы тебе там в шкафчик кое-чего положили, твоя доля. Будешь уходить, окно не забудь закрыть. Успеха у гаральяночки!

Зашлепали по струганым доскам босые ножищи, и грузали ушли, оставив Тарика в нешуточной растерянности. Он чем угодно мог бы поклясться, что видел соседку и Матроса, что они там были на самом деле. Виденьица его никогда не посещали, как и любого другого с их улицы. Все вокруг было знакомым, привычным: стол, табуреты, шкафчики. И никаких виденьиц. Но ведь были те двое, и видел их только он один...

Тут хоть до утра ломай голову, не доищешься объяснения... Махнув рукой, загнав поглубже досаду на непонятное (все равно нет

ответа), Тарик закрыл окно, загнал шпингалеты в гнезда и распахнул дверцу своего шкафчика.

Вот тут уж не было ничего необъяснимого — наоборот, знакомая картина, радовавшая глаз. Рядом с двумя бутылками отличной вишневой водки лежали шесть мячей из тянучки — в точности такие, как у него в кармане штанов, и некрашенные, той же величины. И лежали два кулька из вощенной бумаги: один большой, булитов на пять, другой поменьше, этак на булит. Тарик догадывался, что там, но все равно для проверки заглянул в меньший кулек. Конечно, наглядное доказательство для того, кто понимает, что вчера разгружала ватага Балура, привычно приделав ноги, так прикидывая, паре-тройке мешков. Сладкий ледок¹⁴³ с Артаханских островов...

Ну да, прозрачно-желтые кристаллы длиной с мизинец — так уж их отливают из сиропа тамошние мастера. Неплохое приобретение в дом, маманя будет рада, как папаня — вишневой водочке. Хороший выдался денек, очередная негласка: издавна повелось, что грузы бывают «цельными» и «делимыми». Цельные вроде штук ткани и иных ящиков-бочек — собственность только тех грузалей, что приделали им ноги, и мзды от продажи Подручным не перепадает. А вот когда приходит что-то, что можно делить на умещающиеся в сумке штуки, долька перепадает и подручным, вот как сейчас.

Одевшись и убрав все в сумку, Тарик направился к воротам. Завидев его, дядюшка Кабадош оживился и, когда Тарик вышел в калитку, с видом, казавшимся ему страшно хитрым, забубнил всегдашнее:

— Чтой-то сумарь, когда ты входил, был тощенький, а щас по швам лопається...

— Ну, так уж и по швам... — усмехнулся Тарик.

После чего протянул стражу калитки меньший кулек со сладким ледком и два мячика. Водочку, как и советовали грузали, объявлять не стал, хватит с Кабадоша и этого. Ледок принесет в семью, а

¹⁴³ Сладкий ледок — иноземный тростниковый сахар. Стоит гораздо дороже обычного свекловичного, а потому считается забавой богачей, как и кофе.

мячики продаст в игрушечную лавку, где их раскрасят и продадут уже дороже; пару-тройку мячиков Тарик собирался раздать Недорослям и девочкам — пусть забавляются.

Дядюшка Кабадош проворно спрятал мзду в свою пустую сумку — у него главная мзда текла, когда грузали уходили с причала. Доли от того, что весьма нерегламентно уходило из порта на повозках через ворота, старому прохвосту не полагалось — у ворот своя Стража есть, пусть довольствуется калиткой... Сказал чуть ли не растроганно:

— Умеешь ты, Тарик, с людьми жить, молодец...

— А то, — усмехнулся Тарик и не оглядываясь направился в канцелярию. Там, как всегда, обошлось без волокиты: Тарик отдал Тариушу направление, а Канцелярист придвинул ему чернильницу с торчащей из нее ручкой и невеликий лист казенной бумаги с портовой печатью и печатным текстом, куда чернилами были вписаны название корабля, число мешков, имя Тарика (полное, как полагалось) и следуемая плата — три серебряных денара (неплохо платила королевская почта). Отряхнув с перышка лишние чернила, Тарик аккуратно вывел свое имя, где надлежало.

— Не стоит на месте наука, — не удержался от привычной болтовни Тариуш. — А я ведь в молодости, когда начинал службу, еще гусиные перья застал. Мороки было с ними! Вы, нынешние грамотеи, и не помните...

И выложил на стол помянутые три денара, выдвинув предварительно ящик стола, так что получилась узкая щель. Придавив крайний справа указательным пальцем, вопросительно уставился на Тарика так, словно это происходило впервые. Тарик с понимающим видом легонько развел руками. Протащив денар пальцем по столу, Тариуш привычно смахнул его в ящик. Там не зазвенело, слышно было, как монета глухо стукнулась о дерево: ну да, вовсю зазвенит вечером, когда с причалов потянутся грузали...

— Люблю я с тобой иметь дело, Тарик, — сказал Канцелярист вполне искренне. — Живем душа в душу — может, потому что ты Тарик, а я Тариуш? Неспроста такое созвучие имен...

— Да уж, — сказал Тарик, смысла не видевший вступать в долгие беседы с чернильной душонкой.

И тут дело ясное: Тариуш мог бы отправить на разгрузку пиро-скафа и тех трех Подручных, вчетвером еще быстрее справились бы. Но тогда и три денара пришлось бы выдавать на четверых, медью. А зачем Канцеляристу возиться, выдавать медяки и в них же получать мзду, если так и ему удобнее, и Тарику выгоднее?

— Ты хорошенько подумай насчет того, что я говорил про канцелярию, — искренне заботливо посоветовал Тариуш. — Времени еще два месяца. Ох, с тобой бы мы сработались. Панокуш постарел, нет прежнего проворства и живости ума...

— Непременно, — кивнул Тарик и на этот раз сдернул берет, раскланялся вполне политесно — с Тариушем ему еще два месяца жить.

И вышел. Градские Бродяги сидели на прежнем месте, смиренно ждали, когда Панокуш позовет их ватажника для расчета. Тарик мимолетно ухмыльнулся: уж этих вахлаков, грамоте не ученых и вместо подписи ставивших предписанный кружочек с точкой внутри, Тариуш обдерет исправнее, чем волк овцу. Хорошо еще, если половину заработанного получают...

И уверенно направился в сторону от дома, к улице Золотых Облаков. Следовало не откладывая зайти в «Поющий кустарник», благо времени немерено. А завтра можно вдумчиво почитать вирши и отобрать те, что могут Тами понравиться... Ему все сильнее верилось после разговора с Фиштой, что завтра Байли не свезет, — во всем, что касалось юбок, советы Фишты следовало выполнять в точности и верить его суждениям.

Он старательно отгонял мысли о сегодняшней загадочной странности: новой соседке и Матросе, которых видел только он. Все равно объяснения не было — а вот кое-какие соображения имелись, в том числе и весьма смелые...

Глава 12

ТИХИЙ ВЕЧЕР И БУРНАЯ НОЧЬ НА УЛИЦЕ СЕРЕБРЯНОГО ВОЛКА

Из дома Тарик вышел, когда солнышко стояло уже низко, над самыми крышами, но еще не село. Почти час назад колокол возвестил закрытие лавок и мастерских и открытие таверн, так что жизнь шла обычным чередом: в «Уютный вечер» степенно, безо всякой торопливости (не завязтые пьяницы, чай) собирались Мастера и Подмастерья, а супружницы Мастеров сидели кучками в палисадниках и болтали. Девчонки обосновались на любимых скамеечках и щебетали о чем-то своем, о девичьем, временами звонко хохоча. Когда Тарик проходил мимо, они замолкали — как обычно, с таким загадочным видом, словно обсуждали важнейшие дела королевства. Ну, что с них взять, с пустозвонок... На одной лавочке среди хохотушек сидела и Альфия, такая же веселая, еще не знающая, что задумал Байли (ну, будем надеяться, у него не выгорит, так что ничего она и не узнает).

В игральных гомонили Малыши и Недоросли. Шагавшего неспешно Тарика обогнала, не зацепив, Марлинетта в нарядном платьице из розового барежа¹⁴⁴, летящей походкой направлявшаяся в сторону Аксамитной: ага, дело ясное, сейчас порхнет там в

¹⁴⁴ Бареж — легкая шерстяная или шелковая ткань, часто с узорами. Идет на платья и сорочки.

очередную карету и исчезнет на недельку, проказница. Следом на почтительном расстоянии, старательно притворяясь, что идут по своим незатейливым делам, последовали Дальперик и еще двое — ну да, Недорослям такие вещи пока что ужасно любопытны: мы в их годочках были такими же...

Навстречу прошел Титор Долговяз, важно кивнувший в ответ на политесный поклон Тарика. Был он в своей обычной одежде, понятно, а не в мантии Школариума, а под мышкой нес свернутую холщовую сумку. Посмотрев ему вслед, Тарик ухмыльнулся. Каникулы, знаете ли... Сейчас Долговяз купит в «Уютном вечере» несколько бутылок своей любимой грушевой водки, многословно объяснив дядюшке Ягошу, что к нему ожидаются нынче гости, такие же почтенные Титоры из соседнего квартала. Дядюшка Ягош, как всегда, притворится, что этому верит, и пожелает приятно провести вечерок с гостями. Прекрасно знает, как и вся улица, что по скупости своей гостей Долговяз принимать ужасно не любит, зато в каникулярные дни затворяется дома и денька два-три пьет без просыпу. В «Уютный вечер» он не ходит, полагая это ниже своего достоинства (а вот худог Гаспер и его друзья-студизусы, даром что наперечет дворяне, там частые гости), а в те таверны, что его достоинству отвечают, не заглядывает из той же скупости. Вот и посасывает водочку дома, на что улица Серебряного Волка взирает сквозь пальцы: каждый волен у себя дома заниматься чем угодно, главное, напившись, на улицу не выходит и с соседями не скандалит. И с женушкой, не то что иные, не скандалит по пьяному делу — к досаде сплетниц. Знай они, как обстоит, возрадовались бы и вдоволь позвенели языками... Супружница, женщина решительная и телом покрупнее Долговяза, аккуратненько после каждой пьянки муженька легонечко того колотит с полчаса, что стало этаким семейной традицией. Байли об этом давно рассказала Альфия, но попросила держать в секрете, так что дальше ватажки это не пошло...

Душа радовалась, умиротворение полное и законченное. На этой улице Тарик родился, здесь прожил всю сознательную жизнь, знал всех, и все знали его, каждая собака и кошка знакомы. Чутьочку

грустно даже думать, что при удаче улицу Серебряного Волка придется покидать надолго. Но, учитывая, ради чего покидать... не так уж и грустно, пожалуй.

Подойдя к дому Чампи, он увидел друга издали: Стекляшка копался в огороде, пропалывал грядку с морковью. На условный свист Тарика он обернулся, вскочил и, сделав успокаивающий жест, скрылся в доме. Очень быстро выскочил и подошел к калитке. Рот у него был до ушей — как всегда, когда чем-то доволен.

— В лучшем виде вышло, Морячок, — сказал он, полезши в карман. — Смотри, какая красава получилась...

— Да уж, поработал ты на совесть, — одобрительно кивнул Тарик.

Находка, которую он вертел в пальцах, стала неузнаваемой: ни следа зеленой окиси и черноты, бронзушка прямо-таки сияла, словно вышла из мастерской этим утром и еще не успела потускнеть. На выпуклой стороне — большой непонятный знак в середине и шесть таких же загадочных по кругу. На вогнутой во всю ширину — стрела, какой ее рисуют на стенах и заборах во время игры в «прятки-догоняшки»: без оперения, одна длинная черточка и две покороче.

— Ты присмотрись к стреле и к знакам, — сказал Чампи. — Тонкая работа, все у нас согласилось...

Тарик присмотрелся, увидел теперь, что стрела и знаки не сплошного литья, а составлены из мелких бугорков-полушарий. В самом деле очень тонкая работа, не нужно быть ювелиром или торговцем старожитностями, чтобы это понять: ничуть не грубовато, мастерски сработано, с душой...

— Ну, и что это такое? — спросил Тарик.

Чампи то ли виновато, то ли смущенно улыбнулся, развел руками:

— А вот это, Морячок, насквозь непонятно. И дядюшка Лакон, и Симади в конце концов не на шутку увлеклись, покупателей сегодня было мало, так что до вечернего колокола листали книги. А книги, чтоб ты знал, у нас собраны отменные и подробнейшие,

там все, какие только есть, древние букворяды и знаки перечислены. В нашем деле без этого нельзя. Только ни единого такого знака не отыскиали. И не только арелатские там приведены, но и букворяды-знаки еще нескольких королевств, не только иноземных, но даже заморских. Одно уже ясно: вещица иноземная, причем из дальнего иноземья. По-ученому у торговцев старожитностями и книжников это называется «раритет».

— Здорово, — сказал Тарик. — Это, выходит, у меня теперь самый натуральный, как бишь его? Раритет?

— Он самый. Все собиратели старожитностей за раритетами в первую очередь гоняются, друг у друга стараются перехватить, друг перед другом хвастают. Иные и собирают только раритеты, — он усмехнулся. — Тарик, ты только не думай, что это у тебя разьединственный раритет на всем белом свете. Раритетов немало, самых разных. И частенько непонятно, что они такое. Знаешь, есть присловье: «Всего знать невозможно». Нет-нет да и вынырнет вещица совершенно непонятная, как вот эта, и все торговцы старожитностями и ученые книжники руками разводят, в затылке чешут. Особенно когда попадается вещь, непонятно для чего предназначенная, опять-таки вот как эта. Будь это украшение, которое носили на одежде, — вместо стрелы была бы петля для пришивания или заколка, но петли с самого начала не было, а от заколки никаких следов. И нет следов от ушка, мы в три лупы смотрели, и в самую сильную. Ни малейшего следа! Как бы аккуратненько ни спилили ушко, под лупой след был бы виден. И амулетом древних языческих шаманов эта штукавина никак не может быть: они все либо с петелькой, чтобы к одежде пришить, либо с ушком, чтобы на шее носить, как цеховые и прочис бляхи. Нет уж, если ее и носили, то непременно в кармане. И уж всяко не чашечка для питья — из нее и кошку не напоишь, разве что мышку или воробейчика. И будь это чашечка, не было бы стрелы...

— Амулеты древних языческих шаманов... — задумчиво повторил Тарик. — Ты сам говорил, что не все они наперечет были черными, но черных среди них не счесть. Вдруг это и есть что-то черное?

На свету смиреннько лежит, а в полночь ка-ак проснется и такого наворотит... Как бронзовая змеюка в той голой книжке, не помню названия. Ты же нам давал читать, помнишь?

— Да помню, конечно, — сказал Чампи. — «Тайна бронзовой змеи»... Или «Ухмылка бронзовой змеи» — забыл уже. Я тогда же, как все вы прочитали, ее отнес в лавку держаных книг. Не так уж потрепалась, все страницы были целы, так что медный шустак дали. Не в выгоде дело — какая от медного шустака выгода, не разбогатеешь. А продал я ее оттого, что не хотел держать дома этакую залепуху. Тот сочинитель, что книжку накропал, о торговле старожитностями и вообще о старожитности не знает ничего. Уж поверь: смотрел в потолок и оттуда свои придумки черпал. По книге, ему змеюку продал не «ночной копальщик», а столичный торговец самых честных правил, занимавшийся этим ремеслом лет тридцать. Такого быть не могло. Всякий торговец, когда получает бумагу Мастера, знакомится с «Регламентом о старожитности» и обязан ему следовать скрупулезно. Кара за нарушение суровая — именно потому, что иные вещички старожитные как раз и могут оказаться черными и такого наворотить...

— А как же определить, черное оно или нет? — спросил Тарик, увлеченный этим лекционным, вплотную касавшимся его самого: бляшку-то он собирался оставить себе и унести в дом...

— Да проще простого! Всякую вещичку, ежели небольшая, кладут в чашу со святой водой. Нет такой черной, чтобы это вынесла. Я сам, хвала Создателю, никогда такого не видел, но дядюшка Лакон рассказывал, как оно бывает. Как взрыв парового котла или горючего праха¹⁴⁵, вещичка летит к потолку, иногда завывает мерзко, — Чампи поежился. — А для пущей надежности читают еще «Затвор на изгнание нечисти святого Риато», самого ярого и сильного борца с нечистью, самим Создателем благословленного. Ну, а ежели вещь большая и ни в какую чашу не влезает, ее кропят святой водой очень старательно. Твою бляшку дядюшка Лакон первым делом в чашу положил, а потом прочитал над ней «Затвор». И ничего с ней не

¹⁴⁵ Горючий прах — порох.

случилось. Потом, когда очистили, изучили знаки по особой книге. Толстенная такая, называется «Букворяд злого чародейства». Там все до единого собраны знаки, какие пользовала древняя нечисть и какие пользуется сейчас та, что осталась. Если там какого-то знака нету — значит, его и вовсе нету. Вот этих, что на бляшке, там нет ни одного. Значит, даже дважды проверенная. Знаешь, святую воду и книгу даже многие «ночные копальщики» пользуют из тех, что поумнее. Не по доброте или благородству души, а только заботясь о собственной шкуре: любой из них может выкопать что-то безобидное на вид, а оно вскорости норов покажет... Бывало, говорят, вот умные и осторожничают. Это торговцев заставляют обязательно книгу покупать после получения бумаги, а «ночного копальщика» кто ж принудит? Он бумагу не получает и не объявляется. Вот и покупают через вторые, третьи руки: книга ж не запретная. Есть книжные лавки, которые неплохо денежку заколачивают на «ночных копальщиках»: кому ж другому книга понадобится? Короче, не сомневайся, Тарик: бляшка, как выражаются у нас, «чистенькая», неси домой смело. Есть еще разговор...

Он замолчал, а Тарик опустил бляшку в карман. К ним подбежали и остановились, переводя дух, Дальперик и еще двое — ну конечно, Мидати и Парон из той шестерки Недорослей, какую Дальперик, глядя на больших, называл своей ватажкой и был ватажником. Настоящие ватажки на это взирали благодушно: пусть забавляются, молокососы. Скоро вырастут, нас заменят, а уж мы им все негласки и традиции передадим...

— В карету села, — азартно блестя глазами, доложил Дальперик. — Карета без гербов, вроде новая и не убогая. Пара лошадей, каурые. Уехала неспешно. Мы б проследили бегом, только указания не было...

У них не было указания следить за Марлинеттой — кому это интересно? Но все равно, не следовало расхолаживать ретивых, порой они приносили и что-то полезное. А потому Тарик с важным видом генерала перед шеренгой солдат сказал:

— Молодцы, остроглазые, хвалю!

— Таричек, и нам бы в Приписные, — робко сказал Мидати. — Годочками годимся, негласки соблюдаем...

— Подумаем, — значительно сказал Тарик. — Дело непростое, не я один решаю, вся ватажка...

Недоросли унеслись вприпрыжку с дикарскими воплями, а Тарик спросил:

— Что за разговор?

— Если захочешь бляшку продать, дядюшка Лакон дает десять серебряных денаров. Больше никто не даст, наоборот, обсчитают. Он, конечно, свое надбавит, но не особенно, денаров пять — ну, все торговое дело стоит на надбавке. Понимаешь, Тарик, очень дорого, иногда в немалом золоте, ценится понятный раритет, про который точно известно, сколько ему годов и чем славен. А у непонятого только и звания, что раритет. Уж я-то старого друга не стану обманывать даже ради дядюшки Лакона. Больше никто не даст, Тарик... Что скажешь?

Тарик положил бляшку на ладонь, полюбовался. Чампи сказал:

— Ведь неизвестно даже, тыща годов ей или сто. Старожитная — весь сказ.

Спрятав бляшку в карман, Тарик ответил, не особенно раздумывая:

— Не пойдет. Будь это еще десять золотых, я бы соблазнился — папаня в доме починку задумал, денежка нужна. Десять серебрушек я и в порту в удачный месяц заработаю. Я, конечно, не собиратель старожитностей и наверняка никогда им не стану. Тут другое. Ни у кого нет старой вещички из Серой Крепости, а у меня есть, пусть никто об этом не знает, кроме вас четверых (ну, может, еще студиозусам покажу, они лишнего болтать не станут). Вон даже вы во всех своих книгах ничего не нашли. Может, она такая одна на всем белом свете? А тут всего-то десяток серебрушек... Нет уж, оставляю себе, и весь сказ. Вот ты на моем месте продал бы?

— Ни за что, — решительно, не задумываясь ответил Чампи. — Я тоже собирателем никогда не стану — хороший торговец старожитностями собирательству поддаваться не должен, иначе загубит

торговлю напрочь. Вот именно, тут другое. Ни у кого нет, а у тебя есть. Может, одна такая на свете...

— Ну вот, ты меня понимаешь... — сказал Тарик.

Они распрощались, и Тарик пошел домой. Навстречу попался Титор Долговяз, на сей раз на политесный поклон Тарика не ответивший. Уж конечно, не из спеси — просто он шел из таверны гораздо быстрее, чем шествовал туда, и ничего вокруг не видел. Судя по раздувшейся сумке, бутылок он приобрел не менее полудюжины. Значит, не менее трех дней будет пребывать в блаженном отрешении ото всего на свете, хоть и превосходно знает, что закончится все выволочкой от супружницы.

Любопытно, стоит выволочка такого вот отдохновения души? У взрослых столько своих заморочек, кто их поймет... Надо полагать, стоит — все же супружница Долговяза не поленом охаживает и даже за волосья не дерет, обходится затрещинами по загривку и лупцовкой по спине, а потом долго и нудно зудит про траты на водку и свою загубленную жизнь: за ней, мол, такие ухаживали, что не чета Долговязу, они сейчас устроились на местечках престижнее и денежнее, чем титоришка Школариума. Хотя очень трудно представить ее молодой стройной красоточкой... Впрочем, судя по Альфии, в которой незаметно ничего от папани, все возможно. Кому от этого хорошо, так это Альфии: опять будет гулять с Байли до полуночи — это трезвый папаня устраивает дочке долгие и нудные словесные выволочки за то, что она гуляет с сыновьями простых Цеховых, а маманя, как сама Альфия со смехом рассказывала подругам и Байли, озабочена вещами насквозь житейскими: старательно наставляет не позволять парням слишком много, а особенно не связываться с теми охальными забавами, от которых, бывает, тяжелеют. Иногда можно и услышать что-то полезное, говорила Альфия, а иногда такое, что в голос хохотать хочется, — маманя до сих пор верит, что политесные девочки в ротик не берут... Заслышав такое, ее подруги (все, конечно же, дочери почтенных родителей) прыскали в кулачок...

До ужина оставалось еще немало времени, и Тарик, еще раз полюбовавшись непонятной старожитностью, прибрал ее в шкафчик и стал листать сегодняшние покупки. Впервые он держал в руках вирши — не считать же таковыми ходившие среди Школяров рукописные «Похождения морехода Угтарака» или «Приказчик в деревне»...

В указанную Фиштой книжную лавку он по дороге из порта зашел не без робости и опасений: вдруг там как-то не так все устроено? Фишту об этом он не расспросил.

Оказалось, лавка как лавка, те же наклонные полки, на которых напоказ выставлены книжки, конторка с чернильницей. Разве что, он сразу подметил, книжки немного не те, что в лавках, куда он обычно заходил: справа солидные тома, кожаные и матерчатые, а слева книжки хоть и голые, но выглядевшие совершенно иначе: почти все вполонину меньше размером, на обложках вместо красоток в платьях со смелыми вырезами, пиратских кораблей, окутанных пушечным дымом, страшных лесных оборотней и тому подобных завлекательностей совсем другое: букеты разнообразных цветов и просто цветы, перья Птицы Инотали, красивые ветряные мельницы и тому подобное — должно быть, вирши именно так и украшаются.

И покупатели были самые обыкновенные: две симпатичные девушки (судя по платьям, служанки из богатых домов), молодой дворянин при шпаге и студизус. Студизус листал с величайшим вниманием какую-то кожаную книгу, а остальные стояли у полок с виршами. Возле конторки торчал Приказчик немногим старше Тарика, щуплый, как свечечка, в круглых стекляшках, но Тарик сразу подметил, что стекла простые, как в окнах: ага, для солидности нацепил, дело нередкое. Смерив взглядом Тарика так, как сам Тарик смотрел на Градских Бродяг, щуплый осведомился с видом крайнего превосходства:

— Парень, ты точно пришел, куда тебе надо? У нас дурных приключений и душещипательных страстей не водится, не держим такой дешевки...

Оценив его в мгновение ока, Тарик пришел к выводу, что этому задохлику он легко накидал бы до кровавых соплей. Может быть, тот никогда и не дрался, связываться с таким — все равно что девчонку бить.

Пока он подыскивал ответ, политесный, но сразу показавший бы, что он этого выпендрежника в грош не ставит, дворянин подозвал нахального типа, чтобы рассчитаться за выбранное — сразу четыре книжки виршей. Из задней двери вышел человек совсем другого пошиба: пожилой, седой, с располагающим к себе лицом, и стекляшки, сразу видно, не для выпендрежа надеты, а по слабости глаз, как у Чампи. Вот с ним-то Тарик как-то сразу разговорился, уже без робости. Узнав, что Тарик заинтересовался виршами, но ничего в них не понимает (ну, неотложная надобность, знаете ли, возникла), дядюшка Каборо (так его, оказалось, звали) не выразил ни малейшего удивления и не смотрел свысока. Однако, судя по его лукавому взгляду (сильные стекляшки увеличивали глаза не менее чем втрое), прекрасно понял, что это за неотложная надобность такая. И сказал с загадочной улыбкой: ну да, у многих однажды просыпается интерес к виршам, это нужно только приветствовать, и со временем все начинают разбираться, это иногда становится пристрастием на всю жизнь. При этом называл Тарика крайне политесно: не «мальчуганом», а «юношей», как обычно обращаются к дворянам и сынкам богатеев. Так что Тарик воспрянул, ощутив себя и здесь своим человеком.

Дядюшка Каборо подвел его к полке. Услышав про «Поющий кустарник», сказал, что это хороший выбор, и показал еще несколько книжек, подробно объясняя, в чем их достоинства, а также особенности. Вот, скажем, «Радуга над рекой», на которой значится мужское имя сочинителя — Митраль Тубар, — вовсе не мужчиной написана. Вымышленное имя по-ученому зовется «псевдоним», и выбирают этот самый псевдоним сочинители по самым разным причинам. В данном случае — из-за старинных установлений, каковые, хотя, на взгляд многих, и устарели, но все еще в большой силе... Вирши сочинять и печатать их под своим

честным именем не зазорно мужчине-дворянину любого возраста, но женщинам такое позволительно только замужним. Меж тем сочинитель «Радуги над рекой», как достоверно известно немногочисленным знатокам, — молоденькая незамужняя барышня, для каковой вовсе не предосудительно сочинять вирши, но крайне неполитесно их напечатать. А барышня как раз хочет, чтобы ее вирши прочитали как можно больше людей, — так и появился Митраль Тубар. Это знают только особо доверенные печатники и книготорговцы, которые никогда не проболтаются покупателям (при этих словах обе служанки, прислушивавшиеся к их разговору с живейшим любопытством, сразу поскущнели). И наблюдается то, что заслуживает ученого слова «парадокс», поведал дядюшка Каборо: книжка вышла три месяца назад и получила большой успех, потому что вирши и в самом деле талантливые, половину из них поют как романсеро предметам своего воздыхания молодые люди всех званий и сословий, в том числе и дворяне — и дворяне эти, превознося достоинства виршей, не подозревают, что, очень возможно, не раз на балах танцевали с «Митралем Тубаром» или беседовали с автором книги на приемах...

— А вы ее видели? — прямо-таки заворуженно спросила одна из служанок. — Она правда красивая?

— Очень красивая, — сказал дядюшка Каборо и поторопился добавить: — Говорят...

Тарик заподозрил, что добавление напрасное и дядюшка Каборо видел «Митраля Тубара» своими глазами (похоже, так решили и обе девицы), но настаивать никто не стал — известно ведь, что все торговцы свято берегут цеховые секреты, чем бы они ни торговали, овощами или книгами...

Короче говоря, из книжной лавки Тарик унес и «Поющий кустарник», и «Радугу над рекой», и еще «Тернистые пути любви» (девицы посоветовали, и дядюшка Каборо одобрил), а также «Балладино белопенных бурунов» (это уж он выбрал сам из-за обложки, чуток пролистав). И сейчас все четыре книжки лежали перед ним на столе.

Первым делом Тарик раскрыл «Балладино», где на обложке по спокойному морю шел под всеми парусами трехмачтовый красавец корабль без единой пушки. Раскрыл — и зачитался.

Там, за бурными морями
Неизвестной широты
Есть лазурная долина,
Берег сбывшейся мечты.

Только тот его достигнет,
Доберется только тот,
Кто надежды не теряет
И мечты не предает...

Вот это в самый раз для него — и, будем яростно надеяться, про него...

Заповедную дорогу
Ты легко узнаешь сам
По следам чужих крушений,
По несбывшимся мечтам.

Помяни прощальным взглядом
Тех, кто плыл, да не доплыл:
То ли берег не заметил,
То ли время упустил...

Оказывается, настоящие вирши — это очень красиво, куда там голым книжкам с приключениями, а о рукописных, неизвестно кем сочиненных, и говорить не стоит — категорически рядом не смотрятся, никакого сравнения, все равно что Градский Бродяга рядом с бравым Матросом морского плавания...

Он с сожалением отложил книгу и взял «Радугу над рекой»: приходилось думать не о собственном удовольствии, а о других вещах, прямо связанных с Тами...

Любовь как роза красная
Цветет в моем саду.
Любовь моя — как песенка,
С которой в путь иду.

Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна,
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.

Вот это как раз для Тами. Да и его самого, признаться, зацепило.

Не высохнут моря, мой друг,
Не рушится гранит,
Не остановишь водопад,
А он, как жизнь, бежит...

Будь счастлива, моя любовь,
Прощай и не грусти.
Вернусь к тебе, хоть целый свет
Пришлось бы мне пройти!

Нужно будет завтра старательно выучить наизусть. К тому же декламировать вирши он умел — но только те, что учили в Школариуме, пышные и длинные (те, что в отличие от коротких именуются «поэзами»). В основном это были поэзы Селастина Кора, обладателя титула Главного Королевского Виршеплета и многих почетных наград от его величества. Они многословно повествовали о военных и мирных свершениях Дахора Четвертого, о его мудрости и всенародной к нему любви. Тарик всегда достаивался похвалы на уроках изящной словесности как за декламацию, так и точное перечисление наград Кора (список был длиннющий, многие меняли награды местами или пропускали иные, что лишало похвалы).

Это длилось только первый год, а потом, после трагической гибели королевской фамилии, что-то изменилось. Поэзы Кора остались в писанных лекционных изящной словесности, а его портрет по-прежнему висел на том же месте, но Титоры без объяснения причин перестали устраивать испытания по ним, не декламировали более (чему многие, главным образом те, у кого плохая память, втихомолку радовались). А ведь о кончине столь важной персоны, как Главный Королевский Виршеплет, непременно горестно возвещали бы бирючи и Титоры, и пышные похороны обязательно состоялись бы во Дворце Почитания¹⁴⁶. Значит, великий виршеплет жив. Тарик не раз хотел спросить, как обстоят дела, у художника Гаспера и студиозусов, но всякий раз подворачивались разговоры интереснее и важнее...

Одно заботило не на шутку. Мастерство Тарика в декламации поэзов Селастина Кора, за год бездействия изрядно подзабытое, здесь решительно не годилось. Декламация эта требовала длинного перечня особых ухваток: как стоять, какую ногу выставлять вперед, как высоко пафосно простирать руку в самых патетических местах, когда повышать голос, чтобы звенел торжественно, когда понижать в местах скорбных, касавшихся героически павших за короля славных воинов... Куча ухваток, и ни одной нельзя не соблюсти или пропустить.

Вот только все эти ухватки, Тарик прекрасно понимал, совершенно не годились для чтения девчонке виршей, нужны какие-то другие. А какие? Не догадался спросить у Фишты, а больше и узнать не у кого. В иных голых книжках герои читают возлюбленным стихи «вдохновенно» или «воодушевленно», но что это означает? Вот задачка свалилась на голову, и без подсказки знающего человека не обойдешься, только где же ее взять? Хоть отправляйся завтра к Фиште...

...Ужин был, конечно, не праздничный, но и не совсем обычный. Кабальница Нури, как ей и надлежало, тихонечко ела за своим

¹⁴⁶ Дворец Почитания — своеобразный Пантеон, где хоронят выдающихся, знаменитых людей.

столиком в углу кухни, а они, все трое, сидели за тяжелым столом, помнившим еще Тарикова прадедушку. Стул папани, как и полагалось хозяину дома, единственный снабжен широкими поручнями, и спинка повыше остальных, с резными изображениями хлебницы и солонки — еще два символа хозяйской власти. То ли стул под стать папане, то ли папаня под стать стулу — высокий, широкоплечий Балазар Кунар, прочно стоявший на ногах и уверенно ступавший по грешной земле хозяин преуспевающей мясной лавки, не ставший богатеем, но процветавший. Он прихлебывал пенное темное пиво из большущей глиняной кружки и с удовольствием закусывал рыбехой из Озерного Края, отрывая лоскуты вкусно пахнущего мяса от цельного хвоста, а потом, можете не сомневаться, тщательнейше обсосет хребет, так что кость будет как отполированная. Мамадя тоже прихлебывала пивко, но, понятно, ее кружка была гораздо меньше — хотя обе изрядно побольше обыденных.

Знаменательный день сегодня у папани — он наконец-то после длившегося два дня с раннего утра и до полуночи упорного торга с гаральянским торговцем заключил с ним сделку. Теперь папаня год, а то и дольше, если дела благополучно пойдут и гаральянцев это устроит, будет единственным лавочником, кто станет продавать в столице тамошнюю бизонью колбасу трех разновидностей. Почему именно так обернулось, почему именно ему выпала удача, объяснять, сказал папаня, было бы слишком долго, иные торговые дела даже сложнее и запутаннее, чем у денежных домов. Тарик с маманей, как всегда, и не ждали подробных объяснений, им это было ни к чему. Достаточно знать, что ударили наконец по рукам, дела у папани идут отлично — и он в отменном расположении духа...

Тарик неспешно доедал аппетитно зажаренный маманей земляной хруст с вкуснейшей рыбкой, крайне редко оказывавшейся на обеденном столе. Не без легкой зависти вдыхал аромат свежего пива, но ничего тут не поделаешь, придется обходиться компотом. Прекрасно и папаня, и маманя знают, что они на старой мельнице попивают чуток пивка — все в эти годочки так делали. И папаня вдобавок, сам когда-то побывавший Подручным у портовых

грузалей, должен еще догадываться, что Тарику раз в неделю и на палец водочки перепадает, — сам через это прошел, но мамане никогда про Тарика не проговорится, у мужчин свои маленькие тайны, не для женских ушей. Однако по железному старинному обычаю дома, в кухне Тарик сможет отхлебнуть даже пива, лишь когда станет полноправным Подмастерьем, не раньше...

— Лянка, ты взгляни, — хохотнул папаня. — Тарик у нас сидит как один большой нос. Ишь, принюхивается! Терпи, сынулька, рановато тебе еще...

— Да не больно-то и хочется, — Тарик старательно изобразил полнейшее равнодушие к здоровенному пузатому кувшину с носиком-желобочком, на добрых шесть булитов (почти половина пенного содержимого уже была приговорена папаней, как он в таких случаях говорил, к казни через брюхо).

— Вот и лопай рыбку на сухую, — добродушно пророкотал папаня (а сам счастливчик сделал приличный глоток). — Отличная рыбка, спасибочки. Глянь, мать, какой добытчик вымахал: и деньги в дом несет, и всякую вкусноту, вон сколько сладкого ледку приволок, помимо рыбки. Порт — это тебе не что-нибудь, при нем всегда пропитаешься...

— Чутьочку мне иногда тревожно, Зар... — сказала маманя. — Как бы он там не связался с чем-то скверным. Именно что порт! Сам знаешь, как там в теньке обстоит...

— Глупости, Лянка, — отмахнулся папаня, прежестoko казнив еще полкружищи пива. — Посмотри, какой парняга вымахал: красивый в тебя, но умный-то в меня. Никогда он с потаенкой не свяжется — ты ведь про нее? Умному можно и без потаенки прекрасно прожить, особенно если наставниками будут грузали, которые жизнь понимают туго. Все давно растолковали, верно, Тарик?

— Верно, — сказал Тарик. — В первый же месяц жизни научили.

— Слышишь, Лянка? Уж грузали-то все знают про жизнь портовую, а если чего не знают, то этого и на свете нет...

Это как сказать и с какой стороны посмотреть, подумал Тарик. Кто знает о старухе и Матросе, которых видел он один? Только он и знает, вот и получается для сегодняшнего случая: чего люди не видели, того и на свете нет... вроде цветка баралейника.

Он отодвинул пустую тарелку и взялся за кружку с вишневым компотом — маманя мастерица была на компоты. Нури, которой такой роскоши, как хозяйкины компоты, не полагалось, живенько помыла за собой посуду и, вытерев руки своим полотенечком, произнесла предписанное, как каждый вечер:

— Благодарю за пропитание, хозяева ласковые, позвольте отойти ко сну...

— Позволяю, — так же привычно разрешила маманя (ненужные словечки, но так уж заведено, пока есть кабальники и хозяева), и Нури тихонько выскользнула за дверь.

Папаня и маманя пили пиво, разве что рыбку маманя устроила по-женски: очистила свой ломоть и аккуратно порезала на обливное блюдо. Папаня послал Тарику веселый взгляд, явно означавший: «Никогда бабам не научиться правильно пить пиво, сынок!» Тарик ответил солидарным, понимающим взглядом, одним из тех, что объединяют мужчин, несмотря на разницу в годочках. И неторопливо пил компот. По прошлому опыту знал уже, что вскоре последует. И точно, нанеся изрядный урон содержимому кувшина, папаня тщательно отер руки особым полотенечком, чтобы были чистейшие, нарочито зорко огляделся:

— Где-то тут была моя брякала...

Это тоже было чем-то вроде устоявшегося церемониала: папаня, с его-то памятью (тут Тарик весь в него), прекрасно знал, где что лежит. Вот и сейчас он уверенно открыл крайний шкафчик и извлек оттуда свой старый гитарин с облупившимся кое-где вишневым лаком и выведенной сбоку от струн надписью ИЛЕАНА (так было в большом обычае в те времена, когда папаня был Подмастерьем, а маманя — Приказчицей в лавке родителя). Как-то папаня, вот так же после доброго кувшина пива пустившийся в рассказ о былых временах, когда они с маманей только начали ходить, поведал: частенько

имена симпатий его друзья выводили легко смывавшейся краской, чтобы, ежели симпатия поменяется (всякое бывает у молодых), убрать без труда и вывести новое. Однако папаня, ухарски подмигнув Тарику, сказал: вот он-то краску купил особенно устойчивую, тогда уже чувствовал, что это надолго, как оказалось — насовсем. И добавил с зухвальским видом: «А ведь я ей тогда даже еще яблочек не погладил, только чмокались». Сидевшая тут же маманя с деланным возмущением прикрикнула: «Зар, при ребенке!», но видно было, что ей это приятно. Это было всего полгода назад, и папаня фыркнул:

— Нашла ребеночка!

И шепнул мамане на ухо что-то такое, отчего она запунцовела и с непритворным уже возмущением отрезала:

— Вот уж Тарик у нас не такой!

Так до сих пор Тарик и не знал, что папаня тогда сказанул, — но ясно, что какую-то вольную шутку, они со времен его молодости не изменились особенно....

Папаня привычно настроил инструмент, прошелся по струнам и удовлетворенно кивнул. Понятное дело, распевать что-то под гитару на людях политесно только Подмастерьям или вовсе уж молодым неженатым, даже необрученным Мастерам, а вот солидным людям с серьгой в ухе¹⁴⁷ это так же непозволительно, как выйти на люди без головного убора... да что там: без штанов! Зато дома и почтенный Мастер вправе терзать гитару и услаждать слух окружающих песнями хоть весь день, пока колокол не пробьет «тишину в четырех стенах», — в своем доме многое позволено, даже супружницу колотить — правда, с соблюдением строгих правил (то, что иные супружницы сами колотят мужей — что далеко ходить: Долговяза взять или безответного дядюшку Митака, — правилами не установлено, однако ж преспокойно бытует в виде очередной негласки).

¹⁴⁷ Серьгу в левом ухе носят женатые и замужние (подробнее об этом во второй книге).

Папаня вдарил по струнам:

— Растет камыш среди реки,
Он зелен, прям и тонок.
Я в жизни лучшие деньки
Провел среди девчонок.

Часы заботу нам несут,
Мелькая в быстрой гонке,
И счастья несколько минут
Приносят нам девчонки...

Маманя слушала его самозабвенно, положив ногу на ногу, уперев локоть в колено и подпирая кулачком подбородок с загадочной отрешенной улыбкой. Раскрасневшись после пары кружек доброго пива, она снова выглядела гораздо моложе, и легко представить, какой она была двадцать лет назад, когда Зар и Лянка, как нынешние молодые, даже уходили на берег реки — это считалось и считается чутьточку неполитесным, мало ли как парочки могут озоровать вдалеке от улицы (и озоруют, будьте уверены!), но и эта негласка неистребима...

— Богатство, слава и почет
Волнуют наши страсти.
Но даже тот, кто их найдет,
Найдет в том мало счастья...

Давно уж Тарик подметил, став постарше: папаня никогда не пел песен, романсеро и балладино, хоть чутьточку, хоть краешком каким связанных с морем, а ведь таких немерено, и каждый, кто с молодых годов играл на гитарионе, должен их знать. И пришел к выводу: где-то в глубине души у папани все же есть потаенная тоска. Определенно не из тех, что грызет неотступно и всерьез, однако ж таится на самом донышке души...

О причинах гадать не приходится, они легко угадываются...

Когда-то папаня, следуя примеру отца-моряка, собирался после Школариума уйти в Юнгари, да не абы какие — морские Парусники.

Что было решено, отец одобрял, мать смирилась. Оставалось каких-то три месяца, и тут корабль отца не вернулся с моря, и никто из команды так никогда и не объявился. Матери пришлось тяжеленько — муж, как с иными случалось, серьезных сбережений не оставил, полагая, что проживет еще долго. Все бы ничего, не они одни попадали в такое грустное положение, вдова смогла бы прирабатывать шитьем, а папаня все же пошел бы в Юнгари. Но не зря гласит старое присловье: беды в одиночку не ходят... Сын старшего брата моряка, дядюшки Таниота, по дороге из Школариума попал на перекрестке под копыта битюгов бочковозной габары и сгиб на месте (Тарик слышал, рассеянный был мальчуган, вот и тогда о чем-то замечтался).

А он был единственным сыном дядюшки Таниота, и тот его видел наследником своей мясной лавки. И ближайшим родственником дядюшки Таниота оказался папаня — вот и пришлось ему после уговоров не столько дядюшки Таниота, сколько мамани («Один сгинул в море — и второго туда же отпустить?!» — плакала она), окончив Школариум, пойти Приказчиком в лавку, которую он потом и унаследовал. Дядюшку Таниота смерть сына изрядно подкосила, и он, даром что крепкий, прожил недолго, захворав теложральной легких¹⁴⁸, каковая хворь, говорят, как раз и усугубляется тоской и житейскими невзгодами...

Никак нельзя сказать, что на новом поприще папане не везло или он оказался неудачлив. Все обстояло как раз наоборот: у папани оказалась нешуточная сметка к торговому делу, он расторговался, женился на мамане — и сейчас вполне себе преуспевал, его нынешняя лавка раза в четыре больше той, что досталась в наследство, да добавок золотой трилистник обосновался на вывеске. И все же, как года полтора назад уяснил Тарик, на донышке души у папани до сих пор дремала грусть по морю и парусам... Правда, это почти не проявлялось — разве что в том, что папаня избегал песен о море, а в свое время без малейшего переченья принял решение Тарика идти прирабатывать в порт — в противоположность иным родителям,

¹⁴⁸ Теложральня — рак.

еще пуще мамани опасавшимся, что их сыночки с чем-то таким плохим свяжутся в «этом вертепище»...

И все же Тарик яростно надеялся, что вскоре поступит в Юнгарии: ни за что ему не хотелось провести оставшуюся жизнь, торгуя в лавке мясом, колбасами и копченостями. Почтенное занятие, доходное, но убить на него всю жизнь... Давно уже против этого душа протестовала. Как протестовала она, скорее всего, и у старшего брата, правда ушедшего не в море, а в солдаты. Маманя, конечно, закручинится и будет отговаривать, если ему все же удастся выправить «открытый лист» (такое от родителей не скроешь), но ей можно будет напомнить, что ремесло морского Матроса, ежели вдумчиво рассудить, в сто раз безопаснее ремесла солдата. Вполне даже вероятно, папаня будет на его стороне...

Обычно Тарик наливал вторую чашку компота, но сегодня, как бывало не впервые, не стал. Принялся проворно вычерпывать ложкой ягоды, выкладывая косточки на блюдце. Второпях он парочку проглотил, но это ничего — только в малышовые годы он верил мамане, что из проглоченной косточки вырастет в брюхе деревце, отчего помрешь. Давно обнаружилось, что это очередная родительская пугалочка...

Для поспешности таковой были нешуточные причины, понятные всякому его годовичку, что придавало некоторую горделивость: он достаточно взрослый, чтобы понимать такие вещи и не мешаться под ногами...

Взгляды папани и мамани все чаще сплетались, и надолго, у папани они стали жаркими, в голых книжках именуемыми «раздевающими», а маманя в мнимом смущении опускала глаза, но не одергивала подзадравшую юбку, изрядно открывавшую стройные ноги. Ох не случайно она сегодня надела тесноватую сорочку, самую тонкую домашнюю — Тарик считал себя достаточно взрослым, чтобы изучить иные женские ухватки...

Пару годочков назад он так и торчал бы на кухне, одним своим присутствием мешая родителям, но теперь-то прекрасно знал, что к чему, и его родители не в таких уж пожилых годочках, а значит,

вовсю занимаются этим самым. И давно уже не удивлялся, почему в банный день маманя перестала с ним мыться, зато в баньку непременно ходит вместе с папаней, а иногда туда и корчагу пива прихватывают...

Конечно, самую чуточку до сих пор удивлялся легонько: мамане шесть раз по шесть, а папаня на два годочка старше, и женаты уж двадцать лет, неужели не наскучили друг другу? Судя по таким взглядам, не засла их скука...

Покончив с последней вишней, он встал и, как полагалось, степенно сказал:

— Благодарю за пропитание, маманя. Посуду за собой вымыть?

Обычно маманя только радовалась, когда он избавлял ее от доли кухонных забот, но сейчас, как он и думал, ответила с некоторым облегчением:

— Не надо, я сама вымою, мало сегодня посуды...

— Спокойной вам ночи и благолепных снов, — сказал Тарик.

— И тебе того же, — отозвались папаня с маманей определенно рассеянно, не глядя на него.

Поплотнее прикрыв кухонную дверь, сделав три шага и войдя в свою комнату, Тарик поневоле ухмылялся. Хорошо предвидел дальнейшее: сейчас папаня споет парочку других песенок, какие при детях не поют, не то чтобы совсем непристойных, но озорных, насчет иного тесного общения меж мужчиной и женщиной, потом подсядет к мамане, положит ей руку на колено, а другой руке тоже найдется занятие. Именно такую картину он застал, еще будучи не самым старшим Недорослем, в такой же не праздничный, но и не обычный ужин, заглянув в приотворенную дверь кухни. (Тогда по глупости годочков он подумал, что это папаня маманю так наказывает, а потому убрался на цыпочках, чтобы и ему под горячую руку не перепало.) А потом они уйдут в спальню, и посуда до завтра останется невымытой.

Что же, решиться наконец? Не первый раз подступало искушение, и снова возникала убаюкивающая совесть мысль: пакостно подглядывать за родителями в щелочку меж занавесками или в приоткрытую

дверь, а этак вот — словно бы совсем другое. О таком ни в одной негласке ничего не сказано, так что совесть может дрыхнуть, и уж это никак не мозгоблудство...

Почти решился, но все же медлил. Солнце давно село, и в комнате было темновато, но он не стал пока что возиться с лампой — она ему не скоро понадобится, а чтобы рассматривать кинжал, света достаточно...

Открыв шкафчик, он глубоко запустил руку в самое нижнее отделение, вытащил лежавший у самой стенки тяжелый сверток и, присев на застеленную постель, развернул холстину. В который раз это видел — и всегда ощущал нешуточное восхищение...

На коленях у него лежал кинжал длиной чуть ли не в пол-локтя, в черных ножнах из великолепной гуфти, ничуть не потертой, с золоченым затейливым наконечником, такими же двумя полосами посередине и еще одной, широкой, под эфесом, украшенной на внешней стороне шлифованным железным камнем — натуральным драгоценным самоцветом, а не стеклянной фальшивкой. Рукоять ухватистая, с выгнутым чуточку вниз перекрестьем, позолоченная, покрытая сложными узорами, украшена таким же самоцветом, но гораздо больше.

Тарик осторожно вытянул из ножен кинжал. Двустороннее лезвие бритвенной остроты, по нему мелкие причудливые разводы (знаменитая талуарская сталь, ага), а от рукояти до жала — глубокая серебряная чеканка, сплетающаяся в затейливую сеть.

Встав с кровати, Тарик сделал несколько выпадов, рубанул пару раз. Знал, что получается неуклюже, но остановиться не мог — была в кинжале завораживающая прелесть, не позволявшая выпустить его из рук...

Кинжал втихомолку от родителей подарил старший брат, три месяца назад приехавший на побывку по легкому ранению с короткой алуатской войны, где алуатцы в который раз получили по зубам. Достался он ему после стычки у какой-то крепости от тамошнего офицера («Он все равно не возразил, ему любое оружие было уже ни к чему», — сказал братан, улыбнувшись так, что

у Тарика холодок прошел по спине). На всякий случай — чародеев у этих алуатцев немерено, всякий знает, — кинжал был сбрызнут святой водой, но черной сути не оказал, так что Тарик может не беспокоиться...

Один-единственный раз он носил под блузой кинжал на старую мельницу, вызвав восхищение ватажки. Чутьочку перетрусил, признаться: регламенты насчет оружия известны. Такие кинжалы дозволено носить только дворянам и Стражникам денежных домов — вроде того, в порту. Горожанам дозволено держать дома оружие не длиннее локтя, а носить разрешено только складешки самое большее в четверть локтя (так что придирания Стражников насчет «ширины ладони» — их собственный произвол, этакая негласка). По годочкам тюрьма Тарику нипочем не грозила, а вот строгая Воспиталка — запросто, и уж розги перед этим — непременно. Даже если бы ограничилось парой подзатыльников, то Хорек забрал бы притягательную вещицу себе (а он, скотина, так и поступил бы, чтобы не отдавать начальству), и кинжал безвозвратно уплыл бы из рук, что огорчительно...

С безмерным сожалением Тарик завернул кинжал в холстинку и упрятал на прежнее место — времечко поджигало, он наконец решился. Ни папаня, ни маманя никогда не стали бы шарить в его шкафчике, так что тайным владельцем прекрасного оружия быть еще долго...

В сгущавшихся сумерках принес тяжелый стул, поставил его перед стеной, отделявшей его комнату от родительской спальни, и расселся, словно в балагане (так, собственно, и было). Уже привычно поднял руки с растопыренными пальцами и сделал что-то, чему не пытался найти слов в человеческом языке. Сам он называл это «убрать стену» — за неимением лучшего, все равно никому не нужно ничего объяснять...

Как всегда, то ли почувдилось, то ли нет, что по спине к затылку прошла теплая волна, словно горячей банной рукавицей погладили — сухой, без воды и мыла, — а волосы легонько взвихрил порыв неизвестно откуда взявшегося ветерка. Меж растопыренными

пальцами зажглось синеватое сияние, в отличие от пламени холодное, неощутимое, не причинявшее ни малейшей боли, — и тут же пропало. Все. Теперь можно положить руки на колени и смотреть, зная, что на той стороне тебя не видят, не подозревают, что стена исчезла: она исчезла только для тебя...

Родительская спальня ярко освещена стеклянным шаром большой лампы — сразу видно, туда щедро сыпанули «огневика» так, чтобы хватило на пару часов. На широкой родительской постели сидел Матрос... нет, это, конечно, был папаня, откуда тут взяться постороннему Матросу? Просто папаня одет Матросом, собравшимся погулять на берегу: штаны с раструбами из тонкого сукна, а не парусины, тельник в разноцветных ромбах (только без названия корабля на груди), разве что босой и без носков, а ведь Матросы всегда надевают на берег синие носки, это у них выпендрож такой.

Мамани нигде не видно. Но вот распахнулась узкая дверь одевальни, крохотной комнатухи с единственным окошечком под потолком, и маманя появилась...

Ух ты, ну надо же! Челюсть от удивления отвисает, того и гляди на колени упадет...

Что за платице на ней надето — из желтого тарлатана¹⁴⁹, наподобие летнего, на узеньких лямочках, с глубоченным вырезом и коротеньким подолом, едва прикрывавшим женскую тайну, тесном дальше некуда. Тарик и не подозревал, что у нее есть такое насквозь неполитесное платице. Впрочем, он и не подозревал, что у папани есть наряд Матроса, — никогда не бывал в родительской одевальне.

Он смотрел с отстраненным любопытством изучателя¹⁵⁰, как это называется на ученом языке. Как иначе посмотреть на собственную маманю, не с мужским интересом же, вот это выйдет натуральное мозгоблудство. Он и пришел сюда как изучатель, решившись увидеть, как это происходит у взрослых, и не более того...

¹⁴⁹ Тарлатан — прозрачная легкая ткань наподобие кисеи.

¹⁵⁰ Изучатель — исследователь.

Тарлаган прозрачен, как жидкое стекло, все можно рассмотреть. Фигура у мамани, конечно, не девичья, но лишний раз понятно, почему на нее до сих пор заглядываются мужчины, даже тот дво-рянин долго не мог отлипнуть, а уж фальфабель слюнки пускал... Видно, что женская тайна аккуратно, начисто выбрита — ну ничего себе... Но красиво, чего уж там.

Распущенные волосы волной падают на плечи, а губы и глаза под-мазаны, но гораздо обильнее, чем положено политесным женщинам, а вот веселые девки в рабочие вечера только так и подмазываются. Из-за этого прозрачного куцега платица маманя как две капли воды походила на веселую девку. В таких вот платицах они у себя в домах перед посетителями и щеголяют, заразки, рассказывал старший брат.

— Ну, проходи смелее, раскрасавица, — сказал Матрос-папаня. — Я ж не кусаюсь, ты не думай. Мы, пенители штормовых морей, красоточек не кусаем, мы с ними нежней обходимся... Как зовешься, прелесть портовая?

Тарику в этих словах послышалось что-то ужасно знакомое.

— Шармиделла, — произнесла маманя, остановившись на пол-пути к постели. — Правда, меня так и зовут...

— Делла, значит, — сказал папаня. — А меня Дастер... последние десять лет, ха!

Теперь Тарик не сомневался, знал точно: это сцена из «Зачаро-ванного клада», третьей книжки о похождениях бравого капитана «Альбатроса» Фаулета. Ну да: «Альбатрос» пришел в вольный порт Каларо-Тарада продать захваченную намерсидни купеческую каракку с грузом шелка, и лихой Дастер, вожак «бешеной ватаги»¹⁵¹, по своему обыкновению заглянул в веселый дом «Семью семь прелест-ниц» и, как было у него в обычае, потребовал «девочку посвежее, не затасканную, да чтобы с ней приятно поговорить можно было обо всем на свете». И швырнул на конторку дюжину золотых — он никогда в таких делах не мелочился, он ни в чем и никогда не мелочился. Хозяин, кланяясь, сказал, что есть редкостный товарец,

¹⁵¹ Бешеная ватага — абордажная команда.

для щедрых посетителей и приберегали. И пришла Делла. Значит, вот так: даже не Зар и Лянка, а Дастер и Делла... И оба держатся как заправские лицедеи — значит, не впервые представление разыгрывают. Ну, родители... вон как развлекаются! А он-то думал, это у них происходит скучно — но ничего подобного...

Делла присела на постель, Матрос налил ей и себе по немаленькому стаканчику вишневой водочки, лихо опорожнил свой, и Делла выпила до дна. А вот тут у них неточность: в книжке Делла отчаянно закашлялась, поперхнувшись, потому что пила водочку впервые в жизни, и Дастер хлопал ее по спине, пока не отдышалась. Эта Делла, конечно же, выпила привычно — ну, все-таки это не Делла, а Лянка. А вот дальше по книжке...

Делла спросила:

— Как вы только пьете этот жидкий огонь?

Дастер одной рукой ее приобнял, сдвинув лямочку с круглого плеча, другой гладил ноги ничуть не грубо. Усмехнулся:

— Красотка, огонь у моряка. И совсем не жидкий, очень даже наоборот. Расскажи-ка лучше, как сюда попала.

Тарик услышал именно то, чего ожидал: очень печальную историю. Отец-рыбак однажды не пришел назад, сразу полдюжины баркасов не вернулись после жуткой бури. Потрясенная этим мать слегла с отнявшимися руками-ногами, а через неделю тихо умерла во сне, и Делла осталась одна-одинешенька на белом свете. Как случается со многими рыбаками, сбережений отец не оставил. Делла мастерски умела делать одно: разделявать рыбу, но в разделочную рыбацкого порта ее не взяли, там и так людей хватало. Вообще-то брали, но Мастер потребовал регулярных услуг понятного рода. Какое-то время она жила тем, что продавала оставшуюся от отца одежду и разные домашние вещички, но скоро они кончились, и несколько дней пришлось голодать. Тут-то и заявила одна пронырливая тетюшка с их улицы и прямыми словами предложила пойти в веселый дом, приговаривая: от тебя не убудет, девонька, эта штука останется при тебе, а жить будешь припеваючи, с твоей-то

мордашкой и фигуркой к простым морякам отправлять не будут, станешь забавой для чистой публики...

Делла держалась два дня, а потом, окончательно оголодав, заплакала и решила, и сегодня у нее первый посетитель. Признаться, с невинностью она уже рассталась: совратил жгучий красавчик с их улицы, а добившись своего, прикинулся, что знать ее не знает. Хорошо еще, что не затяжелела в дополнение к прочим невзгодам...

Дальше, естественно, наступило молчание. Сочинитель от себя написал: конечно, Дастер, ходивший по морям пятнадцать лет и посетивший превеликое множество веселых домов, отлично знал, что многие веселые девки мастерицы выдумывать всякие душещипательные истории, по которым они сюда попали не из тяги к привольной жизни и любви к легким денегам, а из-за печального сплетения трагических жизненных горестей. Наслушался баек и позатейливее. Но сейчас, к своему безмерному удивлению, обнаружил, что верит девушке в каждом слове.

Сочинителя тут, понятно, не было, поэтому так и осталось неизвестным, что думал Дастер. А вот потом все пошло по книжке: не тот был мужик Дастер, чтобы расчувствоваться и уйти, на прощанье высыпав перед Деллой все оставшиеся в кошельке деньги (такое бывает только в голых книжках для девчонок, какие ни один мальчуган читать не станет, хоть режь). Дастер рассуждал очень даже жизненно: если он уйдет — придет другой, не такой благородный душой. И деликатненько уложил Деллу на неразобранную постель, сдвинув и вторую лялочку так, что мог полюбоваться прелестями Деллы во всей их красе (а грудь у Лянки, отметил изучатель, мало чем уступит девичьей). Куцый подол прозрачного платьица, под которым ничего не было, оказался повыше пупка, так что платьице превратилось в этакий неширокий пояс. И Дастер, опытный в обращении с женским полом, вольничал руками так, как Тарику до сих пор доводилось только в смелых мечтах. Изучатель подумал, что нужно будет узнать у студиозуса Балле: только ли веселые девки выбривают женскую тайну? Или, как он однажды слышал от Школяров, все замужние — политес у них, говорят, такой (когда он

видел маманю в бане, был слишком мал, чтобы обращать внимание на такие вещи).

А там Дастер встал с постели и скинул моряцкие штаны так проворно, словно оказался за бортом в бурном море. Бросив на него взгляд, Делла смущенно прижмурилась, а Тарик, наоборот, распахнул глаза, поневоле ощутив жгучую зависть: могучий причиндал у Дастера-Зара оказался такой, что его собственный выглядел жалким маломерком. Выходило, те, кто малевал картинки к растрепкам, не больно-то и преувеличивали, и любопытство изучателя вызвало насущный вопрос: неужели весь поместится?

Поместился, надо же. И никак не походило, что Делла-Лянка застонала от боли — иначе не улыбалась бы так и не шептала: «Глубже... Быстрее...»

И никакой скуки, они двигались в такт, как в танце, очень даже увлеченно, словно молодые.

Посчитав, что увидел достаточно, Тарик ушел из родительской спальни, перед ним снова была глухая стена, из-за которой не доносилось ни звука, — а Лянка-Делла оказалась шумной, как в книжках, и не в одних растрепках...

Само собой понятно, что у них не будет, как в третьей книжке, где битый жизнью Дастер, считавший, что душа у него свита из якорных канатов, вдруг с превеликим удивлением обнаружил, что в душе запылала нешуточная нежность, и он, вот чудо, не хочет с Деллой расставаться. Уговорил он ее не сразу: Делла боялась, что он, натешась, ее бросит где-нибудь в далеком незнакомом порту за три моря отсюда, где все чужое и люди говорят по-иноземному. Но в конце концов поверила его алмазным клятвам, надела платьице поскромнее и ушла с Дастером. Правда, в прихожей их попытались остановить владелец веселого дома (по точным известиям — один из заправил портовых стригальщиков) и двое его подручных. Вся троица выхватила длинные сверкающие ножи, разъяренная в первую очередь тем, что нахальный мореход хочет увести ценную девку бесплатно, не заплатив выкупа.

С кем связались... Все годы, проведенные в море, Дастер не сходил на берег без верной шпаги из алуатской стали, так что все трое быстренько свалились бездыханными, и Дастер преспокойно увел Деллу на «Альбатрос». И она стала ему верной подругой, однажды спасшей жизнь на Островах Людожоров...

Теперь Тарик припомнил, что однажды рассказывал студиозус Балле (худог Гаспер и его гости уделяли болтовне о женщинах гораздо меньше времени, чем грузали, но и не чурались таких разговоров, разве что, в отличие от грузалей, не расписывали свое с ними общение в таких подробностях — в точности как сам Тарик и его ватажка, тут политесы оказались схожими). Балле рассказал тогда — одному Тарику, остальные и так знали, — что многие добропорядочные дамы, которые в жизни не прыгнут в клумбу, порой с мужьями именно такие переодевания и учиняют — ради оживления подувядшего пыла и просто чтобы приятно пощекотать душу. Частенько веселыми девками и предстают. И называется это «спáленное лицедейство», о котором дамы со смехом перешептываются вдали от мужских ушей. Правда, Тарик до сих пор считал, что это чисто дворянская забава, оказалось — нет.

Понятно, об этом никому нельзя было рассказывать — и не только потому, что речь шла о его родителях. Никому нельзя было рассказывать, что уже полгода он умеет видеть сквозь стены — может, для этого есть название лучше и удачнее, но Тарику и такого хватало...

Впервые это накрыло его в Школариуме, неожиданно-негаданно, словно кирпич с прохудившейся кровли упал прямехонько на голову. За очередную проказу он был на два часа оставлен в пустом классе. Времечко тянулось, как всегда, ужасно медленно, он смотрел на стену и подумал однажды: вот бы научиться сквозь стены видеть...

Тут и накрыло. Беленая стена с большим портретом великого выдумщика Галарно Нарета, создателя пироскафов, вдруг исчезла, растаяла, пропала — и там, за ней, сидевший за своим столом Главный Титор Школариума по прозвищу Старый Черепахиус (и где вы видели Титора без прозвища?) обсуждал каникулярное

подновление Школариума с попечителем¹⁵² Тарвитом по прозвищу Кисть Малярная (всем, кто тут служил, Школяры давали прозвища, вплоть до сторожа, он же истопник зимой). Главный Титор, как это у него всегда водилось, был многословен и зануден: талдычил, сколько именно баклаг краски купить и какого цвета, сколько маляров нанять и где, сколько досок купить для починки полов и у кого. И все такое прочее. Тарвит, посевший в этой должности и переживший трех Главных Титоров, знал все это в сто раз лучше и в поучениях не нуждался — но смиренно слушал начальство, не смея прервать. А про себя тем временем явно прикидывал, сколько денежек на этот раз положит себе в карман, заплатив мзду торговцам, рабочим и счетоводу Школариума, — даже самые младшие Школяры знали от старших, что он жульничает на каждом подновлении, вообще на чем только может...

От неожиданности Тарик громко вскрикнул, так, что его услышал бы и глухой. Те, кого он видел, слабостью ушей не страдали, да и сидели всего в нескольких локтях от него, но и ухом не повели, головы не повернули. И Тарик в совершеннейшем ошеломлении слушал глубокомысленные рассуждения Старого Черепахиуса о гвоздях, дверных ручках и метлах. Он мог поклясться спасением души, что не спит, что все это происходит наяву, — и оцепенел в изумлении.

Спохватился, когда Главный Титор направился к двери, сказавши:

— А сходим-ка в комнату номер три, с нее и начнем осмотр...

Как раз в третьем номере он и томился... Тарик лихорадочно думал, что нужно как-то это закрыть, но не мог шелохнуться, так был поражен. Они вошли — и вели себя так, словно ничего не произошло! Не удостоив Тарика и взгляда (сам ему определил отсидку), Старый Черепахиус подошел к стене, которой не было, и, показав на то место, где висел обычно портрет Галарно Нарета, озабоченно промолвил:

¹⁵² Попечитель — завхоз.

— И раму великого ученого нужно подновить свежей позолотой, а то эти сорванцы ее совсем исцарапали, как ни наказывают...

Они поговорили еще о подновленческих хлопотах и ушли, так ничего не заметив. Тарик так и не понял, что его побудило, но он вдруг вскочил и, вытянув руки, словно замороженный Спутницей¹⁵³, подошел к стене.

И ладони наткнулись на твердое. Стена никуда не делась, она просто стала невидимой и пропускала все звуки из соседней комнаты.

Потом стена так же неожиданно вновь стала видимой, прежней. Лишь погодя, уже обдумывая все спокойнее, Тарик вспомнил, что про себя отчаянно кричал: «Да закройся ты наконец!»

А дня через три это повторилось, когда он возвращался с учебы по улице Оружейников. Поглядев на стену мастерской, подумал: «Интересно, что там?» И стена исчезла, открылось обширное помещение, где Мастера в кожаных фартуках что-то непонятное делали с клинками шпаг, еще не имевших эфесов. Тарик смотрел на них, пока на него не налетел спешивший куда-то Ткач, пробурчавший недовольно:

— Что встал на дороге как пень...

Тарик приказал стене: «Закройся!» — и она закрылась, а он пошел дальше, уже не особо и ошеломленный. Так оно все и началось. Теперь он откуда-то знал, как открыть стену и как ее закрыть, отдавая короткие приказы, — но даже под страхом отрубания головы не смог бы описать словами, откуда он знает, какие команды отдать, и что при этом ощущает (потом-то смог бы описать свои ощущения — и только их). Само собой в голове бралось, а слов не найдешь — невозможно же описать словами, что происходит в голове, когда заходишь в нужный домик покакать или пописать. Захотел пописать — и писаешь, и не описать словами, как оно получается. Так и тут...

¹⁵³ Замороженный Спутницей (объяснение этого слова последует чуть погодя) — примерно то же, что и «лунатик».

И еще. Прошло недели две — и в голове само собой всплыло знание о том, к какой стене какой нужен подход. Раньше не со всякой справлялся, бывало, стена так и не открывалась, а теперь выяснилось, чем именно нужно сопровождать приказ: на дощатую (как было в первый день, в Школариуме) достаточно просто пристально посмотреть; чтобы исчезла каменная, нужно поднять перед лицом сжатые кулаки, а для кирпичной (как только что) следует поднять руки с растопыренными пальцами. И все получается.

И вот что занятно: это неведомо откуда свалившееся умение не вызвало у Тарика такого уж особенного интереса или любопытства. Видимо, оттого, что непонятно, зачем оно нужно и для чего его приспособить. Просто так заглядывать в чужие дома — а зачем? Что такого уж завлекательного в разговорах людей, которые думают, что они одни и никто за ними не подглядывает (беседа Главного Титора с попечителем тому ярким примером)? В банный день подглядывать за девчонками с улицы Серебряного Волка? Баловство, пристойное лишь Недорослю... Вот и сегодня, глядя на родителей, что он такого любопытного обнаружил? Что они, надо полагать, не впервые занимаются «спаленным лицедейством»... ну и что? Вполне политесно. Как говорит студиозус Балле, мужу с женой много чего ночью дозволено...

Вот и выходило, что приспособить загадочное умение и некуда. Один лишь раз, месяц назад, он в сумерках заглянул в дом Хорька, зная, что тот как раз дома. Любопытно вдруг стало: а каков этот вредный, мерзкий детина дома, когда знает, что никто его не видит? Может, это он на службе такой поганый, а дома какой-то другой?

Оказалось, зря заглядывал: осталось ощущение, будто дерьма наелся. Дома Хорек, чтоб провалиться, еще паскуднее. У него живет кабльница, оставшаяся в наследство от покойной матушки, умершей четыре года назад, симпотная девчоночка двенадцати годочков — только яблочки едва стали наливаться. Все кабльницы робкие, даже с Малышами не водятся (а дети постарше до кабльниц редко снисходят — неполитесно как-то). Но эта вовсе уж нелюдимая, на улице почти и не показывается. А ведь касаясь этого нет никаких

запретов, малолетних кабальников и кабальниц на улице Серебряного Волка, не считая этой, восемь, все близких годочков, и у них есть своя ватажка, своя игральня (убогонькая, правда), их отпускают на речку купаться. Но та, что у Хорька, держится в стороне и от них. По улице, как когда-то выразился Чампи, «проскальзывает». Вы не поверите, но неизвестно даже, как ее зовут. Есть человечек — и словно бы его нету...

Тарик увидел... Голенькую безымянную кабальницу и такого же Хорька. Безусловно, то, что он с ней проделывал, мозгоблудством не считалось, но обращался он с ней, как с неразумной вещью. Больше всего Тарика поразило не это, а ее личико — прямо-таки отрешеннейшее, исполненное невероятного равнодушия, что бы Хорек ни приказывал ей делать. Кукла какая-то, а не человек.

И главное... Старинная негласка определяет, что годочки жульканья для девчонок — меж тринадцатую и четырнадцатую, смотря какая девчонка, иные и в тринадцать такие, что хоть сейчас замуж выдавай, а не в регламентные пятнадцать (или более обычные шестнадцать). А святых на улице Серебряного Волка нет, святых вообще нет давным-давно на грешной земле. Все знают, что Подмастерье Лукан уже давненько втихомолку жулькает кабальницу своих родителей — но той четырнадцатая. А вдовый Мастер Буркуташ живет со своей кабальницей как с женой, за что его давно уже не осуждают. Одевает как свободную (правда, на людях она украшения не носит, хотя точно известно, что ей Буркуташ дарит), его четырехлетнюю дочку она пестует, так что соседки даже слышали, как кроха назвала ее однажды маманей. Но и ей семнадцать... Женщины судачат, что она вполне довольна жизнью, люди сторонние и не поймут сразу, что это кабальница. Робик-Школяр из тридцать пятого номера с полгода уж рассказывает своей ватажке, как не первый месяц гладит и нацеловывает ихнюю кабальницу (симпотная, заразка, все признали и чуток позавидовали: в собственном доме ловит удовольствие оборотистый Робик!), а через пару недель вообще ее жулькнет, благо она готова. Но и ей опять-таки, как и Робиду, скоро четырнадцать стукнет.

А Хорьковой двенадцать, и выглядит так, что и подержаться толком не за что. Рановато. Оно конечно, кабальница такая же вещь, как сапоги хозяина или кастрюля на кухне, но все равно, есть же негласки, которые политесные люди соблюдать обязаны. Поневоле вспоминается: вот уже четыре года с тех пор, как мать Хорька умерла, они живут вдвоем в доме, кабальница и Хорек, а зная его мерзопакостную натуру, начинаешь верить, что он тогда и начал...

Самая отвратительная неожиданность ждала очень скоро. Когда кабальница встала на коленки перед Хорьком, обнаружилось, что на спине у нее в три строчки наколоты крупные буквы: «Собственность Сегедима Гутара, улица Серебряного Волка, двадцать девять». Тарика аж передернуло. В первый миг он даже подумал: «А кто такой этот Сегедим Гутар?» — и не сразу вспомнил, что Хорька так и зовут.

Это уж... Такие наколки вообще-то регламентами не отменены, но вот уж с полсотни лет почти повсеместно вышли из употребления и сохранились, по пересудам, только в глухих поместьях особенно самодурствующих дворян. А кабальникам делают одну-единственную наколку на левом плече: буквицу «К», легко догадаться что обозначающую. Смягчение нравов, ага, сказал бы студиозус Балле, острослов и насмешник. И добавил бы с непонятым выражением: пусть кабальники не пицат, еще при короле Магомбере им клейма раскаленным железом выжигали, в точности как лошадям, быкам и коровам...

Тарика легонько замутило, и он ушел — и стал относиться к Хорьку с еще более лютым отвращением... И рассказать, что видел, конечно же, никому не мог.

Вообще-то он пытался доискаться до разгадки, но редко и весьма даже вяловато. Не так уж много было у него к тому путей...

Нерадивый к делам церковным, он все же, кроме редких посещений церкви, раз в месяц аккуратно ходил на очищение души¹⁵⁴ — неполитесно было бы этим пренебрегать. Так что первым делом

¹⁵⁴ Очищение души — исповедь.

хотел рассказать все отцу Михалику и попросить пастырского совета. Но так и не решился. Главное, был уверен, что ничего черного в загадочном умении нет — иначе непременно случилось бы некое знамение, когда он заходил в церковь, уж такие-то вещи он знал. Святая вода в чаше взбурлила бы, когда он опускал туда кончики пальцев...

Он спросил Чампи, не слышал ли тот о таких вещах, или, может, читал где-нибудь. Соврал, что купил новую голую книжку о нечистой силе, замешанной в дела потаенки (Чампи голых книжек вообще не читал, так что не мог поймать Тарика на лжи). Стеклашка обстоятельно задумался по своему обыкновению, потом уверенно сказал: ничего подобного в ученых книгах нет. Правда, в одной о чем-то похожем упоминалось, но мельком, да и речь шла о вовсе уж седой старине, про которую книжникам мало что известно, а потому ее не задевают особенно, чтобы не рисковать ученым именем среди собратьев. Так что врёт сочинитель, они на это известные мастера...

Точно так же повели себя худож Гаспер и его друзья-студизусы, когда Тарик им упомянул, словно бы мимоходом, что прочитал голую книжку про стригальщика, который умел видеть сквозь стены (и описал свои собственные случаи). Как и Стеклашка, все задумались и пожали плечами: никогда о таком не слыхивали... А студизус Балле с ухмылкой добавил:

— Попадись такой Тайной Страже, всю оставшуюся жизнь у них прослужил бы вроде охотничьей собаки. Уж для них-то бесценное умение — через стены заглядывать, видеть и подслушивать, а их чтоб никто при этом не видел и не слышал....

Больше и поговорить было не с кем. К тому же упоминание о Тайной Страже Тарика не на шутку напугало: и в самом деле, узнают о таком умении, бесценном хотя бы для отслеживания заговорщиков, — и пиши пропало. Всю оставшуюся жизнь будешь вроде охотничьей собаки, и ведь наверняка взаперти держать будут столь ценного умельца, водить, куда им нужно, под строжайшим присмотром, а то и на цепи. А ведь есть еще Гончие Создателя, о которых вообще ничего не известно, — о Тайной Страже хоть голые

книжки пишут (наверняка десять раз Тайными и просмотренные перед печатней, сказал студюозус Балле, не зря же в этих книжках Тайные орлы все заговоры разоблачают и всех смутьянов вяжут, а вот в жизни, ходят слухи, порой и на старуху бывает проруха).

Нет уж, следует железно помалкивать, а то в такое вяпаешься...

Тут у Тарика забрезжила смутная идея, словно огонь далекого костра в ночи, вызванная к жизни одной из сегодняшних встреч. Но он не стал ее обдумывать, отложил на потом — не горит, а сейчас самое время заняться чем-то гораздо более безобидным, привычным и, что уж там, приятным...

Серебристый свет уже почти ставшей полнолицей Старшей Спутницы¹⁵⁵ заливал комнату (Младшая, тоже вот-вот готовая стать полнолицей, должна взойти через пару часов и, уж будьте уверены, взойдет), но для чтения его маловато. А потому Тарик достал из ящика шкафчика широкогорлую склянку с жестяной крышкой, куда старательно собирал крошки, кусочки и отрезочки «огневика», когда по просьбе мамани резал его на кухне. Привычно высыпал на ладонь ровно столько, чтобы хватило на четверть часика, засыпал в лампу и долил туда воды, чтобы едва покрывала мутно-белесое крошево. Растянулся на постели, положив рядом новенькую растрепку.

Ждать, как обычно, пришлось недолго. В лампе замерцало сияние, оно ширилось. Очень быстро комната озарилась достаточно ярким светом, так что не только читать — иголки собирать можно, окажись они тут каким-то чудом (но откуда им взяться в комнате мальчугана, если он не из Портных? Шитье — удел девчонок да еще солдат...).

На обложке название большими буквицами: «ЮНАЯ БАРОНЕССА В ЛАПАХ ЛЕСНЫХ РАЗБОЙНИКОВ». И картинка подходящая: означенная баронесса, обнаженная по пояс, только в штанах и сапогах, уронив руки и потупившись, стоит под деревом, а ее обступили три ухмыляющихся разбойника, заросшие буйными

¹⁵⁵ Старшая и Младшая Спутницы — спутники планеты, большей и меньшей величины. Полнолицость — то же, что полнолуние.

бородищами, с ножами на поясах. Корявая картинка, наверняка заставившая бы художника Гаспера пренебрежительно ухмыльнуться, но покупателям и такой хватает...

Как обычно, строчки лепились вкривь и вкось, буквы пропечатаны бледно — но своих денег растрепки стоят...

И, как всегда с растрепками, вступление занимало всего полстранички. Скупыми фразами описывалось, как трое разбойников встретили в глухомани очаровательную юную баронессу, отправившуюся прогуляться по незнакомым местам в мужском костюме для верховой езды, без егеря и груга. Стащили ее с коня, привели в полуразвалившуюся избушку и там, поглаживая плашмя лезвиями длинных сверкающих ножей, велели быть послушной, если хочет уйти живой. Баронессе ничего больше не оставалось, как подчиниться, и она, всхлипывая, исполняла их желания: сняла сапоги, носки, штаны и трусы, осталась в одной рубашке из тончайшего льна, соблазнительно обтянувшей высокую юную грудь, и легла на кучу соломы...

Главарь встал над ней на колени, медленно, растягивая удовольствие, расстегнул одну за другой пуговицы из больших шлифованных самоцветов, и только раздевшись с последней, распахнул. Его широкие нахальные ладони неспешно гладили высокую грудь, гладкий животик, стройные бедра, пальцы прошли по девичьей тайне. Баронесса уже не плакала, покорно лежала, уставясь в потолок, и на ее румяных щеках сохли дорожки слез.

— Великолепное у тебя тело, — хрипло сказал главарь. — Ну-ка раздвинь чуток ножки... вот так, умная девочка, на ходу учишься... Кто-нибудь тебя так трогал? А вот так?

— Нет, никто, — потерянно призналась юная баронесса, ежась от грубых ласк. — Я даже ни с кем еще не целовалась...

— Это дело поправимое, — сказал главарь под одобрительный гогот дружков. — Ничего, мы из тебя сделаем очаровательную маленькую шлюшку, мы на это мастера. Целовать тебя не будем, но внимание губкам уделим, и тем, и этим...

Выпрямившись, он скинул сапоги и штаны. Баронесса впервые в жизни увидела вздыбленный мужской причиндал, поразились его размерам и крепко зажмурилась. Ощутила, как мужские колени сжимают ее плечи, и в следующий миг в сжатые губы ткнулось нечто твердое, горячее, живое.

— Распахни глазки, — сказал главарь. — И ротик открой. Не бойся, глупенькая, от этого ни одна еще не затяжелела, точно тебе говорю, и чтобы сглотнула все до капельки...

Юная баронесса понимала, что ее ждет то самое, о чем они перешептывались с подругами. К страху и унижению, вот странность, примешивалась толика любопытства оттого, что ей сейчас придется это делать.... И ведь она не виновата, она не развратная, ее заставляют, грозя смертью, — так что придется покориться и терпеть...

Она открыла рот, куда тут же властно вторгся набалдашник, ощутила незнакомый, ни на что не похожий вкус и сомкнула губки вокруг незваного пришельца, вошедшего не так глубоко, чтобы перехватило дыхание. Пожалуй, это было не так уж страшно и нисколько не больно — и ведь, заверяли подружки, придется глотать...

— Ну, что ты как неживая?

И юная баронесса стала сосать, неуверенно и неумело. Правда, это оказалось не так уж и страшно, и, когда мужские ладони стали гладить ее девичью тайну, а пальцы разбойников проказили вовсе уж затейливо, юная баронесса, к своему немалому удивлению и стыду, почувствовала, что это ей нравится...

Дальше страницах на пятнадцать (в растрепках больше и не бывает, это не голые книжки) подробно описывалось, что разбойники вытворяли с юной баронессой, которой начало это нравиться — когда поодиночке, когда сразу двое, — и было целых три картинки, корявых, но цепляющих. Кончалось вовсе уж завлекательно: по приказу главаря юная баронесса, уже прирученная, встала, низко согнувшись и упираясь ладошками в выщербленную деревянную лавку. Когда ладони главаря легли на ее бедра, а набалдашник ткнулся совсем непривычно, она поняла, что ее на сей раз ожидает, и слабо запротестовала:

— Но ведь это только трубочисты делают с мальчиками...

— И мужчины с девочками тоже, ты не знала? — сказал главарь. — Не бойся, я остороженько, навек есть...

Ниже шла строчка: «Приключения юной баронессы только начинались...» Ага, знакомо: оборвали на самом интересном месте, а новая растрепка будет стоять дороже, но ведь купишь, никуда не денешься...

Но это уже не имело значения. Домашние легкие штаны и без того стояли колом, и Тарик, развязав шнурок, привычно зажал пальцами напрягшийся торчок (увы, уступавший папаниному причиндалу), неторопливо принялся за нехитрую приятную работу, как многие его годовички на улице Серебряного Волка в эту пору. На сей раз он представлял себя в той лесной избушке на месте главаря разбойников, а вместо юной баронессы была Тами, но у них с самого начала все происходило по доброму согласию...

Как всегда, хотелось, чтобы это дольше не кончалось, — но увы, кончилось. Разжав пальцы, он тщательно вытер чистой холстинкой «эликсир любви» и улыбнулся, вспомнив, какого страху натерпелся, когда впервые вышел «эликсир». Перепугался он страшно, решив, что это какая-то жуткая хвороба, но обращаться с этим к родителям не решился и уж тем более не пошел к лекарю. А друзей об этом не спросишь: все занимаются теребеньками и все об этом знают, но согласно старой негласке другим о таком и заикнуться нельзя. А через два дня это повторилось, еще обильнее. Целую неделю Тарик пребывал в самых расстроенных чувствах, но потом додумался пойти в книжную лавку (для соблюдения тайны отыскав таковую чуть ли не в противоположном конце города) и за скромную денежку обзавелся пусть голой, но ученой книжкой: лекционом для лекарских учеников. Наврал торговцу, что вскоре закончит Школариум и по настоянию отца-аптекаря пойдет в школу лекарских учеников, вот и подбирает заранее книги по списку. Неизвестно, поверил ли ему торговец (судя по хитроватым глазам, не особенно и поверил), но вопросов не задавал и помог выбрать книжку о созревании мужской утробы.

Оказалось, это не хвороба, а именно что созревание. Когда мальчуган дорастает до определенных годочков, у него (у одних чуть раньше, у других чуть позже) каждый раз выходит «эликсир любви», из которого, представьте себе, и получаются дети. Понятно, Тарик успокоился совершенно, даже обрадовался, что мужает. Когда через месяц ему с глазу на глаз рассказал папаня, решив, что настала пора, Тарик прикинулся удивленным такими новостями — но все, о чем папаня говорил, он уже знал из книги. Книга эта с тех пор странствовала потаенно среди его годовичков с улицы Серебряного Волка — может, и до сих пор бродит, перейдя по наследству к ватажникам помладше...

Растрепку Тарик спрятал на прежнее место — еще пригодится, а потом, когда прискучит, поменяется с кем-нибудь на другую, которую не читал. Такой обмен в большом ходу, причем иногда растрепки выступают вместо денег, оцениваясь в три гроша, если все страницы целы, картинки не выдраны. И всякий старательно прикидывается, будто полагает, что растрепки предназначены исключительно для чтения: ну бесовски неполитесно заикаться о теребеньках!

Правда, когда он только начал учебу в Школариуме, кто-то из старших Школяров принес подначку. Несколько человек подходили к соученику и таинственным шепотом говорили: «Мы тут узнали от аптекарского ученика... Ты знаешь, что у того, кто занимается теребеньками, волосы на ладони растут?» И ведь все как один под хохот шутников вперивались взглядом в правую ладонь! Тарик тоже купился, как и друзья. Вот только обманутые моментально разносили эту подначку дальше, через пару дней ее знал весь Школариум, и она затухла сама собой...

Тарик валялся на кровати, довольный и умиротворенный. Сидела в глубине души легонькая заноза, но к ней давно привык...

В первый же раз, еще будучи Недорослем, он на очищении души поведал отцу Михалику среди прочих мелких прегрешений и проступков, что начал заниматься теребеньками. Отец Михалик и за это именем Создателя объявил прощение, но в напутственном слове сказал так:

— Видишь ли, Тарик... То, что этим все занимаются, — не оправдание. Не может всеобщая распространенность порока или, бери ниже, порочишка служить оправданием. В чем здесь опасность... Терebenьки безусловно не числятся среди Душегубительных грехов, они только мелкий грешок, однако и мелкий грешок может послужить лазейкой, через которую в душу коварно и потасенно вползет нечто от Врага Человечества, черное что-то. Необязательно всякий раз вползет, но всякий раз появляется лазейка...

Признаться, эти слова Тарика немного напугали, мал он был годами и склонен был верить всему, что говорили старшие. На некоторое время заниматься терebenьками перестал вовсе, а когда не утерпел и снова втянулся — долго еще виноватил себя не без потаенного страха. Но потом виноватость и страхи как-то незаметно подрастали — Тарик задумался над животрепещущим вопросом: ведь не происходит с ним после терebenек ровным счетом ничего, о чем предупреждал священник? Не происходит! Он же сам сказал: обязательно черное всякий раз нагрянет. Это как с распахнутой калиткой в огород: могут забежать оставшиеся без присмотра козы и объесть всю зелень на грядках, а могут не нагрянуть, будь калитка распахнутой хоть неделю напролет. Так и здесь: главное — не совершить по умыслу Душепогубительного греха, а с мелкими грешками, глядишь, и обойдется. Возле иного огорода козы могут в жизни не появиться.

Так что он с бегом времени успокоился. Говорил отцу Михалику о терebenьках уже безо всякой виноватости, а священник только вздыхал и редко-редко повторял то самое поучение. И всякий раз объявлял прощение — вот и на следующем очищении души так же будет, а оно всего через неделю, так что нечего тревожиться...

И Тарик, сложив одежду на стул, забрался под простыню — без одеяла по летнему времени ничуть не холодно. Лампа едва мерцала, скоро «огневик» должен сам по себе потухнуть, возгорания от него никогда не бывает...

Заснул он, как всегда, быстро, и сон пришел приятный: он и Тами гуляли берегом речки ясным днем, откуда-то Тарик знал, что у них

все сладилось и вечерком они пойдут на старую мельницу; хоть ничего еще не решено, но нешуточная надежда есть, не зря же Тами отвечает на его ставшие откровенно порубежными, хотя и политесные шуточки и слова такими лукавыми улыбками и взглядами, что надежды крепчают. А уж как она очаровательна в синем летнем платьице с политесным, однако волнительным вырезом, подолом в складочки и шитыми золотой канителью гаральянскими узорами! Тарик ее прежде никогда не видел в таком платьице, но во сне что угодно возможно...

Вот только погода начала меняться самым неприглядным образом: ветерок стал холодным, за рекой все выше поднимались, напознали темные тучи, прогрохотал раскатистый гром...

Тарик проснулся. В комнате стоял чернильный мрак, за окном грохотало, кажется, совсем близко, и часто все озарялось короткими вспышками. Гроза ему не приснилась, она и в самом деле разыгралась не на шутку, хотя до времени гроз и ливней еще далеко (ну да небесные стихии сплошь и рядом обрушиваются в неурочное время: три года назад в разгар зимы накрапывал, ко всеобщему удивлению, натуральный дождик — а ведь такого и старики не помнили, даже самые древние).

И окно осталось распахнутым! Живенько вскочив с постели, Тарик прошлепал к подоконнику: если вовремя не закрыть — ударит ливень, пол намочит, маманя сердиться будет...

Он все же высунулся в окно по пояс — пока что ни капельки не пролилось, нужно посмотреть, что делается. Вообще-то, ливень — это неплохо, огород завтра поливать не придется... Предположим, поливать будет Нури, но обе сорокаведерных бочки пусты, так что покрутить ворот придется изрядно. Ну, а иной ливень может и обе бочки наполнить, не раз случалось...

Окно его комнаты выходило на огород, а справа виднелась улица Серебряного Волка, ее крайние дома. Да уж, нынче небесные стихии особенно разбушевались: черные тучи повисли, казалось, над самыми крышами, то и дело блистали ослепительные молнии, и все где-то в отдалении, но создавалось впечатление, что они лупят

в какое-то одно место. Раскаты грома катились над ночной улицей, словно исполинские бочки по исполинскому булыжнику.

Грозы Тарик почему-то нисколько не боялся с раннего детства, отчего иные ему завидовали. И в Недорослях любил в такие вот грозы выскочить под озаряемое огненными зигзагами небо и плясать под дождем, ликуя, выкрикивая что-то непонятное ему самому. Если маманя вовремя замечала — загоняла домой, журуя, что громом, бывает, и людей убивает. А если не замечала, он долго так скакал, промокнув до нитки, — и все равно получал выволочку: мокрую одежду не спрячешь...

Правда, теперь ему несолидно было по его годочкам скакать под дождем, но с каким удовольствием выпрыгнул бы в огород... Вот только ливень так и не хлынул, что было чуточку необычно: молнии блистали, гром грохотал, рассыпаясь над самыми крышами потоками трескучего дребезга, словно драли в клочья суровое полотно величиной на полнеба вовсе уж невообразимо громадные ручищи, — но ни одна капля дождя так и не упала на затылок, на подоконник, на огород. Вот-вот ливанет...

Нечто небывалое и невиданное доселе произошло... Тарик вдруг обнаружил, что от него от квадрата окна легла стойкая сумрачная тень, словно за спиной у него зажглась лампа, освещающая комнату трепетным зеленоватым мерцанием, — но нет там никакой лампы, и света такого не бывает, что бы ни заправляли в лампу, чем бы ни топили печку, и уж никак это не похоже на костер, вообще на пламя...

В некоторой растерянности Тарик посунулся обратно в комнату, так и не закрыв окно, — и от удивления встал спиной к подоконнику, как вкопанный...

Комната залита этим зеленоватым, чуть мерцающим светом, словно в лампу насыпали целую горсть «огневика» или вообще настал ясный день. В жизни такого не видел. За окном из низких черных туч прямо-таки сыпались ослепительные молнии, могуче грохотал гром, но по-прежнему не слышно ударов тугих струй по подоконнику, даже падения капель не слышно, и вопреки обычному

не пахнет грозовой свежестью, наоборот, воздух словно стал густым и вязким — но такое бывает исключительно перед грозой, и никогда во время грозы...

Тихо, знакомо скрипнув, отворилась дверь, открыв проем, залитый тем же зеленоватым, временами мерцающим непонятным светом, и в комнату...

Тарик едва не заорал, как маленький. В комнату вошла лесная пантерка, самая натуральная, какую он несколько раз видел в королевском зверинце: большая, чуть ли не по пояс взрослому, дикая кошка — короткая серая шерсть в черных полосах и пятнах, большие кисточки на стоячих ушах, короткий толстый хвост торчит вверх и ходит вправо-влево, в точности как у домашней разозленной кошки... Пантерка ступала бесшумно, неспешно, сторожко, словно по тонкому ледку, не сводя с Тарика желтых глаз с кошачьими зрачками, с хищной грацией словно бы переливалась по комнате, как вода, принявшая очертания пантерки. Оскалилась, показав белоснежные клыки, остановилась на полпути меж дверью и окном, не сводя с Тарика немигающих больших глаз, лучившихся отнюдь не добротой — рассудочной холодной яростью, от которой в животе похолодело и сердце словно бы замерло, а по спине поползли ледяные мураши...

Нестерпимо потянуло выпрыгнуть в окно и улепетывать куда глаза глядят, уж не стесняясь воплей, — но он не мог шелохнуться, лишь теснее вжимался поясницей в толстую доску подоконника и не чувствовал боли. В голове панически крутилось: так не бывает, такого не бывает...

Но голова оставалась ясной. «Откуда она взялась? — заполошно подумал Тарик. — Из королевского зверинца сбежала?» Но там все сделано так, что не убежишь: высокие железные решетки, каменная стена в два человеческих роста, ворота не ниже, смотрители бдят. В жизни не слышал, чтобы оттуда хоть один зверь сбежал — хищный или мирный. Говорили, что лет десять назад умный и хитрый обезьян с Южного Берега, недавно привезенный, ухитрился открыть засов и выбраться на свободу, но далеко не убежал: его там же, в

зверинце, заметили ночные смотрители, окружили, махая метлами и граблями, загнали назад в клетку, на которую пришлось повесить замок, какой и самый хитрющий обезьян без ключа не откроет. Студиозус Балле говорил, что это чистая правда, но не вся: обезьяна так легко окружили потому, что он, вздыбив достоинство, топтался у клетки землячки-обезьянхи, ничего вокруг не видя. «Еще одно печальное подтверждение избитой, но верной истины: бабы нас губят...» — добавил тогда Балле, и все, включая Тарика, захохотали...

Даже если допустить, что она исхитрилась сбежать из зверинца и незамеченной пробраться через полгорода сюда, почему не убежала в чистое поле, в леса, совсем близкие, как поступил бы всякий дикий зверь, почему залезла в дом?

И вдруг стало покойно, все страхи и ошеломление улетучились, испарились, сгинули без следа...

Он все еще спал, и пантерка ему снилась. Такое бывает, и с ним тоже случалось: иногда, стремясь выломиться из неприятного и кошмарного сна, не просыпаешься, а соскальзываешь, проваливаешься в другой сон, но тебе представляется, что ты проснулся, — и иногда закручивается кошмар еще похуже. Порой догадываешься, что сон продолжается, а порой и нет...

И все же... Как он ни пытался заставить себя в эту успокоительную разгадку поверить, никак не получалось. На поясницу больно давила широкая доска подоконника, а ноги ощущали нагретый за день солнечными лучами пол, и в воздухе стоял острый звериный запах — но во сне никогда такого не бывает...

И этот странный зеленоватый свет... Тарик сотворил знак Создателя, но все осталось по-прежнему. Были надежные, безотказные молитвы, вмиг прогоняющие нечистую силу, но Тарик их забыл начисто. В малышовые годочки он прилежно их читал перед сном, но давным-давно перестал: ни он сам, ни кто-то из его друзей никогда не сталкивались с нечистой силой, так что и молитвы помнить ни к чему, непригодны в жизни...

Все так же мотая коротеньким хвостом — он ходил размеренно, словно маятник часов, — пантера вдруг сказала:

— Боиш-шься, оголец? Верно поступаешь-шь, что боишь-шься...

Это было произнесено самым натуральным человеческим голосом, не искаженным, не загробным, как говорят иные оборотни в голых книжках. Голос, полное впечатление, был женским — ну да, пантерка стояла так, что Тарик видел отсюда: это не кошка, а именно что кошка.

В совершеннейшей растерянности он внезапно для самого себя спросил:

— Что тебе нужно, тварь?

Единственное, чем он мог владеть, — языком, вот и спросил, хоть и удивился говорящему зверю...

— Бляш-шку, — сказала пантерка. — Бляш-шку из Серой Крепости. Брось ее за забор или скажи где, я сама возьму. Подай мне, иначе откуш-шу погремуш-шки...

Бляшка лежала тут же, в верхнем ящике шкафчика, но Тарик и не подумал ее достать. Страх вытеснила злость, и он запальчиво воскликнул:

— Беса тебе плешивого! Это я нашел! Чур, на одного! Твоя она, что ли? Ври больше! Кто нашел, тот и хозяин!

— Отдай бляш-шку. Где она? Погремуш-шки откушу, до смерти заем...

Ага, где бляшка, она не в состоянии углядеть! Пугает, а ведь десять раз могла накинуться... Понемногу возвращалась уверенность в себе, и Тарик, почувствовав, что может шевелить руками, переступать с ноги на ногу, владеть всем телом, осененный внезапной мыслью, отчаянным рывком бросился к шкафчику, но, разумеется, и не подумал выдвинуть ящик с бляшкой. Присев на корточки, распахнул дверцу, стараясь не поворачиваться к пантерке спиной, на ощупь выхватил увесистый сверток, развернул. Стряхнув ножны на пол, выпрямился с тяжелым кинжалом в руке — вот чудеса, ему показалось, что затейливые серебряные узоры словно бы ожили, колыхаясь.

Пантерка попятилась к двери, остановилась, сказала:

— Ну ладно, ты смелый мальчуган... Хочешь за бляшку золота? Много золота, ты столько и не видел. Хочешь-шь?

— Засунь свое золото себе в задницу, — сказал Тарик, неуклюже выставив кинжал перед собой. — А утром вместо золота окажутся конские катыши или черепки? Читывал я про такое...

Он понемногу обретал уверенность в себе, возвращались смелость и азарт. Десять раз могла броситься, вон какие зубищи! Но пятится к двери, тварюга, — значит, пугает... Уже не боясь, он крикнул, широко взмахнув кинжалом:

— Убирайся отсюда, тварь бесхвостая!

Пантерка зашипела, но с места не двинулась. Охваченный боевым задором, — видели бы его друзья и старший брат! — Тарик с молодецким воплем, сделавшим бы честь самому Дастеру, размахнулся кинжалом, словно косой...

Он хотел, будто топором, рубануть бесхвостую кошку по башке, но не было к тому никакого навыка, и широкое лезвие, пройдя над головой, помимо всяких намерений Тарика смахнуло левое ухо с пышной кисточкой...

Тарик отпрянул, а пантерка, издав хриплый нечленораздельный вопль, в котором мешались злость и боль, все так же бесшумно, шипя и клокочуще рыча, метнулась в коридор и пропала с глаз — будто растаяла, не видно было, чтобы она кинулась к двери. За окном вспыхивали молнии, но гораздо реже, и не таким оглушительным стало могучее ворчание грома — то ли гроза отдалялась, то ли стихала. И по-прежнему не упало ни единой капли дождя...

Тарик стоял, ощущая сотрясавшую все тело противную дрожь, опустив руку с кинжалом, ставшим невероятно тяжелым, будто гиря из отцовской лавки. На пережитый непонятный страх (да что там страх — ужас!) отзывалось только тело, а голова была ясная, мысли не путались и не скакали сплошными зайцами, и он чувствовал себя победителем. Он ввязался в схватку с чем-то диковинным, сразу верилось, что опасным, — но не дрогнул, не потерял себя в панике, победил...

Гордости не было — только невероятная усталость, словно в одиночку разгрузил баржу, полнехонькую мешками с зерном. Навалилась неодолимая сонливость, пальцы разжались, кинжал тяжело стукнулся о крашенные доски пола. Тарик шагнул к постели, лицом вниз рухнул на смятые простыни и, словно не было раскатистого ворчания грома, провалился в беспробудный сон, как в глубокую стоячую воду...

ГЛАВА КОРОТКАЯ, НО ОЧЕНЬ ВАЖНАЯ

Когда он проснулся, привычно определил, что стоит раннее утро. Ясное утро, солнечное: был виден с кровати кусочек лазурного безоблачного неба над соседскими крышами и огород. Тарик в первый миг подумал, что все-таки придется долго проторчать у колодца: никак не похоже, что был ливень.

Потом он вспомнил. Показалось сначала, что это был приснившийся очередной кошмар, разве что с подробностями, каких в обычном кошмаре не бывает. Но увидел на полу возле кровати смятую холстину, пустые ножны и кинжал.

Вылез из постели, подошел к тому месту, где стояла пантерка, когда кинжал отсек ей ухо. Согнулся в три погибели и тщательно осмотрел пол. Нигде не валяется отрубленного зверячьего уха, и засохших пятен крови не видно — и все-таки, раз он достал из шкафчика кинжал, значит, и таинственная пантерка, говорившая по-человечески, была?

Чуть ли не на четвереньках ползая по невыметенному полу, смотрел во все глаза — и увидел-таки в двух местах косые короткие царапины: совсем свежие, четко выделявшиеся на старой коричневой покраске пола. Медленно выпрямился с совершеннейшим сумбуром в голове. Значит, пантерка все-таки приходила наяву. Входя, она вытягивала когти, как любая кошка, а когда лишилась уха, от боли на миг их выпустила, скребанула по доскам, вот и остались следы —

об этом легко догадаться, даже не будучи егерем или охотником. Пантерка приходила...

Сумбур как-то быстро исчез, голова стала ясной, вернулось трезвомыслие — но Тарик долго еще сидел на кровати в тягостной задумчивости. Делать ничего не следует — совершенно не представляешь, что можно сделать. Рассказать никому нельзя — не поверят. Разве что отец Михалик... Но к нему идти с этим как-то не тянет — чего доброго, попадешь на глаза загадочным Гончим Создателя, а они пугают в первую очередь тем, что о них ничегошеньки не известно, одни пересуды и слухи, которым нет особенной веры. У художника Гаспера речь о них никогда не заходила — это о Тайной Страже изредка рассказывали байсы, которых Тарик поначалу пугался, но потом привык, хоть и никому их не пересказывал...

Что выходит? А выходит то, что не следует ни дергаться, ни расстраиваться, и вообще обо всем этом лучше не думать. Жизнь продолжается, и впереди полно обычных забот и раздумий, а самый животрепещущий и насущнейший вопрос: чем кончится у Байли завтрашняя долгая прогулка с Тами?

Тщательно завернув кинжал в холстинку, Тарик убрал его на прежнее место и достал все-таки бляшку, осмотрел ее со всех сторон, подержал на ладони. Ну, скажите на милость, что в ней такого ценного, что за ней заявилась загадочная пантерка? Очень может быть, что это не имеет отношения к нечистой силе: есть еще Белое Чародейство, про которое ничего толком неизвестно, кроме того, что оно, в противоположность Черному Злу, не то что одобряется Создателем, но, безусловно, им терпимо как приносящее порой людям пользу...

Бляшка смиренхонько лежала на ладони — загадочная, непонятная, но мирная, такое уж возникало впечатление. Что любопытно, пантерка не могла отыскать ее сама: требовала отдать ей или выкинуть за забор, где бляшка станет бесхозной. Но нет никакого толку ломать над этим голову, все равно разгадки не доищешься...

Положив бляшку обратно в ящик и ощутив обычные утренние позывы, Тарик оделся в домашнее и босоногим направился в

нужный домик на задах огорода. В доме все явно еще спали. Сделав свои дела, он остановился у забора, отделявшего огород покойного дядюшки Пайоля: как водится меж добрыми соседями, не высокого и не сплошного дощатого, а редкого штакетника Тарику по пояс. Черныш туда не пролезет, а котофеи и ежики к соседям ходят запросто, и никто против этого не возражает, потому что сплошная польза: котофеи ловят и своих мышей, и соседских, и так же ежики, не разбирая границ владений, изничтожают огородных вредителей...

На краю, у забора, росла двумя рядочками дюжина развесистых ореховых кустов, усыпанных незрелыми еще крупными орешками в зеленой кожуре. Урожай и в этом году ожидается богатый.

Вот это и есть ближайший житейский вопрос, занимающий сейчас больше всего: как теперь будет с орешником? Добрый дядюшка Пайоль Малышей к кустам не допускал (они по неразумию могли попортить ветки), но все Недоросли и Школяры с улицы Серебряного Волка могли нарвать себе мерку спелых орехов, так что ни единого не оставалось. Взамен, из чистой благодарности, они помогали ухаживать за огородом. Дядюшка Пайоль говорил с улыбкой: мало у него осталось зубов, чтобы грызть орехи, а варенья из молодых зеленых орехов он никогда не любил.

Как же теперь распорядится орешником бабушка Тамаж? О заведенном дядюшкой Пайолем обычае она очень быстро узнает, поближе сойдясь с соседями, — о нем знает вся улица. Но это ее ни к чему не обязывает, теперь орешник принадлежит ей. Если решит продавать на ближнем рыночке спелые орехи или варенье из недозревших — ничего тут не поделаешь: она будет в своем праве. И такой большой орешник один на улице Серебряного Волка — ореховые кусты есть далеко не у всех, а если у кого и растет один-два кустика, то плодоносят они плохо (и у родителей Тарика тоже). Дядюшка Пайоль явно знал какой-то огороднический секрет, а ими огородники ни с кем не делятся, это семейные тайны...

Негромко скрипнула дверь, из своего нужного домика вышла бабушка Тамаж, и Тарик собирался поскорее отвернуться, сделать

вид, что поутру по-хозяйски озирает свой огород (крайне неполитесно пялиться на человека, когда он заходит в нужный домик или выходит из него, это даже малые дети знают).

И застыл, неполитесно таращась в ошеломлении.

Их разделяло совсем невеликое расстояние, и он видел все...

Бабушка Тамаж была в том самом платье, но без чепца. Ее голову охватывала повязка из чистой белой холстинки, этакая шапочка, и прекрасно было видно, что над одним ухом она бугрится, как и положено, а против другого так плотно прилегает к голове, словно уха нет. Совсем нет, будто его отрезали под корень.

Левого уха нет!

Тарик стоял столбом, ничего еще не соображая толком, — а бабушка Тамаж, не остановившись, не задержавшись, прошла мимо, бросив на Тарика пристальный цепкий взгляд.

Что это был за взгляд... Невыносимо злобный, исполненный ярости и такой ненависти, так что у Тарика холодок по спине прошел и сердце неудобно повернулось. Словно бы даже взгляд не человеческий, а...

Наберусь смелости и закончу: звериный. Куда-то подевалась прежняя добродушнейшая бабушка. Ее блекло-синие глаза ничуть не походили цветом на желтые глазищи ночной гостьи, но это был тот же самый взгляд, никаких сомнений...

— Чтоб ты сдох, пащенок... — пробормотала старуха, уходя.

Тарик смотрел ей вслед все так же оцепенело. Он еще не привел в порядок скакавшие беспорядочно мысли, но откуда-то всплыло и угнездились твердое знание: прежней спокойной и большей частью беспечальной его жизни на улице Серебряного Волка неожиданно-негаданно настал конец, и неведомые серьезные невзгоды придвинулись вплотную ясным солнечным утром...

Красноярск, июль 2023

* * *

О дальнейших приключениях Тарика и его друзей, об их попытках бороться со злом, прокрававшимся на тихую окраинную улицу, вы узнаете из романа «Зачарованное озеро» — совсем скоро.

*В тексте романа использованы стихи
Роберта Бернса,
Юлия Кима
и Геннадия Прашкевича*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Испытания	3
Глава 2. Долгая дорога домой	18
Глава 3. Что можно увидеть в Городе	37
Глава 4. Тарик все еще идет домой	54
Глава 5. Милая сердцу Зеленая Околица	98
Глава 6. Славная улица Серебряного Волка	124
Глава 7. Радости и печали родной улицы	148
Глава 8. Дома и на родной улице	187
Глава 9. Дела повседневные и приключение	222
Глава 10. Серая Крепость как она есть	254
Глава 11. Манящие паруса и невеселые загадки	279
Глава 12. Тихий вечер и бурная ночь на улице Серебряного Волка	325
Глава короткая, но очень важная	375

Литературно-художественное издание

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ТЕНИ В ТЕМНЫХ УГЛАХ

Гроза над крышами

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Тираж 4000 экз. Заказ № ВЗК-00783-24.

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50
Изготовлено в России. Дата изготовления: 02.2024.
Срок годности не ограничен.
Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
Филиал «Дом печати – ВЯТКА»
Юридический адрес: 115054, Россия,
г. Москва, ул. Валовая, д. 28
Фактический адрес: 610033, Россия, Кировская область,
г. Киров, ул. Московская, д. 122